

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ “НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

Основана в 1959 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

А.Л. Янин (председатель), *Э.Н. Мирзоян* (зам. председателя),
В.М. Орел (зам. председателя), *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
В.П. Борисов, В.П. Визгин, В.Л. Гвоздецкий, А.А. Гуриштейн,
С.С. Демидов, Г.М. Идлис, С.С. Илизаров, Э.И. Колчинский,
В.Н. Краснов, В.И. Кузнецов, Н.К. Ламан, Б.В. Левшин,
К.В. Манойленко, А.В. Постников, В.Н. Сокольский,
Ю.И. Соловьев, Ю.Я. Соловьев

В.В. Синюков

**Александр Васильевич
КОЛЧАК
КАК
исследователь
Арктики**

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН,
президент Ассоциации полярников
А.Н. ЧИЛИНГАРОВ

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 913(929) А.В. Колчак
ББК (21)
С 38

Рецензенты:

доктор географических наук Н.А. АЙБУЛАТОВ,
кандидат военно-морских наук, капитан 1-го ранга В.Н. КРАСНОВ .

Синюков В.В.

Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. – М.: Наука. – 2000. – 325 с., ил. – (Научно-биографическая литература)
ISBN 5-02-002377-9

Книга посвящена исследователю Арктики Александру Васильевичу Колчаку, получившему за эти работы почетную приставку – “Полярный”. А.В. Колчак принимал участие в Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг. в качестве гидролога, картографа, гидрохимика и магнитолога. Он возглавил Спасательную экспедицию, снаряженную для поисков начальника Русской полярной экспедиции Э.В. Толля, астронома Ф. Зееберга и двух поморов-проводников, в тяжелых условиях выполнив всю намеченную программу. Широко известен опубликованный им фундаментальный труд по гляциологии “Лед Карского и Сибирского морей”. По инициативе А.В. Колчака были построены специально для научных исследований суда “Таймыр” и “Вайгач”. Под командой А.В. Колчака в 1910 г. “Вайгач” совершил плавание с научными целями к Берингову проливу.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей полярных исследований.

ТП–1999-1-215

Sinyukov V.V.

Alexander Vasilievich Koltchak as an Arctic explorer. – M.: Nauka. 2000. – 325 p.: ill. – (Scientific and Biographical Series)
ISBN 5-02-002377-9

The present book is dedicated to the Arctic explorer A.V. Koltchak, who got a honorary addition “Polar” to his name. A.V. Koltchak took part in the Russian Polar Expedition of 1900–1903 as a hydrologist, cartographer, hydrochemist, magnetologist. He headed the rescue expedition to search for the commander of the Russian Polar Expedition E.V. Toll, astronomer F. Zeeberd and two local guides. The fundamental work of A.V. Koltchak on glaciology “Ice of Kara and Siberian Seas” is widely known. On A.V. Koltchak’s initiative the vessels “Taimyr” and “Vaigach” were built specially for scientific investigations; under his command “Vaigach” navigated to Bering Strait in 1910.

For the wide circle of readers, interested in history of polar explorations.

ISBN 5-02-002377-9

© Издательство “Наука”, 2000

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2000

Предисловие ответственного редактора

Александр Васильевич Колчак – удивительно сложная, противоречивая, спорная и во многом еще не раскрытая личность. Но есть в его биографии страницы, овеянные героической романтикой, пронизанные мужеством отважного полярника и целеустремленностью ученого. Они связаны с ранним периодом жизни и деятельности лейтенанта А.В. Колчака.

Александр Колчак мечтал продолжить исследования, начатые Русской южно-полярной экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева 1819–1821 гг., открывшей Антарктиду в январе 1820 г.

В годы обучения в Морском кадетском корпусе Колчак стремился первым побывать на Южном полюсе, но ему не удалось опередить великих южно-полярных первопроходцев. В 1911 г. (14 декабря) экспедиция Руаляда Амундсена уже достигла Южного полюса, а чуть позднее (18 января 1912 г.) здесь побывал Роберт Скотт, погибший на обратном пути.

В наши дни исследования Антарктиды были продолжены в связи с Международным геофизическим годом в 1957/58 г. советскими экспедициями под руководством М.М. Сомова на специальных судах “Обь” и “Лена”. В 1956 г. в восточной Антарктиде на Берегу Правды была создана научная обсерватория “Мирный”, более сорока лет проводившая различные наблюдения на шестом континенте.

Так из поколения в поколение русские полярные экспедиции накапливали опыт проведения исследований в высоких широтах, осваивая некогда недоступные и малоизученные области вечного холода. Природные ресурсы, особенно в Арктике, давно привлекали внимание человека, а разведка нефтегазоносных месторождений в Заполярье имеет в настоящее время большое государственное значение.

Более ста лет назад геолог Э.В. Толль говорил о необходимости изучения природных богатств Крайнего Севера России. Американская экспедиция Де-Лонга обнаружила залежи бурого угля на о-ве Беннетта, и это дало Толлю основание предположить, что третичные угленосные пласты о-ва Новая Сибирь простираются до о-ва Беннетта и могут иметь продолжение на легендарной Земле Санникова.

Под началом Э.В. Толля Русская полярная экспедиция уходит в Арктику для изучения островов и акваторий Восточной Сибири. Участником этой многообещающей экспедиции становится 25-летний лейтенант А.В. Колчак, выдержавший строгий конкурсный отбор и заслуженно опередивший других претендентов, стремившихся попасть в научный состав арктических первопроходцев.

Итак, Александр Колчак на шхуне “Заря” уходит в долгое трехгодичное плавание (1900–1902) в Северный Ледовитый океан и прилегающие морские акватории. Для молодого лейтенанта это, конечно, было событием первостепенной важности, о такой экспедиции он мечтал многие годы. Пройдя соответствующую подготовку, А.В. Колчак овла-

дел несколькими специальностями, необходимыми для океанолога. На исследовательском судне и во время зимовок он успешно проводил гидрологические, гидрохимические, гляциологические и магнитные измерения. Занимался также геодезической съемкой местности и картографией, выполнял метеорологические наблюдения, приобретая все больший опыт полярного исследователя.

В 1903 г. А.В. Колчак возглавил связанную с большим риском для жизни Спасательную экспедицию, отправленную на поиски барона Э.В. Толля и его трех спутников, которые недостаточно обеспеченные провиантом и теплой одеждой ушли со шхуны “Заря” на о-в Беннетта в июне 1902 г. Многие полярники говорили А.В. Колчаку, что просто безумие с его стороны пускаться в плавание по Северному Ледовитому океану на шлюпках...

Однако, блестяще преодолев многие трудности, А.В. Колчак и шесть его спутников достигли о-ва Беннетта и обнаружили там оставленные Э.В. Толлем и его группой документы и геологические коллекции. Некоторые из них доставили в Императорскую академию наук.

Вернувшись с о-ва Беннетта в Якутск, А.В. Колчак узнал о начале русско-японской войны и немедленно запросил разрешение отправиться в Порт-Артур. В телеграмме он так и писал: “Иду на войну...”. Как офицер и патриот он видел себя среди защитников Порт-Артура. Это для него было уже делом чести. Воспитанный на героических примерах таких выдающихся сынов Отечества, как П.С. Нахимов, Ф.Ф. Ушаков, В.А. Корнилов, В.И. Истомин и многие другие, он не мог вести себя и думать иначе.

После завершения военных действий А.В. Колчак на длительное время был откомандирован в Академию наук и продолжил работу над монографией “Лед Карского и Сибирского морей” – этим выдающимся трудом, получившим мировое признание. Императорское русское географическое общество в лице вице-председателя П.П. Семенова-Тян-Шанского и таких известных академиков, как М.А. Рыкачев, Ф.Н. Чернышев, В.И. Ламанский, Ф.И. Щербатский, членов-корреспондентов Н.И. Веселовского, Н.Я. Цингера, 30 января 1906 г. единогласно присудили А.В. Колчаку за его географический подвиг высшую награду Общества – Большую Константиновскую золотую медаль.

В последующие годы по инициативе А.В. Колчака начинается строительство ледоколов “Вайгач” и “Таймыр” для Главного гидрографического управления в связи с освоением Северного морского пути. В 1910 г. А.В. Колчак, командуя ледоколом “Вайгач”, совершил плавание к Берингову проливу, выполнив большую программу по описанию берегов, промеру глубин и гидрологическим исследованиям.

Автору книги В.В. Синокову удалось обнаружить уникальные архивные документы, среди них: оригинал лекций А.В. Колчака, прочитанных в Иркутском географическом обществе (1903 г.), автограф отчета А.В. Колчака председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту (1903 г.), представление П.П. Семенова-Тян-Шанского о награждении А.В. Колчака Большой Константиновской золотой медалью (1906 г.). Копии еще ряда важных

документов, относящихся к научной деятельности А.В. Колчака и раскрывающих его многогранную личность, приводятся в различных главах и в Приложениях.

Автор книги В.В. Синюков рассказывает о научной деятельности А.В. Колчака, которая до сих пор не получила заслуженной оценки, так как жизнь его была подчас наполнена драматическими эпизодами, связанными с исключительно сложными и широко известными событиями политического характера.

Деятельность А.В. Колчака как исследователя Арктики заслуживает самого глубокого анализа и тщательного отбора фактов, раскрывающих малознакомый широкому читателю период жизни и деятельности “полярного мыслителя”, что, по моему мнению, автору книги удалось сделать.

Книга написана живо и интересно, в основу ее положены архивные документы, строго и точно отражающие многие события, которые замалчивались несколько десятилетий и, по существу, составляют национальную гордость отечественной науки.

Публикация данной книги, несомненно, поможет научной реабилитации А.В. Колчака и раскроет читателю непростую картину его жизни, насыщенной научными изысканиями, направленными на изучение обширного района Русской Арктики и на решение важной проблемы освоения Северного морского пути.

А.Н. Чилингаров.

Герой Советского Союза, президент Ассоциации полярников,
заместитель председателя Государственной Думы

От автора

В нашей стране имя А.В. Колчака знакомо, вероятно, каждому. Первое, что вспоминается при этом имени, – гражданская война в России, интервенция, контрреволюция.

В советских научно-исторической литературе, учебниках истории и энциклопедиях долгие годы мы могли прочитать, что адмирал А.В. Колчак – ставленник Антанты, один из самых непримиримых врагов советской власти – объединил силы контрреволюции в Сибири и на Урале, при поддержке кадетов, белогвардейских офицеров и интервентов произвел переворот и установил военную диктатуру, приняв титул Верховного правителя России и звание Верховного главнокомандующего сухопутными и морскими силами. После разгрома белогвардейских войск по постановлению иркутского Военно-революционного комитета расстрелян 7 февраля 1920 г.

Такого А.В. Колчака и знает большинство из нас.

Предлагаемая читателю книга покажет широкой научной общественности и всем тем, кто интересуется историей полярных исследований, другого А.В. Колчака, а именно: географа, океанолога, путешественника, патриота, отдавшего много сил изучению сибирской Арктики.

А.В. Колчак обладал изумительными человеческими качествами – высокая порядочность и честность сочетались с удивительной личной скромностью. За несколько дней до расстрела он говорил: “С 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении”.

Чем глубже и детальнее знакомишься со сложными, драматичными жизненными коллизиями А.В. Колчака, тем острее и сильнее переживаешь весь ужас трагического исхода его короткой жизни.

А.В. Колчак смолоду мечтал открыть Южный полюс, но судьба распорядилась иначе, и он многие годы своей жизни отдал Арктике. Он – автор фундаментальной монографии по гляциологии “Лед Карского и Сибирского морей”¹. Эта прекрасная книга молодого и увлеченного наукой лейтенанта Колчака не утратила научной ценности и в наши дни. Свои исследования А.В. Колчак проводил, рискуя жизнью, как в открытом море, так и пройдя на ездовых полярных собаках или пешком многие сотни километров. Вся его научная деятельность – это непрерывный подвиг. Императорская академия наук 22 марта 1906 г., об-

¹ Сибирское море в конце XIX в. называлось морем Норденшельда, с 1920-х годов – морем Лаптевых.

судив результаты научных исследований А.В. Колчака на заседании Отделения физико-математических наук, доложенных академиком Ф.Б. Шмидтом, постановила издать его “Ледовую книгу” в “Записках Академии наук”. Труд “Лед Карского и Сибирского морей” был опубликован в 1909 г., а спустя два десятилетия Географическое общество США перевело и издало главу “Арктический пак и полынья” из его книги в специальном выпуске сборника “Проблемы полярных исследований” (1928. № 7).

Монография А.В. Колчака семь десятилетий находилась под строжайшим запретом и значилась в списке книг, “навечно” упрятанных от глаз читателей. Если внимательно просмотреть научную литературу, изданную за годы советской власти по теме “Монография”, то можно увидеть, что ни один из авторов – от лаборанта до академика – не рискнул дать ссылку на фундаментальный труд А.В. Колчака. А работа эта заслуживает особого внимания.

В монографии впервые сформулированы четыре главные фазы образования и развития морского льда, кристаллизующегося из соленой воды Северного Ледовитого океана, намечены основные контуры направлений движения арктического пака под влиянием вод, проникающих отдельными струями из Атлантического океана вплоть до Берингова пролива. Особое внимание он уделил розе ветров, считая ее определяющим фактором, обуславливающим направление движения арктического пака на север от Новосибирских островов и далее к Гренландии (маршруты дрейфа “Фрама” и “Жаннетты”).

Изучив материалы дрейфа судов различных арктических экспедиций, А.В. Колчак приходит к выводу, что арктический пак в Центральном арктическом бассейне движется по часовой стрелке. Движение это происходит как бы по вытянутому эллипсу, головная часть которого упирается в архипелаг Франца-Иосифа, хвостовая – приближается к мысу Барроу на северном побережье Аляски. В дальнейшем будем называть предложенную Колчаком схему движения арктического пака гипотезой большого эллипса. Подробнее на этом вопросе остановимся в главе 8.

В научный оборот А.В. Колчаком введен ряд терминов, в частности “стамуха”, т.е. айсберг или глыба льда, севшие на мель. Некоторые из стамух, имеющих большую площадь, иногда ошибочно принимались полярниками за вновь обнаруженные острова.

Начальник Русской полярной экспедиции барон Э.В. Толль в июне 1902 г. покинул шхуну “Заря” и вместе с астрономом Ф.Г. Зеебергом и двумя проводниками ушли в маршрут, пытаясь достигнуть о-в Беннетта, и пропали... навсегда. Императорская академия наук назначила А.В. Колчака начальником Спасательной экспедиции, и он, мобилизовав весь свой организаторский талант, вместе с шестью спутниками отправился в отчаянное плавание на вельботе по Северному Ледовитому океану к о-ву Беннетта.

Президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович Романов в служебной записке на имя морского министра А.А. Бирилева писал: “Тяжелая и ответственная экспедиция эта

была поручена лейтенанту Колчаку, который выполнил свою миссию блистательным образом, пройдя на вельботе пространство океана, отделяющее Новосибирский архипелаг от острова Беннетта, вполне благополучно и добыв с последнего в высшей степени важные документы, оставленные там партией барона Толля. Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпало с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот счел своею нравственной обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего начальства прямо из Якутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале 1905 г. в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма. Надорванное состояние здоровья лейтенанта Колчака было признано врачами, почему он был отправлен для лечения на воды, а затем уволен в отпуск по 29 декабря текущего года (1905. – В.С.) для дальнейшего поправления здоровья. В настоящее время последнее далеко еще не поправилось, и дать время окончательно ему восстановиться является, по моему мнению, совершенно необходимым, тем более, что лейтенант Колчак утилизирует время с начала сентября в высшей степени производительно”¹.

Известный палеонтолог академик Ф.Н. Чернышев, знающий условия работы в северных широтах не понаслышке, а из собственного опыта, сказал, что даже потомки викингов и норманнов, морские первопроходцы “норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А.В. Колчак”. Ф.Н. Чернышев незадолго до этого вернулся с островов архипелага Шпицберген, где работал в русско-шведской экспедиции по градусному измерению, он был руководителем группы специалистов из Санкт-Петербурга.

А.В. Колчак свои исследования в Арктике начал в 25 лет и проводил их настолько успешно, включая и Спасательную экспедицию, что крупнейшие ученые Императорского русского географического общества (ИРГО) во главе со знаменитым П.П. Семеновым-Тян-Шанским присудили лейтенанту А.В. Колчаку единогласно на заседании Совета ИРГО 30 января 1906 г. “за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, свою высшую награду – Константиновскую медаль”². Колчак-Полярный – так стали называть его коллеги и соратники. Среди выдающихся полярных исследователей, награжденных золотой медалью, А.В. Колчак был четвертым. Ранее ее вручили Н.А.Э. Норденшельду в 1879 г., Н.Д. Юргенсу в 1885 г. и Ф. Нансену в 1897 г.

А что же дальше? Дальше его ждали Главный морской штаб, война с немцами на Балтике, долгожданный мундир адмирала, трудная

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 893. Л. 149, 150.

² См. далее автограф П.П. Семенова (см. с. 206); с середины 1906 г. – П.П. Семенов-Тян-Шанский.

миссия командующего Черноморским флотом, необыкновенная, возвышенная любовь...

И вот в его жизнь ворвался безумный 1918 год! Все закружилось, завертелось: эсеры, кадеты, большевики, меньшевики... У всех своя политическая платформа, совершенно отличная от других, но единая в одном: все за революцию. В этой круговерти А.В. Колчак принимает чуждый ему трон Верховного правителя России, и трагический финал после пятнадцатимесячного правления подстерег его у молчаливой проруби опечаленной Ангары...

Предлагаемая читателю книга – это первая попытка дать достаточно полную картину (если удалось) научной деятельности Александра Васильевича Колчака. В исторической литературе о А.В. Колчаке его научным исследованиям уделено пока еще очень немного внимания. Этот огромный и малознакомый читателю пласт его жизни требует своих первопроходцев. Им предстоит еще проложить новые штреки в монолите крепкой породы, которая была укрыта не в недрах земли, а в недрах спецхрана, где практически находилась многие десятилетия вся литература о Колчаке.

Арктическая деятельность А.В. Колчака во многих научно-исторических эссе оказывается отброшенной на задворки политических баталий 1917–1920-х годов. А ведь полярным исследованиям Колчак посвятил полтора десятилетия своей жизни, а политическим “играм” в его судьбе отведено всего лишь год с четвертью, но этот небольшой отрезок времени заслонил лицо патриота России, выдающегося ученого и талантливого флотоводца.

Книга содержит восемь глав и эпилог, включающий материалы допроса А.В. Колчака, изданные в 1923–1925 гг.

Последний раздел представлен несколькими Приложениями, которые содержат копии подлинных документов, хорошо передающих колорит тех времен и живое дыхание эпохи, когда молодой мечтательный Колчак, вдохновленный романтикой дальних странствий, взошел по трапу на первое в своей жизни научно-исследовательское судно “Заря”... Так начинался для Колчака 1900 год. В Приложениях имеется документ, относящийся именно к этому году...

Если автору удалось хоть немного подняться по бесконечной лестнице, которая ведет к раскрытию лучших сторон биографии великого полярного исследователя Александра Васильевича Колчака (лейтенанта Колчака), то этим я прежде всего обязан людям, помогавшим мне в работе и поддержавшим в минуты сомнений, которые трудно избежать, работая над книгой-биографией такого неординарного человека, каким является, по выражению барона Будберга, “вспыльчивый идеалист, жизненный младенец и полярный мечтатель” А.В. Колчак¹.

Автор благодарит всех, кто помог ему в подготовке к изданию этой книги:

– З.И. Шептунову и ее брата А.И. Шептунова за поддержку и внимание в предоставлении своей московской квартиры, где автор в ти-

¹ Барон Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 224.

шине и уюте “писательского кабинета” смог завершить свой нелегкий труд.

– Н.И. Быстрову за расшифровку всех рукописных документов (писем Колчака), перевод с английского и их перепечатку.

– О.А. Соколову, И.В. Лерман и В.С. Астахову за оказание большой помощи в перепечатке различных материалов, доброе отношение и моральную поддержку.

– Льва Сахара, Галину Гессен и их внучку Юленьку – моих санкт-петербургских друзей, приютивших автора в своей двухкомнатной квартире и создавших автору благоприятные условия для напряженной творческой работы в холодных архивах Санкт-Петербурга.

– С.Г. Сивкову – директора Музея Мирового океана в г. Калининграде и ее заместителя В.Л. Стрюка за ознакомление с важными документами о А.В. Колчаке и передачу автору их копий.

– Т.З. Григорян за квалифицированную перепечатку и предварительный просмотр рукописи и ее молодых помощников Карину и Глеба Швецовых.

– Василия Синюкова, Сергея Клюнина и Максима Клочкова за воспроизведение и реставрацию многочисленных фотографий.

– Б.В. Волостных, предоставившего автору ряд дополнительных сведений о полярных исследованиях А.В. Колчака.

– Дочь Ирину Синюкову за постоянную помощь на всех этапах создания этой книги, а также за ее вкусные ужины, придававшие мне силы для творческих поисков.

– З.К. Соколовскую, ученого секретаря серии “Научно-биографической литературы”, за ее оптимизм и высокий профессионализм, ценные советы, моральную поддержку.

– Архангельского краеведа Л.С. Бойко, оказавшего большое содействие в поисках различных архивных документов, относящихся ко времени организации Спасательной экспедиции в январе–феврале 1903 г., когда А.В. Колчак посетил Архангельск и Мезень.

– Коллектив Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, особенно Отдел истории химико-биологических наук – моих коллег-соратников за создание “творческого микроклимата”.

– Доктора химических наук Д.Н. Трифонова, внимательно прочитавшего рукопись и внесшего полезные замечания.

– Рецензентов – доктора географических наук профессора Н.А. Айбулатова и кандидата военно-морских наук В.Н. Краснова, которые помогли автору улучшить некоторые разделы.

– Доктора экономических наук В.М. Орла за внимательное отношение, ненавязчивые рекомендации и большую финансовую поддержку.

– Руководство Российской государственной библиотеки и коллектив сотрудников, а именно: заместителей директора РГБ Н.И. Хахалеву и Н.Е. Березину, ведущего библиотекаря О.И. Карабанькову за большую помощь в получении редких материалов и содействие в организации снятия с них копий.

– Кандидата экономических наук Александра Николаевича

Пешкова за безвозмездную финансовую поддержку. Выражаю ему свою глубокую признательность и искреннюю благодарность за возможность сохранить Приложения, включающие уникальные материалы, впервые обнаруженные автором в архивах Санкт-Петербурга.

– Героя Советского Союза, заместителя председателя Государственной Думы, президента Ассоциации полярников Артура Николаевича Чилингарова, взявшего на себя трудную и смелую миссию ответственного редактора книги.

В 2000 г. исполнилось 100 лет экспедиционной деятельности первого научно-исследовательского судна Российской академии наук¹. Шхуна “Заря” открыла новую страницу в истории научного академического флота, положив начало широкому использованию экспедиционных судов при выполнении комплексной программы изучения Мирового океана в XX в. Участники Русской полярной экспедиции первыми вступили на палубу “Зари”, и самым молодым научным сотрудником был Александр Колчак.

16(4) ноября 1999 г. исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося полярного исследователя Александра Васильевича Колчака, и мы рады отметить это событие изданием книги и раскрыть еще одну страницу его жизни.

* * *

Совсем недавно произошло знаменательное событие. Вечером 20 сентября 2000 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин побывал в гостях у лауреата Нобелевской премии писателя Александра Исаевича Солженицына.

Журналист Серафим Знаменский в газете “Коммерсант” так комментирует эту встречу²: «В дом Солженицына в подмосковном Троице-Лыкове Президент Путин и его жена Людмила приехали около восьми часов вечера. “Я прочитал вашу записку, и после этого у меня возникло желание встретиться”, – сказал Президент, вручая чете Солженицыных букет цветов. “У меня тоже было такое желание”, – признался писатель. После этого мужчины прошли в библиотеку, оставив женщин в гостиной. Как сказала супруга Солженицына Наталья Дмитриевна, “нам будет о чем поговорить, ведь я тоже филолог”.

О чем говорили Путин и Солженицын за дверями библиотеки, осталось между ними. Телеканалы показали лишь несколько кадров, снятых президентским оператором, на которых писатель показывает главе государства портреты Столыпина и Колчака, называя их “самыми великим деятелями России”».

¹ См.: Синюков В.В. Первенец академического флота / Вестн. РАН. 2000. Т. 70, № 12. С. 1005–1010.

² Знаменский С. Встретились главный писатель и главный читатель // Газета “Коммерсант”, № 176 от 21 сентября 2000 г. С. 2.

Годы детства. Родители. Род Колчаков. Годы учебы

Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано его имя в летописи Русской земли.

Иван Бунин.

Памяти адмирала А.В. Колчака // Газета.
"Общее дело". Париж. 7 февр. 1921 г.

...Он оказался трагически незащищенным, как падающие звезды на далеком небосклоне, сгорающие на наших глазах. Ах, звезды, звезды! Ведь и впрямь вам так мало отпущено, если вы слишком горите...

Из сб.: На суше и на море. 1992. С. 229.

Начало жизненного пути. Эпоха Александра II

В ту осень часто шли дожди, на Неве в густом тумане рыдали сирены кораблей, они расходились левыми бортами, настороженно пыхтя и тревожно сигналивая, пытаась разорвать тяжелый, с терпким запахом гниющих водорослей осенний туман...

4(16) ноября 1874 г. у Ольги Ильиничны Колчак родился мальчик, первый ребенок в семье. Его нарекли Александром. Мальчику уготована была судьба неординарной личности, в будущем он познает Великую Славу и Великое Бесславию.

Семья Колчаков занимала в Санкт-Петербурге семикомнатную квартиру недалеко от мрачного Обуховского завода в казенном четырехэтажном доме № 6 по Поварскому переулку¹. Квартира под таким же номером (6) находилась на четвертом этаже. Чудаки говорили, что две шестерки, составляющие в сумме дюжину, – счастливое предзнаменование. Ах! Если бы...

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота сохранилось метрическое свидетельство (приводим его ниже), востребованное родителями в 1882 г., лишь через шесть лет после рождения сына Александра².

С детства Александр рос любознательным мальчиком, в юности много читал, был полностью поглощен учебой, мечтал совершить путешествие в Антарктиду, первым открыть Южный полюс.

¹ Дом сохранился до настоящего времени (см. об этом в Послесловии).

² РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7174. Л. 2.

Свидетельство.

По указу Его Императорского Величества, от Петербургской Духовной Консистории дано ей свидетельство о том, что в метрической 1874 года книге Мрошской церкви сего Александровскаго, Етвурскаго уезда, пады: 50 показано: Морской Архимандрит у Штаб-Капитана Василия Иванова Колчака и диконной гренаго Олони Ульяной, двоим Православных и первообранных, сына Александръ, родивша четвертого Ноабре, и крещенъ пятнаццатого Декабры тысячи восемьсотъ семидесятъ четвертого году. Восприимъ тысячи были: Штабъ Капитанъ Морской Александръ Ивановъ Колчакъ и вдова Колчака Секретари Дирек Филипповъ Ивановъ. Примитануцийся крестовой свободы утомленъ. Ноабры 1 годъ 1872 году.
Мена Консистория, протоиерей Михаилъ Предиславский.

Секретарь (В. С. М. Колчак)

Свидетельство о рождении А.В. Колчака

Годы раннего детства Саши Колчака пришлось на эпоху царствования Александра II. Еще до рождения Саши главнейшим событием той эпохи было обнародование 19 февраля 1861 г. Высочайшего манифеста, освободившего крестьян от крепостной зависимости, когда более 20 млн крепостных землепашцев получили свободу. Народ назвал государя Освободителем, и царь искренне ликовал, уверовав в свою счастливую звезду. Но звезда его оказалась печальней глубокой печали.

Незадолго до рождения Саши Колчака 1 января 1874 г. был обнародован другой Высочайший манифест о “Всеобщей воинской повинности”, обязательный для всех сословий – от крестьянина до дворянина, без всяких привилегий и исключений. В этом документе Александр II высказал свои глубокие патриотические взгляды. “Сила государства не в одной численности войск, – говорил монарх, – но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития личности лишь тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело...” [1, с. 3].

Несмотря на определенное политическое брожение среди части интеллигенции России, патриотические чувства в стране были очень сильные. От крестьянина и рабочего до элитарных кругов российской аристократии – все были готовы встать на защиту Отечества. Дворянские дети воспитывались в атмосфере высочайшего уважения к воинской службе. Под влиянием церкви их нравственные идеалы строились на глубочайшей преданности великому делу защиты Отечества.

Укрепляя единство России, император постоянно вел борьбу за расширение границ России и усиление ее влияния на политическое сообщество стран Содружества, включавшего все славянские народы.

В царствование Александра II было много важных политических и военных событий. В 1864 г. Кавказ удалось окончательно присоединить к России. В 1865 г. были завоеваны Туркестан и Ташкент. Все Кокандское ханство вошло в состав России к 1876 г. Бухарский эмир уступил России Самарканд. На присоединенных землях создали Туркменское генерал-губернаторство с главным городом Ташкентом. В 1873 г. завоевано Хиванское ханство. В 1881 г. командующий войсками знаменитый генерал Скобелев взял крепость Геок-Тепе¹.

Александр II объявил 12 апреля 1877 г. войну Турции с целью освободить славян Балканского полуострова от гнета турецкого владычества. Турецкие войска были полностью разбиты и отступили к Константинополю. В Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. был заключен предварительный мир с Турцией, по которому Россия получила часть Армении с крепостью Карсом, Батумом, часть Бессарабии. Было учреждено Болгарское княжество, признаны независимыми Сербия и Черногория.

В последние годы царствования Александра II революционный терроризм получил значительное распространение. На Александра II было организовано семь покушений, а роковое восьмое для царя-освободителя оказалось смертельным.

Родители Александра Колчака были людьми глубоко верующими, всецело преданными монархическому укладу в России, тяжело переживали случившуюся трагедию. Мать вместе с сыном зачастили в церковь, всякий раз ставя свечи за упокой души безвременно ушедшего Государя.

¹ Геок-Тепе в настоящее время – поселок городского типа, расположен в пределах Копетдага, в 45 км от Ашгабада, крупный центр виноградарства, виноделия и овцеводства Туркмении.

Известный географ и революционер Петр Кропоткин, бывший в свое время камер-пажом Александра II и имевший возможность близко общаться с царем, вспоминал: “Многие не понимали, как могло случиться, чтобы царь, сделавший так много для России, пал от руки революционеров. Но мне пришлось видеть первые реакционные проявления Александра II и следить за тем, как они усиливались впоследствии. Случалось так, что я мог заглянуть в глубь его сложной души, увидеть в нем прирожденного самодержца, жестокость которого была только отчасти смягчена образованием, и понять этого человека, обладающего храбростью солдата, но лишённого мужества государственного деятеля, человека сильных страстей, но слабой воли, – и для меня эта трагедия развивалась с фатальной последовательностью шекспировской драмы” [1, с. 11].

Такая социально-политическая атмосфера в стране, несомненно, оказывала большое влияние на формирование подростка Александра Колчака.

Из семейной хроники

Ольга Ильинична Колчак

Мать А.В. Колчака Ольга Ильинична Колчак (1855–1894), в девичестве Посохова, происходила из дворян Херсонской губернии, родилась в Одессе, воспитывалась в Одесском институте благородных девиц.

Род Посоховых идет от донских казаков. Старшая линия рода до революции оставалась в Ростове-на-Дону, младшая – обосновалась в Одессе. В Одессе Посоховы-младшие имели богатый послужной список. Например, Андрей Иванович Посохов¹ был последним одесским городским головой.

“Из семьи матери Александра Колчака, – пишет ее внук Ростислав Колчак (1910–1965), – его ближайшими родственниками и товарищами были два брата Посоховы: контр-адмирал Сергей Андреевич (1866–1935) и генерал-майор Андрей Андреевич (1872–1930). Оба были участниками японской войны – первый был старшим офицером на крейсере “Олеа“, второй – в 1904 г. начальником штаба Сибирской казачьей дивизии, был награжден золотым георгиевским оружием за храбрость. В войну 1914 г. Сергей Андреевич, контр-адмирал, был начальником штаба командующего флотилией Северного океана (1916), а Андрей Андреевич в ту войну первоначально командовал 92-м пехотным Печорским полком, потом был генерал-квартирмейстером 2-й армии и начальником штаба 12-й армии. Оба брата скончались в эмиграции в Париже” [2, с. 196–197].

Ольга Ильинична – красивая казачка, спокойная, тихая, добрая и строгая. Она была очень набожна, соблюдала все религиозные обряды

¹ Расстрелян в 1920 г.

Мать А.В. Колчака –
Ольга Ильинична Колчак

и посты. В доме ее отца жили по старинке – усердно молились, неистово постились, по праздникам сытно трапезничали, и этот уклад жизни, отшлифованный многими поколениями, Ольга Ильинична сохранила и когда вышла замуж за Василия Ивановича Колчака в 1871 г. совсем еще юной: ей только исполнилось 16 лет. На Руси такой возраст для девиц на выданье считался обычным, а потому молодая хозяйка уверенно взялась за наведение порядка в доме. Она обладала большой силой воли, твердым характером, была трудолюбива, практична, содержала дом в чистоте и аккуратности.

Ольга Ильинична родила, как уже говорилось, сына и двух девочек – Екатерину (1875) и Любу (1877), но маленькая Любаша тяжело заболела, и все усилия родителей спасти ребенка оказались тщетными. Любочку похоронили недалеко от дома на Успенском кладбище в деревне Мурзинка.

Влияние матери на Александра было большим. Она много времени уделяла воспитанию сына, и маленький Саша во всем подражал своей маме и очень ее любил.

“...На всю жизнь, – пишет Ростислав, сын Колчака, – отец сохранил память о долгих вечерах, на которые он ходил мальчиком со своей матерью в церковь где-то недалеко от мрачного Обуховского завода, вблизи которого они жили по службе отца” [2, с. 196].

Василий Иванович Колчак

Отец А.В. Колчака Василий Иванович Колчак (1837–1913) – удивительная и легендарная личность. В неполные семнадцать лет Василий начал служить в морской артиллерии [3] и принял участие в защите Севастополя (1854–1855). В “Военной энциклопедии” благодаря усилиям сына (том издан в 1913 г.) следующими словами увековечено имя Василия Ивановича Колчака: “В 1854 г. поступил на службу юнкером в морскую артиллерию. Во время Севастопольской кампании в 1855 г. был отправлен конвоировать транспорт пороха в 1 тыс. пудов из Николаева в Севастополь. По сдаче пороха в Севастополе получил назначение на Малахов курган, где состоял помощником командира батареи на гласисе около башни¹.

¹ “Гласис” – фортификационный термин. Так называлась насыпь треугольной формы, непосредственно примыкающая к внешнему краю укреплений. Назначение гласиса – подвести ближайшую к укреплению местность под выстрелы орудий с вала укреплений.

4 августа того же года за сожжение фашин и туров (укрепления противника. – В.С.), приготовленных французами для заложения ложементов¹ перед гласисной батареей на Малаховом кургане, награжден Знаком военного отличия Военного ордена” [4, с. 48]. Проще говоря, был награжден весьма почетным солдатским боевым орденом – крестом Св. Георгия.

Василию Колчаку вручили солдатский Георгий (бесстепенной) 5 августа 1855 г. за № 106231². При последнем штурме Малахова кургана 26 августа он был ранен, взят в плен французами и отправлен на Принцессы острова в Мраморном море. Более 6 месяцев плена оставили у молодого артиллериста свежие впечатления, а в марте 1856 г. пленным разрешили вернуться на Родину.

По возвращении из плена он окончил краткий двухгодичный курс в Институте горных инженеров и был командирован на Уральские горные заводы для практических занятий по металлургии. В 1863 г. принят на Обуховский сталелитейный завод для приема орудий и снарядов.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранится полный послужной список (анкета) Корпуса морской артиллерии подполковника Колчака-2, члена комиссии, учрежденной в С.-Пе-

Отец А.В. Колчака – генерал-майор Василий Иванович Колчак

¹ Ложемент (франц.) – неглубокий (до 1 м) окоп для стрельбы лежа или с колена. Позднее появились орудийные и минные ложементы.

² В 1807 г. учрежден Знак отличия Военного ордена Св. Георгия для награждения солдат и матросов. Это был серебряный крест без эмали. Его носили на Георгиевской черно-желтой ленте на груди. В правилах указывалось: “Он приобретает только в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских”. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия № 1 получил унтер-офицер Кавалергардского полка Егор Иванович Митрохин (Митюхин), отличившийся в бою с французами под Фридрихсдорфом 2 июня 1807 г. Солдатским Георгием № 723 была награждена знаменитая “кавалерист-девица”, героиня войны с Наполеоном Надежда Дурова, начавшая службу простым уланом в 1812 г. За 43 года было выдано всего 3900 наград. Самым большим номером на бесстепенных Знаках отличия отмечен знак, полученный за храбрость при обороне в 1854 г. Петропавловска-Камчатского Петром Томасовым. Всего же бесстепенными знаками награждены 114 421 человек, из них 1176 получили знаки, возвращенные в капитул орденов после смерти их прежних кавалеров [4а, с. 54–56]. Указом от 19 марта 1856 г. Знак отличия Военного ордена был подразделен на 4 степени.

тербурге для приема на флот орудий и снарядов, выданный ему в 1888 г. Данную копию анкеты он представил в Морской кадетский корпус, когда его сын Александр должен был держать экзамены для поступления в это престижное военное заведение. Приводим анкету с некоторыми сокращениями¹:

“Послужной список

Василий Колчак кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени. Имеет Знак отличия Военного ордена № 106231 и серебряную медаль за защиту Севастополя на Георгиевской ленте и бронзовую – в память войны 1853–1856 гг. – на Андреевской ленте.

Родился 31 декабря/12 янв. 1837/1838 года. Из дворян Херсонской губернии, вероисповедание: православный. Воспитывался в одесской Ришельевской гимназии. После севастопольской эпопеи и возвращения из плена определился на Обуховский сталелитейный завод.

Получал по службе содержание: жалования – 900 рублей, столовых – 420 рублей, разъездных – 540 рублей, пенсию на орден – 5 рублей 70 копеек, добавочное содержание за особые труды по химическому и физическому испытанию качества стали в орудиях на Обуховском заводе – 1140 рублей, на воспитание детей – 200 рублей.

В службу вступил в Корпус морской артиллерии Черноморского флота кондуктором 3 класса и прикомандирован к 44 флотскому экипажу в 1854 г., сентября 30.

За отличие, оказанное против англо-французов на Малаховом кургане при сожжении неприятельских туров, подготовленных для заложения ложементов перед гласисом Малахова кургана, награжден Знаком отличия Военного ордена за № 106231 (1855, август 5)².

Прикомандирован к 39 флотскому экипажу (1855, ноябрь 15).

Высочайшим приказом за № 61 за отличие при обороне Севастополя произведен в прапорщики. Увольнялся в 4-месячный отпуск с 22 августа 1856 г. по 22 декабря того же года в Одессу, с разрешения Морской части в городе Николаеве, согласно медицинскому свидетельству за № 1600, выданному по предписанию Управляющего медицинским отделением от 31 июля 1856 г., для пользования контузии, полученной на Малаховом кургане при обороне Севастополя 27 мая 1855 г.

27 августа 1855 г. при штурме Малахова кургана взят в плен, где находился по 30 марта 1856 г.

1855 г., ноября 24, имея от роду 18 лет, по Высочайшему повелению, в бытность в составе Севастопольского гарнизона с 15 апреля по 27 августа, считать каждый месяц за год службы. Награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг.

. По собственному желанию переведен из Черноморского в Балтийский флот с прикомандированием к Арсенальной № 1 роте (1857). Затем к 16-му флотскому экипажу (1859), к 19-му – (1858), к 20-му – (1859), к Арсенальной № 1 роте (1860).

Произведен в подпоручики по линии (1862).

Причислен к С.-Петербургу, артиллерийской роте (1863).

¹ Колчак В.И. Послужной список. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2869.

² С 1856 г. этот знак стал называться солдатским орденом Св. Георгия.

Назначен членом С.-Петербургской комиссии морских артиллерийских приемщиков (1863)...

Награжден Всемилоостивейше за выслугу 25 лет в офицерских чинах и бытность в сражениях орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом (1881).

Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 119 произведен за отличие по службе в подполковники (1883).

Циркуляром Главного морского штаба за № 8 зачислен в 8-й флотский экипаж (1886).

Семейное положение: женат на дочери потомственного почетного гражданина Ольге Ильиничне Посоховой; имеет детей: сына Александра, родившегося 4(16) ноября 1874 г., и дочь Екатерину, родившуюся 17(29) октября 1875 г., жена и дети вероисповедания православного.

.....
Далее воспроизводим ответы на вопросы анкеты:

- Есть ли недвижимое имущество родовое или благоприобретенное?
- Не имеем.
- Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе? Когда и за что именно?
- Не подвергался.
- В бытность в походах и делах против неприятеля какие оказаны отличия и какие получены раны и контузии?
- В походах и делах против неприятеля находился. В 1855 г. на гласисе Малахова кургана с 15 апреля по 27 мая находился на оном, где был того же 27 мая контужен осколком разорвавшейся неприятельской бомбы в голову, пользовался от контузии в госпитале по 5 июня. С 5 июня по 27 августа 1855 г. находился на гласисе Малахова кургана.

Согласно свидетельству Александровского комитета о раненых от 2 декабря 1882 г. за № 23160, причислен под покровительство означенного комитета в числе раненых 3 класса.

В 1859 г. с 15 июня по 8 сентября находился в отряде винтовых канонерских лодок под командою командира Гвардейского экипажа флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Аркаса.

По распоряжению начальства назначен для слушания лекций по металлургии и соприкосновениям с нею наук в Институте корпуса горных инженеров на два года, где и находился с 19 сентября 1860 г. по 17 октября 1862 г. В 1862 г. окончил в Институте корпуса горных инженеров двухгодичный курс¹ обязательных наук для артиллерийских офицеров, назначаемых на должности приемщиков орудий, снарядов и металлов с горных заводов, из следующих предметов: металлургии, теоретической и аналитической химии пробирного искусства, минералогии, а также прикладной и горной механики, и выдержал в этих науках экзамены.

С разрешения г-на Управляющего Морским министерством командирован на Уральские горные заводы для ознакомления со сталелитейным производством и другими отраслями заводской деятельности, где находился с 3 января по 10 сентября 1863 г.

25-го декабря 1863 г. назначен для наблюдения за работами на частных заводах по изготовлению стальных и чугунных снарядов и к приему их

¹ В кн. *Плотникова И.Ф.* “Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность” [5] на с. 10 ошибочно написано: “Закончил Институт горных инженеров” вместо двухгодичного курса при Институте корпуса горных инженеров.

к морской артиллерии, каковую обязанность и ныне исполняю на Обуховском сталелитейном заводе по званию члена комиссии, учрежденной в Санкт-Петербурге по Высочайшему повелению для приема на флот нарезных орудий и снарядов.

По распоряжению начальства с 5 июля по 20 сентября 1869 г. состоял членом комиссии для приема скорострельных ружей системы лейтенанта Баранова с патроном “Ориосно”.

По распоряжению начальства назначен присутствовать 13 октября 1869 г. при производившихся лейтенантом Барановым исследованиях доброкачественности доставляемых из заграницы металлических патронных гильз, капсулей и машинок для снаряжения и переснаряжения патронов.

По распоряжению начальства от 9 декабря 1869 г. назначен в снаряжательный отряд С.-Петербургского патронного завода для изучения правил и всех приемов снаряжения металлических патронов и составления по этому предмету подробного описания в сих работах.

По Высочайшему повелению, состоявшемуся 12 июля 1872 г., назначен для производства химических и физических испытаний качества стали в орудиях и снарядах, приготовляемых Обуховским сталелитейным заводом.

В 1873 г. по приказанию Управляющего Морским министерством командирован на Венскую Всемирную выставку для осмотра артиллерийских орудий и находился в означенной командировке с 27 августа по 25 сентября.

В 1873 г. по распоряжению начальства был командирован с нарезными орудиями и прочим артиллерийским грузом в г. Николаев Херсонской губернии и находился в этой командировке со 2 октября по 11 февраля 1874 г.

В 1878 г. по распоряжению начальства был командирован с пироксилином и разным артиллерийским грузом из С.-Петербурга в г. Николаев и находился в этой командировке с 8 июля по 17 августа.

В 1881 г. с 7 августа по 25 сентября находился в командировке по распоряжению Управляющего Морским министерством в г. Николаеве для осмотра стальных орудий Черноморского флота.

В 1883 г. с 10 августа по 14 сентября находился в командировке с разрешения командира С.-Петербургского порта в г. Николаеве для сопровождения и сдачи там разного артиллерийского груза.

Подписал командир 8 флотского экипажа Контр-адмирал В. Лазарев
и
письмоводитель Н. Ливанов.
Читал Подполковник В. Колчак. С подлинным верно”.

Произведенный в 1889 г. в генерал-майоры В. Колчак вышел в отставку и остался на Обуховском заводе заведующим сталепудлинговой мастерской, продолжая служить здесь до 1899 г. Он был грамотным специалистом-практиком, несмотря на то что его образование сводилось к двум курсам в Горном институте, но он много читал и постоянно совершенствовал свои знания. Им написано несколько специальных статей: “О сталелитейном производстве”, “Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном производстве”, “История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники” [7–9].

Окончательно оставив работу и перейдя полностью на пенсионное обеспечение, В.И. Колчак публикует свои воспоминания об обороне

Севастополя 1854–1855 гг. сначала в Морском сборнике в 1899 г. [3] и отдельной книгой – в 1904 г. [10].

Конечно, военная служба наполняла жизнь Василия Колчака яркими событиями, которые жили в его сердце на протяжении всего времени. Да еще цепкая память, острый ум и сохранившаяся юношеская романтика с годами преумножили и усилили воспоминания о героических буднях севастопольской эпопеи.

Маленький Александр рос под сильным впечатлением рассказов отца о защите Севастополя, тем более, что его отцу пришлось участвовать в военных событиях совсем юным пареньком, только что окончившим в Одессе знаменитую Ришельевскую гимназию, основанную французскими эмигрантами.

Можно себе представить, в какой атмосфере бесконечной любви к отечеству, величайшего патриотизма российских моряков жил Александр Колчак, находясь постоянно рядом с отцом – живым свидетелем героических страниц истории Российского Флота. На его глазах выдающиеся русские адмиралы Корнилов, Истомина, Нахимов стали национальными героями.

Учитывая влияние отца на сына Александра, автор для полного раскрытия личности Василия Ивановича Колчака считает своим долгом рассказать о времени участия молодого Василия в защите Севастополя подробнее в специальном разделе “Защита Севастополя”. Наверное, не случайно мечта отца и сына воплотится в дальнейшем в учебе Александра Колчака в Морском кадетском корпусе.

Защита Севастополя

(по материалам работы В.И. Колчака
“На Малаховом кургане” [3])

“Я прибыл в Севастополь в первых числах апреля месяца с транспортом пороха в 1000 пудов, мы конвоировали его от Николаева. В Севастополе нас ожидали давно и нетерпеливо: имеющиеся запасы пороха, столь необходимого на бастионах, быстро истощались. Транспорт немедленно был принят и в тот же день переправлен на южную сторону Севастополя. Кончив сдачу пороха, все мы получили предписание в штаб командира порта адмирала П.С. Нахимова для получения дальнейшего назначения” [с. 1–2]. “Мне предписали, – продолжает свои воспоминания Василий Колчак, – на Малахов курган. Мы переехали через Южную бухту к Павловской батарее, отсюда по улицам Корабельной слободки с ее полуразрушенными и опустелыми белыми домиками мы подошли к Малахову кургану к башне в два этажа; верхний этаж некогда был вооружен пятью морскими орудиями, но они были сбиты неприятельскими батареями еще в начале осады 5 октября (1854 г.). Нижний этаж защищен толстым слоем земли. Представился капитану Н.К. Станиславскому, помощнику начальника артиллерии Малахова кургана.

Меня откомандировали в бомбовый погреб и вместе с другими матросами поручили снаряжать бомбы и пригонять к ним трубки. Когда

добирался до погребов вместе со Станиславским, все кругом казалось мне не то страшным сном, не то мучительным кошмаром. Целые сутки я оставался в бомбовом погребе, знакомясь с несложным процессом снаряжения бомб и подгонки к ним трубок” [с. 4, 6].

Станиславский поразил Василия своим спокойствием, а ведь им пришлось вместе проделать тот самый путь, на котором погибли адмиралы В.В. Истомин, В.А. Корнилов, а вскоре и П.С. Нахимов. Кругом были пули, разрывы гранат и глухие шлепки ядер.

Василий Колчак получил через сутки назначение – помощником батарейного командира на гласисную батарею. Все приказания отдавались Станиславским в блиндаже. Тяжелые удары потрясали бревенчатый потолок и стены. Жил Василий в блиндаже начальника артиллерии. Тут же у батареи с левой стороны башни размещались другие бомбардиры. Офицеры на гласисной батарее несли свое дежурство днем и ночью, в случае приближения неприятельских судов открывался огонь. В блиндаже была целая коллекция французских и английских штуцеров, т.е. винтовок военного образца, несколько револьверов, шпаг и сабель, взятых в траншеях во время ночных вылазок к французам.

«Прошло более месяца, – пишет Василий, – нас часто посещал адмирал П.С. Нахимов. Он всегда шел по кургану один, без сопровождения, с ним не было даже адъютантов. Он поднимался в башню, останавливался у 68-фунтового (калибр. – В.С.) орудия и рассматривал в трубу вновь возводимые неприятельские укрепления.

Новый штурм французы начали 26 мая. Неумолкаемо гремела жестокая канонада, обстреливались Камчатский, Вольнский и Селенгинский редуты и Малахов курган из тяжелых орудий. Начался штурм передовых редутов. Появился в башне Нахимов. Убит батарейный командир лейтенант Юрьев. Пуля через амбразуру поразила его в сердце. Бомбы лопались и свистели повсюду. Нахимов начал обходить другие редуты. Слышались стоны раненых, они доносились из ночной темноты. Пять матросов с носилками спустились через амбразуру в ров и подняли там французского офицера с раздробленным коленом. Он едва дышал, когда его принесли в башню, лицо его искажено болью, глаза помутнели, на нем щегольской, видимо, новенький синий мундир и блестящие эполеты. На груди под мундиром, когда ему делали перевязку, мы заметили золотой медальон с женской головкой, очевидно, он только что прибыл в армию и в тот же день попал в дело. Ночью были подобраны остальные раненые и убитые французы, их атака на Малахов курган отражена. Синие мундиры – у французов и красные – у англичан, по мундирам их было легко различать.

Через несколько дней новая атака французов отбита, потеряли много убитых; убитых французов перевозили в фурштадских телегах и складывали у Камчатского редута. Там бродили “живые французы и смотрели на всю эту ужасающую картину страданий и смерти серьезно и сдержанно”. От прицельных выстрелов мы были защищены земляным бруствером толщиной до 20 футов, но от навесного мортирного огня решительно нигде было укрыться. Французы и англичане днем и ночью посылали 10–15 бомб большого калибра в 3 и 5 пудов.

Бомба, с оглушительным звуком разрезая воздух, въедается в землю, и в момент разрыва осколки ее с комками земли разлетаются вверх. На следующий день бомбардирование продолжалось с той же силой.

В этом же месяце Малахов курган лишился своего начальника, капитана 1-го ранга Юрковского. Обходя батарею, он направился к башне, у входа в башню встретил капитана Станиславского. Остановились. В это время близко над ними разорвалась бомба и осколками тяжело ранила в бок Юрковского, Станиславскому же оторвало пальцы на ноге. Ему два раза делали ампутацию, он не перенес ее, несмотря на атлетическое сложение, и через две недели скончался от гангрены. Юровский прожил всего несколько дней.

Нахимов был везде и всюду, воодушевлял всех своим примером. Он каждый день объезжал линию огня и посещал Малахов курган. Матросы и офицеры любили Павла Степановича. Услышат или увидят, что идет Нахимов, – и все лица просветлеют, осветятся теплою сердечною радостью... Казалось, нет смерти, а смерть носилась везде: сверху, снизу, впереди...» [с. 8–11].

Матросы и офицеры всегда восхищались выдержкой и бесстрашием П.С. Нахимова. Очевидцы говорили, что у адмирала особенно улучшалось настроение после очередного отражения неприятельского штурма. Он всячески подбадривал защитников и относился одинаково доброжелательно, будь то матрос или офицер.

Однажды, как вспоминает Василий Колчак, П.С. Нахимов находился на гласисной батарее и, подойдя к командиру 68-фунтового орудия Георгиевскому кавалеру, отечески похлопал его по плечу. Оказывается, они вместе были в Синопском сражении на корабле “Императрица Мария”. Бомбардир отличился в том сражении, был ранен и награжден. Поговорили о Синопе, адмирал был в хорошем настроении, сказал несколько ласковых слов, и лицо матроса просияло среди завывания пуль и пилливания бомб.

Есть в воспоминаниях Василия Колчака эпизод, рассказывающий о последнем дне жизни адмирала, о том, как П.С. Нахимов часто оставался на совершенно открытых местах и внимательно рассматривал повреждения на батареях, хотя около него летел целый рой снарядов, о том, как он мог сделаться жертвою каждой пули, а между тем адмирал стоял и рассматривал с удивительным спокойствием или подбитое орудие, или разрушенный бруствер. Матросы невольно подчинялись смелости такого решительного примера, и уважение к Нахимову возрастало с каждой минутой.

“Он до того не обращал внимания на собственную безопасность в течение девяти месяцев томительной, кровавой обороны Севастополя под самым сильным огнем, что флот и армия смотрели на него как на человека, хранимого Промыслом Бога. Действительно, в нем таилось что-то сверхъестественное. Все были твердо уверены и убеждены, что ни пули, ни снаряды не могут прикоснуться не только к самому Павлу Степановичу, но и к каждому стоявшему около него в самом жарком огне. Надо сказать, что и я испытывал это чувство. Но тяжелая роковая минута уже приближалась” [с. 12].

Василий Колчак был очевидцем гибели адмирала П.С. Нахимова. Вот как он это описывает:

«Около 12 ч дня 28 июня, когда Нахимов обедал, началась сильная канонада по 3-му бастиону. Наскоро кончив обед, он выехал из дома веселый, обошел и осмотрел все батареи третьего бастиона и поехал на Малахов курган. Было 4 часа пополудни, когда он пришел один на гласисную батарею к обычному своему месту, на банкет, у первого 68-фунтового орудия с левой стороны, и стал осматривать в трубу работы неприятеля. Начальник Кургана С. Керн был в башне, где шло богослужение накануне праздника. Его позвали к адмиралу, Керн вышел на встречу П.С. Нахимову. Затем адмирал поднялся на банкет у следующего орудия и снова стал смотреть в трубу через бруствер. Его адмиральские эполеты были заметной мишенью для неприятеля. Пули посыпались буквально, как град. Керн молчал и, затаив дыхание, переживал за Нахимова, начал просить его зайти в башню, отслушать всю ночь. С нашей батареи был сделан выстрел из орудия по траншее. В это время несколько пуль ударило о земляной мешок на бруствере подле самого Нахимова. Керн просил отойти от этого места, Нахимов продолжал смотреть в трубу. Не успел он выговорить “ловко стреляют”, как упал, смертельно раненный на правый бок. Все это произошло так быстро, что Нахимова не успели даже поддержать. Пуля прошла выше виска, над левым глазом, пробила череп и тронула мозг. Адмирал произнес что-то невнятное и не приходил в сознание, прерывисто дышал. Керн, стоявший рядом, бросился к нему первый. С левой стороны стоял тут же, на банкете, сигнальщик, следивший за полетом снарядов и предупреждавший о выстрелах из орудий по батарее. Внизу находился командир батареи мичман Лесли (под конец осады лейтенант) и я. Внезапность рокового события поразила нас, как гром. Эта тяжелая печальная минута не поддается описанию. Наскоро Павлу Степановичу сделали перевязку, на солдатских окровавленных носилках понесли через Аполлонову балку и на катере перевезли в северную сторону, в бараки. Нахимов лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. 29 июня был день ангела Павла Степановича. Ему стало как будто лучше. Он открыл глаза, но, по-видимому, никого не узнавал, ни на минуту до самой смерти не приходил в сознание. 30 июня 1855 г. в 11 ч 7 минут скончался доблестный адмирал, герой Наварина, Синопа и Севастополя.

В 6 часов вечера 1 июля, во время похорон адмирала, неприятель не стрелял. Разнесся даже слух, что англичане, узнав о смерти Нахимова, скрестили реи и приспустили флаги. Нахимова опустили в могилу в храме Святого Владимира, подле Лазарева, Корнилова и Истомина. Матросы, рыдая, бросали горсти земли и, крестясь, расходились» [с. 12–14].

Продолжая свой рассказ о трудных днях защиты Севастополя, Василий Колчак без лишнего пафоса рисует тяжелейшие эпизоды войны, суровые будни матросов:

“В июле на Малаховом кургане стало еще невыносимее. Французы вооружили отбитый у русских Камчатский редут орудиями большого калибра и на расстоянии около 200 саженей от гласиса кургана беспо-

щадно громили батарею днем и ночью. Их снаряды стали пронизывать насквозь наши брустверы, постоянно подбивали станки, сбивали орудия. Мы едва успевали отвечать, а убыль людей на батареях приняла положительно устрашающий характер. Не меньшие потери несли мы во время ночных работ, исправляя повреждения и заменяя подбитые станки и орудия новыми, а вся дорога из артиллерийского депо в Ушаковой балке к батареям открыта огню неприятеля” (с. 15).

По-своему трагичным и в моральном плане тяжелым для Василия Колчака оказался такой эпизод при обороне Кургана:

Лейтенант Лазарев, вновь назначенный начальником артиллерии Малахова кургана, приказал вестовому поставить самовар. Вестовой, по фамилии Юшковой, взял маленький самовар и вышел с ним из блиндажа, залил водой и стал разводить огонь. Вышел и Василий Колчак и стал любоваться вечером. Вдруг он услышал звук приближающегося осколка и увидел, как у самой двери в блиндаж, схватившись рукой за бок, лежал весь в крови несчастный Юшковой и со стоном, прерываемым голосом произнес: “И как это Вы ничего не сказали”, но упрек Юшкового был несправедлив. Устранить вовремя человека от летящего в него осколка невозможно, и несправедливый упрек из уст умирающего отозвался болью в сердце Колчака. Юшковой умер, считая его виновником своей смерти. А место, где ставился самоварчик, было залито кровью, осколок валялся тут же, и все молчали... [с. 16].

Некоторые эпизоды, связанные с боевыми заслугами Василия Колчака, в книге описываются так:

“Из полупудовых мортир открыли огонь, и одна граната упала в туры и подошла к ним. Все вспыхнуло, и широкая пламя разлилось по траншее французов. В городе разнесся слух, что пожар вспыхнул на Малаховом кургане. Начальник штаба Севастопольского гарнизона, князь Васильчиков, немедленно прибыл на Курган с двумя адъютантами. Ему доложили о пожаре во французской траншее. Князь тут же меня поздравил с Георгиевским кавалером и собственноручно повесил мне на грудь солдатский крестик. Счастливые минуты молодой, неудержимой радости, неожиданного счастья!” [с. 1–17].

Плен. События, относящиеся к первым дням плена, в книге Василия Колчака выглядят совсем не трагично. Вот его сокращенный рассказ:

«Мы сидели в палатке, у входа стоял часовой. Капитан Дампьер обошелся с нами очень любезно, приказал подать обед и рассказал, как в Альминском сражении был взят в плен русскими, жил в Ярославле, пользовался там радушным и широким гостеприимством, и теперь очень рад случаю быть нам полезным. Принесил обед: индейку и несколько бутылок красного вина. Дампьер извинился, что не может предложить нам ничего лучшего, и очень сожалел, что надо проститься с нами и идти к генералу Боске, тяжелораненому.

В непроницаемой темноте рисовался Малахов курган с его облитыми кровью батареями, где мы еще вчера оставили столько храбрых, где отстаивали каждую площадку, каждый траверс.

Все собравшиеся в лагере генерала Боске пленные отправились с офицером на главную квартиру... Шли долго...

Венсенские стрелки пригласили русских пленных на военный праздник, специально для них устроенный. Раздали военнопленным деньги на предметы первой необходимости. Пленные утром 28 августа вышли из палаток посмотреть на французов. На крыльце одного из домиков показался маршал Пелисье. Он ехал на белой лошади, в сюртуке с эполетами и аксельбантом, как и все офицеры его штаба.

На другой день нас посадили на телеги-фургоны и повезли. Никто не знал, куда везут, но все думали, что во Францию...

Пленные прибыли на корабль... Обед был такой, какого мы никогда не видели за время жизни в Севастополе. Наши милые неприятели обходились с нами, как самые искренние, сердечные друзья. Мы были молчаливы, но к вечеру, сидя перед стаканом вина, наше общество оживилось, сблизилось, и мы провели время очень весело. Говорили о француженках, маскарадах, о береговой жизни офицеров в Тулоне. Около 24 часов отправились спать в каюты с чистым блестящим бельем, с теплыми одеялами. Намеревались идти в Константинополь, но не могли из-за повреждения судовой машины. 5 октября 5-пудовая мортирная бомба с форта "Константин" попала в машинное отделение, значительно его повредила. Корабль ходил для исправления во Францию, но выявились новые неполадки...

Фрегат "Шарльман" вышел из Севастополя в Константинополь. Плыли до турецкого берега больше суток. Турецкая часть города очень грязная. Изумляли мусульманские храмы. Воздушные минареты мечетей были восхитительны, плоские крыши домов казались странными. Вот и знаменитая мечеть Святой Софии, рядом у пирса бросили якорь. Здесь все узнали, что не едут во Францию, а на английском судне отправляются на Принцевы острова в Мраморном море.

Пленных высадили на деревянную пристань острова Жуанвильского – самого большого из всех Принцевых островов.

Остров был скучный, зеленел колючий кустарник, белели два каменных здания и колодец. Это греческий монастырь Святого Николая.

К пленным подошли французские офицеры и переводчик, разделили всех на две партии: старших и младших по званию. Старших направили в квартиры близлежащей деревни. Младших оставили ночевать в монастыре.

– "Чистая постель и добрый ужин вас ждут", – заявил капитан Лагерр.

"Деревня" была летней резиденцией богатых константинопольских негоциантов, так что о "монастырской" скуке не могло быть и речи... Обедали в гостинице. Поздно добрались до монастыря и с наслаждением растянулись на наших постелях.

Утром пошел посмотреть на греческую церковь. Внутренность церкви вполне напоминала православные храмы: те же клиросы, царские врата, аналой с полустертым образом Николая Чудотворца» [с. 36–38].

Далее Василий Колчак продолжает свой рассказ со свойственным ему оптимизмом и восхищением:

«На берегу моря стоял небольшой двухэтажный дом с выдававшейся в море террасой на сваях; под крышей красовалась огромная надпись: “Гостиница Джакомо”. Вблизи стоял французский сторожевой фрегат “Рандор”. На самом горизонте едва заметной полосой зданий выступал Константинополь.

Остров, предназначенный служить нам “тюрьмой”, был настолько хорош своей природой, что любой художник согласился бы всю жизнь прожить на нем. Один из офицеров, француз, сообщил, что пленные русские будут получать по 200 франков в месяц...

Кругом розы, зеленые сосны, виноградники, шелестели кипарисы. То пройдет грациозная девушка-гречанка за водой с классическим кувшином на голове...

Чудный климат, дачный образ жизни, совершенная материальная обеспеченность слишком манили отдохнуть и забыться после севастопольских страданий. Особенно памятны мне дивные южные вечера и ночи, когда по улицам всюду вспыхивали фонарики; воздух, наполненный звуками музыки, говором и смехом, делался раздражительно мягок и душен, а на темном небе дрожали огромные звезды.

Нас, пленных, поддерживал покойный генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич, главный участник и деятель великих освободительных реформ Александра II. Константин Николаевич был управляющим Русским морским флотом на правах министра¹.

От его имени пленным морякам несколько раз присылали значительные суммы денег, они говорили о теплой заботе Великого князя о своих заброшенных за тысячи верст на чужбине соотечественниках...

По распоряжению генерал-адмирала через нашего посланника в Вене, господина Демидова, некоторым пленным, в том числе и мне, был прислан Высочайший приказ о производстве в офицеры или награждении орденом.

Чуткая душа Великого князя знала, как нам будет приятно почувствовать, что в России не только не забыли о нашем существовании, но и ценят нашу севастопольскую службу, какова бы она ни была...» [с. 43–44].

В феврале 1856 г. французы объявили о возвращении русских пленных в Россию. От Принцевых островов до Константинополя они плыли всего два часа. Пленным разрешили посмотреть турецкий город Константинополь, и Василий Колчак так описывает свою прогулку: “Невозможные запахи на каждом шагу оскорбляли наше обоняние...” [с. 49].

Далее пленных перевели на два французских фрегата. Один из них “Монтецума”, на котором плыл Василий Колчак, направлялся в Сева-

¹ Должность морского министра была введена в России в 1815 г., в 1855–1857 гг. управляющим и морским министром был Ф.П. Врангель, а Великий князь Константин Николаевич был Главным начальником флота и Морского министерства в 1855–1880 гг. Его сын Великий князь Константин Константинович (1858–1915) являлся президентом Императорской академии наук в 1889–1915 гг.

стополь. Настроение у всех было превосходным. “Мы были, – говорит Колчак, – вроде как уже и не пленные”. Вечером объявили даже танцы, и русские моряки, забыв о прошлых трудных днях пленного одиночества, веселились от всей души. В танцах они “откалывались”, как выразился Василий Колчак, так, что палуба дрожала. Танцы были самые разнообразные – от кадрили и до канкана.

Утром они вышли на палубу, стараясь разглядеть контуры родных берегов. Падал снег. Стальной цвет воды не охлаждал, а радовал душу всех пленных. Возвращались в Севастополь, который они оставили разрушенным и окровавленным. Однако Севастополь их принять не смог, и фрегат повернул в Одессу. После некоторой обычной русской проволочки всех разместили в лучшем отеле города.

На память Василию Колчаку пришли строки из “Евгения Онегина”, которые он привел в книге “На Малаховом кургане”:

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Сынов Отечества встретила Одесса, залитая весенним солнцем и утопающая в аромате благоухающих ранних цветов на многолюдных одесских бульварах – многоголосых, неторопливых и разных.

* * *

Сам Александр Васильевич Колчак на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, производившей его допрос за несколько дней до расстрела 21 января 1920 г., так говорил о родителях: “Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном институте, затем он был на Уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя – Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходил из дворян Херсонской губернии. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился¹, а затем служил в артиллерии в Горном институте.

¹ Неточность. Его жена 1855 г. рождения, поэтому женился В.И. Колчак позднее, в 1870-е годы, а не сразу после плена.

Я православный, до поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра Екатерина; была еще одна маленькая сестра Любовь, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская...

Оба мои родителя умерли. Состояния они не имели никакого. ... Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки" [6, с. 244].

Какими многозначительными были для него теперь эти факты, простые события быстротечной жизни...

Генеалогия рода Колчаков

В начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 г., многочисленное семейство Колчаков получили русское подданство и русское дворянство. Вновь утвержденным в русском дворянстве Колчакам был присвоен и герб, но рисунок герба до нас не дошел, хотя, вероятно, в ревизских книгах его отыскать вполне возможно.

Небольшое исследование родословной Колчаков провел Ростислав Колчак – сын Александра Васильевича. Материал был впервые опубликован в “Военно-историческом вестнике” в Париже в 1960 г. [2].

“Род Колчаков, – пишет Ростислав Александрович, – внесен во вторую часть родословной книги дворян Херсонской губернии. Вторая книга, как известно, включает роды, получившие потомственное дворянство чинами военными. При ревизиях 40-х годов Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве указом Геральдии Правительствующего Сената от 1 мая 1843 года за № 7054” [2, с. 177].

Доподлинно известно, как пишет Ростислав Колчак, что семья Колчаков ведет свою родословную из Бугского казачьего войска, а семья Посоховых (девичья фамилия матери) – из Донского. Скорее всего, Колчаки происхождения половецкого. Половцы, притесняемые татарами, частично были ассимилированы ими, а частично перебрались в Венгрию. Возможно, фамилия своими корнями уходит к хану Кончаку. Однако корни этих слов весьма различны: “кончак” по-турецки означает “штаны”, а “колчак” – “боевая рукавица”.

Интересно, что первые записи в исторических документах, содержащие фамилию Колчак, встречаются в Боснии в XVII в., а также обнаружены в документах русской армии Петра Великого в период Прутского похода в 1711 г. Один из Колчаков, серб из Боснии, принял мусульманство, возможно, для того, чтобы спасти семью от турок. В 1717 г. Илияс-паша Колчак назначается начальником Хотинской крепости и генерал-губернатором Хотинской провинции. Турки к этому времени окончательно захватили Хотинскую цитадель. Более 20 лет находился Колчак-паша в Хотине. Все эти годы он занимался военно-дипломатической работой и проводил в жизнь турецкую политику по отношению к России.

Сам Хотин и округа его при турках не бедствовали. Сохранилось описание Хотина, написанное неким турецким чиновником и поэтом

того времени [2, с. 184]. Богатый Хотин стал даже центром турецкой культуры на границе Польши. Турецкий автор восторженно описывает сады, бани, казармы янычар, дворец командующего, мечети и ворота с надписями в стихах: “Дворец Колчак-паши”, “Кладбище, где спят много храбрых мужей”. Он говорит и о ценной библиотеке, и о дешевизне яблок, и о малине, которую вывозили в Константинополь... Все это особенно было дорого турецкому поэту, когда он писал о Хотине уже после того, как Хотин был взят Б.К. Минихом (1683–1767) русской армией в 1739 г.

Предыстория взятия русскими Хотина такая: в 1735 г. началась война Турции с Австрией и Россией, что было обусловлено усилением влияния России в Персии и на Кавказе. Турки ведут наступательную войну в Сербии и Венгрии, а войска Миниха и Ласси входят в Крым и уничтожают Бахчисарай. В 1736 г. Колчак-паша и господарь молдавский вызываются в Константинополь для разработки планов предстоящей войны. В 1739 г. Миних идет на Хотин. Он переходит Днестр выше Хотина, занимает Черновцы, и у деревни Ставучаны происходит знаменитое Ставучанское сражение 17 августа 1739 г. Об этом сражении известно, что это была победа русской военной науки и дисциплины над турецкой армией, победа артиллерии над пехотой и конницей.

Колчак-паша, видя поражение турецкой армии, отступил в Хотин с малым числом всадников. В крепости оставалось всего 700 человек гарнизона вместо 10 тыс.

Семья Колчака-паши, его жены и наложницы и малолетний сын Селим-бей 11 лет, получила разрешение уехать в Турцию. Это будет своеобразной защитой, по мнению Колчака-паши, когда придется объяснить султану причину сдачи Хотина. Старший сын Колчака-паши Махмет-бей был пленен и увезен в Россию в возрасте 35 лет. Но все же боясь, что султан расправится с ним за сдачу Хотина, Колчак-паша не вернулся в Турцию и нашел приют в Галиции у своего друга гетмана Иосифа Потоцкого.

Потомки Колчака-паши обосновались в польской Галиции. Они перешли в православную веру. После третьего раздела Польши при Екатерине II правнук Колчака-паши окажется в Бугском казачьем войске. Прадед Александра Васильевича – Лукьян Колчак был уже сотником Бугского казачьего войска во времена императоров Павла и Александра I. Сотник получил землю в надел в Херсонской губернии, где и остались Колчаки.

“У сотника Лукьяна Колчака было два сына: старший – Иван Лукьянович – унаследовал часть имения, но, продав его, купил дом в Одессе и поступил на гражданскую службу. У Ивана Лукьяновича было много дочерей и три сына, из которых старший Василий Иванович и был отцом Александра Колчака” [2, с. 195].

Итак, первоначальные корни рода Колчаков уходят к турецким бегам Османской империи. Таким образом, в суровом и раздражительном характере Александра Колчака, несомненно, проявились восточные черты его далеких предков.

Александр Колчак и Морской кадетский корпус

Свое дошкольное воспитание Александр получил в семье под руководством отца и матери. Как и отец, все его ближайшие родственники также были военными моряками и хорошо знали морскую жизнь не понаслышке. Александр постоянно чувствовал дыхание моря, правда, пока Балтийского, но мечты уносили его в океанские просторы к далеким материкам. Вполне понятно, что учеба в 6-й классической петербургской гимназии не удовлетворяла юношу. Он рано по рассказам и книгам познакомился с полными героизма и самоотверженности морскими баталиями, в которых русские моряки готовы были умереть, защищая честь Андреевского флага. А воспоминания отца о защите Севастополя настолько запали в душу ребенка, что он без Морского кадетского корпуса уже не мог представить свою дальнейшую жизнь и спокойно спать¹.

Василий Иванович привел своего маленького “несмышленишка” в Кадетский корпус и подал на имя начальства такую реляцию:

“В канцелярию Морского училища от подполковника Колчака. Прошение. Желая определить на воспитание в младший приготовительный класс Морского училища моего сына Александра Колчака, я, нижеподписавшийся, имею честь представить при сем метрические свидетельства о рождении и крещении его и мой послужной список. Если по принятии Александра Колчака в училище начальство оного признает нужным невзлюбить его, вследствие дурного его учения или поведения, а также вследствие появления таких болезней, которые препятствуют службе его на флоте, то я обязуюсь по первому требованию училища без замедления взять его обратно на свое попечение. Март 22 дня 1888 года. Подполковник Колчак (подпись).

С.-Петербург, Поварской пер., дом 6, кв. 6”².

Уведомление о принятии Александра Колчака было получено 14 апреля 1888 г. за № 423. Мечта отца сбылась.

В 1892 г. как наиболее успевающего по всем учебным показателям в Морском кадетском корпусе А.В. Колчака производят в младшие ун-

¹ Морской кадетский корпус 2 июня 1867 г. был переименован в Морское училище (РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 112446. Л. 1). В 1891 г. восстановлено прежнее наименование – Морской кадетский корпус. Положение о корпусе утверждено 22 февраля 1894 г. Имеется 6 классов с годичным курсом, три младших называются общими, а три старших – специальными. Для поступления в младший общий класс требуются познания в объеме курса первых трех классов реального училища. Прием по конкурсу (ежегодно 60 учащихся); имеют преимущество дети военных чинов Морского ведомства. Воспитанники трех младших классов имеют звание “кадет”, а трех старших – “гардемарин”. При выполнении ими требований морского ценза производятся после окончания Морского кадетского корпуса (осенью) в мичманы. Больные и неспособные к военно-морской службе награждаются гражданскими чинами: чиновник X или XII класса (Энцикл. слов. / Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1896. Т. 38 (19а). С. 906–907).

² РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7174. Л. 2.

Здание Морского кадетского корпуса.
А.В. Колчак учился здесь с 1888 по 1894 г.

тер-офицеры, а вскоре его назначают фельдфебелем (наставником) младшей роты.

Если мы обратим свой взор на приведенный нами ранее послужной список легендарного родителя Василия Колчака, то прочтем много поучительного и полезного для воспитания молодого поколения на славной морской ниве и поймем, что удачное знакомство юного Александра Колчака, т.е. будущего гардемарина, с героическими традициями Российского Флота состоялось уже давно.

Сам он так вспоминал годы учебы в корпусе: “В Морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым...” [6, с. 244].

Александр Колчак по собственной инициативе уступил первенство своему товарищу – гардемарину Д. Филиппову, которое ему предлагали как фельдфебелю при окончании учебы в корпусе. Он в силу своей исключительной порядочности и честности добровольно отдал “пальму первенства” своему однокурснику, удовлетворившись вторым местом. А это было непросто для человека самолюбивого и самонадеянного, каким, в сущности, был Колчак до последних дней своей жизни.

Спустя годы, одноклассник А.В. Колчака по Морскому кадетскому корпусу Д.В. Никитин так вспоминал о нем: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с уважением... Ментор этот, один из первых кадетов по классу, был как бы постоянной справочной кни-

гой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: “Надо Колчака спросить”» [5, с. 14].

М.И. Смирнов – кадет младшей роты, а впоследствии боевой соратник А.В. Колчака, начальник штаба Черноморского флота в 1916 г. (когда Колчак был командующим) и морской министр в омском правительстве – опубликовал в парижской эмиграции в 1930 г. первую биографию А.В. Колчака [11, с. 7–60]. Он писал: “В 1893 году гардемарин Колчак был назначен фельдфебелем младшей роты. Здесь я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты. Колчак, молодой человек, невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков, внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь” [11, с. 8].

Или такая характеристика кадета Колчака: “...страстная влюбленность в военное дело, жадность испытующего ума; всегда с книжкой, всегда мечты о подвигах, о великих трудах...” [12, с. 2].

“В ученические годы Александр увлекался военной историей и точными науками. Частые посещения Обуховского завода дали ему технико-практические знания по артиллерийскому и минному делу. Отец познакомил его с британским заводчиком У.Дж. Армстронгом, который предлагал ему продолжить обучение на английских заводах. Но у юноши возобладали желание служить во флоте” [13, с. 51].

За исключительно большие успехи в учебе выпускникам Морского кадетского корпуса вручались денежные премии и дипломы. Обычно из каждого выпуска награждались первые пять–шесть человек, премии распределялись по старшинству. “За отличие в учебе гардемарин Колчак был удостоен денежной премии в размере 300 рублей имени известного адмирала Петра Ивановича Рикорда (1776–1855), Управляющего Камчаткой с 1817 года по 1822 год” [14, с. 138].

Адмирал Петр Иванович Рикорд
(1776–1855)

Адмирал П.И. Рикорд отличился и в морских сражениях, командуя эскадрой в Средиземном море во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Его заслуги как ученого географа и мореплавателя были высоко оценены научными кругами, он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук¹.

Александр Колчак гордился такой престижной премией, и после окончания корпуса его мечты о путешествии в полярные страны принимают все более отчетливые контуры. “Этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца отличали на протяжении всей жизни незаурядный ум и исключительная честность”, – скажут о нем много лет спустя его соратники по Омску [15, с. 14].

¹ Научные заседания Академии стали проводиться в 1725 г., а в декабре 1725 г., уже после смерти Петра I, состоялось ее официальное открытие. По регламенту 1747 г. она называлась “Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге”, с 1803 г. – “Императорская академия наук”, с 1836 г. – “Императорская Санкт-Петербургская академия наук”, с июля 1917 г. – “Российская академия наук”, с июля 1925 г. – “Академия наук СССР”, с декабря 1991 г. – “Российская академия наук”.

Назначение на крейсер “Рюрик”. Заграничное плавание в Тихом океане. Возвращение в Санкт-Петербург. Новые планы на многие годы

Морское крещение

После окончания Морского кадетского корпуса Александр Колчак был прикомандирован к 7-му флотскому экипажу и пробыл там несколько месяцев. Осенью 1894 г. после стажировки по штурманскому делу был произведен в мичманы с вручением золотых погон – первого офицерского чина [16].

В 1895 г. он начал плавание на крейсере 1-го ранга “Рюрик”, совершив переход из Кронштадта через Суэцкий канал во Владивосток. “Рюрик” строился в Англии на знаменитой судостроительной верфи в Глазго [17, с. 188]. Судостроители оснастили крейсер совершенным для того времени оборудованием: башенные орудия выглядели грозно, внушительно и даже величественно. Крейсер был по-настоящему хорош, но служить на нем было тяжело. А.В. Колчака назначили помощником вахтенного начальника. Однообразная служба вахтенного офицера не очень нравилась молодому мичману, но он добросовестно выполнял возложенные на него обязанности.

После “Рюрика” молодой мичман перешел на “Крейсер” – корабль такого же типа, но 2-го ранга, на котором уже в должности вахтенного начальника он плавал до конца 1898 г. в Тихом океане, а в мае 1899 г. вернулся в Кронштадт.

В эти же годы А.В. Колчак проводил первые исследования по гидрологии, изучая поверхностную температуру течения и удельный вес морской воды. Молодой исследователь уточняет и совершенствует методы наблюдений и выверяет правильность карт холодных течений у берегов Кореи [18]. Как показали дальнейшие события в период русско-японской войны, карты течений имели огромное стратегическое значение, ими пользовались для размещения минных полей, минных банок и т.д.

Работа, выполненная Колчаком, называлась: «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 г.» [18], и была опубликована в 1899 г., т.е. более 100 лет назад выпущен первый научный труд “мичмана А.В. Колчака”, как подписался сам автор публикации.

Те, кто знал совсем молодого Александра Колчака, называли его мечтателем и романтиком. Он грезил полярными странами с их еще не

ЗАПИСКИ ПО ГИДРОГРАФИИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ГЛАВНЫМЪ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

Выпускъ XX.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.		СТР.
I. Обзоръ лоци Тихаго океана. З. М.	1	XIII. Уровнемѣръ шведской системы. С. Савтговъ.	81
II. Monthly current charts for the Indian Ocean. З. М.	7	XIV. Лодманскія карты Сѣвернаго Атлантическаго океана за 1898 г. (Pilot-charts of the N. Atlantic for 1898, Washington). Ф. В.	88
III. Monthly current charts for the Atlantic Ocean. З. М.	11	XV. Лодманскія карты Сѣвернаго Тихаго океана за 1898 г. (Pilot-charts of the N. Pacific for 1898, Washington). Ф. В.	92
IV. Quarterly current charts for the Pacific Ocean. Баронъ Э. Майдель.	16	XVI. Наблюденія надъ <u>поверхностными температурами в удѣльными вѣсами морской воды, произведенныя на крейсерахъ «Рюрикъ» и «Крейсеръ» съ мая 1897 г. по мартъ 1898 г. Мичманъ Иочмакъ.</u>	95
V. Запѣтка о Куро-Сиво. Перевелъ Ф. В.	25	XVII. Циклонъ 9-го юня 1898 года въ Желтомъ морѣ. С. Савтговъ.	114
VI. Убѣжище отъ тайфуновъ у китайскихъ береговъ. З. М.	29	XVIII. Атмосферныя теченія, ихъ связь съ распредѣленіемъ атмосфернаго давленія на землѣ и съ характеромъ погоды. М. Поморцевъ.	120
VII. Образование льда въ промежуточныхъ слояхъ морской воды. З. М.	34	XIX. Опыты надъ туманными сигналами въ Сѣверной Америкѣ и во Франціи. Ю. Шонвальснй.	187
VIII. Отчетъ объ астрономическихъ и топографическихъ работахъ шт. кап. Ислямова въ Карабугазской экспедиціи 1897 г. Ис. Ислямовъ.	37	XX. Свѣдѣнія о выброшенныхъ въ Черномъ морѣ и найденныхъ на берегу бутылкахъ. Ф. В.	283
IX. Гидрографическія работы англійскаго адмиралтейства. (Hydrographic office) въ 1896 г. З. М.	53		
X. Поверхностныя теченія въ югозападной части Балтійскаго моря, и ихъ зависимость отъ вѣтровъ. З. М.	57		
XI. Предлагаемыя средства для провозводства прибрежнаго промѣра. П. Шубинъ.	65		
XII. Новая сигнальная система штормовыхъ предостереженій у китайскаго побережья. З. М.	76		

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899.

Вышелъ 28 Августа 1899 года.

Авторъ статьи подъ номеромъ XVI — мичманъ А. В. Колчакъ

открытыми “белыми пятнами”, восхищался подвигами викингов и поморов – смелых мореплавателей, дерзнувших познать неизведанный мир. Самой заветной его мечтой был тернистый путь к таинственному Южному полюсу.

В автобиографии Колчак так напишет о своем увлечении: “Еще будучи в корпусе и во время плавания на Восток (Дальний Восток. – В.С.), я интересовался океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователями – адмиралами Беллинсгаузеном и Лазаревым” [5, с. 17].

Александр Колчак все свободное время уделял книгам. Его очень заинтересовала личность адмирала Жана-Франсуа де Траверсе, который более 17 лет был морским министром России с 1811 по 1828 г. Адмирал де Траверсе родился в 1754 г. на Антильских французских островах, на о-ве Мартиника, где вечнозеленая, буйная субтропическая растительность скачным разноцветием украшала этот райский уголок земли. “кокотливо” встречающий каравеллы и фрегаты разных стран. Будущий адмирал де Траверсе учебу свою начал во Франции в Морской школе гардемарин в городе Рошфоре и продолжил в школе такого же типа в Бресте.

Семья Траверсе владела большими плантациями сахарного тростника. Когда в 1778 г. началась война между Францией и Англией за раздел плантаций сахарного тростника и кофе на Антильских островах, молодой гардемарин успешно участвует в морских сражениях. В возрасте 25 лет ему присваивают звание лейтенанта французского флота, и он становится капитаном военного корабля. Его талант раскрывается в первых же морских баталиях с англичанами. Де Траверсе удается захватить 22 британских корабля и передать их французскому морскому командованию. Ему вручают высокие награды, а слава о нем, как лучшем полководце своего времени, широко распространяется за пределами Франции и доходит даже до России.

Во время Французской революции (1789–1794 гг.), названной во Франции Великим террором, маркиз де Траверсе попал в число неугодных, ему грозила смертная казнь. Даже выдающемуся химику А. Лавуазье его слава и великие открытия не сохранили гениальной головы, а ведь такие головы появляются один раз в столетие. Таким образом, революция внесла много сложностей в жизнь де Траверсе, ему пришлось даже скрываться. Императрица Екатерина II приглашает его в Россию, и он с ликующим сердцем отправляется в Санкт-Петербург. Так, в 1791 г. он оказывается на берегах Невы и получает высокую должность командующего эскадрой парусных и весельных фрегатов на Балтике. В 1801 г. маркизу де Траверсе присваивают звание адмирала флота Российского. Он становится командующим морскими и сухопутными силами Крыма и Кавказа.

Император Александр I высоко оценил деятельность адмирала и в 1809 г. назначил его управляющим делами Морского министерства, а через два года он становится морским министром. Именно де Траверсе

организует экспедицию Беллинсгаузена и Лазарева к Южному полюсу, которая завершается выдающимся географическим открытием пятого континента – Антарктиды [19].

Александр Колчак находился долгое время под впечатлением от географических открытий, но главное – его восхищали люди мужественные, бесстрашные, целеустремленные. Ведь рискнул маркиз де Траверсе уехать в “Северную пальмиру” на Неве... И блестящая судьба его состоялась. “Человек сумел проявить себя, когда ему были созданы соответствующие условия”, – возможно, думал юный Колчак, выбирая на карте конечный пункт своих предстоящих путешествий.

Полярные первопроходцы

Так уж повелось! В полярных странах великие открытия не раз вершили лейтенанты, а на долю седых адмиралов доставались многочисленные воспоминания, где сказано-пересказано все, что было и не было в славные лейтенантские годы. Многие лейтенанты обязаны Арктике своей славой, а Арктика им – открытыми островами и землями, на которых они, лейтенанты, побывали первыми. Всем известны великие исследователи Русского Севера – лейтенанты Петр Анжу (1796–1869), Фердинанд Врангель (1796/97 – 1870), Георгий Седов (1877–1914) и многие другие.

Лейтенанты П. Анжу и Ф. Врангель были участниками знаменитой Русской экспедиции 1821–1828 гг. Они продолжили великие начинания, завещанные еще Петром I, в освоении северных провинций Сибири [20, с. 43–45].

М.В. Ломоносов проявлял особый интерес к проблемам Северного Ледовитого океана. В отчете о выполненных исследованиях в 1755 г. он указал на “Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном”, хотя Письмо не сохранилось, но в работе Ломоносова “Краткое описание разных путешествий по северным морям и показаний возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию” текст Письма содержится почти полностью.

Полярную экспедицию по проекту М.В. Ломоносова пытались осуществить в 1765 г. Руководство и организация были поручены капитану 1-го ранга (впоследствии адмирал) В.Я. Чичагову (1726–1809). Ему предписывалось отыскать морской путь из Архангельска вдоль берегов Шпицбергена и далее через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки и Камчатки. В 1764 г. еще при жизни М.В. Ломоносова В.Я. Чичагов начал подготовку к экспедиции.

Парусные суда “Чичагов”, “Попов”, “Баев”, названные по фамилии своих капитанов, в 1765 г. вышли из Архангельска и направились в Баренцево море, а дальше шли между Гренландией и Шпицбергенем, пытаясь подняться к 80° с.ш., но, встретив тяжелые, сплошные льды, вынуждены были вернуться. Новая попытка, предпринятая в 1766 г., оказалась столь же безуспешной [21, с. 248].

Таким образом, идея М.В. Ломоносова относительно открытых от льда пространств в Ледовитом океане не подтвердилась. Однако в дальнейшем экспедиции Э.В. Толля и А.В. Колчака обнаружили наличие севернее о-ва Новая Сибирь огромных незамерзающих акваторий, так называемую Великую сибирскую полыню, которая преградила путь экспедиции лейтенанта Анжу в 1821–1822 гг., передвигавшейся на собачьих упряжках.

Большая заслуга в деле изучения сибирских окраин России принадлежит первой русской экспедиции 1734–1742 гг., состоявшей из отрядов Второй Камчатской экспедиции во главе с лейтенантами Дмитрием и Харитоном Лаптевыми, С. Малышевым, Д. Овцыным, В. Прончищевым и штурманами Ф. Мининым, С. Челюскиным. По небывалому размаху съёмки (от р. Печора до р. Колыма) эти отряды получили название Великой Северной экспедиции.

Экспедиции испытывали огромные лишения, цинга буквально косила людей, но первопроходцы продолжали свое дело, понимая всю важность открытий новых земель для процветания Отечества и расширения его границ и промыслов.

В Арктику устремились и зарубежные исследователи, пытаясь первыми водрузить флаги своих стран на вновь открытых островах. Американская полярная экспедиция к Северному полюсу на паровой яхте “Жаннетта” под командованием Джорджа Де-Лонга в июне 1881 г. осталась без судна. После двухлетнего плавания в арктических водах, выйдя из Сан-Франциско, пройдя Берингов пролив, яхта была затерта льдами севернее о-ва Врангеля. Ледяные челюсти раздавили хрупкую “Жаннетту”, и большая часть команды и сам Де-Лонг погибли от холода и голода. Экспедиции удалось открыть три новых острова, получивших название “Жаннетта”, “Генриетта” и “Беннетта”. Последний назван в честь издателя нью-йоркской газеты Гордона Беннетта, снарядившего экспедицию. Сведения об о-ве Беннетта были совсем скудные, оставались неясными даже размеры открытой Де-Лонгом земли. А к северу от Новосибирских островов многие десятилетия искали Землю Санникова.

Жизнь Александра Колчака сложилась так, что свою полярную одиссею он начал не с Южного полюса, а с Арктики, вернее с поисков Земли Санникова. Он уже обрел некоторый жизненный опыт в даль-

Американский полярный
исследователь Джордж Де-Лонг
(1844–1881)

Адмирал Степан Осипович Макаров
(1848/1849–1904)

них плаваниях и реально понимал, с какими трудностями и риском связаны поиски новых путей, новых земель в Арктике. Знал, что, ставя на карту свою жизнь, полярные мореплаватели нередко навеки исчезали в ледяной пустыне. Но все же не бесследно, потому что за ними шли другие...

Вот в начале XIX в. охотник-промысловик Яков Санников увидел в Ледовитом океане, далеко-далеко у самого горизонта, контуры Земли. Сам того не ведая “учинил он вокруг маленькой Земли большую неразгаданность”, длившуюся целый век. Четыре поколения полярников искали Землю Санникова!

Одни говорили: “Земля есть”. Другие возражали: “Нет такой Земли! Земля – не иголка, затеявшаяся в стоге сена”. “А ведь ее все же видели”, – снова бросали зерно сомнения трети. И опять кто-то шел на поиски..., кто-то шел впереди...

В существование этих дальних недоступных островов так крепко уверовал М.М. Геденшторм¹, что первым показал их на своей карте, изданной в 1811 г., с надписью: “Земли, виденные Я. Санниковым” [22, с. 3], полагая, что имеется не один, а целых три острова.

¹ Геденшторм Матвей Матвеевич (1781–1864). В молодости учился в Дерптском университете, но не окончил его и поступил на службу в Ревельскую таможню. В связи с делом о контрабанде попал под суд и был выслан в Сибирь. В 1808 г. явился в администрацию Иркутска и получил служебное поручение – исследовать берега Ледовитого океана. Помощником его был назначен геодезист Пшеницын. Не подготовленный к научным занятиям, но способный, Геденшторм должен был первоначально много заниматься, чтобы научиться определять долготу и широту местности и вообще обращаться с научными приборами. В 1809 г. он посетил восточную часть открытого промышленником Сыроватским в 1806 г. острова и дал ему название Новая Сибирь, которое было утверждено в 1810 г. В 1813 г. был принят на службу в канцелярию известного иркутского губернатора Трескина, с которым подружился [23, с. 304]. М.М. Геденшторм продолжил, помимо административных обязанностей, географические изыскания, описывая вновь открытые Земли и акватории в Сибирском регионе. Там он привлек к географическим исследованиям мещанина Якова Санникова, промышленявшего мамонтовую кость и летовавшего на северных островах с 1805 г. Я. Санникова пригласил Геденшторм для описания островов, “особливо тех, что отысканы впервые”. Именно Санников первый увидел Землю, названную его именем.

Земля Санникова не давала покоя многим исследователям Арктики, среди них были уже названный нами лейтенант американской армии Де-Лонг, шведский мореплаватель Н.А. Норденшельд, русский естествоиспытатель А.Ф. Миддендорф, адмирал Российского Флота С.О. Макаров и многие другие.

Адмирал С.О. Макаров (1848/1849–1904) – один из самых выдающихся деятелей Российского Флота. Он всячески поощрял изучение сибирской Арктики и стремление молодых офицеров в дальних плаваниях заниматься научными изысканиями, которые не были предусмотрены служебными инструкциями.

С.О. Макаров постоянно обращал внимание на строгую запись всех проводимых наблюдений в море, точную фиксацию обнаруженных фактов. “Пропуски в наблюдениях, – пишет он, – не составляют важного недостатка, но непростительно заполнять пустые места воображаемыми величинами” [24, с. 243]. Он любил повторять одну поучительную фразу, принадлежащую вышедшему в отставку офицеру Тимофею Тимофеевичу Будрину, который отмечал: “Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем...” Слова эти стоят многого, их надо вывесить на поучение молодежи, заключал адмирал [там же].

Книга С.О. Макарова «“Витязь” и Тихий океан: Гидрологические наблюдения, произведенные офицерами корвета “Витязь” во время кругосветного плавания 1886–1889 гг., и свод наблюдений над температурой и удельным весом воды северного Тихого океана» была буквально настольным учебником мичмана Колчака, именно она способствовала появлению интереса к океанографическим исследованиям. Поэтому, плавая на “Рюрик” и “Крейсер”, Колчак стремился получить не только практический опыт строевого офицера на военном корабле, но и океанологические навыки и при каждом удобном случае по собственной инициативе проводил химико-гидрологические измерения. В Желтом и Японском морях он изучал плотность, соленость и температуру морской воды. Увлекаясь научными исследованиями, молодой и энергичный А. Колчак добросовестно выполняет все служебные обязанности, а потому всегда был образцом и примером в глазах начальства.

Капитан 1-го ранга, а позднее адмирал Г.Ф. Цывинский, приняв в 1897 г. командование “Крейсером”, сразу же обратил внимание на толкового и широко эрудированного мичмана А.В. Колчака: “На крейсер, – писал он, – было прислано с эскадры 100 человек лучших здоро-

М.М. Геденшторм был человеком умным, знающим, способным, добрым, помогающим крестьянам не только советом, но и деньгами и оставивший в народе о себе добрую память. Имея много положительных черт, Геденшторм не лишен был и отрицательных. Если можно было что-то прибрать к рукам, он незамедлительно это делал. Любил широко пожить и путем обмана нажил большое состояние при закупке хлеба по поручению губернатора. Пытался все свалить на губернатора, выгораживая себя, но был обвинен в казнокрадстве и отстранен от должности. Последние годы жизни беспорядочно пьянствовал и умер в крайней нищете [23, с. 305].

вых и грамотных матросов для подготовки в унтер-офицеры. Они были разделены на 4 вахты, и в каждую вахту назначен офицер, он же и учитель своей вахты... Одним из вахтенных учителей был мичан А.В. Колчак. Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер; он обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений. Служил на крейсере младшим штурманом до возвращения в Кронштадт в 1899 г.” [25, с. 160].

А.В. Колчак в поисках философских истин

“Товарищи Колчака по плаваниям отмечали, что он находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока его влечет и позднее, когда в 1917–1918 гг. он оказался в Японии и Китае. Чтобы иметь возможность читать произведения китайских мыслителей в подлиннике, он изучил китайский язык” [5, с. 16]. Большой интерес он проявлял к учению секты Зен, уделяющей главное внимание воинствующему буддизму.

В конце XIX в. многие молодые люди, в большинстве своем студенты и будущие офицеры увлекались философскими воззрениями Артура Шопенгауэра (1788–1860). Его натурфилософия привлекала молодежь тем, что позиция А. Шопенгауэра по многим вопросам была близка и понятна новому поколению, находящемуся под влиянием настроений в обществе, пронизанных революционным свободомыслием и ожиданием больших социальных перемен.

Российская интеллигенция в конце XIX в. оказалась в центре процессов, ведущих к большим экономико-социальным изменениям в обществе, многие настаивали на пересмотре всего существующего уклада жизни в стране. Воздух России все больше наполнялся призывами времен Великой Французской буржуазной революции: “Свобода, Равенство и Братство”. Эти слова будоражили пылкие умы неокрепших социал-революционеров и звали к новым кровавым деяниям. Нередко они замахивались на монархические устои Российского государства. Достаточно вспомнить покушение и убийство народовольцами Александра II в 1881 г.

Однако выпускники Морского кадетского корпуса были воспитаны на принципах уважения и защиты существующей системы государственного управления. Да и сама присяга, принимаемая выпускниками военных заведений, вменяла в святую обязанность, когда потребуются, отдать жизнь “за Веру, Царя и Отечество”. На основании законов Империи государь в России являлся источником не одной лишь законодательной, но и исполнительной власти, поэтому и власть в управлении на всем пространстве России принадлежала Государю. Эти постулаты были незыблемыми для выпускников Морского кадетского корпуса.

Революционные веяния в стране пока не вносили в жизнь и умонастроения мичмана Александра Колчака каких-либо существенных из-

менений. Однако стремление к независимости, самостоятельности, поиску главной линии в жизни и даже попытки принять участие в англо-бурской (Грансваальской) войне, несомненно, формировались под влиянием значительных социальных перемен в российском обществе.

Многие идеи Артура Шопенгауэра в этот период жизни А. Колчака могли быть созвучны и вполне соответствовать настроениям человека, жизнь которого была постоянно направлена на поиски нового, неординарного... Кто знает, возможно, именно эти идеи способствовали становлению и формированию основных жизненных позиций мичмана.

Разве не могли вызвать тогда восхищения и глубокого раздумья у молодого поколения такие строки, написанные Артуром Шопенгауэром [26, с. 5–6]: “Наша жизнь – безостановочное движение, и полное безделье скоро становится невыносимым, порождая отчаянную скуку. Эту потребность в движении надо регулировать, чтобы методически – и, следовательно, полнее – удовлетворить ее. Поэтому заниматься “чем попало”, делать что придется или по крайней мере учиться чему-нибудь, словом, та или иная деятельность необходима для счастья человека: его силы стремятся быть использованными, а сам он желал бы видеть известный результат их применения. Наибольшее удовольствие в этом мы получаем, если смастерили, изготовили что-либо, будь то корзина или книга; видеть, как с каждым днем вырастает в наших руках и становится наконец законченным какое-либо творение, доставляет нам непосредственное счастье. Несущественно, художественное ли это произведение, очерк или просто рукоделие; хотя, правда, чем благороднее труд, тем больше наслаждения дает он. С этой точки зрения счастливее всех высокоодаренные люди, сознающие в себе способность создавать серьезные, великие и связанные общей мыслью труды...”

Для них мир и его жизнь представляют, помимо общего для всех материального интереса, еще другой, более высокий и действительный интерес, дающий материал для их творений...

Во всяком случае, каждый должен по мере способностей заниматься чем-нибудь... Трудиться, бороться с препятствиями это такая же потребность для человека, как рыться в земле – для крота. Бездействие, которое явилось бы следствием полного удовлетворения в силу непрерывных наслаждений, было бы невыносимым. Главное наслаждение – одолевая препятствия, будь то препятствия материальные, как при физическом труде и в житейских делах, или духовные, как в науке и исследованиях, все равно: борьба с ними и победа дают счастье. Если нет повода к борьбе, человек как-нибудь создает его... Трудно при праздности найти покой” [26, с. 155–156].

Энтузиазм молодости и тщеславные амбиции Александра Колчака получили первую долю вознаграждений. Наплавав в заграничных и внутренних водах определенный морской ценз для чинопроизводства (морской стаж) Колчак-2 (Колчак-второй, так он значился по списку личного состава флота) произведен в долгожданные лейтенанты в декабре 1898 г.

Звание “лейтенант” в Российском Флоте занимало особое место и котировалось весьма высоко. Флотские “табели о рангах” содержали

всего четыре офицерских чина¹: мичман, лейтенант, капитан 2-го ранга и капитан 1-го ранга. Непродолжительное время с 1906 по 1911 г. вводилось звание “капитан-лейтенант, а с 1907 г. “табели о рангах” дополняются званием “старший лейтенант”. Поэтому многие кругосветные плавания возглавлялись лейтенантами, им доверялось и командование крупными военными кораблями. Для выполнения плавательного морского ценза при производстве в капитаны 2-го ранга требовалось иногда от 8 до 10 лет, и юные лейтенанты успевали превратиться в солидных морских офицеров, отягощенных семьями и домашними хлопотами, обременительными не только для военного, но и для гражданского человека. Многим морским энтузиастам, получившим чин капитана 2-го ранга, было уже не до кругосветных плаваний.

Производство в лейтенанты позволило А. Колчаку подняться на ступеньку выше по службе, он становится штурманским офицером 2-го разряда.

Вернувшись весной 1899 г. в Кронштадт, молодой лейтенант недолгое время плавал во внутренних водах по линии Морского кадетского корпуса на крейсере “Князь Пожарский”. Как он говорил, это было “худшее, что я только мог представить”².

Вахтенная служба, столь серьезная на военных кораблях, осуществ-

¹ А. Для получения чина “мичман” требуется совершить не менее четырех плаваний, в том числе одно, продолжавшееся не менее четырех месяцев в звании гардемарина.

Б. Для производства в лейтенанты необходимо иметь в общей сложности 50 месяцев плавания, включая в это число как гардемаринское плавание, так и плавание в звании кадета Морского кадетского корпуса.

В. Для производства в капитаны 2-го ранга надо 98 месяцев плавания в общей сложности, в том числе 58 месяцев (до 1891 г. требовалось 48 месяцев) в чине лейтенанта.

Г. Для производства в капитаны 1-го ранга требуется, чтобы производимый проплавал 12 месяцев в должности старшего офицера и прокомандовал кораблем 2-го ранга не менее 12 месяцев.

Д. Для производства в контр-адмиралы необходимо командовать кораблем 1-го ранга и совершить в этом звании внутреннее плавание, продолжавшееся 8 месяцев, или заграничное плавание, продолжавшееся не менее 12 месяцев.

Е. Для производства в вице-адмиралы необходимо, чтобы контр-адмирал совершил в звании начальника отряда или эскадры 12-месячное внутреннее плавание или 24-месячное заграничное.

Для выполнения условия ценза установлены очередное назначение офицера на суда заграничного плавания, а также периодическая смена командиров судов и начальников отрядов и эскадр, причем наблюдается, чтобы никто не оставался на берегу дольше предельных сроков: для адмиралов – 10 лет, для штабс-офицеров – 7, для обер-офицеров – 4 года, по истечении которых офицеры подлежат зачислению во флот или в запас. Имеется положение о предельном возрасте, при достижении которого нельзя более оставаться на действительной службе: для лейтенанта 47 лет от роду, для капитана 2-го ранга – 51 год, для капитана 1-го ранга – 55 лет, для контр-адмирала – 60, для вице-адмирала 65 лет (*Брокгауз Ф.А. и Ефрон А. Морской ценз. Энциклопедический словарь. 1896. Т. 38(19а). С. 912–913.*)

² РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об., 2.

ляет контроль за работой сложнейшего судового организма и несет практически всю ответственность за его живучесть и жизнестойкость. Однако однообразие и монотонность работы вахтенного “начальника” произвела на А.В. Колчака удручающее впечатление. Молодого лейтенанта можно было понять, ведь он готовил себя для открытия загадочных полярных стран, а на деле превратился в маленький “винтик” огромного корабля, где люди и техника составляли одно целое. Конечно, непосредственно эта морская служба, утомительно повторяющаяся изо дня в день, по сути своей малопродуктивна, она противоречила такой творческой личности, как А.В. Колчак, и, естественно, могла ему не нравиться. Он искал разные другие способы применения своих сил, даже хотел бросить военную карьеру и уйти в коммерческий флот. Так, на крейсере “Князь Пожарский” он встретился с одноклассником по Морскому корпусу лейтенантом Стрельманом [27, с. 16]. Их сблизили научные интересы, они вместе решили подать осенью в отставку и заняться гидрологией северной части Тихого океана, т.е. как бы продолжить исследования этого района, начатые адмиралом С.О. Макаровым на корвете “Витязь” [20, с. 31]. Однако Колчак вскоре получил новое назначение на эскадренный броненосец “Полтава” и 4 сентября 1899 г. отбыл в качестве вахтенного начальника к месту дальнейшей службы.

Служба на броненосце “Полтава” была совсем недолгой, всего две недели. Благодаря усилиям А.В. Колчака 17 сентября 1899 г. его назначили на эскадренный броненосец 1-го ранга “Петропавловск”. Намечалось плавание из Кронштадта через Суэцкий канал на Дальний Восток. Такое плавание отвечало тем целям, которые лейтенант Колчак наметил себе на ближайшее время. В сентябре “Петропавловск” отплыл из Кронштадта в порт Пирей.

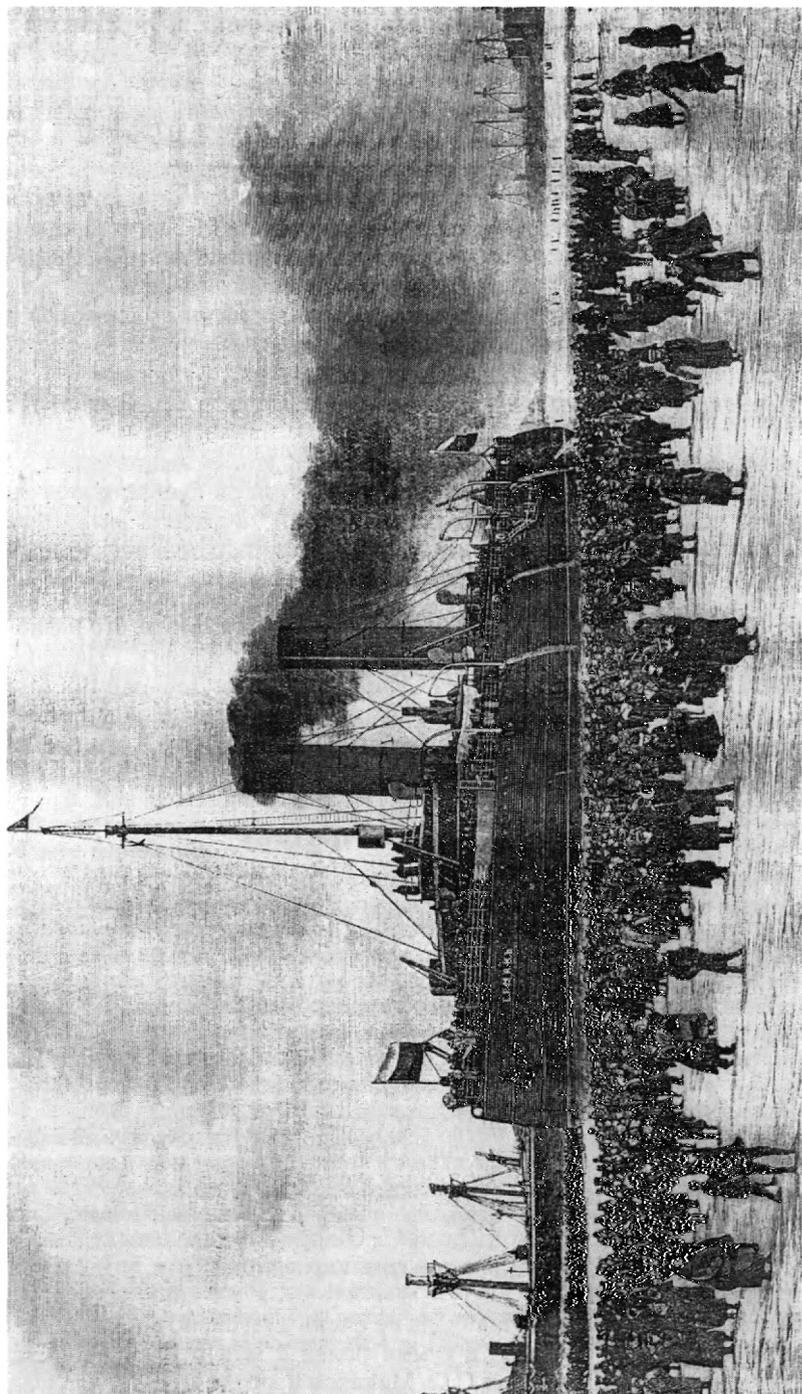
“Ермак” уходит в Арктику

Для России 1899 г. был “урожайным” в деле организации полярных экспедиций. Намечались сразу две. Одну из них на ледоколе “Ермак” возглавил адмирал С.О. Макаров, другую на шхуне “Заря” – известный полярный геолог Э.В. Толль.

В Императорском русском географическом обществе С.О. Макаров неоднократно выступал с лекциями, в которых доказывал необходимость расширения исследовательских работ в Арктике. Одна из его лекций так и называлась: “К Северному полюсу напролом”. Адмирал был уверен, что при наличии мощного ледокола арктические льды перестанут быть тяжелым препятствием для плавания.

И вот Российский Флот пополнился таким кораблем. В Англии со стапелей судостроительного завода в Ньюкасле сошел первый российский многотоннажный ледокол “Ермак”. Он предназначался для плавания в арктических широтах для проводки караванов судов, тем самым продлевая сроки навигации.

Предыстория строительства была не очень долгой, но добиться выделения средств для “Ермака” в сумме более 2 млн рублей было не очень простым делом. Адмирал С.О. Макаров и химик Д.И. Менделеев

Ледокол "Ермак" на кронштадтском рейде

совместными усилиями убедили министра финансов С.Ю. Витте в необходимости постройки такого корабля, и вопрос был решен положительно. Ими также была разработана план-программа первых исследовательских рейсов на “Ермаке”.

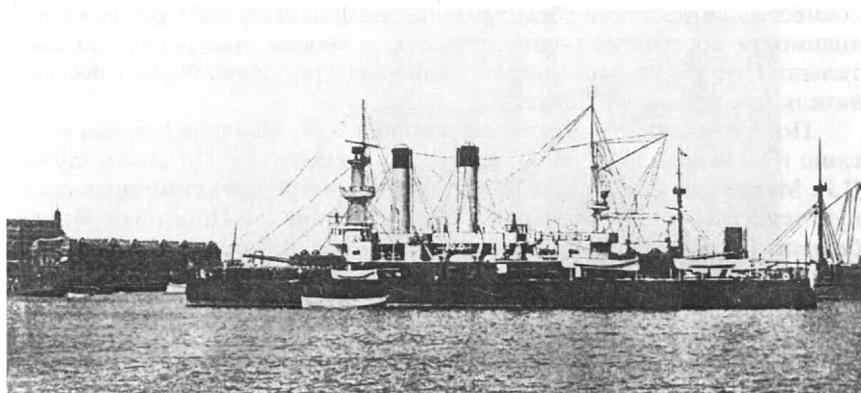
По окончании строительства адмирал С.О. Макаров прибыл в Англию и на ледоколе “Ермак” вернулся в Кронштадт. По этому случаю Д.И. Менделеев 25 февраля 1899 г. прислал в Кронштадт поздравительную телеграмму С.О. Макарову: “Лед, запирающий Петербург, Вы победили. Поздравляю. Жду такого же успеха в полярных льдах” [28, с. 113]. В “Петербургской газете” под заголовком “Новая эра в морской торговле” была опубликована беседа с Менделеевым по поводу постройки ледокола “Ермак” [29, с. 405].

Когда Александр Колчак увидел “Ермак” в Кронштадтском порту, он постарался приложить все силы, чтобы попасть в полярное плавание на этом ледоколе. Однако после возвращения “Крейсера” в Кронштадт, на котором он находился, времени на оформление документов у Колчака не хватило по той простой причине, что всего через два дня “Ермак” в свое первое плавание к о-ву Шпицберген отходил. Все усилия лейтенанта оказались тщетными.

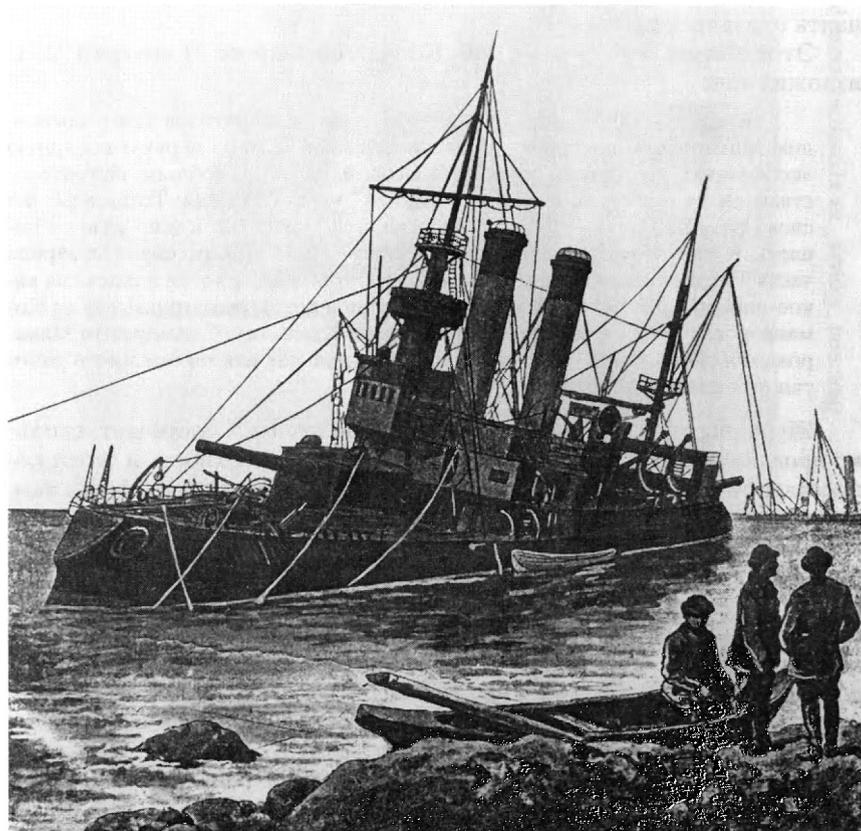
Этот эпизод своей жизни А.В. Колчак на допросе 21 января 1920 г. изложил так:

“Когда я в 1899 г. вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который уходил на “Ермаке” в свою первую полярную экспедицию. Я попросил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и “Ермак” ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что может быть мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию: меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова, к Берингову морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии” [6, с. 245–246].

Журналы тогда писали, что “Ермак” не столько прорезает, сколько продавливая лед, “наскакивает” на ледяную поверхность и своей колоссальной тяжестью вдавливает лед. Корабль обеспечен особыми якорями для зацепливания льда снизу. Ледокол имеет 71 непотопляемую переборку, которые устроены так, что в случае появления воды в одной из них автоматически заполняется противоположная, что устраниет возможный крен корабля. “Ермак” снабжен всеми современными научными приспособлениями, автоматическими приборами, имеет каюты 1-го класса для ученых экспедиции на 30 человек. Командует ледоколом капитан 2-го ранга М.П. Васильев. Но главный его командир – адмирал С.О. Макаров. В ответ на донесение о благополучном прибытии в Кронштадт адмирал получил телеграмму от Государя: “Поздравляю Вас с приходом в Кронштадт в это время года, радуюсь вместе с вами блестящему осуществлению Вашей мысли. Николай”. Все наделись, что сроки навигации торговых и промысловых судов, идущих по Северному морскому пути, благодаря “Ермаку” будут продлены на

Броненосец "Генерал-адмирал Апраксин" до аварии

Авария броненосца "Генерал-адмирал Апраксин"

много месяцев, а может быть, она станет круглогодичной. Одним словом, на новый ледокол стремились попасть многие молодые офицеры, но судьба наградила малую горстку таких счастливых. Как мы уже говорили, в их число Колчаку попасть не пришлось...

Популярность “Ермака” росла исключительно быстро. Экипажу ледокола приказали выполнить важное задание по спасению эскадренного броненосца “Генерал-адмирал Апраксин”, вынесенного на берег около о-ва Гогланд во время снежной бури осенью 1899 г. “Ермак” всю зиму доставлял уголь на броненосец для поддержания работы всех насосов, откачивающих воду, и питание для оставшейся части команды. “Генерал-адмирал Апраксин” вскоре вмерз в лед, и о его возможном снятии можно было бы говорить только весной 1900 г. С.О. Макаров поручил все спасательные работы проводить контр-адмиралу Ф.И. Амосову.

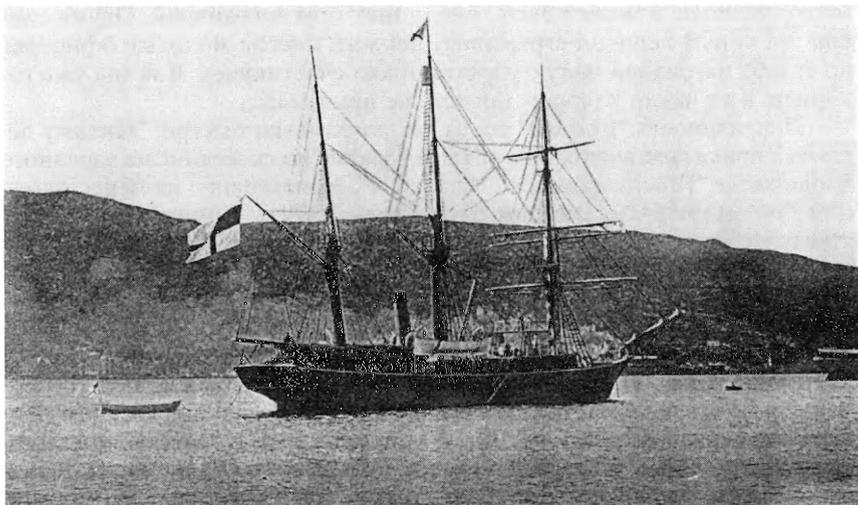
После многочисленных зимних и весенних рейсов наконец-то “Ермаку” удалось выполнить свою выдающуюся миссию по спасению “Генерал-адмирала Апраксина”. Днем 11 апреля 1900 г. “Ермак” после нескольких мощных рывков сумел все-таки стянуть броненосец “Генерал-адмирал Апраксин” в свободную воду и отбуксировал его в безопасное место. От командующего Балтийским флотом на имя С.О. Макарова пришла телеграмма следующего содержания:

«“Ермаку” и его доблестному командиру капитану 2-го ранга Васильеву “Апраксин” обязан спасением. В неприглядную снежную метель броненосец, обмотанный вытянутыми в струну цепями, стальными и пеньковыми тросами, прикреплявшими тысячу пятьсот квадратных футов пластырей, шел семь часов в струе “Ермака” ледяными полями между отдельными глыбами торосистого образования и каналом, пробитым в сплошном льду, и ни одна цепь, ни один трос не были перерезаны льдом» [30, с. 333–334]. Так завершилась грандиозная эпопея ледокола “Ермак” по спасению броненосца. Вся зимняя работа на корабле “Генерал-адмирал Апраксин” могла производиться лишь благодаря содействию “Ермака”. Не будь этого корабля, пришлось бы предоставить его собственной участи, ибо без угля нельзя выкачивать прибывающую воду, которая могла заполнить все судно и там замерзнуть.

Неудачи, связанные с желанием плавать на корабле “Ермак”, не охладили пылкого и решительного лейтенанта. Он начал добиваться своего включения в состав Русской полярной экспедиции под началом барона Э.В. Толля.

Александр Колчак пытается встретиться с Э.В. Толлем, но его нет в Петербурге, хотя вернуться из командировки он должен со дня на день. Тогда Колчак находит другой путь и обращается к председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту¹, но

¹ Шмидт Федор (Фердинанд) Богданович (1832–1908). Русский геолог, палеонтолог, зоолог и ботаник, академик с 1874 г. и почетный член Императорского русского географического общества с 1904 г. Руководил физическим отделом Сибирской экспедиции в Амурский край и остров Сахалин в 1859–1862 гг. В 1866–1867 гг. возглавлял экспедицию Императорской АН в низовья Енисея для исследования трупа мамонта. В 1873–1900 гг. – директор минералогического музея Императорской АН. Автор работ о ледниковых образованиях. Председатель Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции Императорской АН в 1899–1908 гг.

Шхуна “Заря”

окончательного решения об участии в Русской полярной экспедиции добиться все же не удастся. Даже беседа с самим Толлем не прояснила арктическую судьбу решительно настроенного лейтенанта.

Это и неудивительно. Будущий астроном экспедиции кандидат физико-математических наук Ф.Г. Зееберг даже в случае отказа ему как члену научной команды просил, чтобы его взяли простым кочегаром. Или, сначала получил отказ (26 мая 1900 г.) будущий врач экспедиции Г.Э. Вальтер¹, а ведь до начала экспедиции оставалось всего 25 дней (21 июня 1900 г.).

Подбор состава экспедиции – непростое дело для сложнейших условий плавания в Арктике. Э.В. Толль это хорошо создавал и всегда при разговоре с очередным претендентом на участие в экспедиции пытался как бы заглянуть в его душу. При разговоре Толль пристально-изучающе всматривался в человека и стремился понять, что же за личность скрывается за красивыми словами, полными энтузиазма, обещаний и надежд на доброе арктическое содружество...

Толль думал прежде всего о совместимости характеров, сможет ли этот человек ладить с коллективом и добросовестно выполнять свои обязанности. Ведь придется длительное время, возможно 2–3 года, общаться и постоянно находиться на маленьком замкнутом палубном пространстве, каким, в сущности, располагала шхуна “Заря”. Ее длина всего 44 м, максимальная ширина палубы около 10 м, водоизмещение 1045 т².

¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 825. Л. 1–3.

² Мощность вспомогательной машины у “Зари” – 228 л.с., у “Фрама” – 200 л.с., главной машины “Ермака” – 10 тыс. л.с.

“Первая наиболее важная задача, – пишет гидролог барон Ф.Ф. Врангель, – была разрешена самым счастливым образом: барону Толлю удалось привлечь к своему предприятию людей, стоящих и умственно и физически на высоте своей задачи; большинство из них уже побывало на Крайнем Севере и испытало там свои силы” [31, с. 110].

Лейтенант Колчак получил от Толля весьма неопределенный ответ и расценил его по сути дела как отказ...

Но Колчак не унывает, он рожден для великих свершений, и известие об англо-бурской войне окрыляет его новыми идеями. Он отплывает на эскадренном броненосце “Петропавловск” с надеждой в одном из южных портов списаться с корабля и вступить в ряды добровольцев, помогающих бурам защищать Трансвааль...

Англо-трансваальская война¹

Газеты многих стран 18 сентября 1899 г. объявили: “Мир находится накануне войны”.

На южном конце Африки, севернее принадлежавшей Англии Капской колонии приютилось маленькое государство в полмиллиона человек (130 тыс. белого населения и 370 тыс. местного населения), носящее название Южно-Африканская Республика, или Трансвааль. В связи с открытием золотых приисков в окрестностях Йоганнесбурга² Трансвааль стал тем лакомым кусочком, который уже давно стремилась захватить Англия. Коренное население Трансвааля буры – потомки голландских колонистов. Они готовы грудью отстаивать независимость родной страны от несправедливых и корыстных поползновений англичан вмешиваться в их внутренние дела. В столице Трансвааля – Претории – вполне готовы помёриться силами за правое дело с богатым и могущественным противником.

Лучшие люди Англии сознавали неправоту своего правительства, но, к сожалению, большинство английских газет, начиная с “Таймс” во главе, поддерживают корыстную политику Джозефа Чемберлена (1834–1914). Вооруженное столкновение буров с британскими войсками в Южной Африке неминуемо!

И вот война началась! В 11 ч утра 18 мая 1900 г. Йоганнесбург был сдан англичанам.

Многие российские газеты и журналы весьма подробно освещали в ноябре–декабре 1899 г. военные события в Южно-Африканской Республике, способствуя тем самым развитию взрывоопасного настроения среди петербургских интеллектуалов-социалистов с их вечным противостоянием и недовольством государственной системой. Буквально вся русская интеллигенция была на стороне буров, некоторые из сочувствующих отправились волонтерами в Трансвааль, готовые умереть за свободу Южно-Африканской Республики.

¹ Англо-бурская война в прессе 1899–1900 гг. называлась англо-трансваальской войной.

² Современное название – Йоханнесбург.

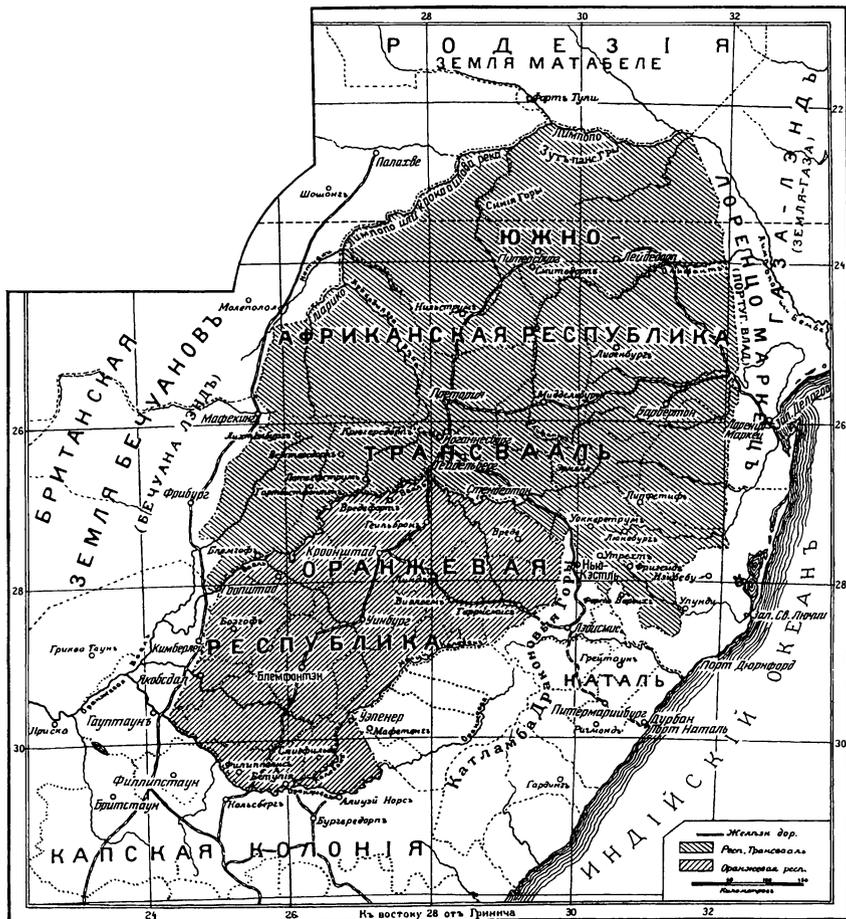
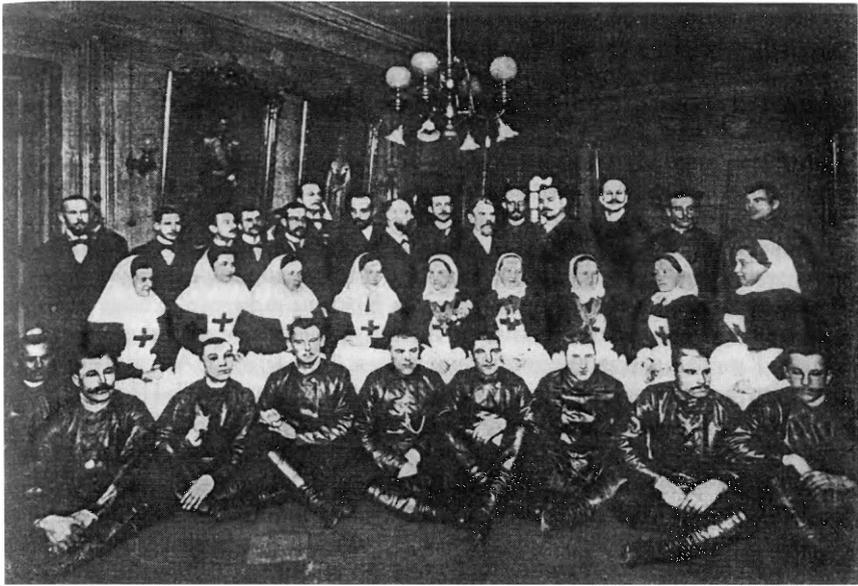

Рис. 1. Карта Трансвааля и Оранжевой Республики с пограничными британскими владениями из ж. “Нива”. 1899 г.

Колчак видел себя в этом сообществе волонтеров и стал серьезно размышлять о поездке в Трансвааль, конечно, с оружием в руках.

Из Петербурга на помощь раненым бурам отправился врачебно-санитарный отряд Российского Общества Красного Креста. На вагоне, в котором из Петербурга в Одессу выехали врачи, висели плакаты с текстами интернационального характера: “На помощь раненым бурам”, “Смерть колонизаторам” и т.д. Все отъезжающие были полны решимости защищать тех, кто борется за свою свободу. Ведь свобода так прекрасна и так заманчива, о ней мечтают все, а еще больше любят говорить о свободе на митингах в защиту тех, кто к ней стремится.

В Одессе отряд Красного Креста погрузил все свое имущество и медицинское оборудование на пароход “Королева Ольга”, принадлежа-

Врачебно-санитарный отряд Российского Общества Красного Креста, отправляющийся в Трансвааль для помощи раненым бурам.
Фото К. Булла из ж. "Нива". 1899 г.

щий компании "Русского общества пароходства и торговли", предоставленный врачам бесплатно.

Морской путь отряда будет лежать в Порт-Саид, а далее в г. Лоренцо-Маркец на берегу Индийского океана в Южной Африке (рис. 1). Из бухты залива Делагоа отряду предстоит путь в глубь страны до самой Претории – столицы Трансвааля.

Отряд вез с собой полное врачебно-санитарное снаряжение для полевого лазарета на 25 кроватей в Преторию. Начальником санитарного отряда и главным врачом полевого лазарета состоял ординатор Мариинской больницы доктор медицины Н.И. Кусков. Врачами-ординаторами лазарета назначены пять опытных врачей, при отряде состояли четыре фельдшера, четыре сестры милосердия Александровской общины в Петербурге и пять сестер из общины Св. Георгия, а также 12 санитаров. Кроме того, с санитарным отрядом выехали два уполномоченных агента по снабжению для решения всех хозяйственных проблем [32, с. 999].

А вот, что происходило в правительственных кругах Англии в тот период. Особенно ярко выступил против затеянной правительством войны член парламента Джон Морлей – один из главных представителей либеральной партии. «Он упрекал правительство в том, что под предлогом преобладающего положения правительство пыталось навязать Трансваалю обязательства, которых оно никогда не возложило бы на колонию, пользующуюся самоуправлением, например на Канаду. В

заключение он сказал, что, по его убеждению, через несколько месяцев здравый смысл английского народа побудит его обнаружить свою любовь к справедливости и ненависть к бесполезным войнам. Война предпринята, по его мнению, для удовлетворения чувства мести, и потому он присоединился к предложению Стэнтона – выразить правительству неодобрение за то, что оно довело дело до войны. После Морлея говорил Чемберлен. Речь его была раздраженная, резкая и очень продолжительная (около 3-х часов). Он уверял, что стремился к миру, но Трансвааль всегда старался выбросить за борт суверенную власть, вел интриги за границу и вооружился так, что в последнее время сделался самым могущественным государством в Южной Африке. Свою речь он закончил следующими словами: “Англия проявила безграничное терпение, но Крюгер в заключение обратился к богу войны. Англия согласилась вступить в борьбу, полагая, что это борьба правая”. Правительственное большинство, одоблившее эту речь, одержало победу: 362 голоса против 135 палата отвергла предложение Стэнтона, а затем вотировала адрес королеве» [33, с. 816].

Сводки с театра военных действий в Трансваале были очень ограниченными и не всегда соответствовали действительной картине событий. Дело в том, что английская телеграфная цензура властно распоряжалась телеграфным кабелем в Европе, и все сведения в печать поступали только после ее тщательного контроля. Вот один из примеров: “Английские войска стойчески победоносно отбиваются от полчищ буров, которые-де настолько неосмотрительны, что, оставив у себя в тылу неприятельские силы, двинулись вперед навстречу идущим на выручку английским подкреплениям” [34, с. 914].

А на самом деле положение англичан, осажденных в трех крупнейших городах Трансваала, с каждым днем ухудшалось. «Запасы патронов и снарядов, – писали в прессе, – иссякают, сообщение прерывается, железнодорожные линии разрушаются, и даже страшные чудища для Африки – блиндированные поезда (бронепоезда. – В.С.), перестают служить англичанам и переходят в руки вездесущих буров. В каждом вагоне такого блиндированного поезда уместаются по 60 артиллеристов. Машинист и кочегар на локомотиве, находящемся посреди вагонов, тщательно скрыты за такими же бронированными стенками и посредством звонка получают от начальника поезда сигналы для направления поезда вперед или назад. Под Лэдисмисом на линии Эст-Корт – Дурбан у англичан было два таких поезда. Один из них 22 октября (3 ноября) в 6 ч утра вышел из Эст-Корта и направился к северу. Вдруг граната буров разорвалась вблизи поезда; последний прибавил ход, но оказалось, что буры уже успели разобрать рельсы на протяжении нескольких метров, и три вагона поезда сошли с рельсов. В тот же момент новая граната разорвалась у колес одного из вагонов. Гарнизон поезда растерялся. Корреспондент “Morning Post” г. Уинстон Черчилль¹ (сын покойно-

¹ Черчилль Уинстон (1874–1965), государственный деятель Великобритании, лидер консервативной партии. Происходил из семьи герцогов Мальборо. Образование получил в привилегированной школе Харроу и в военной кавале-

го лорда Рандольфа Черчилля) принял начальствование и стал распоряжаться постановкой вагонов на рельсы; в это же время британская пехота открыла сильный ружейный огонь, а морское орудие стало посылать снаряды в батарею буров. К несчастью для англичан, третья граната буров сбила 47-миллиметровое орудие и повредила платформу. Положение осажденного поезда стало критическим. Неприятель атаковал его с трех сторон и стремился совершенно окружить. Нельзя было терять ни минуты. Собрав некоторое количество раненых, г. Черчилль направил к Эст-Корту паровоз с тендером, а сам остался на месте. Остаток поезда подошел к английским позициям. Локомотив имел крайне жалкий вид: блиндирующие щиты носили следы ударов гранат, труба была сбита, механизм поврежден. Из 100 человек, отправившихся с поездом, вернулось только 23; остальные убитыми, ранеными и пленными попали в руки буров. По телеграмме других корреспондентов, потери англичан достигают 150 чел., из которых 75 ранено. Черчилль пропал без вести» [34, с. 914].

События, связанные с англо-трансваальской войной, вдохновили Колчака на решительные действия: “Я думаю, – писал он, – что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать”¹.

Для российского студенчества, военных, медицинского персонала англо-трансваальская война послужила объектом солидарности и интернационального сплочения, поэтому неудивительно, что в этот “африканский водоворот” устремился и Колчак со своей постоянно ищущей и неудовлетворенной душой.

А.В. Колчака назначают вахтенным начальником броненосца “Петропавловск”, и корабль из Кронштадта берет курс на Владивосток. Первый заход корабля в греческий порт встретил Александра Колчака важным сообщением из России. А дело оказалось вот в чем. Президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович “помешал” осуществлению южно-африканских планов Колчака. По его ходатайству морское начальство согласилось откомандировать в Русскую полярную экспедицию вместе с лейтенантами Н.Н. Коломейцевым и Ф.А. Матисеном также и Колчака. Это известие догнало Колчака в порту Пирей, и он тут же перешел на русский пароход, отплывающий в Одессу. Далее – поездом в Петербург, и в середине января

рийской школе. В 1896–1898 г. служил в Индии, участвовал в подавлении восстания на ее северо-западной границе. Участвовал в военных действиях против Судана, закончившихся захватом этой страны английскими войсками. Во время англо-бурской войны 1899–1902 г. был военным корреспондентом в Южной Африке. Принимал участие в боевых действиях и даже брал на себя командование подразделениями английских войск. Оставил военную службу ради политической карьеры. В 1900 г. был избран в парламент консервативной партии. В мае 1940 г. после отставки Н. Чемберлена Черчилль стал премьер-министром коалиционного правительства. В 1945 г. Черчилля “ушли” в отставку (БСЭ. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 29. С. 334–335).

¹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

1900 г. он уже встречается с Толлем и знакомится с программой предстоящих работ.

Вот что об этом периоде жизни спустя два десятилетия поведал сам Колчак на допросе 21 января 1920 г.:

«Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Ему нужно было трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию наук участвовать в этой экспедиции. Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце Морское министерство откомандировало меня в распоряжение Академии наук.

Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград¹ и в январе явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции. Там был специалист по магнитологии – Зеберг, и мне было предложено в качестве его помощника заняться и этим. Для того чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 г. С самого начала я работал на Петроградской физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце² из Петрограда на судне “Заря”, которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителями “Фрама”. Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании (ныне Осло. – В.С.) у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать новыми методами» [6, с. 246].

¹ На допросе в 1920-г. Колчак назвал С.-Петербург в соответствии с новым названием города – Петроград.

² Ошибка – экспедиция вышла в плавание 21 июня 1900 г.

Реконструкция шхуны “Заря”. А. Колчак – в Норвегию, Ф. Нансен – в Россию. Личный состав экспедиции

Подготовка к экспедиции

Эдуард Толль, решая вопрос о приобретении наиболее подходящего судна для экспедиции, часто советовался с Ф. Нансеном, вел с ним обширную переписку. По мнению Нансена, ледокол “Ермак” адмирала Макарова для этих целей мало подходит по той причине, что имеет значительную осадку. В мелководных арктических морях, особенно когда приходится плавать вдоль береговой линии, он может легко сесть на мель, да и сам ледокол – весьма дорогостоящий корабль. В случае его гибели утрата будет невозможной. Лучше всего для плавания в высоких широтах пригодно “обыкновенное парусное промысловое судно или китобой”.

Академия наук командировала Э.В. Толля в июле 1899 г. в Норвегию для покупки подходящего судна. Ознакомившись со многими плавсредствами, Толль остановился, учитывая рекомендации Ф. Нансена, на китобойном барке “Геральд Харфингер”. По совету президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича барк после покупки переименовали в шхуну “Заря”. Известный строитель “Фрама” владелец верфи Колин Арчер взялся за переделку “Зари”. Был усилен ледовый пояс, установлены паровые лебедки, изменено парусное вооружение, и “Заря” стала походить на шхуну-барк. Были перестроены помещения для геологической, гидрологической и зоологической лабораторий, библиотеки, оборудованы кают-компания, каюты для членов экипажа и т.д. Сбылась мечта Э.В. Толля: специальное судно может устремиться к заветной цели – Земле Санникова.

В газете “Кронштадтский вестник” 25 марта 1900 г. крупным шрифтом было набрано: «Вчера, 24 марта, в зале Кронштадтского морского собрания известным исследователем полярных стран Э.В. Толлем была прочитана лекция “О целях Русской полярной экспедиции, снаряженной Академией наук”, вызвавшая оживленную дискуссию. Э.В. Толлем был определен план экспедиции. Продовольственные запасы делались из расчетов на три с половиной года. Предстояло изучить Новосибирские острова и исследовать часть полярной области, где еще не приходилось бывать человеку, а возможно, и открыть не только Землю Санникова, но и другие острова. В навигацию 1903 г. экспедиция должна пройти Беринговым проливом к Владивостоку в бухту Золотой Рог.

Fridtjof Nansen

Арктическая знаменитость –
Фридьоф Нансен (1861–1930)

В обсуждении доклада принял участие С.О. Макаров, который высоко оценил инициативу и мужество Э.В. Толля. Адмирал сказал, что великие русские моряки прошлого руководствовались девизом “сила не в силе – сила в любви”, а любовь и вдохновение были присущи таким отважным мореплавателям, как Прончищев, Челюскин, Ласинус, Харитон и Дмитрий Лаптевы. С их именами связаны великие открытия в труднодоступных районах Русского Севера. В заключение С.О. Макаров отметил: “Направляясь в поиски неведомой Земли Санникова, пусть смелый исследователь Э.В. Толль знает, что моряки ему вполне сочувствуют, глубоко ценят его труды и от души желают полного успеха и благополучия в предстоящей экспедиции» [35, с. 71].

Комиссия, созданная для снаряжения Русской полярной экспедиции (РПЭ), тщательно контролирует расходование выделенных средств, и только с ее разрешения производятся различные платежи. Сохранилось постановление Комиссии от 4 марта 1900 г. о выделении Толлю 60 тыс. рублей на приобретение судна в Норвегии и другие финансовые операции, собственноручно подписанное президентом Императорской академии наук и членами Комиссии – известными учеными и руководителями различных морских и научных ведомств.

Только что вернувшись из первого арктического рейса ледокола “Ермак”, возглавляемого адмиралом С.О. Макаровым [36] и приобретя опыт плавания в высоких широтах на многотоннажном судне, Толль сразу же окунулся с головой в решение экспедиционных проблем, которых с каждым днем становилось все больше и больше.

Члены экспедиции продолжают готовиться самым тщательным образом. Толль поручает энергичному лейтенанту А.В. Колчаку проводить топографические, гидрологические, гидрохимические и магнитные исследования и направляет его в Христианию (ныне – Осло) на стажировку [37, с. 44–45].

В процессе подготовки к экспедиции Колчак ведет большую переписку не только с норвежскими, но и английскими фирмами. Сохранилось письмо, написанное Колчаком на английском языке, которое, помимо всего прочего, свидетельствует о его хорошем знании английского языка, полученном в стенах Морского кадетского корпуса (автограф и перевод письма см. в Приложении I).

В Христианию Александр Колчак приехал из норвежского порта Ларвик, когда там окончилась работы по реконструкции шхуны “Заря”. Сразу же по прибытии в столицу отправился в университетскую лабораторию проф. Фритъофа Нансена. Нансен был в зените славы. Всего четыре года минуло с тех пор, как 30 мая 1896 г. “Фрам” с экспедицией после трехлетнего плавания причалил к родным берегам в порту Тромсё. На улицах норвежской столицы еще красовались огромные цветные щиты, прославляющие подвиг отважных мореплавателей.

A handwritten signature in dark ink, which appears to read "E. V. Toll". The signature is written in a cursive style.

Барон Э.В. Толль
(1858–1902)

Знаменитый полярник радушно встретил русского морского офицера, который предварительно прислал несколько писем и получил от Нансена согласие поделиться опытом и оборудованием для проведения исследований в полярных широтах. Нансена интересовали подробности предполагаемого маршрута “Зари”. На большом глобусе, стоявшем в кабинете, Колчак показывал ему маршруты. Когда дошел до о-ва Беннетта, открытого Де-Лонгом, сказал, что вот где-то тут совсем рядом неоткрытая Земля Санникова... А потом спросил у Нансена, допускает ли он существование здесь такой Земли.

Нансен ответил, что это не исключено, хотя и весьма проблематично. Посоветовал внимательно понаблюдать в тех краях за перелетами пернатых. Колчак ответил, что в составе экспедиции Толля есть зоолог Бируля и орнитолог – врач Вальтер.

А.В. Колчак рассказал о планах обследования восточного берега Таймыра, который на картах обозначен лишь ориентировочно, островов Котельный, Фаддеевский, Новая Сибирь, а также о том, что особое внимание будет уделено о-ву Беннетта, и о том, конечно, что очень хотелось бы окончательно решить спор относительно Земли Санникова. И, наконец, если все сложится благополучно, то вторую или третью навигацию “Заря”, возможно, пройдет Беринговым проливом во Владивосток.

Знаменитый полярник был восхищен таким планом. Он, внимательно слушая молодого лейтенанта, время от времени вставлял фразы о том, что, “к сожалению, в полярных широтах все делается значительно медленнее, чем мы намечаем...”, о том, как важно не забывать, что “всякая цель должна прежде всего соизмеряться с возможным риском и возможными жертвами”. Нансен, одобряя план Колчака, рекомендовал

Приложение к протоколу заседания Комиссии

1го марта 1906.

Постановление

Комиссии для снаряжения Русской Полярной Экспедиции

Въ заседании 4го марта сего года Комиссией постановлено выдать начальнику Экспедиции барону Эдуарду Вильгельму Мюллеру изъ суммы, отпускаемой на Экспедицию, шестидесять тысячъ (60.000) рублей въ подготовное изъяснение и рекомендовать ему производить другіе крупнее платежи, полагающіеся по сметѣ, черезъ Правленіе Имперіи. Въ то же время Комиссией постановлено перебить взносами 20,000 руб. въ распоряженіе генеральнаго русскаго консула въ Спретсбюргѣ и 40,000 руб. въ распоряженіе генеральнаго русскаго консула въ Таммервортѣ и 40,000 руб. въ распоряженіе генеральнаго русскаго консула въ Гельсингфорсѣ.

Президентъ Комиссии

Н. Э. Норденшельдъ

Ф. Чернышевъ

К. Михайловъ

А. Карпинскій

М. Киселевичъ

О. Штубинеръ

С. Саксегр.

Н. Заменинъ

Вансонъ

Гр. Фингенъ

Бар. фон Крампель

М. Плассаръ

Бар. Н. Васильевъ Штурмъ

Карповъ

Постановление Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции
о выделении 60 тыс. руб. для приобретения экспедиционного судна.

Подписали: президент Императорской академии наук Вел. кн. Константин, шведский полярник Н.А.Э. Норденшельд, палеонтолог академик Ф.Н. Чернышев, генерал-лейтенант К.И. Михайлов, геолог академик А.П. Карпинский, гидробиолог, началь-

прежде всего беречь себя и еще раз напомнил, что “потерять в Арктике жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана”. Позже, в долгие трудные дни экспедиции, Колчак много раз возвращался к этому разговору с Нансеном [37, с. 44].

Доброе расположение Ф. Нансена к членам экспедиции, возглавляемой Э.В. Толлем, объяснялось также и тем, что Нансен и Толль знали друг друга уже много лет. В 1893 г., когда Толль возглавил экспедицию, снаряженную Императорской академией наук для изучения Новосибирских островов, он по просьбе Ф. Нансена, тогда еще никому не известного полярника, организовал несколько продовольственных депо. На Новосибирских островах Толль сумел не в ущерб экспедиционным работам продолжить дополнительные маршруты для размещения продовольствия в прибрежной зоне, что было бы крайне необходимо в случае гибели “Фрама” и возвращения членов экспедиции на материк без плавсредств. Все хорошо помнили голодную смерть членов экспедиции Де-Лонга в устье Лены и старались избежать такой трагической участи.

Перед самым началом экспедиции Толль получает от Нансена большой пакет с документами и письмо от 16 июня 1900 г.¹, в котором Нансен писал, что карты маршрута “Фрама” еще не готовы, поэтому отправляет пока все материалы, что удалось собрать по сибирской Арктике: координаты отдельных островов и различных географических точек, личный набросок карты гавани Колин Арчер, где рекомендовал зимовать, не опасаясь, что судно окажется затертым льдами. Он считал чрезвычайно интересным выяснить, как простираются долины рек северо-восточного берега Таймыра и прослеживаются ли они за береговой чертой по морскому дну. Тогда станет понятным происхождение громадного сибирского подводного плато-шельфа.

Нансен в письме также указывал, что вода сибирских рек служит главным генератором слоя холодной воды, покрывающей сравнительно теплую и соленую воду течения Гольфстрим в Северном Ледовитом океане. Он рекомендует подробно изучить явление “мертвой воды”: “...дело в том, что за кораблем на тяжелом нижнем соленом слое воды образуется особая волна опресненной воды, которая затрудняет движение судна. При изучении этой так называемой “мертвой воды” он просил Толля выяснить, насколько она замедляет ход корабля, какова тол-

←
ник промысловой экспедиции Н.М. Книпович, генерал-лейтенант О.Э. фон-Штубендорф, директор Главной астрономической обсерватории в Пулковской академии О.А. Баклунд, зоолог академик В.В. Заленский, физик, геофизик академик Б.Б. Голицын, граф А.О. Гейден, гидролог барон Ф.Ф. Врангель, директор Главной физической обсерватории академик М.А. Рыкачев, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, геолог барон Э.В. Толль

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.

Я все люблю, все лучше стремлюсь,
Все, что волнует грудь в ночной тишине,
И все пороки пылкой души
Носить в свои стихотворения.

К. К. Р.

Президент Императорской академии наук в 1889–1915 гг.
Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915)

щина слоя опресненной воды, температуру и соленость воды в разных слоях” [35, с. 78].

В конце письма Нансен высказывает доброе напутствие: “На прощанье мы скажем, как говорят эскимосы на восточном берегу Гренландии, чтобы Вам всегда плыть по свободной ото льда воде!”

Толль передал письмо Нансена Колчаку и просил его подумать о “мертвой воде” и взять в плавание все необходимое для экспериментальных исследований.

Ф. Нансен и Императорское русское географическое общество

Ф. Нансен, посетив по приглашению Императорского русского географического общества Санкт-Петербург, выступил 15 апреля 1898 г. на торжественном собрании Общества и ответил на ряд вопросов в связи с предстоящими экспедициями в Северный Ледовитый океан С.О. Макарова и Э.В. Толля.

Приводим дословный отчет, посвященный этим событиям:

«Торжественное собрание почтили своим присутствием Его Императорское Величество Великий князь Константин Константинович (президент Императорской АН) и Ее Высочество принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, большинство находящихся в Петербурге почетных членов Общества и ряд высокопоставленных лиц, в том числе королевская шведско-норвежская миссия в полном составе с посланником господином Рейтершэльдом во главе.

Обширный зал был наполнен членами Общества с их семьями и представителями учебных заведений мужских и женских. На эстраде за столом поместились, кроме нынешних членов Совета, и бывшие его члены.

Около 20 ч 45 мин приехал Ф. Нансен с супругою, встреченный вице-председателем общества П.П. Семеновым-Тянь-Шанским¹, поднесшим г-же

¹ Семенов-Тянь-Шанский (до мая 1906 г. Семенов) Петр Петрович (1827–1914), из дворян, русский географ, статистик, выдающийся государственный деятель, в 1882 г. назначен сенатором, с 1897 г. состоял членом Государственного совета (департамент законов), действительный тайный советник, почетный член Императорской АН (1873). Вице-председатель и глава Императорского русского географического общества (с 1873 г.). Исследовал в 1856–1857 гг. Тянь-Шань, тогда недоступный для европейцев, и составил впервые схему орографии и высотной зональности этой горной системы. Организатор многих экспедиций в Центральную Азию. Руководил изданием многотомных томов трудов по географии России. Большой знаток живописи. Собрал богатейшую коллекцию картин фламандских и голландских художников XVI и XVII вв., которая считалась второй по полноте в Европе. Издал фундаментальный труд “Этюды по истории нидерландской живописи”. В 1874 г. избран почетным академиком Академии художеств. Участвовал в деятельности многих благотворительных обществ в качестве председателя, написал несколько статей по вопросам благотворительности. В 1897 г. под его руководством организована и успешно проведена первая в России перепись населения. В том же году П.П. Семенов напечатал работу: “Характерные выходы из первой всеобщей переписи”.

Нансен роскошный букет. При появлении д-ра Нансена на эстраде, он был встречен громом рукоплесканий, долго не умолкавших. Затем взошел на кафедру вице-председатель общества П.П. Семенов и сказал следующее приветствие: “Ваше Императорское Высочество, милостивые государи, милостивые государыни! Сегодня Императорское русское географическое общество и представители столичного научного сообщества собрались в гостеприимные стены петербургского Дворянского собрания, чтобы чествовать оказанные географической науке д-ром Нансеном выдающиеся услуги, уже достаточно оцененные Венценосным Вождем Русской земли¹ и Августейшим председателем нашего общества Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Михайловичем². Живой интерес всей России к исследованиям д-ра Нансена объясняется не только большой популярностью географической науки, но и положением, которое Россия занимает на земной поверхности. Действительно, если мы обратим внимание на распределение материков вдоль полярного круга, то окажется, что из 360° этой параллели 134° падают на материки Нового Света, распределяясь между Соединенными Штатами, Канадой и Данией, а 176° – на материки Старого Света, распределяясь очень неравномерно: между Россией – 166° и Скандинавией – 10°.

Эта последняя страна, со своими отважными мореходами, имеет громадное превосходство в том отношении, что обладает единственным уголком побережья Северного океана, действительно пригодного к обитанию. Поэтому весьма естественно, что при одинаковом интересе обеих стран к полярным исследованиям, в то время как мы были поглощены трудной и медленною задачей исследования наших малодоступных северных побережий и успели открыть только группы островов Новой Земли, Новосибирских и крайний угол Нового Света, скандинавы благодаря выгодному географическому положению развили у себя еще в глубокой древности мореплавание и удержали за собой первенствующее место среди исследователей полярных морей, дав в последнее время полярной океанографии два бессмертных имени – Норденшельда и Нансена...” [38, с. 777–778].

После вступительного слова П.П. Семенов вручил Ф. Нансену высшую награду Географического общества – Большую Константиновскую золотую медаль, единогласно ему присужденную еще Советом Общества в 1896 г. как славному исследователю Северного полярного океана.

Затем на кафедру поднялся д-р Нансен и после краткого приветствия по-немецки изложил в прекрасной речи, сказанной по-английски, ход своего путешествия, иллюстрируя слова картинными на экране, чрезвычайно эффективно изображавшими разные моменты путешествия. После выступления Ф. Нансен ответил на вопросы, и прежде всего на те, которые были поставлены Э.В. Толлем и С.О. Макаровым:

“...Мы знаем Землю Беннетта и Землю Санникова, из которых последнюю барон Толль сам видел, но там может быть и больше таких островов. Главное основание так думать заключается в том, что мы встретим

¹ Венценосный Вождь – император Николай II.

² Великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919), председатель Императорского русского географического общества с 11 февраля 1892 г. по февраль 1917 г. Расстрелян в 1919 г.

ли много открытой воды к западу и северо-западу от Новосибирских островов...

Это открытое пространство возникло, по моему мнению, в известных размерах во время преобладающих восточных ветров, нанесших лед на восточные берега Новосибирских островов. Этой открытой воды было, однако, так много к северу от широты Котельного острова, что я не думаю, чтобы Санникова Земля и Земля Беннетта в том виде, как мы их знаем, были бы достаточны для образования ее и для недопущения льда в открытое море с востока.

Нет надобности указывать кому-либо из присутствующих, что исследование этих земель было бы подвигом величайшей научной важности. Я полагаю, что земли эти достижимы на судне каждое лето, и думаю, что достижима даже Земля Беннетта. Если это так, я бы только желал, чтобы Толль избрал этот последний остров для своей зимовки вместо Земли Санникова. На Земле Беннетта он был бы севернее и ближе к сердцу неведомого пространства. Вероятно, ему представился бы лучший случай для производства важных исследований на севере, чем с Земли Санникова” [38, с. 793–794].

Обсуждая вопросы движения ледокола “Ермак” в Полярном океане, Ф. Нансен высказал такие соображения:

«Единственная вещь, в которой я несколько понимаю толк, есть лед... Полярный лед надо, разумеется, рассматривать как собрание льдин, которые в середине этого моря имеют зачастую огромные размеры. Можно думать, что судно в состоянии легко двигаться на достаточном протяжении среди этих полей в открытой воде. Но вряд ли это так, и я опасаясь, что адмирал Макаров не может ожидать встретить сколько-нибудь обширное водное пространство внутри Полярного моря.

... Я считаю делом нелегким для ледокола пробить дорогу сквозь лед внутри Полярного моря; тем не менее, я отнюдь не считаю этого невозможным, напротив, я полагаю, что кое-что может быть, наверное, сделано: “Фрам” проложил себе путь на юг от 83°14' с.ш., а столь сильный ледокол должен быть в состоянии сделать много больше. Вопрос в том только, сколько угля будет стоить всякая миля движения вперед и может ли судно, подобное проектированному адмиралом Макаровым, нести достаточно угля, чтобы пробить свой путь на значительном протяжении сквозь тяжелый лед Полярного моря? Относительно этого я не могу иметь мнения, но адмирал Макаров объяснил мне устройство своего судна, и я в восхищении от тщательности, с какою он изучил все возможные затруднения. Я уверен, что куда ни пробьет его ледокол дорогу – на далекое ли или на короткое расстояние внутри неизвестных морей, опыт этот будет иметь величайшее значение и не преминет дать чрезвычайно важные результаты, составив, быть может, новую эру полярного исследования. Что касается меня, то я с нетерпением буду ждать возвращения его из пробного плавания на север, которое, как я слышал и как надеюсь, будет сделано к северу от Шпицбергена осенью 1899 г.» [38, с. 788, 790].

Вице-председатель П.П. Семенов, принявший участие в дискуссии, в своем выступлении сказал, что главный научный интерес, как ему представляется, не в достижении математической точки полюса, а в исследовании пространства, его окружающего, его физических, химических, климатических и других условий. Не достигнутым все еще остается околополярный круг. Большой интерес, по его мнению, вызывает

морской путь между островами Шпицберген и Гренландией. Очень важным он считал и морской путь, принимающий за исходную точку Землю Франца-Иосифа. В торговом плане следует разведать путь от северной оконечности Сибири в соседние акватории. Следует также изучить путь от Новосибирских островов с учетом великой Сибирской полыни и, конечно, главный камень преткновения – морской путь через Берингов пролив [38, с. 780].

Программа экспедиции на Землю Санникова

На этом же заседании Общества Э.В. Толль изложил программу экспедиции на Землю Санникова. Позднее с ней детально ознакомился Александр Колчак, и эта экспедиция, как никакая другая, вполне отвечала его полярным устремлениям. Он был безмерно счастлив, что ему удалось попасть в состав экспедиции Э.В. Толля.

План экспедиции сводился к таким основным позициям:

“1. Надо отправить подходящее судно через Карское море и мимо мыса Челюскин в устье Лены, до удобного места зимовки на этой реке.

2. Экспедиция начнет свое плавание из устья Лены на север, снарядившись тремя или четырьмя лучшими усть-ленскими, заранее заказанными собачьими нартами, небольшим числом оленей...

3. Достигнув в августе месяце Санниковой Земли и высадив экспедицию со всем ее провиантом на 2 года (на всякий случай), судно вернется к материку и по пути, проходя около берега острова Котельного, оставит на его северном конце провиантское депо на случай неудачи плавания следующего года. Затем судно вернется опять в устье Лены до места зимовки.

4. Одна партия экспедиции начнет выполнение своей задачи на Санниковой Земле, совершая на санях и лодках разные экскурсии с целью научных исследований; другая же партия строит доставленное на судне домище для зимовки.

5. Весной и летом следующего года продолжают геологические, физико-географические и топографические работы, по возможности до острова Беннетта, а часть сотрудников экспедиции заканчивает на месте зимней станции метеорологические и магнитные наблюдения круглого года.

6. Летом того же года судно отправится вторично из устья Лены на Санникову Землю и увезет экспедицию домой, взяв на обратном пути, по возможности, новый курс по восточной стороне Новосибирских островов...” [39, с. 385].

Последнее время, утверждал Толль, только иностранцы, и прежде всего американцы и скандинавы, взяли на себя прекрасную миссию стать арктическими первопроходцами, а ведь следовало бы, наверное, нам самим исполнить все это. “Я уверен, – говорил Толль, – что если мы не возьмемся за это дело, то не пройдет и двух-трех лет, как отнято будет от нас последнее поле действий на севере от сибирского берега до Земли Санникова” [39, с. 386].

Э.В. Толль был большим патриотом своего Отечества. С болью в сердце он писал: “Неужели мы отдадим последнее поле действия для от-

крытий нашего севера опять другим народам? Ведь одна из виденных Санниковым земель открыта американцами, именно Де-Лонгом, несчастью погибшим вследствие незнания местных условий в устье Лены. Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедицию для открытия архипелага, лежащего на севере от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы, и плодотворны” [22, с. 19].

Вот, что писал журнал “Нива” в связи с завершением всех подготовительных, и организационных дел в Русской полярной экспедиции под начальством Эдуарда Толля:

“Полярные страны все более и более привлекают к себе внимание просвещенных народов. Кроме русско-шведской экспедиции по градусному измерению на островах Шпицбергена, работы которой еще продолжаются, Императорская академия наук в настоящем году снаряжает новую полярную экспедицию под начальством известного исследователя полярных стран, геолога барона Э.В. Толля, по инициативе которого и предпринимается настоящая экспедиция. Таким образом, конец XIX и начало XX вв. ознаменуются двумя крупнейшими научными предприятиями, которые прольют свет на многие загадочные и неразъясненные явления и обогатят сокровищницу знаний многими научными данными высокого интереса. Комиссия, заведующая снаряжением Русской полярной экспедиции и разработкой ее программы, состоит под председательством Августейшего президента Императорской академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича. В состав ее входят академики: Ф.Б. Шмидт (председатель), директор Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулково О.А. Баклунд, О.А. Бредихин, В.В. Заленский, А.П. Карпинский, директор Николаевской главной физической обсерватории генерал-майор М.А. Рыкачев, С.И. Коржинский, князь Б.Б. Голицын и Ф.Н. Чернышев, а также: ген.-лейт. О.Э. фон-Штубендорф, ген.-лейт. К.И. Михайлов, океанолог Н.М. Книпович, барон О.Р. фон-дер-Остен-Сакен, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, геолог барон Э.В. Толль, граф А.О. Гейден, гидролог барон Ф.Ф. Врангель и зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля. Кроме того, в заседаниях Комиссии по снаряжению принимал участие также недавно приезжавший в С.-Петербург шведский ученый и знаменитый полярный путешественник Н.А.Э. Норденшельд. Комиссия, подробно обсудив проект барона Э.В. Толля, пришла к заключению, что экспедиция представляет большое значение и обещает весьма важные результаты не только в научном и практическом отношении, но также и в государственном, содействуя занятию арктических островов и обеспечивая их промысловые богатства за русскими промышленниками” [40, с. 414–415].

Такой же благоприятный отзыв о предстоящей полярной экспедиции дали вице-председатель Императорского русского географического общества П.П. Семенов и адмирал С.О. Макаров.

Экспедиция сулила получить результаты огромной важности, ажиотаж вокруг нее с каждым днем становился все более интенсивным, и поэтому уже никто не удивлялся тому, что на расходы экспедиции отпускаются крупные суммы; по Высочайшему повелению на полярную экспедицию ассигновано 240 тыс. рублей. Эта сумма не покажется большой, если мы вспомним, что экспедиция снаряжалась на три года,

что из этих денег 60 тыс. рублей заплачено за судно, что она брала с собой запасы провианта на 1200 суток, что для участников экспедиции приходилось заготовить особую одежду, приспособленную для пребывания в полярных странах, что экспедиция брала с собой 60 северных собак, а для ее разнообразных работ нужно много различных инструментов и приборов. Этой суммы, вероятно, не хватило бы, если бы экспедиция не встречала всеобщего сочувствия со стороны разных ведомств, учреждений и отдельных лиц, которые всеми зависящими от них мерами старались оказать содействие для выполнения ее задач.

К примеру будет сказано, что одно важное лицо выделило из своих средств на нужды экспедиции 5 тыс. рублей и пожелало остаться неизвестным.

Вот официальный документ, утвержденный министром финансов, раскрывающий фактическую картину расходов. На содержание Русской полярной экспедиции было ассигновано¹:

“1. Согласно Высочайшего утвержденного 24 января 1900 г. мнения Государственного совета по снаряжению экспедиции – 180 000 р.

2. По всеподданнейшим докладам господ министров финансов² за период с 1899 по 1904 г. ассигновано средств:

– 2.06. 1899 на приобретение судна экспедиции	60 000 р.
– 23.02. 1901 на расходы по содержанию экспедиции	34 066 р. 50 к.
– 30.11. 1901 на расходы по снабжению экспедиции углем	75 000 р.
– 1902 на расходы по содержанию экспедиции и снабжению ее углем	53 214 р. 70 к.
– 24.01 1903 на расходы по снабжению экспедиции для спасения барона Толля и его спутников, для снятия инструментов с яхты, на завершение научных работ и на вознаграждение участников и их возвращение	80 000 р.
– 5.03. 1904 на расходы по содержанию персонала и на уплату по тем обязательствам, которые имеет Комиссия, снаряжавшая экспедицию	27 000 р.
Итого:	509 281 р. 20 к.”

Такие огромные суммы расходов станут известны спустя четыре года, а сейчас – общее ликование под громкие звуки фанфар, сопровождающих организацию экспедиции, делало ее весьма популярной и привлекательной. Часть ученой интеллигенции рвалась в состав экспедиции, который был удивительно мал: всего семь человек, из них три морских офицера и четыре научных сотрудника. Экипаж судна во главе с боцманом включал тринадцать человек.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

² Министры финансов России: С.Ю. Витте – с август 1903 г., С.Д. Плесске – с августа 1903 г. по март 1904 г., В.Н. Коковцов – с марта 1904 г. по март 1914 г.

Личный состав экспедиции

Президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович 8–10 марта 1900 г. утвердил полный личный состав экспедиции¹.

После долгих обсуждений, дискуссий, раздумий и сомнений удалось завершить отбор участников Русской полярной экспедиции:

– Барон Э.В. Толль – начальник экспедиции, геолог.

– Лейтенант флота Российского Николай Николаевич Коломейцев – командир экспедиционного судна “Заря”. Он многие годы занимался описью Белого моря, работая в съёмочной партии Беломорской гидрографической экспедиции. В 1893 г. в составе экспедиции лейтенанта Леонида Федоровича Добротворского исследовал устье р. Енисей.

– Лейтенант флота Российского Федор Андреевич Матисен – старший офицер шхуны “Заря” – будет выполнять обязанности геодезиста, картографа, минералога и фотографа. Принимал участие в Шпицбергенской экспедиции академика Ф.Н. Чернышева в 1899 г. по градусному измерению.

– Лейтенант флота Российского Александр Васильевич Колчак – второй офицер шхуны “Заря” – будет проводить гидрологические, гидрохимические, топографические и магнитные исследования в экспедиции. В 1895–1898 гг. плавал в Тихом океане, проводил в Японском и Корейском морях гидрологические и гидрохимические исследования, выверял карту течений.

– Старший зоолог Зоологического музея Императорской академии наук Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля² – зоолог и фотограф экспедиции. Работал в 1891, 1895 и 1896 гг. на Соловецкой биологической станции, изучал морскую фауну Белого моря, в 1899 г. участвовал в Шпицбергенской экспедиции.

– Преподаватель физики, кандидат физико-математических наук Фридрих Георгиевич Зееберг – астроном и магнитолог (он предлагал свое участие даже в качестве кочегара, если бы не оказалось другой вакансии). По рекомендации директора Пулковской обсерватории академика О.А. Баклунда и профессора Юрьевского университета Левицкого удалось включить Зееберга в научный состав.

¹ Полный личный состав экспедиции публикуется впервые. См. также Приложение II.

² Бялыницкий-Бируля (Бируля) Алексей Андреевич (1864–1937), из дворян. Как зоолог, зоогеограф, орнитолог и фотограф работал в Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг., проявил мужество, находчивость и стойкость в труднейших условиях Сибирской Арктики. В 1923 г. избран член-корреспондентом Российской академии наук по Отделению физико-математических наук, секция биологическая. По “делу Академии наук” был арестован 14 ноября 1930 г., суд приговорил его 10 февраля 1931 г. к трем годам лагерей. Отбывал заключение в Карелии. Последние годы жизни не занимался научной работой (*Перченков Ф.Ф.* “Дело Академии наук” и “Великий перелом” в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука. 1995. С. 224, 239).

Ф. А. Матисен (1), Н. Н. Коломейцев (2), А. В. Колчак (3), барон Э. В. Толль (4), А. А. Бялыницкий-Бируля (5),
Ф. Г. Зееберг (6), доктор Г. Э. Вальгер (7) среди членов Русской полярной экспедиции
(цифры, данные в скобках, см. на фото)

– Доктор медицины Герман Эдуардович Вальтер – врач, бактериолог и второй зоолог. Принимал участие в научно-промысловой экспедиции 1899 г. на судне “Андрей Первозванный” у Мурманского побережья и у Новой Земли под руководством профессора Н.М. Книповича.

В состав команды вошли: боцман Никифор Бегичев, механик Эдуард Огрин, матросы рулевые Семен Евстифеев, Сергей Толстов, Алексей Семяшкин (заменен впоследствии Петром Стрижевым), Иван Малыгин (заменен впоследствии Степаном Расторгуевым), Василий Железников, Николай Безбородов, второй механик Эдуард Шервинский, старший кочегар Иван Клух, второй кочегар Гавриил Пузырев, третий кочегар Трифон Носов, повар Фома Яскевич.

Начальник экспедиции Э.В. Толль старался вникнуть во все личные нужды участников плавания и оказать поддержку их семьям, выделяя на это некоторые средства [35, с. 78–79].

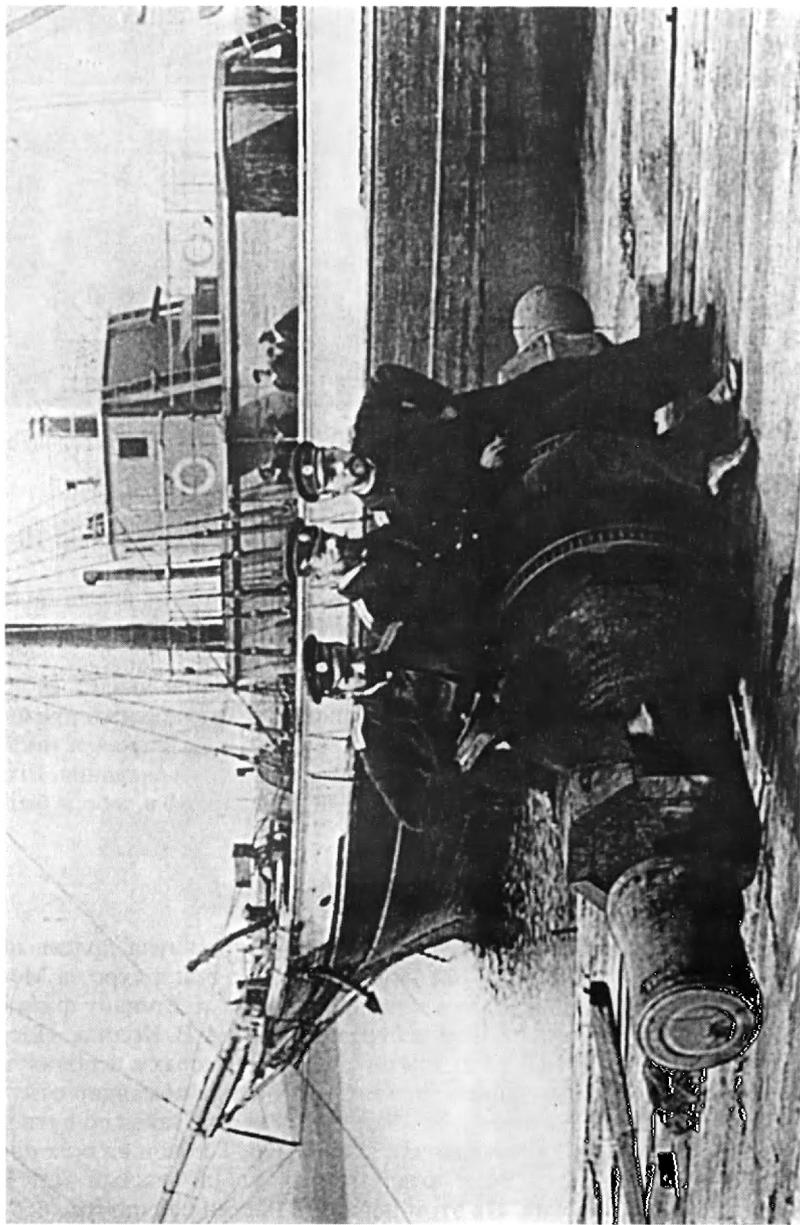
Александр Колчак все еще сомневался, но когда он увидел свою фамилию и список личного состава экспедиции, утвержденный президентом Академии наук, он понял, что теперь долгожданная Арктика, такая недоступная, такая холодная и далекая, ищет с ним свидания. Его душа ликовала, и сам он ходил окрыленный, уверенный в себе и безмерно счастливый! [41].

Прощание с Петербургом

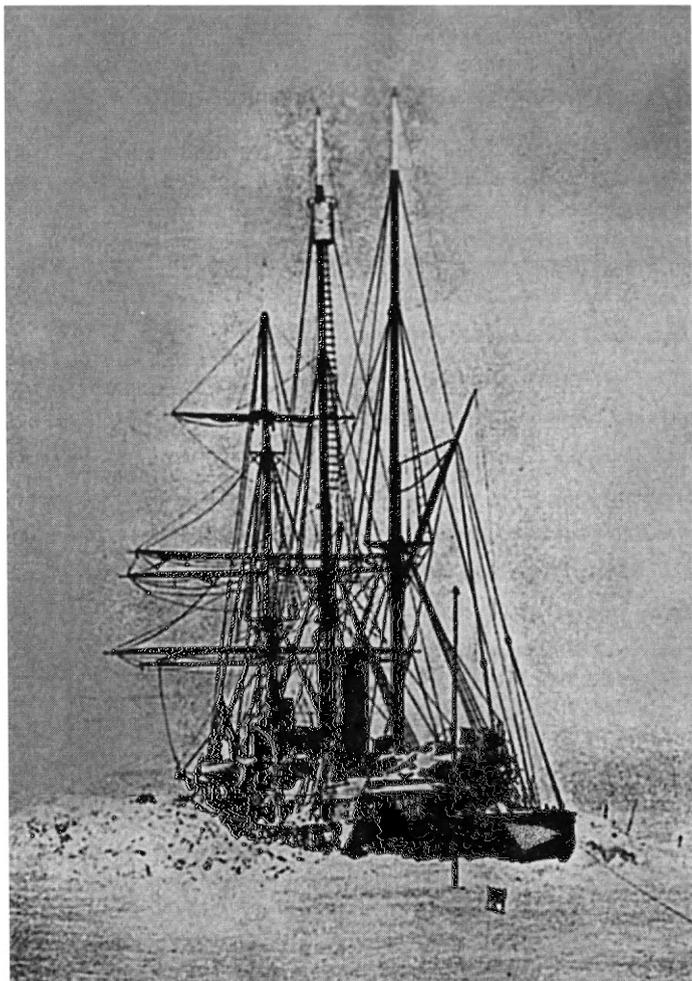
Вот и пришел тот день, когда шхуна “Заря” покинула красивый порт в Бергене (Норвегия) и в середине мая 1900 г. взяла курс на Мемель. На борту шхуны находились командир “Зари” лейтенант флота Н.Н. Коломейцев и второй офицер лейтенант флота А.В. Колчак. Последнему приходилось плавать в Тихом океане на крейсерах и исполнять обязанности штурманского офицера, а поэтому, когда командир отлучался, Колчак уверенно вел шхуну по заданному курсу. Зайдя по пути в Мемель, они взяли на борт начальника экспедиции Толля и на всех парусах пошли в Петербург. “Заря” ознаменовала собой важный этап в отечественной океанологии. На этом первом в России научно-исследовательском судне для проведения в море комплексных исследований было успешно завершено полное переоборудование шхуны с учетом выполнения специальных работ в арктических условиях.

Боцман Русской полярной экспедиции на шхуне “Заря”
Н.А. Бегичев (1874–1927)

А.В. Колчак, Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Магисен у борга шхуны "Заря"

Шхуна “Заря” в арктическом плавании

Представляют большой интерес первые расходы на нужды Русской полярной экспедиции¹, показывающие объем, масштаб и круг лиц, вовлеченных в экспедиционные дела. Приводим документ-прошение Толля в Комиссию с просьбой о выдаче отпущенных сумм для РПЭ (см. фото).

Ранним утром 29 мая 1900 г. на Неве у набережной Васильевского острова пришвартовалась пахнущая свежей краской новенькая, “как с игопочки”, сверкающая белизной корпуса и палубных надстроек шхуна “Заря”. Жители Петербурга – чиновный люд, курсистки, гардемарины, приказчики из соседних лавок, знатные дамы и даже надворные и тайные

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

Въ Комиссію
для снаряженія Русской Полярной Экспедиціи
для исследования Земли Сибиряка и др. о-вов

Исходя съимъ покорнѣйше прошито Комиссію казать ир. суммъ, отпущенныхъ на Русскую Полярную Экспедицію:

- 1) Архангельскому Губернатору Александру Митрофанову
Доставить для уплаты за покупку дѣл урал и др. работъ 4000 руб. ✓
- 2) Академику Михаилу Александровичу Пожарскому а именно
для организации метеорологическихъ станцій въ Сибири 1300 руб.
- 3) Малованке за три месяца персоналу Экспедиціи 9474 руб. 75 к. ✓
- 4) Малому Никольскому Экспедиціи на время плаваній
всѣмъ вѣдомъ старшему Экспедиціи В. В. Франку по
расходнымъ и отчетамъ у него на покупку дровъ въ разсчетъ 1000 руб. ✓

Кромѣ того покорнѣйше прошу Комиссію перевести на счеты:

- 1) Въ Китайскій Банкъ въ Тохомаки и } 5000 руб.
- 2) Въ Китайскій Банкъ въ Иркутскъ } 5000 руб.

Остаточная сумма Экспедиціи покорнѣйше прошу употребить
такъ по остаткамъ и по указаніямъ академика Фридриха
Федоровича Шмидта

Петербургъ
6 мая 1900 г.

Баронъ Ш. М. Толль

Расходы Русской полярной экспедиции в 1900 г. Автограф Э.В. Толля

советники с большим любопытством и нескрываемым интересом рассматривали пришедший из Норвегии прекрасный корабль. – Ах, как жаль, – кокетливо восклицали очаровательные курсистки, разгуливающие по набережной, – что женщины нужны морякам только на берегу... Они пытались заговорить с молодыми, озабоченными своей почетной миссией лейтенантами, но те были недоступны, как крепость [42, с. 35].

Наверное, не было в Петербурге в те дни молодых офицеров, которые бы не мечтали отправиться на шхуне в дальнее плавание. А когда

узнавали, что судно уйдет на поиски легендарной Земли Санникова – загадочной, недоступной и вот уже сто лет ускользающей от исследователей, то глубоко сожалели и искренне огорчались, что им не удастся принять участие в этом славном морском походе, наполненном романтической поисками.

А на шхуне полярники уточняли количество прибывающего груза по имеющимся документам. Ящиков поступало так много, что порой казалось совсем нереальным найти возможность их все разместить.

Лейтенант Колчак гордо и важно ступал по палубе, проверял таекаж и принимал высокопоставленных гостей, которых Толль приглашал для осмотра шхуны.

Все участники Русской полярной экспедиции были ошарашены Высочайшим посещением Венценосным Вождем Государства Российского императором Николаем II шхуны “Заря” 11 июня 1900 г. Его Величество подробно осматривал судно и в конце обратился к начальнику экспедиции барону Толлю с милостивым вопросом, не нужно ли чего-нибудь для экспедиции? А нужда была настоятельная. Экспедиции нехватало угля. Вследствие Монаршей милости уголь был отпущен из складов Морского ведомства, как и многие другие материалы, которых нельзя было достать в продаже. Морское ведомство открыло Толлю и Колчаку, последний отвечал за поставку и размещение грузов на шхуне, свои магазины.

«На “Заре” 19 июня был отслужен молебен в присутствии Ея Величества королевы греческой и Августейшего президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича Романова. Королева благословила всех участников экспедиции, подарив каждому молитвенник и Евангелие» [42а, с. 344].

День за днем к “Заре” подвозили различные грузы, и палубной команде приходилось работать в поте лица, аккуратно размещая в лабораторных помещениях различное оборудование: физические и химические приборы, геодезический инструмент, гидрологическую аппаратуру, биологические сети, тралы, ковши, батометры для отбора проб воды и многое другое. Самым тяжелым грузом оказалось топливо – уголь; от его количества зависело все: дальность плавания, обогрев помещений, приготовление пищи и, конечно, баня.

В таких заботах 22 дня пролетели, как один день. Отход “Зари” назначили на 21 июня 1900 г. День стоял теплый, солнечный. Множество друзей пришли проводить смелых первопроходцев, отправлявшихся в полярное плавание. Восторгам и добрым пожеланиям не было конца! Никто из присутствующих, конечно, не задумывался о вечных льдах и вечном холоде, которые совсем скоро ожидали всех участников экспедиции. “Заря”, последний раз качнувшись у пирса от легкого бриза, нежно поцеловав причал, отвалила к чистой воде малым ходом.

Командир шхуны Коломейцев без помощи буксира провел “Зарю” мимо множества судов, вельботов, лодок. Кругом раздавались крики “ура!” и звуки бравурной музыки, поскольку на некоторых военных кораблях имелся оркестр. “Заря” направилась к Кронштадту.

В Кронштадте был дополнительно погружен уголь высшего качества, были приняты хронометры, взрывчатые вещества и другие необ-

ходимые предметы. Считаем полезным привести список грузов, находившихся на борту шхуны “Заря” в момент ее выхода в море от причала набережной р. Большой Невы 21 июня 1900 г. (в 2 ч дня):

	Груз, в т		Груз, в т
Уголь	301	Люди и багаж	3
Вода	21	Шлюпки	3
Шкиперские запасы	10	Машинные запасы	5
Провизия	60	Мебель и посуда	1
Сушеная рыба	25	Каяки и сани	1
Керосин	10	Вес грузов	456,5 т дедвейта
Паровой катер и запасной рангоут	6,5	Вес корпуса	589,0 т
Научные инструменты	10	Водоизмещение	1045,5 т

В Кронштадте Толля сердечно принял адмирал С.О. Макаров, который в дружеской беседе поделился своим опытом и дал ряд наставлений и советов. “Кронштадтский вестник” (24 июня 1900 г.) писал, что С.О. Макаров на прощальном банкете, устроенном в честь Русской полярной экспедиции, шутливо отметил, что Толль благодаря своему мягкому и отзывчивому характеру окажется “в качестве буфера между офицерами, учеными и командой”. В заключение адмирал пожелал всем доброго пути и больших успехов на благо Родины и науки.

На следующий день экспедиция покидала Кронштадт. Макаров прибыл на шхуну “Заря” проводить отважных исследователей и моряков [35, с. 79–80].

Проводы “Зари”, по мнению Александра Васильевича, не были особенно торжественны, “вообще в Петербурге, не говоря уже про Россию, многие и не знали про нашу экспедицию; но так как большинство интеллигентного общества едва ли знает о существовании Новосибирских островов, а многие едва ли найдут на карте Таймыр или Новую Землю, то было бы странно претендовать на иное отношение” [41, с. 34].

Адмирал Макаров был хорошо знаком с научным составом экспедиции. И вообще всегда поддерживал офицеров, стремившихся во время плавания службу совмещать с научными работами, наблюдениями. Он подошел к лейтенанту Колчаку, отца которого Василия Ивановича Колчака, генерал-майора, морского артиллериста, участника обороны Севастополя 1855 г., давно и хорошо знал. Адмирал тронул по-отцовски за плечо молодого лейтенанта и пожелал доброго пути.

Последние напутствия, последние рукопожатия, судно покинуло кронштадтский рейд. “Заря” ушла в долгое арктическое плавание.

Обогнув скандинавские страны, шхуна прибыла в норвежский порт Тромсё. Здесь произвели догрузку судна. Взяли 1500 пудов сушеной рыбы для собак и 50 т угля, дополнительно погрузили 10 т антрацита в брикетах. В случае гибели шхуны из него можно сложить дом.

Сюда в Тромсё от Нансена доставили закупленное гидрологическое и гидрохимическое оборудование, приборы для измерения направ-

ления и скорости течения, батометры Тимченко для отбора проб воды, глубоководные термометры, химическую посуду и т.д.

После недельного визита “Заря” покидала гостеприимный порт Тромсё. Жителям этого маленького городка, потомкам мужественных викингов, не впервые было провожать корабль, уходящий в бескрайнюю пустыню Ледовитого океана.

Вот она какая, Арктика!

Начиналась первая арктическая экспедиция для лейтенанта А.В. Колчака. Все было впереди. Он был молод, полон сил и энергии...

С начальником экспедиции бароном Э.В. Толлем у А.В. Колчака сразу сложились вполне хорошие деловые отношения. «Наш гидрограф Колчак, – пишет Толль в своем дневнике, – прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции. Руководство драгированием он также взял на себя. Бируля тоже замечательный работник, кроме того, он располагает к себе благородством своего характера. Насколько могу, пытаюсь помогать обоим в их работе и вообще стараюсь быть “первым слугою своего штата”» [43, с. 16].

Поздно вечером 23 июня 1900 г. “Заря” прошла в одной миле от порта Верде (рис. 2). Семь лет назад из этого порта вышел в плавание тогда еще никому не известный “Фрам”. Благополучно преодолев следующие 96 миль, “Заря” пришвартовалась в Екатерининской гавани, что в Кольском заливе, в Александровске-на-Мурмане (ныне город Полярный). Здесь экспедицию встречали сотрудники зоологической станции во главе с крупнейшим гидробиологом России Николаем Михайловичем Книповичем. За торжественным обедом было много разговоров о Земле Санникова, и Толль заверял, что “на этот раз она уже не ускользнет от полярников и будет изучена снизу доверху”.

В Екатерининской гавани стояло промысловое судно “Андрей Первозванный”. На нем под руководством Н.М. Книповича осуществлялась рыбопромысловая разведка в Баренцевом море под флагом Императорского неевского яхт-клуба. Под тем же самым флагом начала свое плавание и шхуна “Заря”.

Основное оборудование на “Заре” было поставлено еще при содействии Зоологического и Геологического музеев академии наук, Павловской и Пулковской обсерваториями. Все музеи¹ и учреждения оказывали РПЭ широкое научное содействие и помощь. Ученые присылали свои труды и пополняли библиотеку на судне ценными изданиями. Географическое общество передало на “Зарю” полную серию своих трудов [35, с. 77].

Экспедиция пользовалась таким вниманием еще и потому, что с величайшего дозволения президента Императорской академии наук шхуна “Заря” вышла в плавание под его личным вымпелом. Н.М. Книпович также передал на “Зарю” кое-что из ихтиологического оборудования и карты глубин некоторых прибрежных морских акваторий.

¹ Музеи до революции были одной из форм научных учреждений в России.

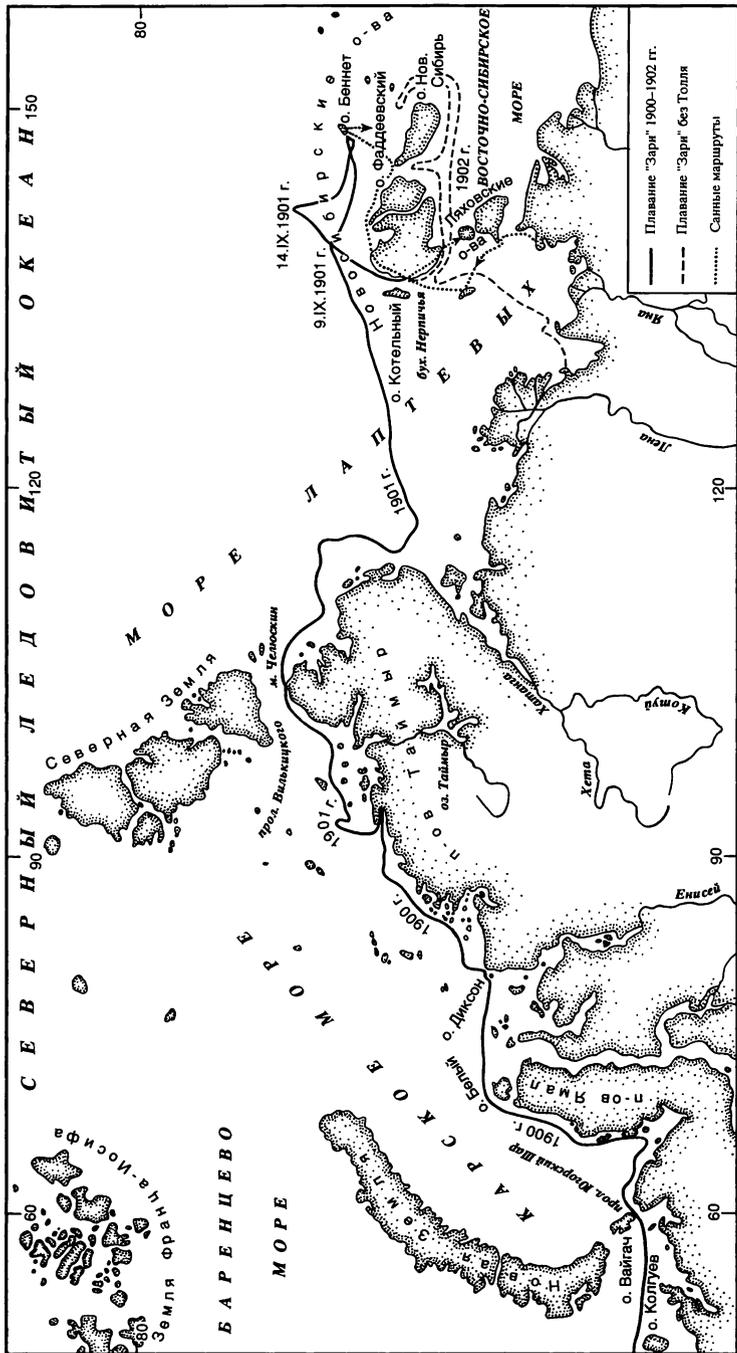

Рис. 2. Маршруты Полярной экспедиции на шхуне "Заря" в 1900–1902 гг.

В Екатерининской гавани на “Зарю” погрузили 60 ездовых собак, из них 40 прибыли из Западной Сибири, а 20 – из Восточной Сибири.

Партию из 40 остяцких¹ собак доставил на “Зарю” норвежский поставщик А. Тронтгейм из Тобольской губернии. Он уже давно осел в России и занимался скупкой и перепродажей собак для полярных экспедиций. А. Тронтгейм, став хорошим специалистом-собаководом, подобрал лучших ездовых собак по имеющимся у него заказам, например, Гренландские экспедиции часто прибегали к его услугам.

Другая партия, состоящая из 20 восточно-сибирских лаек (были отобраны самые лучшие собаки из Усть-Янска), отправилась на “Зарю” под командой двух опытных проводников. Лайки “совершили” почти полукругосветное путешествие, пока попали на судно. Начали они свой путь от Усть-Янска через Верхоянск, Иркутск, Москву, Архангельск и, наконец, прибыли в Александровск-на-Мурмане. Их везли на оленьих нартах, почтовых лошадях, санях, в телегах, по железной дороге. Собаки стойко выдержали все эти весьма необычные для них переезды общей протяженностью 12 тысяч километров.

Прежде чем удалось переправить ездовых собак на “Зарю”, многие вопросы приходилось согласовывать с губернаторами, и всей этой операции предшествовала большая служебная переписка. Относительно 20 восточно-сибирских лаек была отправлена 29 марта 1900 г. реляция иркутским Военным генерал-губернатором на имя архангельского губернатора.

Приводим ее дословный текст, сохранившийся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО)²:

“Для предпринимаемой Императорскою С.-Петербургскою академией наук полярной экспедиции на Землю Санникова приобретены в Якутской области ездовые собаки, в числе двадцати штук, которые по распоряжению начальника экспедиции барона Толля должны проследовать отсюда через Москву в Архангельск, а оттуда пароходом в Екатерининскую гавань, где они будут приняты экспедицией после Иванова дня. Собаки должны прибыть в Иркутск к апрелю месяцу и после короткого отдыха будут отправлены далее. Сопровождает их урядник Якутского городского казачьего полка Степан Расторгуев и якутский мещанин Петр Стрижев.

Сообщая об изложенном, имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с моею покорнейшею просьбою не отказать в Вашем содействии к отправлению названных Расторгуева и Стрижева с собаками из Архангельска в Екатерининскую гавань и к возможному предохранению собак, обычным кормом которых служит рыба, от падежа.

Генерал-Губернатор,
Генерал от Инфантерии

Горемыкин”

К животным, в том числе и к собакам, Колчак вообще-то был равнодушен, но эти собаки пробудили в нем самые искренние симпатии.

¹ Название “остяцкие собаки” произошло от Остяко-Вогульского национального округа (существовал до 1940 г.), ныне это Ханты-Мансийский автономный округ в составе Тюменской области.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 7323. Л. 6, 6 об.

Лейтенант А.В. Колчак в каюте шхуны “Заря”. 1901 г.

Ведь им вместе предстояло пройти сотни километров сквозь торосы Арктики. Лейтенант часто подходил к собакам, давал им немного еды и как бы приучал к себе. Он вспоминал слова Нансена о том, что на Севере хорошие, крепкие собаки – самое дорогое, чем обладает полярник: проблемы транспорта решают собаки, проблемы тепла – собаки, в стужу полярники спят между собаками, а в случае острой нехватки продовольствия собачье мясо спасает полярников от голодной смерти.

31 июля в 5 ч пополудни “Заря” снялась с якоря в Екатерининской гавани и ушла на северо-восток в холодные арктические воды. В порту Александровске списали двух нижних чинов: Малыгина и Семяшкина. Как пишет в своем отчете Н.Н. Коломейцев, “... первого за неисправности

мо дурное поведение и пьянство, второго – по болезни. Хотя вместо них и поступили два человека из Якутской губернии – приведшие собак казак Расторгуев и мещанин Стрижев, тем не менее, считаю, что и без того малочисленный состав команды еще ослабился. Исключая случай с Малыгиным, вся остальная команда показала себя с самой лучшей стороны, и я считаю своим приятным долгом упомянуть об этом. После погрузки угля (79,88 т) весь личный состав яхты воспользовался любезным предложением г-на Книповича и побывал в бане, принадлежащей Научно-промышленной экспедиции. В полдень 18(31) июля отслужено на яхте напутственное молебствие, и в 5 ч вечера мы вышли из последнего, связанного с цивилизованным миром, пункта. В 8 ч вечера, пройдя Кильдинский пролив, задул легкий северо-восточный ветер, и он нес косые паруса. К вечеру 19 июля (1 августа) ветер засвежел и, поставив все паруса, яхта могла делать по 6 узлов. Начиная от порта Александровска ежедневно останавливались в море для гидрологических и биологических исследований, что занимало до 2 ч времени” [43а, с. 374–375].

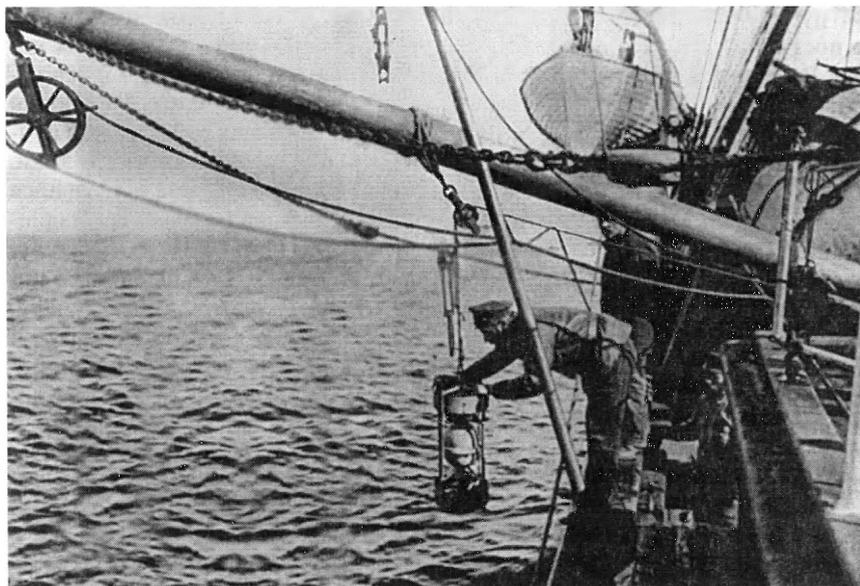
Весь комплекс гидрологических исследований выполнял А.В. Колчак, а биологическую программу – А.А. Бялыницкий-Бируля.

За три месяца плавания “Заря” добралась до сплошного пакового льда. Пытались найти чистую воду, но безуспешно. Колчак, Толль и Коломейцев сошли на лед, чтобы ближе ознакомиться с ледовой обстановкой, и поняли, что дальше “Заре” не пробиться. Все трое очень сожалели и не могли примириться с мыслью, что придется остаться здесь зимовать, не пройдя до мыса Челюскин или хотя бы до восточного берега Таймырского полуострова. Предположили, что за ледяным барьером, остановившим шхуну, было чистое море. Небо на востоке все время темное – признак чистой воды, да и река Таймыра своей теплой водой должна сделать то, что делают воды Оби и Енисея. В Таймырском заливе у льда, преградившего дальнейшее движение на восток, встали на якорь.

Начальник экспедиции Толль 18 сентября (1 октября) объявил первую зимовку, командир “Зари” остановил машину. Итак, зимовка началась!

Общий итог расхода угля составил: из Екатерининской гавани до пролива Югорской Шар – 44,5 т, от Югорского Шара до порта Диксон – 35,88 т, от Диксона до залива Миддендорфа – 33 т; стоянка в заливе Миддендорфа – 45,11 т, из залива Миддендорфа до зимовки – 35,4 т; всего израсходовано 193,89 т, а общее количество составляло 301,18 т, следовательно, остается 107,29 т, то есть чуть большей одной трети. Эти итоги для Толля были весьма неутешительны. На плавание ушло всего три месяца, впереди по программе – еще три года, а угля было израсходовано около 70% от всего запаса [43а, с. 384–385].

В отчете о работах, произведенных в навигацию 1900 г., Колчак писал: “Гидрологические работы начаты на переходе из Екатерининской гавани к Югорскому Шару первого августа н.с. С этого дня велись наблюдения над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды через промежутки времени около 4-х часов и глубоко-

А.В. Колчак измеряет температуру и берет пробы воды на гидрохимический анализ батометром Тимченко

водные работы, производившиеся на станциях, которые были предусмотрены один раз в сутки, когда яхта находилась в море. По проходе Югорского Шара начали брать с каждой станции образцы морской воды для дальнейших исследований. На яхте производились только объемные анализы на содержание хлора” [44, с. 361].

“Со времени вступления в Карское море одновременно с наблюдениями над поверхностным слоем воды велись записи о форме и состоянии встречаемого льда. Наблюдения над поверхностной водой состояли в определении ее температуры и удельного веса с помощью ареометров¹. При ареометрических работах по возможности выполнялись и были принимаемы в расчет последние исследования и указания профессора Нансена...” [там же].

В обязанности Колчака входили не только гидрологические, но и гидрохимические исследования. Определение солёности воды проводилось прямо на ходу судна. А на общий химический анализ пробы брали в химическую склянку и консервировали. Анализ проводился только на якорных стоянках – в порту Диксона, фьорде Миддендорфа и на месте зимовки “Зари”.

Чтобы брать пробы воды с различных глубин, использовались батометры Петтерсона и Гамберга. Для измерения глубины и забора образцов грунта применяли 35-футовые лоты с грунтовыми щипцами и кранами, специально разработанными для работы в северных широтах.

¹ Ареометр – прибор, измеряющий плотность жидкости. Колчак использовал его для определения удельного веса морской воды.

На станциях Колчак установил вполне определенный порядок работы, оба типа батометров по возможности использовались в такой очередности:

“После измерения глубины и получения образца грунта опускался донный барометр Гамберга. Устройство этого прекрасного прибора, обеспеченного от повреждений при случайном ударе о грунт, что легко могло случиться при неровном дне и большом дрейфе судна, а главное, отсутствии возможности засорения клапанов при этом прикосновении, являлось причиной того, что им пользовались всегда для взятия объема придонной воды” [44, с. 362].

Батометры Гамберга давали возможность на одной линии опускать два прибора на разные глубины. В остальных случаях пробы отбирались при помощи батометров Петтерсона.

Колчак не раз отмечал, что эти батометры можно считать самыми совершенными приборами, что “благодаря своей прекрасной изоляционной системе дают возможность очень точно измерить температуру того слоя воды, в котором они находились”. Он подробно описывает работу с батометрами на больших глубинах, анализирует ее и дает некоторые практические рекомендации другим исследователям.

От лейтенанта к полярному исследователю

Научные отчеты Колчака за 1900 год показывают, насколько глубоко лейтенант вошел в детали и тонкости гидрологических и гидрохимических исследований. Он был по-настоящему увлечен работой, его профессиональные знания росли изо дня в день.

В одном из отчетов Колчак обращает внимание на очень важную деталь – точность показаний термометров. Это и сейчас, в наши дни, считается одним из важнейших условий гидрологических глубоководных исследований. Дело в том, что температура вместе с плотностью воды это основные исходные параметры при расчетах величины солености и других физико-химических показателей. Только очень высокая точность этих измерений дает наиболее удовлетворительные результаты при вычислительных операциях.

“Погрешность термометров Негретти–Замбра, – отмечает Колчак, – зависящая от их конструкции и состоящая в том, что ртутный столбик отрывается не всегда точно в одном месте, и изменения при перемене температур длины оторванного столбика ртути не позволяют быть уверенными в точности большей, чем $\pm 0,2$ °С, а иногда $\pm 0,3$ °С. Поэтому термометры обыкновенно опускались попарно для возможного контроля одного прибора другим. Разности отсчетов при правильной работе давали величины, редко превышающие 0,1 °С. Но батометрический метод определения температур, раз имеется такой прибор, как изоляционный батометр Петтерсона, следует признать более точным и надежным, что и принято во внимание на будущее время” [44, с. 363]. Газовый анализ проб воды в то время проводили в стационарных лабораторных условиях. Поэтому на палубе корабля Колчак только отбирал пробы

Астрономический знак на острове наблюдений

воды в специальные стеклянные ампулы, из которых был откачан воздух. Внутреннюю поверхность таких ампул для консервации пробы покрывали слоем осажденной сулемы. В дальнейшем в этих пробах определялось количество азота, кислорода и углекислого газа.

Для полного химического анализа Колчак фильтровал образцы воды в стеклянные бутылки, закрывал притертыми пробками, заливал их парафином и обтягивал животным пузырем. Такая тщательность в работе просто восхищает гидрохимиков даже второй половины XX в.

Интересны общие итоги исследований, выполненных А.В. Колчаком за время навигации в 1900 г. За полтора месяца, с 1 августа по 15 сентября, он провел наблюдения на 32 станциях: из них в открытом море – 17, а на якорных стоянках у берегов и в бухтах западного Таймыра – 15 станций. Собрано около 100 образцов воды и грунта, проведено 65 объемных анализов по определению содержания хлора [44, с. 364].

Начиная с 1 августа 1900 г. им регулярно выполнялись исследования по гидрологии и гидрохимии: через каждые 4 ч измерялись температура воды и удельный вес поверхностного слоя, а глубоководные исследования проводились один раз в сутки на гидрологических станциях, когда шхуна останавливалась и ложилась в дрейф. Пройдя пролив Югорский Шар, Колчак на каждой станции производил отбор проб воды для последующей их транспортировки и изучения основных компонентов солевого состава в стационарных химических лабораториях на берегу [45].

Во время плавания Колчак производил только объемные анализы по определению содержания хлора, а затем по хлору рассчитывал величину солености морской воды.

Наиболее сложный, с большими физическими нагрузками, и, конечно, более разнообразный этап в деятельности Колчака приходится на зимний период, когда шхуна перестала вздрагивать от могучих ударов гигантских льдин и вмерзла в лед [46, с. 195–197].

На берегу научные сотрудники экспедиции и члены команды, невзирая на ранги и титулы, стали возводить различные сооружения. Устройство магнитной станции задержалось из-за пурги и подвозки дров. Доктор Вальтер продолжал активно добывать мясо. Только за один день он застрелил пять оленей, а вскоре и белого медведя – любимое мясо собак. Широко использовался и медвежий жир, который помогает быстро затягивать раны, порезы и ссадины.

Дни летели быстро, но на зимующем судне соблюдался строгий распорядок. Около 7 ч утра дежурный будил Матисена для проведения метеорологических наблюдений. В 8 ч утра дежурный, проводивший суточные ежечасные наблюдения, сдавал дежурство своему преемнику. Научный состав собирался в кают-компаниях на завтрак. Колчак и Толль появлялись с некоторым опозданием, но не позже 9 ч. В 9 ч все убрали со стола.

Зеeberg вместе с рабочими отправлялся на о-в Наблюдений, где продолжались сооружение снежного домика и установка магнитных инструментов. Уже был протянут трос на ледяных столбах почти до самого острова. Дощатый домик для магнитных наблюдений полностью был готов, установлены столбы и инструменты. Завершалась установка астрономической снежной хижины и ледяного павильона для абсолютных магнитных наблюдений, которые включают три элемента¹. Оставалось построить снежный домик для наблюдателей, которые будут посменно проводить суточные дежурства для варьирующих наблюдений, включающих ежечасные отсчеты, и одновременно выполнять ежечасные метеорологические наблюдения.

Зеeberg уже начинал работать у унифуляра². У него всегда был при себе револьвер на случай появления белого медведя [43, с. 97].

Метеорологические наблюдения на о-ве Наблюдений проводились с 22 ноября 1900 г. по 30 апреля 1901 г., их выполнял лейтенант Матисен при участии дежурного по экспедиции.

Гидрологические наблюдения, как уже говорилось, были целиком возложены на Колчака. На левом борту “Зари” он установил ледяной футшток (приливометр) для наблюдений за уровнем моря. Футшток был устроен так: на глубину 10 сажен (21,8 м) опускался груз до 100 кг, металлический тросик с грузом опускался по блокам в прорубь, а на другом его конце на деревянной стойке крепился как бы противовес до 40 кг из двух гирь, который двигался по шкале в случае спуска или подъема льда. Груз был неподвижен, а двигалась деревянная рама со

¹ Три магнитных элемента, так называемое склонение и наклонение магнитной стрелки и горизонтальная составляющая, характеризуют состояние магнитного поля Земли и расположение его силовых линий.

² Геофизический инструмент – магнитный теодолит – служит для определения магнитных элементов.

шкалой, разделенная на футы и дюймы. Ноль делений помещался внизу, немного выше поверхности льда, нарастание делений шло кверху [35, с. 95].

А когда выпадали дни, вернее полярные ночи с ясным звездным небом, Колчак производил определения широты и долготы различных географических объектов. Иногда ему помогал матрос Железников, освещая теодолит, держа хронометр и записывая все данные наблюдений.

Научный состав экспедиции 3 ноября 1900 г. отметил дни рождения “близнецов”, зоолога Бялиницкого-Бирули и доктора Вальтера, они родились в один день и в один год, им исполнилось по 36 лет. Повар Фома приложил много стараний и приготовил красивый праздничный стол с различными угощениями.

На завтрак подали пирог и холодное блюдо из мозгов с гарниром, на обед был приготовлен ароматный суп с маленькими паштетами, потом тушеное жаркое из оленины и компот из консервированных фруктов, пирог, разваренный двойным вензелем из жженого сахара. После обеда все пили кофе “Мокко”, а Бируля принес к этому случаю бутылочку абрикосового ликера. Когда ликер был выпит, доктор дополнил торжества бутылочкой бенедиктина, которая вскоре оказалась пустой. Один из виновников праздничного застолья Бялиницкий-Бируля нес дежурство в ледяном домике, ему каждый час приходилось бороться со снежной бурей, чтобы добраться до о-ва Наблюдений, снять показания термометра и определить силу ветра.

За вечерним чаем разговор перешел в научный спор по вопросу, почему таймырская земля необитаема и в чем состоит причина ее вековой незаселенности. Толль попытался связать эти вопросы с проблемами ледникового периода.

Первая санная совместная поездка Колчака и Толля к фьорду Гафнера началась 23 октября 1900 г., она была совсем непродолжительной, заняв всего лишь 9 дней, и завершилась 31 октября.

Для Колчака это было весьма важное событие. Он впервые сел в арктические нарты, впервые увидел полярных собак в работе, ознакомился с достаточно сложной для новичка системой упряжки ездовых собак, которую необходимо знать на тот случай, если вдруг останешься без опытного каюра в ледяной пустыне. Он знал, что неумение управлять собаками приводит нередко к печальному финалу.

Собачья упряжка устроена так: 12 собак впрягаются попарно на длинном поводу из кожи морского зайца, которая считается достаточно прочной для этой цели и называется “потяг”. Железный вертлюг служит для обоих алыков, т.е. для собачьей сбруи, и надевается посредством петли на потяг. Алык, сшитый из крепкой кожи, протянут посреди груди собаки, покрывает ее спину наподобие конской сбруи и завязывается ремнем вокруг живота. Благодаря этому собака тянет всей своей силой, напирая туловищем на ремень, между тем как при остяцкой упряжке собака тянет только задней частью своего туловища, ибо постромка протянута у нее через крестец вокруг таза. Упряжка цугом более соответствует цели, чем остяцкий способ запряжки собак веером

в один ряд. Цуг проходит по самой узкой дороге, между торосами, не заставляя собак тесниться. Разумеется, немало ловкости и усилий требуется от каюра, чтобы держать в порядке такую запряжку из 12 собак... Во главе цуга бегут вожаки, самые умные собаки, которые слушаются голоса возничего. На возглас “наррах! наррах!” поворачивают влево, “тах! тах!” – направо, образуя правильный поворот и не бросаясь внезапно в сторону. Дальше следуют собаки по рангам, причем самые плохие впрягаются непосредственно у нарты, ближе к каюру, и они оказываются “козлами отпущения”, поскольку им попадает за провинности и свои, и чужие [43, с. 81–82].

Колчак и Толль, собираясь обследовать фьорд Гафнера, подготовили самых лучших собак. Почетное право вожаков было предоставлено Туркану-первому, Туркану-второму и Тугуту. Туркан-первый – чистокровная усть-янская полярная собака, а многие из остальных собак имели примесь других собачьих пород. Тугут, например, имел третью или четвертую часть крови сеттера Циклона, который вместе с Бунге участвовал в обследовании Новосибирских островов в 1886 г.

В 9 ч 30 мин утра Колчак и Толль отправились в первое путешествие к фьорду Гафнера. “На нартах, – пишет Толль, – было уложено 864 кг груза. Запряженные собаки нетерпеливо завывали. Был великолепный ясный день, 16 °С мороза при легком ветре, дувшем в спину. “Заря” красовалась в уборе флагов. Все сотрудники экспедиции, за исключением вахтенного, хотели проводить нас и, где нужно, помочь тащить сани, но едва был дан сигнал к отправке сопровождающего подбадрывающим свистом для сдвига с места погрузившихся в снег саней, как собачья стая с диким воем рванулась полным ходом вперед, невзирая на то, что проводник тормозил движение палкой и кричал собакам: “Стойте, стой!”. Стараясь не отстать, я встал на полозья, а гидрограф (Колчак. – В.С.) взобрался на высоко нагруженные сани, как на брамрею грот-мачты, и сел на поклажу верхом. Сопровождавшие нас люди бежали вслед, но после тщетных усилий не отстать исчезли вскоре из вида, и мы едва слышали их последнее “прости”. Талант карикатуриста у доктора надолго оставался скрытым. Он использовал этот полный комизма отъезд на фьорд Гафнера для очень удачной карикатуры, которой мы любовались по возвращении» [43, с. 82–83].

Обследования фьорда Гафнера и восточной части п-ова Таймыр дали важные научные результаты, но их получение было сопряжено с величайшими трудностями и даже со смертельным риском [47, с. 224–225]. Колчак и Толль выполнили детальную маршрутную съемку по пути к фьорду Гафнера с целью устройства там продовольственного депо, уточнили форму Таймырской губы и определили ее истинные контуры [48, с. 161].

Исследователи описали острова и полуострова, вдававшиеся в Таймырский залив, определили координаты п-ова Короля Оскара. Толль писал в дневнике: “Судя по времени пребывания в пути, мы проехали на восток 28 км. Таким образом, к моему немалому удивлению, оказалось, что ширину Таймырского залива нужно сократить вдвое по сравнению

с принятой Нансеном; следовательно, он (залив. – В.С.) имеет форму фьорда” [43, с. 86].

Колчак долго готовился к съемке островов, находящихся в Таймырском заливе, где зимует “Заря”. Это место зимовки стали называть рейдом “Зари”. Сняли высокие телефонные шесты, на которых был протянут провод в снежный домик. Эти шесты будут ими использоваться для устройства знаков при тригонометрической съемке островов, окружающих залив. Вся эта ответственная работа была поручена Колчаку, поскольку все свои обязанности он выполнял самым тщательным образом. Много времени ему пришлось уделить мензуральной съемке рейда “Зари”, но закончить ее тогда не успел в связи с уходом в санную поездку на восточный Таймыр. Возвратившись на “Зарю”, им был выставлен триангуляционный знак на северо-западном входном мысу в Таймырский залив и определены тригонометрические координаты этого пункта.

«На месте настоящей зимовки, – пишет Колчак, – в Нерпичьей бухте в сентябре месяце (1901 г.) по замерзании рейда произведен вокруг “Зари” промер по льду и начата “выставка” триангуляционных знаков. Всего при входе и по берегам Нерпичьей бухты выставлено 16 знаков. Триангуляцию рейда предполагаю провести с появлением солнца в конце января и феврале месяцах (1902)» [47, с. 225].

О своих гидрологических работах в период первой зимовки и навигации 1901 г. Колчак пишет, что “с постановки шхуны на зимовку наблюдения над температурными и удельными весами подледной воды и измерение толщины льда производилось в течение октября ежедневно... Наблюдение над температурами воды на глубине я также делал при помощи батометров Петтерсена, один из которых был приспособлен для закрывания на желаемой глубине грузом, опускаемым по линю. Придонную воду я доставал также и донным батометром Гамберга, главным образом для исследования работы этого батометра при низких зимних температурах” [49, с. 221].

Колчак обращает внимание, что производство наблюдений в зимний сезон связано со многими трудностями. “При измерении температуры ошибка составляла и была ниже действительного значения на $-0,2^{\circ}\text{C}$, а если термометр перенести в теплое помещение ($+15^{\circ}\text{C}$), то ошибка в показаниях составляла $+0,1^{\circ}\text{C}$. Температура в батометре преимущественно измерялась в лаборатории; за время переноса от проруби в помещение в изолирующих отделениях успевал образоваться лед, а в центральном помещении вода охлаждалась ниже действительной температуры; наблюдение в таком случае приходилось переливать все вновь, причем батометр необходимо было высушить, так как влажный он не закрывается. Если происходила задержка в привязывании прибора, то он часто до такой степени успевал охладиться, что будучи опущен в воду и выдержан около получаса, был поднимаем обмерзшим и незакрывающимся. Ввиду того что температурные перемены в воде происходят в пределах $0,5^{\circ}\text{C}$, наблюдения во время зимы являются до некоторой степени продолжительными и неудобными” [49, с. 222].

Далее Колчак отмечает, что регулярные исследования толщины льда позволили собрать изумительный материал, помогающий раскрыть процессы формирования льда. Первоначально измерения производились ежедневно, потом они стали выполняться реже. Было обнаружено, что увеличение толщины льда полностью прекратилось в середине мая. Однако в начале июня наблюдалось временное утолщение льда от замерзающей пресной воды тающего снега, которая образовала у нижней поверхности морского льда слой до 10 см. Дело в том, что пресная вода, как известно, замерзает при 0°C, а морская – при температуре –1,4°C, следовательно, пресная вода, сползая под лед и соприкасаясь с холодной морской подледной водой, моментально замерзает, и образуется прослойка пресного льда.

Эти исследования Колчака оказались очень важными и послужили ему основой для написания фундаментальной монографии “Лед Карского и Сибирского морей” [50].

По его наблюдениям, толщина льда, исключая образование пресного льда, в течение мая и июня не менялась, а с 10-х чисел июля началось энергичное таяние и разрушение ледяного покрова, который имел наибольшую мощность весной 1901 г. – 182 см. Рейд вскрылся 11–12 августа при средней толщине годовалого льда около 75 см.

В декабре и январе им производились наблюдения над температурами льда на двух глубинах – 30 и 50 см. Эти измерения он прекратил, когда лед, в котором были установлены термометры, дал трещину и в дырах появилась вода, раздавившая при замерзании термометры.

Наблюдения за высотой прилива были начаты прежним командиром “Зари” лейтенантом Коломейцевым с декабря 1900 г. и продолжались по май 1901 г. Ежечасные отсчеты прилива делались вахтенным под контролем Колчака, а во время его отсутствия записи выполненных наблюдений проверял будущий командир “Зари” лейтенант Матисен¹.

Во время навигации каждые 4 часа велись систематические наблюдения за температурами поверхностной воды и производился промер глубин. Колчак отмечает, что из-за большой перегруженности он не имел возможности выполнять каждые 4 часа измерения удельного веса морской воды. Большую часть определений удельных весов он проводил на мостике в рубке, без выполнения принятых предосторожностей, которых ранее придерживался при работе в лаборатории. Часть определений удельных весов выполнил астроном Ф.Г. Зееберг.

Колчаку даже приходилось ограничивать объем наблюдений на станциях, когда он не успевал обрабатывать все количество воды для гидрохимических исследований. При исследовании солености воды Колчак ограничивался большей частью наблюдениями над придонной водой, которую доставал батометром Тимченко. На станциях производились также наблюдения над прозрачностью воды диском Секки.

¹ Приказом Э. Толля от 3 февраля 1901 г. командиром шхуны “Заря” был назначен лейтенант Матисен, а лейтенант Коломейцев командирован с поручением организовать две угольные базы на островах Котельный и Диксон [43, с. 102].

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНЮ.

CLASSE PHYSICO-MATHÉMATIQUE.

Томъ XXVI. № 1.

Volume XXVI. № 1.

Научные результаты Русской Полярной Экспедиции 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля.
Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая. Вып. 1.

Résultats scientifiques de l'Expédition Polaire Russe en 1900—1903, sous la direction du Baron E. Toll.
Section B: Géographie physique et mathématique. Livr. 1.

ЛЕДЪ КАРСКАГО И СИБИРСКАГО МОРЕЙ.

А. КОЛЧАКЪ.

Съ 11 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ.

(Должностно въ вѣдѣніи Физико-Математическаго Отдѣленія 22 марта 1906 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1909. ST.-PÉTERSBOURG.

Титульный листъ монографіи А.В. Колчака

Во время второй зимовки Колчакъ производитъ наблюденія надъ поверхностной водой и толщиною льда черезъ день, а каждыя две недели выполняетъ измеренія температур до дна черезъ одинъ метръ и определеніе удельныхъ весовъ черезъ пять метровъ. Эти наблюденія въ соответствии съ планомъ было намечено вести всю зиму, т.е. и въ 1902 г.

В течение навигации с каждой станции брались образцы грунта и воды. Часть взятой воды сохранялась для полного анализа по окончании экспедиции, другая часть была взята для определения хлора методом титрования, которое Колчак выполнил в сентябре месяце вскоре после постановки шхуны на зимовку.

Пробы морской воды впоследствии были отправлены для полного гидрохимического анализа известному гидрохимику А.А. Лебединцеву на Никольский рыбоводный завод, расположенный в Новгородской губернии в поселке Велье. Лебединцев даже получил аванс в размере 50 руб., однако гидрохимические материалы Русской полярной экспедиции (РПЭ) так и не были опубликованы Колчаком, хотя они планировались. А.А. Лебединцев приобрел большую известность как гидрохимик, выполнив впервые точные анализы по определению содержания сероводорода в Черном море в 1890-е годы [20, с. 37–42].

Пурга и безопасность полярников. Новый год. Театр на шхуне “Заря”. Матисен – новый командир шхуны. Полярные собаки – верные друзья

Работа и отдых

В напряженной и большой работе время пролетало быстро. Проводился значительный комплекс наблюдений: метеорологические, астрономические, магнитные, гидрологические, гидрохимические, орнитологические, гидробиологические, геологические, зоологические, ботанические, наблюдения за полярными сияниями и т.д. Выполнялась геодезическая съемка местности, опись берегов, рек, заливов. Много сил уходило на организацию быта, заготовку продуктов, на ежедневные поездки за плавником и охоту. Те немногие, кто обладал опытом полярных зимовок, знали, как пагубно бывает безделье в подобных условиях, поэтому от каждого требовалось выполнение определенных обязанностей.

Два месяца назад зимовщики проводили солнце. Эти грустные проводы состоялись 31 октября 1900 г., и началась долгая полярная ночь. Ноябрь выдался “пуржливый”, да и декабрь не лучше. Сильный шторм 29 декабря доставил экспедиции много хлопот. Дежурство на о-ве Наблюдений в этот день выпало на долю доктора Вальтера. Во время пурги Зееберг заблудился. Выйдя из ледяного домика, он не нашел дорогу в сторожку. Ветер со скоростью 12–14 м/с при –30°С буквально сбивал с ног, кругом стояла сплошная стена снега и ледяной крошки. Полностью потеряв ориентировку и боясь замерзнуть, Зееберг стал кричать и звать на помощь. К счастью, доктор услышал какие-то отдаленные звуки и дал из сторожки свет керосиновым прожектором. Пришлось отменить все поездки за дровами, хотя топлива оставалось всего лишь на три дня для камбуза, а жилые помещения и лаборатория обогревались керосином. В последней температура не превышала 1°С.

Новые волнения экспедиции доставил Расторгуев. Он нес дежурство вместе с доктором и после возвращения Вальтера не появлялся более часа, хотя они вышли из сторожки вместе, но в пути потеряли друг друга из виду. Что было делать? Искать человека, затерявшегося в сильную пургу, не имело никакого смысла, так как это привело бы к новым осложнениям. Ищущие могли заблудиться сами. В этих случаях держатся за канат, чтобы не потерять направление в сплошном снежном мареве. Ракеты и фейерверки светят в такую пургу крайне слабо, их почти не видно. Попытались поднять фонарь на мачту, а второй –

очень сильный – зажечь на острове, но когда стали реализовывать план сигнальных огней, к радости всех, появился Расторгуев. Толль, чтобы предотвратить в будущем подобные несчастья, строго приказал во время снежной пурги дежурным не разъединяться и идти вместе, связанными канатом по два человека [43, с. 110].

Наступившие Святки¹ внесли некоторое разнообразие в нелегкую жизнь участников экспедиции. В Сочельник² 18 января подняли из трюма заветный ящик с подарками президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича. На крышке красовалась загадочная и притягивающая, как гигантский магнит, надпись: “Вскрыть на Рождество 1900 г.”. Ящик содержал несколько бутылок рома, вина, коньяка и рождественские сувениры для каждого члена экспедиции, заранее вложенные в пакеты и подписанные.

Старший машинист Огрин и раньше в свободные минуты развлекал членов команды пением и игрой на цитре и гармонике, а к Новому году он подготовил со своей группой грандиозное “гала-представление”. Судовые таланты скрывались под звучными псевдонимами артистов: механик Огрин – Э. Огрини, он же г-жа Акулина Огрини, повар Яскевич – Ф. Фомини, матрос Толстов – С. Танти, кочегар Пузырев – П. Луиджи и даже боцман Бегичев, долго уклонявшийся, согласился стать актером Н. Боцмани [51, с. 391]:

«ТЕАТР НА ЯХТЕ “ЗАРЯ”

Воскресенье 31 декабря 1900 г.

1 отделение

1. “Боже Царя храни”. Русский гимн.
Исполн. все участвующие.
2. Вариации на мотивы латышских народных песен.
Исполн. на цитре Э. Огрини.
3. “Русский посланец”. Комический монолог.
Исполн. Ф. Фомини.
4. а) “Парикмахер”,
б) “Укротитель зверей” } комический выход клоунов.

Исполн. С. Танти, П. Луиджи и Н. Боцмани.

Антракт 15 мин

2 отделение

1. “Надо разжевать”,
“Только не хочу”, } магический фокус с куплетами.

Исполн. Э. Огрини.

¹ Святки – святые дни от Рождества до Крещения с 7 по 19 января.

² Сочельник – день 18 января накануне Крещения – 19 января. Крещенский сочельник – строгий пост. Разрешалось одно блюдо из круп и вареных овощей, которое называлось “сочиво”. Отсюда слово “сочевник”, переделанное в народе в “сочельник”.

2. Выход музыкальных клоунов.
Испол. С. Танги и П. Луиджи.
3. “В гостях”. Сцена из жизни.
Исполн. г-жа Акулина Огрини и гг. С.Т. и Ф.

Антракт 15 мин

3 отделение

1. “Мы слесаря”. Трио.
Исполн. Э. Огрини, П. Луиджи и С. Танги.
2. “Накинув плащ...”. Серенада.
“Среди долины...” Народная песнь.
Исполн. все участвующие.
3. “Камаринский”. Народный танец.
Исполн. все участвующие и кордебалет.

Антракт 15 мин

4 отделение

1. “Прощание старого года”. Монолог.
Исполн. Э. Огрини
2. “Новый год”. Живая картина.

Конец.

Начало ровно в 8 ч вечера»

Э.В. Толль в своем дневнике описывает новогодние торжества так: «Рождество позади! Как прошли у нас на судне Рождественские праздники? Наши “ребята” из команды провели их очень весело. Толстов устроил красивую елку, соорудив деревянный остов и ветви из проволоки, искусно обернув все темно-зеленой бумагой. На кончиках ветвей бумага была мелко нарезана, так что сходство с елкой было вполне достигнуто. Она была украшена елочными свечами, золотыми звездами и пестрыми бумажными цепочками, изготовленными обоими отцами семейства – Евстифеевым и Расторгуевым. Стол, на котором была зажжена елка, покрыли флагом, стены украсили бумажными флажками и маленькими знаменами. На столе для каждого было приготовлено по полной тарелке угощения: миндаль, изюм, винные ягоды, конфеты, пряники и по четыре плитки шоколада, и на всех две бутылки рома для жженки.

Все выглядели торжественно в парадной одежде, когда я вошел и приветствовал их словами: “Поздравляю Вас с праздником”. На матросской куртке Расторгуева сверкала медаль. Фома (повар Яскевич. – В.С.) выглядел также празднично в матросской форме. Затем начался розыгрыш подарков. Главным выигрышем был аккордеон, который пал на долю маленького застенчивого Безбородова. Еще были шашки, домино, зеркало, головные щетки, коробки сигар и т.д. Кроме того, каждый получил на память по перламутровой чарке. В заключение торжества я просил в нескольких словах команду не забывать о том, что празднование этого вечера знаменует искреннюю дружбу, без которой не может завершиться ни одно задуманное дело» [43, с. 112].

Научный состав проявляет озабоченность и беспокойство

В кают-компании все было значительно спокойнее и не так торжественно. В этот вечер Зеeberg вел наблюдения в магнитно-метеорологическом снежном домике. Бялыницкий-Бируля находился в угнетенном состоянии духа и не выходил из своей каюты. Немного суетился доктор Вальтер, раскладывая рождественское угощение: орехи, миндаль, изюм, печенье, пряники... Матисен вскрыл пакет с подарками, среди которых было несколько бутылок кахетинского вина. Завели фонограф, и все стали слушать “Адмиральский марш”.

Толль и Вальтер решили навестить Зеeберга и отнесли ему рождественское угощение. Офицеры – Колчак, Матисен и Коломейцев – удобнее устроились в креслах и стали пить кахетинское, высказывая друг другу добрые новогодние пожелания.

Обычно Колчак и Матисен, обсуждая какой-либо вопрос, всегда переходили на повышенную тональность, так как оба имели совершенно противоположные мнения, а потому согласия практически никогда не достигали. Колчак, нервный и вспыльчивый, всегда круто обрывал разговор, иногда в обидной для Матисена форме, но последний, в силу мягкости своего характера, все ему прощал.

На этот раз все проходило тихо и мирно, очевидно, новогодние события и кахетинское располагали к дружелюбию, да и слишком много впереди было беспокойного, неопределенного и таинственного...

Колчак не имел желания продолжать новогодний разговор и раньше всех ушел в свою каюту. Он помнил слова Толля: “Мы прибыли сюда не разговаривать, а получить конкретные результаты нашей деятельности”. В ближайшие дни Колчаку предстояло провести серию абсолютных магнитных наблюдений и закончить отчеты. Он решил хорошо выспаться и встать со свежей головой.

Вскоре после праздников Коломейцев начал готовиться к предстоящему походу в связи с организацией угольного склада для “Зари”. Коломейцев должен взять с собой все отчеты и письма родным и близким. Командиром шхуны был назначен Матисен. Дело в том, что суеверный Коломейцев запрещал Толлю заходить в судовую рубку, считая, что у того “черный глаз” и с судном что-нибудь вечно случается при его появлении. Подобные размолвки осложняли работу экспедиции в целом, и Толль принял решение о замене командира.

Матисен вместе с Колчаком перераспределили время для несения вахт. Решили ночью стоять по 4 ч, а днем по 6 ч.

Команда обеспечивала жизнь на судне. Несколько матросов поехали в поисках дров к южному берегу о-ва Нансена. На одной из остановок собака почуяла медвежье логово и стала рыть снег над ним. Удивленная медведица высунула в проделанное отверстие голову, и Стрижев, самый смелый и ловкий, нанес медведице два удара топором по голове и замахнулся в третий раз, но топор выскочил из рук. Стрижев помчался на судно за ружьем, а медведица тем временем вылезла из берлоги и пыталась бежать к южному берегу. Она была оглушена уда-

рами топора и плохо ориентировалась, но вскоре повернула обратно к берлоге: там у нее остались малыши. Собаки моментально ее окружили. Толстов нанес ей ломом страшный удар. Разъяренные собаки бросились на медведицу, и она некоторых из них даже изрядно поранила. Пока медведица убежала к морю, из берлоги достали двух очаровательных медвежат и поместили их на нарты. Но собаки в одно мгновение набросились на малышей, разорвали их на куски и съели. Наверное, медвежата родились всего несколько дней назад и по величине были не больше лайки. Когда пришли Матисен и Колчак с ружьями, вернувшаяся медведица, стоя на задних лапах, защищалась от окруживших ее собак. Матисен приблизился к ней на расстояние примерно в десять шагов и всадил ей пулю в лопатку. Колчак, видя, что драма завершилась, выстрелил в воздух. Мяса молодой медведицы хватило всего лишь на два дня для прокорма экспедиционных собак [43, с. 119].

Колчак весь вечер и даже утром был расстроен, картина гибели медвежат и их матери его потрясла. Придя в себя, он сел в каюте за стол и продолжал дописывать свои письма, которые должен был взять Коломейцев и доставить в Петербург: до р. Хатанги его будет сопровождать Расторгуев, а затем последний отправится обратно на “Зарю”. Коломейцеву, однако, пришлось два раза возвращаться из своих поездок на “Зарю”, и только третье путешествие оказалось удачным.

Некоторых членов экспедиции поразила цинга, тяжелая болезнь для всех экспедиций и кругосветных плаваний. Колчак был весьма встревожен тем, что цинга появилась, несмотря на хорошее питание, частые путешествия, работу на свежем воздухе и нормальное жилье. “Тщательное лечение принесет заболевшим, надо надеяться, скорое исцеление. Это йод внутрь, полоскание полости рта раствором марганцово-кислого калия, обтирание тела раствором уксуса, употребление лука, повышенный рацион клюквенного экстракта и лимонной эссенции – вместо одного раза дважды в неделю, компот и большое количество овощных блюд. Клюквенный экстракт и соки, которые доктор предложил выдавать с Рождества, следовало бы давать уже с осени, и тогда, возможно, беда была бы предотвращена. Но кто же мог думать, что так случится?” – горевал и разводил руками Толль [43, с. 124].

Колчака эта болезнь миновала, он был неизмеримо рад и стал активно употреблять лук. В марте он начал проводить измерения базиса для тригонометрической съемки от “Зари” до острова в заливе, а астроном Зееберг весьма удачно работал с пассажным инструментом¹.

Была середина марта, но солнце уже заметно грело, полярный день набирал силу, отодвигая полярную ночь до следующего года. С наступлением первых светлых дней Толль направил Матисена для маршрутной съемки архипелага Норденшельда.

Зоолог Бялыницкий-Бируля, сопровождавший третий поход Коломейцева по берегу Харитона Лаптева, вышел 18 апреля и вернулся на

¹ Пассажный инструмент – астрономический прибор, служащий для определения момента прохождения светила через вертикаль. Применяется также для поправки часов и определений широты места наблюдения.

шхуну “Заря” 6 мая. За это время они вместе с Коломейцевым достигли мыса Прощания, расположенного к северу от мыса Стерлигова. А Коломейцев и Расторгуев направились к о-ву Диксон и далее к Гольчихе. Им удалось 27 мая достигнуть Гольчиху. Таким образом, за 40 суток они прошли 768 км со средней суточной скоростью 19 км. Коломейцев был прав: путь на Гольчиху оправдал себя. В двух первых походах партия Коломейцева делала в сутки от 3 до 8 км. Это объяснялось тем, что тундра в значительной степени покрыта холмами, и тонкий слой снега и наста на поверхности не выдерживали тяжелых нарт, и они, проваливаясь, скребли по камням. Путь на Гольчиху оправдал себя во всех отношениях, даже снег вдоль берега был значительно плотнее.

Спустя 18 лет норвежцы не смогли преодолеть то, что оказалось по силам русским полярникам. В 1919 г. по берегу Харитона Лаптева отправились два норвежских матроса из экспедиции Р. Амудсена. Они вышли из бухты “Мод” близ мыса Челюскина и направились к о-ву Диксон, чтобы переправить на материк почту и часть научного материала по поручению Р. Амудсена. Однако оба норвежца в намеченный пункт не попали, они трагически погибли, вещи и останки одного из них были найдены в 25 км к югу от мыса Стерлигова, а другого обнаружили на материковом побережье против о-ва Диксон [35, с. 106–107].

Бялыницкий-Бируля за время своей экскурсии выполнил около 500 км маршрутной съемки и определил 9 астрономических пунктов. Поход Бирули оказался удивительно плодотворным, он собрал обширную коллекцию позвоночных [52, с. 15]. Его наблюдения за жизнью наземных животных, в частности, за белым медведем и за полярными птицами вошли в его рукопись геоморфологического характера с интересными зарисовками, но она так и осталась неизданной. Рукопись была представлена в Полярную комиссию Императорской академии наук [35, с. 112].

Труднейшая дорога длиной в 41 день

Для съемок Таймырского полуострова Э.В. Толль и А.В. Колчак наметили санную поездку вдоль берегов. Они провели топографическую съемку местности на всем пройденном ими 500-километровом пути. Уточнили очертания берегов, описанных еще штурманом Челюскиным – помощником Харитона Лаптева. Также значительно уточнили карту, полученную Толлем и Колчаком от Нансена, – набросок окрестностей полуострова Таймыр, – выполненную норвежцами во время плавания “Фрама”.

Эта санная поездка – одна из многих во время зимовки 1901 г., где каждый километр, пройденный теми, кто отважился сказать новое слово о морях и землях в полярных широтах, – досталась им нелегко. Сохранившийся дневник начальника экспедиции Э.В. Толля достаточно выразительно раскрывает работу и жизнь полярников. После трагической гибели Толля его дневник впервые был опубликован вдовой ученого Эмmeliной Толль в 1909 г. в Берлине на немецком языке.

“С 25 апреля до 26 апреля, – записывает Толль в своем дневнике, – находимся у мыса Колчака. Запас продовольствия опустили в яму и укрепили над нею на скалистом берегу на заметном месте лыжу с флагом, а над самым складом установили вторую лыжу” [43, с. 156].

В первые дни этого санного похода вместе с Толлем и Колчаком участвовали матросы Железников и Носов. Колчак взял себе каюром рулевого Железникова, который всегда сопровождал его, как мы уже говорили, при гидрологических и топографических работах, а Толль пригласил кочегара Носова – сильного и выносливого, уже не раз это доказывавшего в поездках. Они шли справа от нарт, а ученье – слева.

В упряжке Толля в качестве передовых вожakov были его любимая собака Туркан и любимая собака Колчака Печать. Турканом якуты называют птицу гагу. Самец гаги имеет брачный наряд, напоминающий черный плащ с белым воротником на груди. Такое прекрасное оперение, сверкающий оранжевый бугорок на клюве, зеленые круглые, как яблоко, щеки – все это представляет изумительное зрелище. Собака Туркан и была названа в Усть-Янске именем этой птицы благодаря своей черной спине, белыми шее и груди. Туркан принадлежал к числу сильнейших и красивейших ездовых усть-янских собак. Другая собака – Печать – хорошо слушала команду и сильно тянула. Во второй паре были Соколка и Шахмат, в третьей – Ласка и Крошка.

Нарты Колчака в первой паре тянули Серган и его тезка Черный Серган, во второй паре – Туркан-второй и Собака. В третьей паре шли Леска и умная и крепкая собака Деничка.

Через несколько дней каюров Железникова и Носова отправили на “Зарю” с одними нартами, а большую часть продовольствия и 48 кг собачьего корма заложили с подветренной стороны гранитного вала на южном берегу перед сужением Таймырского залива. Рядом с валуном воткнули в снег лыжную палку – знак продовольственного склада. С собой взяли консервы на 30 дней из расчета на двух человек и набор других продуктов.

Приведем записи из дневника Толля:

“Понедельник 29 апреля, – пишет в дневнике Толль, – в 1 час 7 минут ночи мы подошли к продовольственному складу у мыса Флага. Тем временем погода прояснилась, ветер стих и температура упала до –33°С. Попытка отапливаться взятыми с собою дровами оказалась неудачной, так как они были сырые.

1–5 мая ... Чтобы не ехать по торосам, направились по довольно отлогому снежному скату. Здесь сани перевернулись, и полозья попали в трещину. Чтобы не сломать сани при подъеме, пришлось наполовину разгрузить их. Разгрузка и погрузка заняли почти час времени, и мы только к 3 часам ночи добрались до мыса при входе в залив. Было тепло. Собаки сильно устали и проголодались. Леска в пути поела помет передовых собак; вероятно, вчера во время кормежки соседние собаки похитили у нее рыбу, и дело обошлось без драки благодаря ее добродушию. Весь день она ухаживала за Крошкой, у которой было укушено ухо, и заботливо зализывала ее рану.

Снег глубокий и рыхлый; тяжело бежать по такому снегу и одновременно безостановочно кричать.

... Раскопка склада продвигается с трудом. Моя ошибка заключалась в том, что установленный знак был слишком короток и оказался полностью покрыт снегом. Пришлось срыть весь пригорок, чтобы найти верхушку лыжной палки.

Собаки утомлены и сильно похудели. Я отвязал передовых собак, и они тотчас улеглись спать. Сегодня после обеда, расчищая снег, я услышал и одновременно увидел первую пуночку.

... Весь вчерашний день прошел в бесполезном раскапывании снега. Колчак пребывал в трудовом экстазе, а я был рассержен своей непростительной ошибкой, что не установил более высокого знака.

Однако Колчаку так и не удалось прокопать до склада: огромные снежные наносы и корка льда надолго упрятали продовольствие, возможно до лета. Колчак понял, что напрасно тратит силы, и прекратил поиски” [43, с. 156–159].

Далее прервем цитирование, а лишь кратко попытаемся пересказать эти путевые записи, относящиеся к его, Толля, совместно с Колчаком, путешествию.

Они решили двигаться к мысу Инклинаторному, там были оставлены небольшие запасы продовольствия. Удалось отыскать 8 банок пеммикана (мясные консервы, приготовленные из оленины по особому способу, взятому у индейцев Северной Америки), 25 банок гороха, сало, собачий корм – сушеную рыбу.

Колчак стремился достигнуть побережья и считал нецелесообразным маршрут внутрь Таймыра. Ему хотелось добраться до мыса Челюскина – самой северной точки Сибирского региона.

Собаки бежали с трудом, их подбадривали следы куропаток и песцов, бедные голодные животные возбуждались при виде любого предмета черного цвета, принимая его за еду. Ночью собаки отказывались двигаться дальше. Колчак и Толль часто впрягались в нарты сами, всячески подбадривая собак, особенно на подъемах. В день проходили около 20 км. К 11–15 мая собаки были настолько утомлены, что не могли проходить более 12 км в сутки. Некоторые из них падали, и вся упряжка превращалась в беспорядочную “живую глыбу” измученных животных. Запасы продуктов, керосина, корма для собак быстро убывали. Рыбы оставалось на 11 дней, а скудного пропитания для людей – на 14. Однако из-за пурги Толль и Колчак вынуждены были провести в пути больше дней. Накапливалась непреодолимая усталость...

Голодные, измученные люди не сдавались, по-прежнему проводили топографическую съемку, наносили высоты, делали геодезическую привязку и не теряли надежду сквозь ураганы пробиться к “Заре”. Ветер порой достигал такой шквальной силы, что собаки были не в состоянии продвинуться вперед даже на метр.

К 20 мая для экономии керосина и продуктов решено было варить пищу только один раз в сутки. Уменьшили рацион в два раза, следили за собаками, чтобы те, что посильнее, не отнимали рыбу у слабых, иначе слабые могли быстро погибнуть.

Страшный шторм бушевал целую неделю. По утрам приходилось откапывать полуживых собак, нарты, палатку, собачьи хвосты вмержали в лед.

Нередко нарты тащили лишь пять собак, остальные бежали рядом. Пришлось Лайку и Крошку освободить от ужасных страданий выстрелом из ружья. А до “Зари” оставалось еще 200 км. В лучшем случае их можно было пройти за девять дней. Хватит ли сил у людей и собак?

22 мая Толль записал, что питания для собак осталось на три дня, а для полярников – на 5–6 дней. Э.В. Толль по своей фанатичности чем-то напоминал Седова, который ушел к Северному полюсу явно без каких-либо шансов вернуться. В критических ситуациях бывает, что полярники переоценивают свои возможности, не считаясь со здравым смыслом. Однако А.В. Колчак никогда не терял голову, его рассудительность и вдумчивость не раз помогали Толлю принять правильное решение. Например, Толль намеревался пройти вдоль побережья, чтобы уточнить и исправить данные топографической съемки, полученные ранее. Колчак убедил его, что для измученных людей такая работа непосильна. Постоянная сырость в палатке, влажные спальные мешки, вечно мокрые ноги – все эти тяготы совсем измотали людей.

“Сегодня съели последний сухарь, – пишет Толль 28 мая, – осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилили, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо – болит голова и наступила апатия, а также потерялся голос. Гидрограф (Колчак. – В.С.) бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте” [43, с. 168–169].

Собаки гибли одна за другой от голода. Колчак особенно любил собаку по кличке Печать, он предложил не пристреливать ее, а ослабевшую и полуживую довести на нартах до “Зари”. На нартах уже лежала Леска, привязанная сверху, чтобы не свалилась в пути. Колчак и Толль впряглись в лямки и потащили нарты вместе с несколькими собаками в упряжке, не желавшими двигаться, когда им не помогали. Полярники сами еле переступали, нестерпимо болели руки, ноги, все тело.

В эти тяжелые дни ни Колчак, ни Толль не были уверены, что им удастся добраться до шхуны. Ах, если бы встретился медведь или олень, тогда все были бы спасены. Вот о чем они больше всего мечтали! Движение с каждым днем становилось все медленнее. Рацион собак сократился в 3–4 раза. Собаки, везущие нарты (их было шесть), получали по целой рыбе, остальные четыре, идущие рядом, по половине.

30 мая в четверг экспедиция достигла мыса Миддендорфа и направилась к Таймырскому проливу. Собаки узнавали свой старый след, прибодрились. Но тут полярники из-за тумана прошли мимо своего продовольственного склада, который остался позади в пяти километрах. А до “Зари” было еще 35 км. Решили не возвращаться, а двигаться к шхуне. Люди уже более суток ничего не ели. Все, что у них осталось, отдавали собакам.

31 мая в пятницу Толль и Колчак все-таки дотянули до “Зари”. Последние 10 км были особенно трудными. Вместо еды для подкрепления

сил выкуривали по трубке. И лишь когда увидели мачты шхуны, поняли, что спасены, что дома и живы!

В один из дней Толль сделал запись о “скромных итогах” и целесобразности всего предприятия: “Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и неимоверных лишений? Пока произведена только съемка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причем установлено, что... Таймырская бухта ни в коем случае не фиордообразная. Далее, брошен беглый взгляд в глубь полуострова, на скрытый туманами пустынный ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это немного стоило нам полных лишений более 40 дней тяжелейшей работы и жизни нескольких собак! Вчера после долгого времени я увидел маленькую стайку из пяти–шести пуночек, пролетавшую в двух километрах отсюда в глубь страны. В остальном все мертво” [43, с. 171]¹.

Желая увековечить заслуги Колчака, Толль назвал его именем один из вновь открытых ими островов у берегов Таймыра. Остров Колчак находится между 68–70° в.д. Ныне это о-в Расторгуева.

После знакомства с восточной частью Таймырского полуострова Колчак и Толль убедились в необходимости внести существенные правки в картографический материал.

Колчак, наблюдая полное несогласие прежних географических карт с местностью, пришел к выводу, что допущена ошибка в определении широты устья р. Таймыры (современное название “Нижняя Таймыра”), часто служившей исходным пунктом Большой Северной экспедиции, проводившей опись берегов Сибири еще в 1734–1742 гг. По данным XVIII в., широта устья р. Таймыры 75°36' с.ш., а достигнутая Колчаком и Толлем бухта лежала под 76°17' с.ш. Разница составила немногим меньше одного градуса, т.е. более 40 км.

В своем отчете по поводу обследования западной части п-ова Таймыр Толль писал:

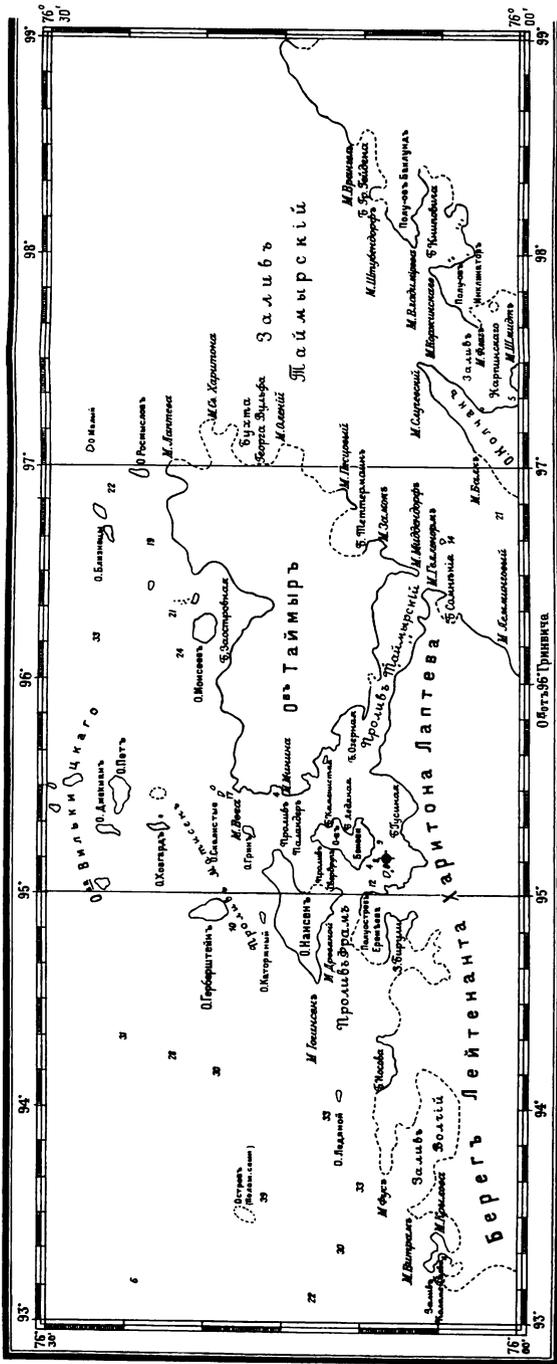
“Наша экспедиция продолжалась всего 41 день, из которых 9 пошли на стоянки во время сильной пурги, а 4 – на безуспешную работу по раскопкам депо. В течение остальных 28 дней мы совершили около 500 верст.

Лейтенантом Колчаком была проведена маршрутная съемка, опиравшаяся на 9 астрономических пунктов. В первое время нашего пути им же производились на каждой стоянке магнитные наблюдения, но на десятый день, ввиду необходимости облегчить нарту, пришлось оставить инклинометр, который мы закопали вместе с некоторыми излишними вещами в снежный откос на берегу моря” [46, с. 197].

А.В. Колчак в своем отчете делает такие выводы:

“На основании маршрутных съемок во время санных поездок в октябре 1900 г., апреле и мае 1901 г. составлена маршрутная карта Тай-

¹ Отметим, что в книге П.В. Виттенбурга [35, с. 112–114], изданной в 1960 г., это 41-дневное 500-километровое обследование п-ова Таймыр, предпринятое Э. Толлем и А. Колчаком с 20 апреля по 31 мая 1901 г., изложено в совершенно искаженном варианте, а фамилия А.В. Колчака отсутствует. Так фильтровались исторические факты советской цензуры.

КАРТА № 8. ЛЕНА

◆ Место формирования Русской Полярной Экспедиции.
 Рис. 3. Карта Таймырского пролива с частью Берега Лейтенанта Харигтона Лаггева.
 Составлена А.В. Колчаком в 1908 г.

мырского пролива¹ (залива. – В.С.) и Таймырской бухты до устья р. Таймыры², опирающаяся на 12 астрономических пунктов, в 9 из которых имеются определения широты и долготы. В трех точках найдена одна широта.

Астрономические определения координат произведены большею частью по наблюдениям солнца большим призмозеркальным кругом Пистора в искусственный горизонт; несколько звездных определений вычислено по высотам, взятым малым теодолитом Гильдебрандта” [47, с. 224].

Приводим карту, составленную Колчаком (рис. 3).

Царство собак – мир больших забот

Первоначально на борт шхуны “Заря” в Екатерининской гавани было принято 60 ездовых собак, из них 40 – из Западной Сибири, 20 – из Восточной. Этот огромный и великолепный мир полярных помощников, состоящий из крепких, здоровых и обученных животных, требовал к себе внимания и приносил много забавных минут как научному составу, так и всей команде судна.

Лейтенант Н.Н. Коломейцев в своем «Отчете о плавании яхты “Заря” с июня по сентябрь 1900 г.» отмечает, что как только судно остановилось у кромки сплошного льда западного Таймыра, то сразу же собак свезли на берег. Животные учинили грандиозную свалку, и пока их разнимали, две собаки поплатились жизнью.

Царство собак непрерывно меняет свое количество: нарождается новое потомство, захворавшие собаки умирают, иногда по совершенно непонятным причинам. Выращивание молодых собак, особенно в полярных условиях, да еще на судне, имеющем весьма ограниченную “территорию владений”, сопряжено с большими трудностями. Долгое пребывание собак в замкнутом пространстве делало их нервными и раздражительными. Они часто грызлись между собой, но к человеку по-прежнему были ласковы и послушно отвечали на его команды.

Поведение животных вообще трудно предсказуемо. Однажды две собаки учинили настоящую драку из-за лучшего щенка. Собака, имеющая своего собственного щенка и мало обращающая на него внимания, решила отнять этого щенка у другой собаки. Между ними произошла настоящая битва, и малыш был разорван собаками. Сука, пытавшаяся украсть щенка, всю ночь выла и скребла у наружной двери, стараясь отыскать полюбившегося ей малыша, в то время как ее собственный щенок оставался совершенно без внимания. Мать же погибшего щенка

¹ В XIX в. в связи с малой изученностью Восточно-Сибирского региона России Таймыр обозначался на картах как обособленная островная территория. Такие представления, как видим, сохранялись длительное время, вплоть до начала XX в. Составляя свою карту в 1908 г., Колчак использовал раннюю карту северо-восточной части Карского моря.

² Часть южного берега бухты Нерпичья и устье новой реки сняты лейтенантом Коломейцевым и зоологом Бяльницким-Бирулей.

два дня и ночь беспрестанно выла и скулила. А щенок был, действительно, первоклассный: самый сильный из всех, с густой и красивой белой шерстью. Как говорили местные жители, раздоры за обладание новорожденными щенками происходят среди собак не так уж редко.

Расторгуев подобный случай наблюдал также у оленей. В тайге Алданского округа однажды важенка (олениха, имеющая малыша) увела к себе чужого олененка, и ей посчастливилось защитить приемыша от притязаний его собственной матери и вырастить на своем молоке. Горячие бои между важенками за обладание молодняком в полярных широтах – обычное дело. “В чем тут причина, пока остается загадкой. Может быть, имеется потребность отдать лишнее молоко, а может в чем-то другом?” [43, с. 103].

Собак отогревали чаще всего в помещении команды. Там благодаря большой керосиновой печке температура достигала 7 °С, в то время как в каютах у Колчака, Бялыницкого-Бирули и Толля она не поднималась выше 2 °С. Как только печки отключали, в наружном углу кают образовывались лед и снег, а на стенах и потолке конденсировалась вода. Ночью эта вода капала на койки, но из-за недостатка горячего чаще одного раза в неделю печки не включались.

А больным собакам требовалось тепло. Тяжело заболел Тугут – любимец экипажа, он сильно похудел, потерял аппетит и в положенное время не линял. Прихварывали и другие собаки, а две восточно-сибирские лайки “потели”, согласно диагнозу каюров, и за ними требовался уход.

Начальник экспедиции распорядился давать из запасов слабым и хворым собакам тюлень и медвежье сало, предполагая, что заболевание было вызвано недостаточным образованием сала в сальных железах: шерсть собак недостаточно смазывается, они простуживаются и недомогают [43, с. 109].

На шхуне в помещении около геологической лаборатории, где построили 17 щенят, было очень тесно. Трудности возникали также и с подстилкой для животных. Для этой цели употребляли излишки пакли, но ее резервы уменьшались катастрофически быстро. Мох же не удавалось раздобыть, так как он был спрятан под снегом. Имелось немного древесной ваты из консервных ящиков. В сырости щенята могли погибнуть, как уже погиб один из них, и их следовало разместить по теплым помещениям. Начальник экспедиции Толль предложил расселение трех малышей в освободившуюся каюту Коломейцева, четырех – в сторожку, т.е. в снежный домик на острове, еще трех – у команды и остальных шестерых – в лаборатории, что позволяло держать их сухими и вырастить крепкими и здоровыми. В снежном домике дежурившие на вахте уделяли щенкам много внимания, нежно и трогательно заботились о щенках, приберегая лакомства, особенно когда представлялся случай поиграть с ними.

“Зееберг усовершенствовал ящик, – пишет Толль, – в котором спали на пакле четыре собачонки, снабдив его поднимающейся вверх двустворчатой крышкой, у верхнего края которой он оставил свободное пространство для притока воздуха. Таким образом, вахтенный мог спо-

Ф.Г. Зееберг в кают-компани “Зари” в Карском море. Фотография РПЭ

койно выйти из дома, не опасаясь, что оставшийся молодняк в жажде подвигов напроказит – проглотит, например том рассказов Короленко, как это случилось во время последней вахты Бирули, или же использует для подстилки шапку из ангорской шерсти. Теперь наблюдатель, прежде чем покинуть дом, быстро засовывает всю компанию в ящик, и из него выглядывают только мордочки собачек. Такое устройство полезно, кроме того, в том отношении, что покой не нарушается при зажигании керосинки для кипячения чая и т.п.”

“Это обстоятельство, – продолжает Толль, – особенно радует их приемного отца и воспитателя Зееберга. Его воспитание приносит уже хорошие плоды: Маруся, как только поднимается крышка, выбегает по собственному побуждению в сени для совершения туалета, и трое остальных должны более или менее добровольно следовать ее хорошему примеру. Секрет этого воспитательного метода состоит в том, что педагог начал давать щенкам теплую пищу в коридоре, и теперь вечно голодные щенята охотно туда выбегают. Когда у щенят пропадает охота играть, они греются у горячей керосинки, тесно прислонясь к ней. Бывали случаи, когда они в оживленной игре опрокидывали горящую печку, как было недавно во время вахты доктора, который обычно больше других радуется безудержной резвости маленьких существ. Можно быть уверенным, что он не наказал щенят за эту шалость, чего не упустил бы сделать Зееберг из педагогических соображений, без особой, правда, суровости. Колчак же хватает их грубее, как придется, за зад-

ною лапу, за морду или еще как-нибудь, чтобы водворить в ящик или выставить в сени. Ради щенят я поддерживал температуру в прошлую вахту почти постоянно выше 0 °С. Физически животные развиваются медленно, что, очевидно, следует отнести за счет низкой температуры. Их сверстники, содержащиеся в теплых помещениях, уже давно обогнали их ростом” [43, с. 133–134].

Судя по этим записям, можно сказать, что повезло тем двум щенятам, которых Фома взял на камбуз. Команда в своем кубрике тоже выхаживала пару щенят. Все “хулиганчики”, как их называли, развивались прекрасно. Уверенность в том, что эти собаки, родившиеся в Арктике, будут лучше во всех отношениях, чем большинство тронтгеймовских (норвежских) собак, радовала всех без исключения.

Российским арктическим экспедициям начала XX в. всегда недоставало хороших ездовых собак. Некоторые полярники того времени объясняли это перепродажей ездовых собак в другие страны. Так, например, известный предприниматель из Норвегии Тронтгейм, о котором уже упоминалось выше, делал свой маленький бизнес на собаках: закупал в Сибири, допустим, 40 отборных ездовых собак и продавал их на Шпицберген. А герцогу Амбруцкому, руководителю итальянской экспедиции 1899–1900 гг., рассчитывавшему с Земли Франца-Иосифа достичь Северного полюса на собаках, господин Тронтгейм продал 120 отборных сибирских собак. Русские полярники считали, что необходимо добиться запрещения на вывоз ездовых собак из России.

В конце концов “щенячий” вопрос на “Заре” был решен. Палубная команда вычистила и высушила верхнее помещение для ванны, в котором находились четыре красивых белых щенка. Для всех щенков, в том числе и для тех, что были на камбузе и в кубрике, устроили место на фордеке¹. Матросы поставили бочку с захлопывающимися дверцами, обложили ее кругом снегом для сохранения тепла. Еще новых девять щенят разместили в коридоре около лаборатории. Щенята весело проводили время в резвых схватках между собой. Их мать, старая мохнатая ненецкая собака, умело справлялась со своими малышами и проявляла материнские чувства в полном объеме. Очень расшалившись она брала зубами за загривок и водворяла на место. Каждого щенка тщательно облизывала, получая при этом истинное удовольствие, особенно когда они, тесно прижавшись друг к другу, пили мамино молочко, – ведь температура достигала иногда –50 °С.

У одной из собак в снежной норе замерзли два щенка. Толль распорядился устроить оставшихся в живых в коридоре перед его лабораторией, которая постепенно превращалась в клинику для собак. У ног начальника экспедиции справа и слева лежали пациенты, страдающие потливостью. Это Туркан, Чакирес и еще две собаки с новорожденными щенками, а также вскоре и Джесся с восемью очаровательными щенятами.

¹ Помещение в носовой части судна.

В кают-компании из-за отсутствия тяги печка частенько дымила, “выкуривая” буквально всех. Для проветривания открывали обе двери и верхний люк, поэтому в кают-компании стояла постоянная стужа, и собакам в ней находиться было нежелательно: малышей губили сквозняки.

В лаборатории Толля температура держалась около +6 °С. Ночью грела керосиновая печка, которая постоянно поддерживала температуру выше нуля. Туркан, прекрасный и умный вожак из упряжки Толля, получил разрешение начальства находиться в лаборатории и ночью. Он сильнее всех собак страдал потливостью, а потому Толль проявлял к нему самые добрые чувства [43, с. 100].

Арктические ездовые собаки порой восхищают даже видавших виды местных жителей, не говоря уже о полярных путешественниках.

В один из дней, по записи Толля, выдалась великолепная погода. Коломейцеву и Толлю надо было записать показания анероида¹ и заполнить некоторые другие измерения. На большом ледяном поле приступили к измерению. Собаки были привязаны к лому, вставленному в лед, однако вскоре собачьи нарты пришли в движение. Собаки, очевидно, почуяв белого медведя, оленя или песка, рванули с места. Стрижев бросился им наперерез, а Расторгуев пытался перехватить беглецов и остановить нарты. Однако скорость была так значительна, что каюры вскоре потеряли собак из виду. Главное беспокойство вызывали ружье и подозрная труба, лежавшие на санях непривязанными. При такой бешеной гонке нарты могли перевернуться или даже разбиться о камни, которых так много в тундре. Собаки и оба каюра отсутствовали более трех часов. Кругом полная тишина, так что Толль и Коломейцев слышали собственное дыхание и биение собственного пульса. Прошло еще около получаса, и на горизонте показалось черное пятно, которое быстро приближалось. Это были нарты. Через четверть часа они нагнали Толля и Коломейцева. Все оказалось целым, ничего за время сверхбыстрой езды не потерялось.

Собаки, запряженные в нарты, вели себя на редкость благо разумно. Не догнав оленей, они повернули обратно и пришли точно в то место, с которого сорвались. “Какие умные животные наши собаки! – восклицает Толль. – Какой исключительный инстинкт ориентировки! Догоняя упряжку, Стрижев и Расторгуев видели вдалеке восемь оленей...” [43, с. 102]. Олени – лакомый объект для собак, всегда недоедающих в суровых арктических условиях. К собакам члены экспедиции всегда были предельно внимательны. Так, как-то доктор Вальтер обнаружил полярного волка, охотящегося на оленей, стрелял в него, но промахнулся. Это известие принесло новые волнения для экспедиции, так как матросы на охоте могли принять ездовых собак, которых иногда отпускали побродить при отсутствии длительное время санных поездов, за волка.

¹ Анероид – прибор для измерения атмосферного давления по величине деформации упругой металлической коробки, из которой откачан воздух. При изменении давления коробка сжимается или расширяется, а имеющаяся стрелка перемещается по шкале и указывает величину давления [59].

Поиски Земли Санникова продолжаются. Толль пытается использовать о-в Беннетта как трамплин к новым открытиям

Вспомогательная геологическая экспедиция К.А. Воллосовича

Э.В. Толль пригласил Воллосовича¹ в качестве начальника вспомогательной партии для изучения четвертичных отложений и организации продовольственных баз на Новосибирских островах по пути следования Русской полярной экспедиции на юг в случае гибели судна. Удалось организовать 8 продовольственных баз-депо.

К.А. Воллосович прибыл из Петербурга в Усть-Янск 2 февраля 1901 г. и, окончательно сформировав санную партию из 11 человек, 28 марта выехал на Новосибирские острова [53, с. 245]. Партия имела транспортные средства, состоящие из пяти нарт по 14 собак в каждой и из 20 оленей. Обязанности промышленников были распределены так: 5 человек при собачьих нартах, двое при оленях и один при метеорологической станции.

После обследования Новосибирских островов на “Зарю” Воллосович вернулся со своей вспомогательной партией, в которую входили ссыльный студент естествовед Циюнглинский², ссыльный технолог Бруснев³ и каюры-промысловики: мещанин из села Русское Устье Егор Чикачев, якуты Василий Горохов и Николай Гулитов, тунгусы Степан Сергеев, Николай Протодяконов и Петр Слепцов, юкагиры Конон Томский и Семен Барабанский. В. Горохов и Н. Гулитов были приглашены в качестве переводчиков.

На Новосибирских островах К.А. Воллосович сразу же взялся за организацию продовольственного депо для Русской полярной экспедиции. Работа эта потребовала большого напряжения сил и мобилизации

¹ Воллосович Константин Алексеевич – геолог, кандидат естественных наук, работал по заданию С.-Петербургского минералогического общества в экспедиции академика Ф.Н. Чернышева по берегам европейской части Ледовитого океана. В 1880-е годы находился в ссылке в Архангельске, изучал ледниковые отложения Архангельской области. Опубликовал ряд научных работ, наиболее важные из них: “Геологические наблюдения в нижнем течении Северной Двины” и “О постплиоцене в нижнем течении Северной Двины”.

² Циюнглинский Осип Францевич – студент Варшавского университета естественного отделения, сослан по политическим мотивам.

³ Бруснев Михаил Иванович – инженер-технолог из С.-Петербурга, в качестве ссыльного поселенца прожил в Верхоянске более четырех лет.

К.А. Воллосович в своей поварне на острове Котельном. Фотография РПЭ

имеющихся транспортных средств партии. В течение весны и большей части лета все силы были брошены на доставку тяжелых грузов на Новосибирские острова, что при далеких и трудных переездах связано с большой затратой времени. Работы по устройству баз-депо удалось завершить только 2 сентября 1901 г.

“Запасы провизии, – пишет в отчете Воллосович, – заложены в землю на аршин¹ ниже оттаивания почвы, заделаны бревенчатым помостом, забиты землей и снегом, окружены деревянными срубами и на каждом поставлен высокий столб с надписью времени устройства, вашей фамилии (Толля. – В.С.) и номера склада. Возле столба – лом, лопата, кайло, топор и запас топлива. В каждом депо имеется ящик (без полотна) с запиской, в которой указано, где устроены склады провизии на Новосибирских островах и сколько положено в каждый склад. По номерам, месту нахождения и количеству провизии депо размещены на островах.

“*Дено 1.* Остров Большой Ляховский, стан Малое Зимовье, содержит: 8 ящичков консервов А², 10 фунтов бисквитов, 1 пуд ржаной муки, 15 фунтов сахару, 25 фунтов ячменной крупы, 1 пуд разных консервов, 15 фунтов масла, 15 пакетов сухой зелени, 4 фунта шоколада, уксусная и клюквенная эссенции.

Дено 2. Остров Малый Ляховский, стан Михайлова, содержит: 23 ящичка консервов А, 5 ящичков консервов Б, всего 28 пудов.

¹ 1 аршин = 71,12 см.

² Один ящик (с консервами А и консервами Б) весит по одному пуду, в них содержится пеммикан – мясо, приготовленное по способу североамериканских индейцев в разных вариантах (*Примеч. из отчета Воллосовича*).

Депо 3. Остров Котельный, стан Урсулах. Положили на сохранение: 4 ящика консервов по два пуда каждый, 8 ящиков консервов А, 2 ящика консервов Б, 2 ящика консервов по одному пуду, всего 20 пудов.

Депо 4. Остров Котельный, стан Дурново. Оставили: 4 ящика консервов А, ящик консервов в два пуда, 1 ящик консервов Б, всего 7 пудов.

Депо 5. Остров Котельный, устье реки Решетниковой, правый берег. Запасы включают: 11 ящиков консервов А, 1 ящик консервов в два пуда, 2 ящика консервов Б, всего 15 пудов.

Депо 6. Остров Новая Сибирь, мыс Высокий (западный берег). Положили на хранение: 5 ящиков консервов А и 1 ящик консервов Б, всего 6 пудов.

Депо 7. Остров Фаддеевский (юго-восточный берег, в шести верстах к северу от бывшего стана Фаддеевского): 7 ящиков консервов А, всего 7 пудов” [53, с. 245–246].

На Новосибирских островах, кроме депо РПЭ, находились достаточно крупные запасы провизии, принадлежащие усть-янским купцам и промышленникам, которые разрешили пользоваться этими запасами за плату в размере их действительной стоимости. Воллосович в своем отчете дает точные сведения относительно размещения купеческих запасов продовольствия. На о-ве Большой Ляховский возле склада экспедиции находился амбар с запасами муки, крупы, сухарей, всего около 12 пудов, принадлежащий усть-янским купцам И. Санникову и Кушнареву. Другой склад расположен на о-ве Малый Ляховский, в двух верстах от стана Михайлова и содержал 7 пудов муки и 4 пуда сахара. Принадлежал склад Степану Сергееву, тунгусу кункугурского рода. Третий склад был размещен на о-ве Фаддеевском у юго-западного берега, в девяти верстах к северо-западу от устья р. Тугуттах, у стана Николая Куртаха. Там имеется 5 пудов ржаной муки, 2 пуда рыбьего жира и 3 пуда юколы. Все продукты принадлежали купцу Кушнареву.

В ноябре 1901 г. партия Воллосовича перед отъездом на материк оставила на о-ве Котельном два хорошо устроенных амбара с остатками провизии и оленьих шкур. В одном амбаре у самого устья р. Елисейской сложено замороженное оленьё мясо около 70 пудов, а в другом, около стана метеорологической станции, находилось более 50 пудов муки, крупы, сухарей и других продуктов, а также некоторый запас собачьего корма – “хачемасу и пиры”. Амбары с провизией были хорошо укреплены и предохранены от расхищения песцами и белыми медведями [53, с. 247].

После возвращения Воллосовича с Новосибирских островов туда отправились Бялыницкий-Бируля и Колчак. Лейтенант Колчак проведет на о-ве Новая Сибирь астрономические и магнитные наблюдения и вернется на “Зарю”, а Бялыницкий-Бируля останется на 3–4 месяца для проведения обширных орнитологических и гидробиологических исследований и будет там дожидаться прихода “Зари”. Бялыницкий-Бируля соберет также биологические коллекции, а в горах – геологический материал.

Герман Эдуардович Вальтер (1860–1902) на метеостанции. Фотография РПЭ

Однако у членов экспедиции возникли новые беспокойства. Стал плохо себя чувствовать доктор Вальтер. Ему даже предложили перебраться в бревенчатую поварню Воллосовича, где было намного лучше, чем в сырой кают-компании. Толль предполагал взять Вальтера, если, конечно, он поправится, и Зеєберга в санно-байдарочную экспедицию на о-в Беннетта, чтобы там провести третью зимовку.

Доктор находился уже несколько дней в поварне Воллосовича, но самочувствие его не улучшалось. У него участился пульс и усилился кашель.

“Я глубоко сомневаюсь, – пишет Толль в дневнике, – что он сможет принять участие в третьей зимовке на острове Беннетта, как он на это рассчитывает. Этот человек так мало бережет себя и мало о себе думает, что я должен особенно внимательно отнестись к нему” [43, с. 257].

Толль в свободное время обычно садился за партию шахмат с доктором, но теперь “милому Вальтеру”, как его все называли, было не до шахмат. Его болезнь тревожила всех и больше всего его самого. В один из дней доктор дежурил на наблюдательной станции и снимал показания барометра. Помогавший ему Шервинский, видя, что доктору стало плохо, пытался уговорить его вернуться на “Зарю”. Вальтер не хотел об этом и слышать. Он попросил Шервинского снять показания термометра и унифуляра и сам записал в журнал результаты наблюдений. Вскоре после ухода Шервинского доктор Герман Вальтер умер сидя за

рабочим столом, последняя его запись прервалась в 11 ч утра 3 января 1902 г. ...У Гёте Толль нашел такие строчки, которые можно отнести и к доктору Вальтеру, очень точно раскрывающие характер этого замечательного человека: "...У него был спокойный нрав, в обращении он был прост, был хорошим товарищем, снисходительным, скромным и заботливым. Он мог простить и забыть обиду, но никогда не мог примириться с тем, что переходит границы честности, добра, порядочности..." [43, с. 261].

Однако экспедиция продолжалась, и Толль регулярно сообщал о ее результатах руководству. Краткие итоги за 9 месяцев работы Толль излагает в телеграммах президенту Академии и председателю Комиссии РПЭ – [54, с. 250]:

«Императорский телеграф в Стрельне.

Телеграмма № 360

Подана в Енисейске 25.VI 1901 г. 7 ч 45 мин по пнч.

Получена в Стрельне 25.VI 1901 г. 6 ч 11 мин по пд.

Срочная

*Великому князю Константину Константиновичу,
президенту Академии наук в собственные руки*

“Заря” прошла все Карское море до Таймырского пролива, где 13 сентября барьер несломанного льда и наступление зимы заставили меня – 76°8' и 95°6' – стать на зимовку на защищенном рейде вблизи гаваней Актинии и Арчера; во время вынужденных состоянием льда остановок по Таймырскому побережью открыто и исследовано несколько бухт и заливов, добыто во время плавания много научного материала по зоологии и гидрологии. Зимняя ночь прошла благополучно; на магнито-метеорологической станции производились ежечасные и другие наблюдения. В октябре устроил в фьорде Гафнера депо, куда, как к исходному пункту, отправляюсь на днях с лейтенантом Колчак(ом) для исследования полуострова Челюскина. Другой санной поездкой лейтенанта Матисена в марте месяце исследованы острова, лежащие к северу от места зимовки; лейтенанта Коломейцева отправил к устью Енисея на Дудино с поручением устроить угольные станции. Командиром “Зари” назначил лейтенанта Матисена. Подробности в рапорте. Все члены экспедиции здоровы. Между командой явились после зимней ночи случаи легкого заболевания цингой, все уже здоровы, кроме одного, который еще поправляется; все в добром духе.

“Заря”. 1 апреля 1901 г.

Толль

Телеграмма № 365

Подана в Енисейске (Коломейцевым. – В.С.) 25.VI 1901 г. 7 ч 50 мин

Получена в С.-Петербурге 26.VI 1901 г.

Академику Шмидту

Прошел благополучно до Таймырского пролива, где зимую. Вблизи гавани Арчера устроена станция с ежечасными и другими наблюдениями. Санным путем Матисен исследовал группу островов Норденшельда. Коломейцев отправлен по берегу к устью Енисея с поручением устроить уголь-

ные станции. Я с Колчаком отправляюсь поперек полуострова Челюскина. Матисена назначил командиром “Зари”. Подробности письменно. Все здоровы.

“Заря”. 3/16 апреля 1901 г.

Толль»

* * *

Установились светлые, тихие дни, озаренные ярким лунным светом. Колчак решил отправиться на 5–6 дней на охоту для пополнения мясных экспедиционных запасов. Его поездка оказалась очень удачной. Он привез пять с половиной оленьих туш, хорошей охоте благоприятствовала великолепная погода. Да и Егор Чикачев, который вызвался помогать, был отличный каюр, а потому собаки быстро везли их по прекрасно выбранной им дороге. Повар Фома встретил Колчака с распростертыми объятиями и обещал приготовить вкусный обед.

После обеда в кают-компании разгорелся оживленный спор с участием Толля, Колчака, Матисена и Бялыницкого-Бирули по поводу загадочной Атлантиды, погружившейся в океан по непонятным причинам... Колчак и Матисен даже пытались на этом фоне затронуть загадочную судьбу Земли Санникова, но делали это тактично и очень осторожно, потому как реакция Толля была крайне нервной и раздражительной, если кто-то осмеливался не то чтобы сказать, а даже подумать о возможном исчезновении Земли Санникова. “Наша задача, – говорил Толль, – найти Санникову Землю, чего бы нам это не стоило”. Он вспоминал немецкого философа Эммануила Канта, обращая внимание других на такие его высказывания: “Жизнь не может идти путем постепенного, спокойного развития вперед, она полна напряжения неотступной борьбы...”.

Эти мысли импонировали и Колчаку, именно так он смотрел на свою жизнь, находясь постоянно в поиске, преодолевая препятствия, которые чаще всего сопровождают сильных личностей и обходят слабых.

Колчак и каюр Стрижев по указанию Толля готовились в эти дни к обследованию о-ва Бельковского. Колчак получил геологический молоток, и в его обязанности будет входить не только гидрология, но и сбор образцов четвертичных отложений.

Колчак и Стрижев на нартах пересекли 30-километровый пролив Зари, отделяющий о-в Бельковский от о-ва Котельный. С крутых западных берегов Котельного невооруженным глазом хорошо был виден о-в Бельковский. Колчак объехал остров и положил его на карту. Во время экскурсии он собрал штUFFы палеозойских сланцев и диабазы, а также образцы других горных пород. К югу от о-ва Бельковский Колчак обнаружил еще небольшой скалистый остров и назвал его в честь своего каюра островом Стрижева [35, с. 155].

На о-ве Бельковский Колчак продолжал изучать различные разновидности льда для своей монографии, посвященной проблемам гляциологии. К северу от берега мыса Плавник на расстоянии около двух десятков километров ледяной покров в море состоял из тонкого, не более

15 см толщины льда, видимо, образовавшегося совсем недавно и покрытого сверху рассолом. Это интересное явление уже встречалось Колчаку, и он отметил в своих записях, что им обнаружены огромные поля льда нового образования, совершенно лишенные снега и с выступившим на их поверхности рассолом. В 5–6 км от берега Колчак обнаружил ряд темных полыней и трещин, уходящих как в юго-западном, так и в северном направлении параллельно западному берегу острова.

У северо-западной оконечности острова Колчак исследовал огромную береговую стамуху¹, превышающую высотой более 10 м, вплотную к берегу находились мощные многолетние нагромождения льда. Огромные торосы осеннего и зимнего ледолома по мере удаления от берега нарастали и превращались в непреодолимую преграду на пути исследователей. Он проводил интересные наблюдения в связи с образованием морозного тумана, через завесу которого была видна дымящаяся поверхность воды, покрытая ледяным “салом” и дисками блинчатого льда. “Издали такие испарения представляются в виде очень устойчивых форм, которые благодаря рефракции света принимают нередко фантастические очертания, похожие на контуры земли” [35, с. 157].

Колчак и Стрижев благополучно вернулись на “Зарю” 25 мая и через неделю отправились на обследование внутренней части о-ва Котельный, надеясь вдоль реки Балыктах дойти до морского берега. Предстояло также исследовать Землю Бунге. Этот остров расположен между островами Котельный и Фаддеевский и назван в честь зоолога и начальника полярных экспедиций А.А. Бунге (1851–1930). Далее Колчак, посетив о-в Фаддеевский и переехав снова на Котельный, пересек плато Толля и измерил высоту самой высокой горы о-ва Котельного Малакатын-Тас, достигающей высоты 320–345 м, ранее измеренной К.А. Воллосовичем. Затем Колчак спустился к устью Балыктаха и прошел “Полярную Сахару” – Землю Бунге.

Обрывистые ледяные берега Фаддеевского острова, как показали исследования Колчака, представляют собою в значительной части ископаемый лед, прикрытый сравнительно тонким слоем наносов. Весь юго-восточный берег имеет вид ледяной стены, кое-где замаскированной остатками этих наносов. Мощная масса льда, прорезанная повсюду трещинами, заполненными рыхлыми отложениями, более или менее глубокими оврагами и руслами тундровых речек и ручьев с характерными конусами байджарахов² на обрывах и крутых склонах, типична для всех Новосибирских островов. Толщина льда в обнажениях непостоянна и достигает местами 25 м. Такие мощные залежи льда также типичны для многих мест противоположного сибирского побережья.

¹ Термин “стамуха”, введенный в научный оборот Колчаком, представляет собой айсберг, севший на мель и иногда принимаемый полярниками за остров. (О терминах, введенных в научный оборот Колчаком, будет сказано в главе 8.)

² Байджарахи – якутское название конусообразных глинистых бугров высотой 4–6 м и редко более 2 м в диаметре. Образуются вследствие стаивания ископаемого льда.

Колчак провел в эту поездку очень важные наблюдения за распространением ископаемого льда под уровнем моря. Он пронаблюдал, что пласты льда покрыты во многих местах соленоватыми морскими глинами с остатками морских моллюсков. В удаленных от берега частях Фаддеевского острова Колчак обнаружил на высоте, превышающей современный уровень моря более чем на 25 м, такие же глины. Древние ледники, пережившие трансгрессию моря, т.е. наступление моря на сушу в результате опускания океанического дна, могут простираться под уровнем моря. И в прибрежной части Фаддеевского острова, и в прилегающих морских акваториях к Новой Сибири, а именно в Благовещенском проливе, Колчаком было обнаружено сплошное ледяное дно, которое только местами покрывалось тонким слоем илистых четвертичных отложений.

Этот феномен нахождения пресного льда в соленой морской воде на протяжении длительного геологического времени объяснили Колчак и Толль, и их гипотеза нашла широкое научное признание. Дело в том, что образование пресного льда на нижней поверхности ледяного покрова в море связано с таянием снежного покрова и поступлением пресной воды в пограничную зону лед–морская вода. Море при температуре $-1,4^{\circ}\text{C}$ находится еще в жидком состоянии благодаря значительной концентрации солей, а пресная вода, опустившись под лед, сразу же замерзает. Таким образом, происходит наращивание прослойки пресного льда и, по мнению Колчака, его мощность может достигать от нескольких сантиметров до одного метра [55].

Плавание шхуны “Заря” в навигацию 1901 г.

Освобождение “Зари” из ледового плена произошло 12/25 августа. Это был день, когда участники экспедиции загорелись новыми надеждами на осуществление планов исследования о-ва Беннетта и Земли Санникова. «Радуюсь столь неожиданно скорому, – пишет Толль в отчете, – и счастливому освобождению после 11-месячной зимовки, мы продолжали полным ходом начатое плавание. Добрались до островка, у которого ледяной барьер преградил нам дальнейший путь в прошлом году, до места, столь нам несимпатичного, что я тогда же назвал этот островок “Каторжным”. Мы опять нашли по одну его сторону тот же барьер, но с другой стороны лед был в движении. Так как “Заря” была не в состоянии бороться со льдом, который быстро неся противным нам течением, то мы были принуждены уйти за мыс острова Нансена и ждать открытия фарватера. Наконец 17/30 августа проход очистился настолько, что мы прошли его без всякого столкновения с плавающими льдинами» [46, с. 202].

Шхуна “Заря” 12 августа приблизилась к о-ву Кузькину (Диксон), на восточной стороне которого лежит известный порт Диксон, открытый Норденшельдом в 1878 г. Подойдя ближе к берегу острова, экипаж увидел семь мирно разгуливающих ими лежавших белых медведей. Как

только был брошен якорь, устроили охоту на белых медведей. Не видевшие раньше ни судов, ни человека животные с любопытством поглядывали на пришельцев, владеющих смертоносным оружием. Они тут же поплтались за свою доверчивость: все семеро были убиты.

За шесть дней стоянки у о-ва Кузькина было обнаружено 19 медведей, один из которых даже поплыл из любопытства к “Заре” и попал прямо под пули. В продолжение всего плавания от гавани Диксон до залива Миддендорфа было встречено 30 медведей, из которых 14 было убито.

Вот так проникновение человека в Арктику приносило ее животному миру катастрофическое сокращение численности, которое еще более усугубилось в наши дни. Завышение предела нагрузок на звенья животного мира, т.е. разрушение сбалансированных систем, может привести к тяжелым необратимым последствиям.

Итак, запасы свежего мяса были пополнены, и экспедиция получила возможность двигаться к мысу Челюскин без вынужденных остановок для охоты. “Заря” обогнула мыс, и в честь этого знаменательного события были подняты кормовой флаг яхты и вымпел “Зари” с Андреевским крестом и литером “К” под императорской короной – личный вымпел президента Академии наук Великого князя Константина Константиновича.

Впервые на русском судне у места, достижение которого стоило столько трудов и жертв нашим экспедициям XVIII в., взвился флаг России. Колчак и Зееберг сошли на берег и провели наблюдения. Совершенно ясное небо дало возможность выполнить удачно все астрономические, магнитные и гидрологические исследования, осмотреть и измерить несколько стамух, изучить ледяной покров вдоль береговой линии [56, с. 4, 13].

Шхуна “Заря”, дав полный ход вперед, направилась к о-ву Котельный, а экипаж, выйдя на палубу, салатовал памяти наших предшественников, показавших беспримерные уроки мужества и героизма в схватках с ледяными преградами. Пока позволяло состояние машины, судно нигде не останавливалось, курс был взят на Нерпичью губу, а дальше – к о-ву Беннетта.

Наконец из-за тумана 29 августа открылся мыс Эммы. Ближайшее расстояние, на которое удалось подойти шхуне к о-ву Бенетта, составило 12 миль¹. Хорошо была видна снежная вершина, поднимавшаяся на 700–900 м. Около судна стали довольно часто появляться моржи, летало много кайр и других видов чаек. Бяльницкий-Бируля даже распознал весьма редкую розовую чайку, очевидно, все эти птицы гнездились на скалах о-ва Беннетта.

Лед, окружавший остров поясом до 12 миль шириной и около 14 футов² толщиной, был серьезным препятствием и не позволял “Заре” приблизиться к берегу. Температура воды в эти дни была –1 °С. Для того чтобы выгрузить на берег партию зимовщиков во главе с Толлем,

¹ Миля морская = 1,852 км

² Фут = 30,48 см = 0,3048 м.

требовалось доставить на о-в Беннетта более 30 т груза, в том числе и стройматериалов для постройки жилых и научных помещений. Доставить на собаках, причем через трещины и возможные полыньи такую массу груза на расстояние более 22 км просто невозможно. Поэтому Толль, посоветовавшись со своими офицерами Колчаком и Матисену, после двух суток ожидания перемены в состоянии льда принял решение лечь на обратный курс. К тому же котел шхуны требовал чистки, а машина и помпы – ремонта после шторма. Во время последней ночной стоянки на судно стал напоздать лед, из него чудом удалось выбраться и повернуть к о-ву Котельному.

“Заря” прибыла в Нерпичью губу 3/16 сентября и сразу же встала на якорь для ремонта машины и помпы, в котором начиналось вскипание воды от накопившейся на стенках соли. Ремонт продлился несколько дней. За это время следовало запастись плавником. Обилие хорошего плавника дало возможность протапливать в достаточной мере жилые помещения и держать их в сухости. Сырость представляла большую опасность для здоровья, и нередко на этой почве возникали суставной ревматизм и пневмония.

Что касается другого средства для поддержания крепкого здоровья, а именно свежей провизии, то с этим все обстояло благополучно. Охотники из партии Воллосовича заготовили так много мяса диких оленей, что его с избытком хватило на все месяцы полярной ночи.

Число участников экспедиции во время второй зимовки несколько возросло. Толль пригласил К.А. Воллосовича перезимовать на “Заре” в качестве члена главной экспедиции и со всеми вытекающими отсюда льготами. По мнению Толля, если Воллосович останется на “Заре” и зимой будет иметь некоторые удобства для научных занятий по сравнению с теми, что его ожидают в Усть-Янске, то он наверняка выиграет во времени для разведок будущего года.

Толль, конечно, в первую очередь руководствовался научными соображениями. Новосибирские острова так обширны, что первые рекогносцировочные экспедиции 1886 и 1893 гг. дали лишь общую картину. Воллосович, занятый в основном организацией складов, тоже не имел возможности детально изучить геологию островов, хотя ему и удалось сделать ряд геологических открытий. Он намерен был это продолжить следующей весной, надеясь получить от Комиссии разрешение на это.

Сам Воллосович рассчитывал вернуться на материк в мае через Усть-Янск, откуда отправиться летом на Булун и далее вверх по р. Лене. С ним должны быть отправлены под личный его надзор в Академию наук все коллекции, собранные экспедицией. Также на материк будут посланы Бруснев, Ционглинский и Стрижев, последний – до Усть-Янска – с поручением приобрести две нарты собак и вернуться на них с почтой в феврале. Эти обстоятельства благоприятно влияли на поддержание духа и сил членов научной экспедиции и команды, каждый из которых надеялся получить почту, причем первую после ухода из Екатерининской гавани, а минуло уже 20 месяцев с тех пор, как они покинули Петербург [46, с. 204–205].

Э.В. Толль в кают-компании “Заря” в Карском море. Фотография РПЭ

На имя председателя Комиссии по снаряжению РПЭ Толль отправил телеграмму – [57, с. 249]:

«4 декабря 1901 г. Петербург
Академии наук

Телеграмма

Академику Шмидту

29 августа подошли на 12 миль к мысу Эммы, но непроходимый пояс льда заставил повернуть. Пошел по краю пака до $77^{\circ}32''$ с.ш. и $142^{\circ}00''$ в.д.; отсюда должен был идти к Котельному острову для чистки котла, исправления помпы, поврежденных во время шторма 3 сентября. Нашел хорошую гавань в Нерпичьей губе, где настигла нас зима 11 сентября; здесь встретил Воллосовича и предложил ему с нами зимовать; он при трудных условиях очень удачно исполнил свою сложную задачу; результаты его геологических исследований богаты. Все благополучно, все здоровы.

“Заря”. 25 октября 1901 года

Толль»

Работы по ремонту судна были закончены 24 сентября. “Заря” была готова к выходу в море, но утром в тот же день температура упала до $-6,5^{\circ}\text{C}$. Накануне появился блинчатый лед и окружил со всех сторон судно. Бухта покрылась тонким слоем “сала” при температуре воды $-1,0^{\circ}\text{C}$. “Сало” вскоре стало смерзаться в молодой лед.

“Окончательно решив остаться здесь, Толль поздравил Матисена с успешным завершением навигации. Плавание продолжалось ровно 25 суток, из которых ходовых было 15. Пройденное за это время яхтой расстояние составило 1350 миль, угля израсходовано 65,7 т. По произ-

веденному пересчету осталось еще 75 т угля, т.е. на 1549 миль плавания при благоприятных условиях” [35, с. 137].

Колчак проводил за время плавания весь комплекс гидрологических и гидрохимических анализов [58], о которых он доложил в своих отчетах [49, с. 221–223; 47, с. 224–225].

О Сибирской полынье

Толль все чаще беседовал со своими спутниками, которые будут сопровождать его на о-ве Беннетта. Для этого он включил в этот список экспедиции Егора Чикачева, Василия Горохова, Николая Протодьяконова и Николая Куртах. Окончательно в состав экспедиции вошли Горохов – зять Протодьяконова, и сам Протодьяконов. Им был предписан оклад в 300 рублей в год, остальные получали по 200 [59, 60].

Толль своим будущим проводникам много рассказывал о предстоящих трудностях, если придется остаться зимовать на о-ве Беннетта. В случае неудачной охоты они вынуждены будут питаться собаками и рыбой. Больше всего Толля беспокоила Сибирская полынья, которая могла стать серьезным препятствием на пути движения к Земле Санникова [61].

М.М. Геденшторм в своих научных трудах одним из первых упоминает о Сибирской полынье [62]. Он пытался оценить причины ее происхождения и считал, что в основе лежат процессы не термического, а динамического характера. Некоторые географы допускали возможность проникновения отдельных теплых струй Гольфстрима к Новосибирским островам, хотя оснований для таких суждений было крайне мало.

Колчак и Толль считали выводы Геденшторма наиболее обоснованными; последний писал: “По северную сторону островов Новосибирских, в широте 76°, представляется открытый Северный океан, никогда не замерзающий потому, что даже в марте месяце видно было на нем только немного настоящих льдин. Эту незамерзаемость моря можно только объяснить обширностью его, дающую полную власть ветрам разрушать сцепление его поверхности, невзирая на сильнейшую стужу” [62, с. 109].

Движение льдов вдоль северной окраины Сибирского моря (ныне море Лаптевых), по мнению Толля, лежало в основе образования этой постоянно существующей обширной полыньи, незамерзающей и при температуре до 30° ниже нуля. “Наряду с этим преобладание достаточной силы южных ветров, отгоняющих к северу дрейфующий лед, должно, со своей стороны, способствовать существованию полыньи. При смене ветра на полынье быстро образуются шуга и молодой блинчатый лед, который при сжатиях легко торосится и образует нагромождения, вследствие чего полынья может сомкнуться. В течение осени и зимы такой процесс повторяется несколько раз.

В результате обмена мнений члены экспедиции, принимавшие участие в обсуждении феномена польны, пришли к выводу, что это вопрос очень сложный и чрезвычайно важный по своим последствиям. Прежде всего потому, что польня лежит на пути к стоящей перед экспедицией цели и что с ней, вероятно, придется в скором времени встретиться яхте “Заря” [35, с. 141].

По поводу польны Колчак имел свою позицию и, будучи специалистом по вопросам ледообразования, полагал, что в основе этого явления лежат рельеф дна и роза ветров, обуславливающая специфические метеоусловия. Частая смена направления ветра, по мнению Колчака, не способствует образованию плотной ледяной массы, и ледяная шуга приходит в постоянное движение, сохраняя открытую воду на значительном пространстве Сибирской польны [63].

Последние распоряжения Толля перед походом на о-ва Беннетта

В феврале–марте 1902 г. Толль отправил две телеграммы президенту Императорской АН – его последние корреспонденции на Большую землю. На этом переписка Толля с руководством Академии наук приостановилась, как оказалось ... навсегда.

Приводим тексты телеграмм полностью – [57, с. 250]:

«Императорский телеграф в Зимнем Дворце

Телеграмма № 100

Подана в Якутске 4 марта¹ 1902 г., 9 ч 28 м.н.

Получена в Петербурге 4 марта 1902 г., 11 ч 50 м.н.

Великому князю Константину Константиновичу

21 декабря скорострительной смертью вследствие болезни сердца, появившейся, вероятно, после суставного ревматизма, скончался доктор Вальтер. В нем Русская полярная экспедиция лишилась самоотверженнейшего члена, команда яхты Вашего Императорского Высочества своего возлюбленного врача, а я лично своего близкого друга. Прошу Ваше Императорское Высочество разрешить К.А. Воллосовичу пригласить врача из Якутска. 15 января уезжаю с Воллосовичем на встречу почты и намерен вернуться обратно через Большой Ляхов(ский), Столбовой и Бельковский. Между тем Матисен отправится с острова Котельного к северу для исследования вопроса о существовании польны и причины ее образования, а после его возвращения лейтенант Колчак с тою же целью отправится на север от острова Новой Сибири. Старший зоолог Бируля отправится на лето для разностороннего исследования острова Новой Сибири, откуда его снимет “Заря” в самом начале плавания. Работы продолжают безостановочно и успешно. Все остальные члены экспедиции и вся команда пользуются хорошим здоровьем.

Яхта “Заря”. 8 января 1902 г.

Толль

¹ Все даты в этих телеграммах приводятся по старому стилю.

Императорский телеграф в Зимнем Дворце

Телеграмма № 99

Великому князю Константину Константиновичу

Телеграмма Вашего Императорского Высочества доставлена 8 февраля в поварню Аджергайдах, $72^{\circ}29'$ и $140^{\circ}45'$, куда прибыл с К.А. Воллосовичем 12 февраля, выехав с “Зари” 15 января. Милостивые слова и душевные заботы Вашего Императорского Высочества о благе экспедиции возбуждают еще больше энергию и силу всех участников экспедиции для благополучного и успешного исполнения ее задач. Доверие Вашего Императорского Высочества и предоставленная мне свобода действий осчастливили меня тем более, что я имел в виду использование оставшегося запаса угля для плавания в части океана к северу от Новосибирских островов и с последним углем намеревался войти в Лену. Благодаря усердию экспедиции Воллосовича есть, однако, возможность исполнить разносторонние санные экскурсии еще до начала плавания; кроме того, будет обследован морской берег около Быковской протоки. Воллосовичу я поручил вести переговоры с владельцами “Лены”, которая могла бы оказать существенную пользу “Заре” при входе в дельту, особенно, если при этом придется ее разгрузить. Надеюсь, таким образом, на “Заре” или хотя бы на пароходе “Лена” довести всех участников экспедиции и все научные материалы до Якутска, на случай же необходимости по каким-нибудь обстоятельствам покинуть “Зарю”. Экспедиция, благодаря трудам и распоряжениям вспомогательной партии, вполне обеспечена нартами и складами провизии.

Аджергайдах. 11/24 февраля 1902 г.

Э. Толль»

Толль и астроном Зееберг вместе с двумя якутами завершали подготовку к своей поездке в “Америку”, как шутя барон в разговоре с промысловиками называл открытые американцами острова Беннетта, Жаннетта и Генриетта. Все снаряжение, тщательно упакованное в кожаные мешки, способные защитить имущество от воды и снега, разместилось на трех нартах. Для провизии, корма для собак и другой поклажи были подготовлены две двойные байдарки для переправы через трещины и полыньи.

За два дня до отъезда Толль передал командиру “Зари” Матисену два пакета – с инструкцией и запиской. Приводим их полностью – [60, с. 66–68]:

«Нерпичья губа. Яхта “Заря”. 19 мая (1 июня) 1902 г.

Инструкция командиру яхты “Заря” лейтенанту Матисену

Отправляясь на днях с астрономом Ф.Г. Зеебергом и в сопровождении двух промышленников, якута Василия и тунгуса Николая, вперед на остров Беннетта, предлагаю Вам после вскрытия моря выйти на “Заре” из настоящей гавани, подойти к острову Новая Сибирь, где Вы снимите у мыса Высокого старшего зоолога А.А. Бирулю с его партией, – отсюда взять курс к острову Беннетта, к мысу Эммы, лежащему, по Де-Лонгу, под $76^{\circ}38'17''$ ϕ (с.ш.) и $148^{\circ}20'$ λ (в.д.) Там я буду ожидать прибытия “Зари”;

Ф.Г. Зееберг – участник экспедиции
Э.В. Толля на о-в Беннетта

из важнейших дел, которые необходимо закончить до открытия навигации, позволю обратить Ваше внимание на следующие:

1. Сооружение на могиле покойного доктора Германа Эдуардовича Вальтера железного креста и ограды, заготовленных во время зимы благодарной командой “Зари” в память возлюбленного их доктора. Крест и цепочная ограда должны быть сооружены так, чтобы они не затруднили в будущем время вынуть гроб из могилы.

2. Точное измерение при закладке знака экспедиции, его уровня над морем и расстояния его от морского берега. Такое же измерение расстояния от моря морских знаков, которые Вы ставите на косе у входа в гавань.

3. Устройство одного депо со следующим содержанием: провизия для 23 человек на 3 месяца, рыбный корм для 60 собак на 3 месяца, три ящика с патронами для берданки, ящик керосина, несколько фунтов свечей, спички в запаянных жестянках и некоторое количество соли.

4. Желательно побуждать команду во время охотничьих и других экскурсий искать выходы каменного угля около морского берега или по рекам и собирать остатки ископаемых животных и растений. Важно было бы сделать несколько взрывов в открытых К.А. Воллосовичем местонахождения третичных отложений с растительными остатками.

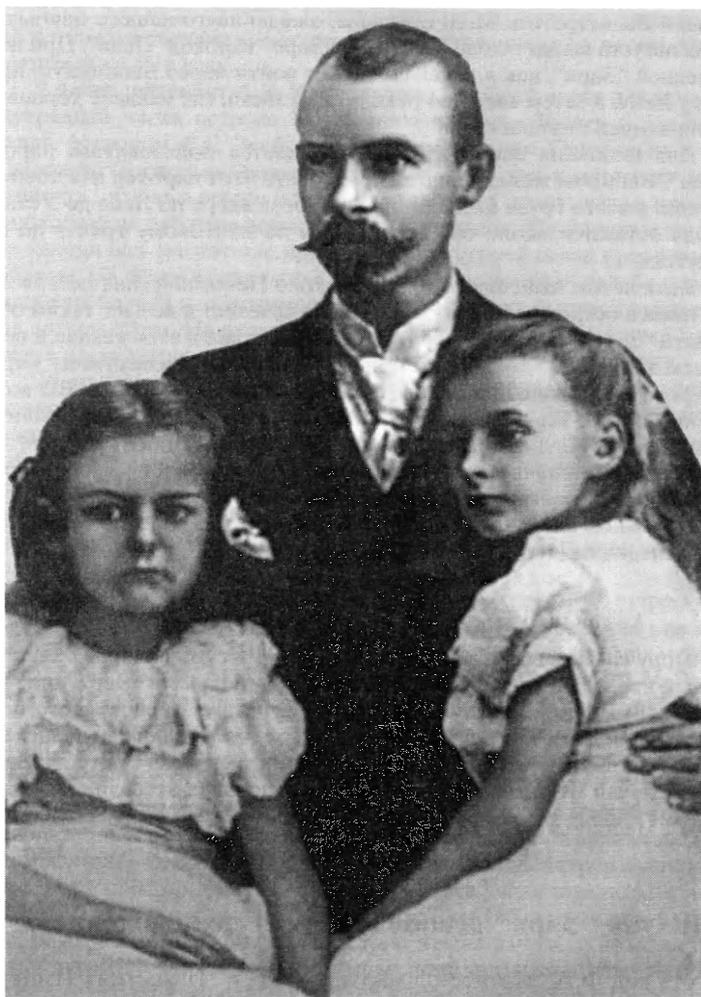
Что касается указаний относительно Вашей задачи – снять меня с партией с острова Беннетта, то напомним только известное Вам правило, что всегда следует хранить за собою свободу действия судна в окружающих его льдах, так как потеря свободы движения судна лишает Вас возможности исполнить эту задачу.

Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на “Заре” израсходован весь запас топлива для машины до 15 т угля.

Представляя себе приблизительно ту же картину, которую мы видели в прошлом году, именно, пояс непроницаемого льда около 14 миль, окружающий южный конец острова Беннетта, Вы, приставая к границе пака, отправите партию нескольких опытных и смелых людей к мысу Эммы. Если обстоятельства позволят, то было бы желательно с ними же отправить некоторое количество консервов к острову Беннетта для устройства депо для будущих экспедиций.

По чертежу Де-Лонга восточный мыс на южной оконечности острова назван мысом Эммы. По его указанию берег здесь скалистый и настолько узок, что американцы с трудом разбили здесь свои палатки; поэтому и керн¹

¹ Знак, указывающий местоположение.

Барон Э.В. Толль со своими детьми

экспедиции Жаннетты поставлен восточнее мыса Эмма. Там, вероятно, и будет наш знак, который укажет людям, в каком направлении нас искать.

Около этого пункта одна часть нашей партии с 19 августа по 2 сентября будет наблюдать за условленными сигналами, о которых Вы до моего отъезда представите мне выработанный Вами проект.

Если поиски наших следов приведут к отрицательным результатам или Вы, вследствие неимения более 15 т угля, будете принуждены взять обратный курс, не сняв меня с партией, то Вы с этим количеством угля дойдете на "Заре" по меньшей мере до острова Котельного, а, идя частью под парусами, быть может, и до сибирского материка.

К востоку от Быковской протоки устья Лены, между мысами Быковским и Караульным, имеется в бухте Тикси хорошая гавань. У мыса Кара-

ульного Вы встретите М.И. Бруснева, ожидающего нашего прибытия, а в конце августа выйдет сюда навстречу “Заре” пароход “Лена”. При помощи последней “Заря”, как я надеюсь, может войти через Быковскую протоку в реку Лену, а затем вверх по реке до Жиганска, где найдете хорошее место для зимней стоянки судна.

Для плавания выше Жиганска придется пользоваться пароходом “Лена”. Было бы желательно зафрахтовать этот пароход для членов экспедиции и всего груза экспедиции на проезд вверх по Лене до Усть-Кута, откуда остаются около 600 верст¹ езды по почтовому тракту до города Иркутска.

Если летом нынешнего года лед около Новосибирских островов и между ними и островом Беннетта совсем не исчезнет и не даст таким образом плавать “Заре”, то предлагаю Вам оставить судно в этой гавани и вернуться всем экипажем зимним путем на материк, следуя известному маршруту с острова Котельного на Ляховские острова. В таком случае Вы возьмете с собою только все документы экспедиции и важнейшие инструменты, оставив здесь остальную инвентарь судна и все коллекции.

В этом же случае я постараюсь вернуться до наступления морозов к Новосибирским островам, а затем зимним путем на материк.

Во всяком случае, твердо верю в счастливое и благополучное окончание экспедиции.

Бар. Э. Толль

Командиру яхты “Заря” Федору Андреевичу Матисену

Поручая Вам вести весь личный состав Русской полярной экспедиции, ученый персонал² и команду судна экспедиции на яхте “Заря” или другим, указанным мною в инструкции от 1 июня путем, до сибирского берега и дальше на родину, я передаю Вам в пользу единодушного исполнения этой задачи – на тот случай, если Вам не удастся снять меня с острова Беннетта или на случай моей смерти, – все права начальника экспедиции.

“Заря”, Нерпичья губа. 12 июня 1902 г.

Бар. Толль»

Шхуна “Заря” освободилась от ледового плена

Спустя год Ф.А. Матисен в марте 1903 г. в “Известиях Императорской АН” опубликовал подробный отчет. Считаю полезным привести из него некоторые фрагменты:

“Снять на судне две партии людей с тех берегов, к которым мы не могли подойти из-за льда даже в редко благоприятное для плавания лето прошлого 1901 г., можно рассчитывать только при условиях необыкновенно-го счастья.

Для ввода “Зари” в Лену имеются отрицательные данные. Пароход “Лена” входил с трудом, имея осадку всего около 4 футов, между тем как “Заря” сидит 16 ф. Кроме того, движение “Зари” против быстрого течения будет крайне медленно и потребует большого количества угля. До Жиган-

¹ Верста = 1,0668 км.

² Из научного персонала к этому времени остались два сотрудника – Колчак и Бялыницкий-Бируля.

ска около 530 миль от устья. Считая ход против течения максимально 3 узла¹ и только в светлое время дня, потребуется около 2-х недель хода и приблизительно 45 т угля...

2 июня лейтенант А.В. Колчак уехал на одной нарте для исследования внутренней части острова Котельного и Земли Бунге, а 5 июня барон Толль, астроном Ф.Г. Зееберг с якутом Василием Гороховым и тунгусом Николаем Протодяконовым оставили судно для следования на остров Беннетта, огибая с севера остров Котельный. С их отъездом приступили к необходимым работам перед началом плавания. На берегу в постройках, где находились магнитные приборы, был устроен склад провизии и корма собакам. На судне в отдельном помещении на верхней палубе сложили все предметы первой необходимости и документы для быстрой выгрузки в случае потери судна. На входных мысах Нерпичьей губы, а также на оконечностях косы лагуны выставили знаки. В машине начали сборку...

26 мая вернулся лейтенант Колчак. Пройдя поперек острова Котельного, он измерил его высоту барометрически, затем с устья реки Балыктаха перешел Землю Бунге к южной оконечности острова Фаддеевского, а оттуда направился по берегу Земли Бунге вдоль южной оконечности Котельного. Кроме барометрических работ, результатами поездки было дополнение съемки острова Котельного, определение 6 астрономических пунктов по пути и интересный сбор для орнитологической коллекции.

1 июня уехал я на одной нарте с одним матросом на остров Бельковский с целью дополнить астрономические определения, так как во время пребывания на нем лейтенанта Колчака погода была для них неблагоприятная. Мне удалось сделать две серии полных наблюдений на Восточном берегу и Южной оконечности и снять несколько фотографий *вновь открытого лейтенантом Колчаком небольшого скалистого острова к югу от Бельковского и обвалов с подпочвенным льдом на юго-восточном берегу* (курсив мой. – В.С.)...

За день до моего возвращения 7 июля в проливе между косами образовалась полынья по направлению самой быстрины течения кабельтова² в три величины, по которой начало носить взад и вперед льдины при отливе и приливе, причем она с часу на час все увеличивалась, придвигаясь к судну. Лед кругом “Зари” был еще от 90 до 105 см толщиной, и она стояла, плотно вмерзши в него. Для того чтобы иметь возможность управлять судном на случай, если полынья приблизится к нему или лед всей массой благодаря заберегам придет в движение, лейтенант Колчак приступил к пироксилиновым взрывам и сделал их 14, получив несколько трещин во льду.

9 июля полоса льда в $1/2$ кабельтова отделяла судно от полыньи. Вечером я приказал разводить пары, и на другой день машина была испробована. Вся команда с участием трех якутов начала обкалывать койлами и пешнями и пропиливать ледяными пилами плотно примерзший лед у самого борта. 10, 11 и целый день 12 июля продолжалась эта работа. К 6 ч вечера судно было окружено пробитой и пропиленной щелью и связь его с окружающим кольцом толстого, до $1\frac{1}{2}$ метра льда, была нарушена. Еще накануне лед пришел в движение, поддавшись всей массой к северо-востоку под влиянием отливного течения и ветра,

¹ Узел = 1 миля в час.

² 1 кабельтов = 185,2 м.

причем под берегом западной косы образовалась широкая полынья и “Зарю” подвинуло к северной косе с глубины 10 с.¹ на 5 с. В 7 ч вечера при начавшемся отливе лед, окружавший “Зарю”, надавил на западную косу и на конце ее, у знака, выдвинул на берег с большой силой льдины в рост человека толщиной. Затем лед обломился в направлении юго-запада несколько впереди форштевня судна и, отойдя от общего блина, запер проход между косами. Нужно было освободить судно во что бы то ни стало, потому что на расстоянии 1–2 кабельтовых во все стороны по радиусам от места “Зари” находился берег или мель, на которые лед, получивший движение вследствие заберегов², мог каждую минуту выпереть судно. Для этой цели снова начали делать пироксилиновые взрывы во льду, чтобы выбраться по крайней мере во внешнюю полынья. При участии двух человек получались, без затраты большого труда, очень хорошие результаты: мина из двух шашек пироксилина, сухой и мокрой, взрывалась подряд по прямой линии на расстоянии 28 шагов от судна и вначале давала только отверстие в 1–2 аршина³ диаметром, а при повторении – трещины во все стороны. До 2 ч ночи было сделано 18 взрывов, которые разбили сеть трещин лед вдоль всего правого борта, так что можно было отделять одну от другой разбитые льдины с помощью пешен и шестов. Кончался прилив, которым отвело льдину, запиравшую проход между косами, и после еще одного взрыва “Заря” отделилась наконец от зимней формы и в 6 ч утра 13 июля, раздвигая форштевнем лед, вышла из лагуны во внешнюю полынья, где встала на якорь у самой закраины сильно разъеденного льда на расстоянии 2–3 кабельтов от косы. Наружный борт судна после двух зимовок и навигаций во льду сильно обтерся, в особенности по ватерлинии, и некоторые доски ледяной обшивки потрескались; канатка висела ключьями по всем пазам, что было хорошо видно при большой прозрачности воды” [60, с. 68–70].

Таким образом, рано утром 13 июля “Заря” вышла в образовавшуюся полынью лагуны. Начался новый период судовой жизни по маршруту “Зари” в навигацию 1902 г.

Приезд нового врача

Возвращаясь на несколько месяцев назад, расскажем о новом члене экспедиции Владимире Николаевиче Катине-Ярцеве.

В среду 7 мая 1902 г. Толстов, несший вахту, доложил незадолго до полуночи, что на собачьей нарте подъезжают Стрижев и с ним еще два человека. Стало всем ясно, что на судно пожаловал новый врач – В.Н. Катин-Ярцев. Впечатление он произвел самое благоприятное. Высокий, крепкий (вид здорового человека) блондин с небольшой бородкой, прекрасной улыбкой, а когда он смеялся, зубы поблескивали, придавая его лицу ироничный, но доброжелательный вид. В.Н. Катин-

¹ Сажень = 2,13 м.

² Заберег водяной – полоса воды в прибрежном льду, получающаяся в результате весеннего таяния льда у берегов.

³ аршин = 71,12 см.

Ярцев, будучи студентом знаменитой Медико-хирургической академии, где преподавал выдающийся химик А.М. Бутлеров, был осужден в 1897 г. и выслан в Восточную Сибирь как политический ссыльный. Первоначально он находился в маленькой деревушке Иркутской губернии, а затем его перевели в Якутск. Когда поступил запрос из Русской полярной экспедиции, министр внутренних дел разрешил Катину-Ярцеву принять участие в плавании и выехать 19 марта из Якутска. Доктор был женат, имел ребенка, но вот уже 5 лет находился вдали от семьи¹.

Барон Э.В. Толль, А.А. Бялыницкий-Бируля, Ф.А. Матисен, А.В. Колчак, Ф.Г. Зееберг и часть матросов спустились по трапу на лед и обступили нарты. Лай новых собак смешался с лаем собак, оставшихся у судна. Посыпались вопросы к новоприбывшим. Но больше всего каждого из встречающих интересовали письма: Катин-Ярцев привез с собой последнюю почту. Толль получил 17 писем из дома, а Колчак – 12. Такое же большое число писем получили и другие участники экспедиции из научного состава.

До “Зари” Катин-Ярцев добирался разными транспортными средствами: плыл по Лене на пароходе, значительную часть пути преодолел на лошадях, потом на собаках и оленях. Он ехал по маршруту Якутск – Верхоянск – село Казачье – Усть-Янск – Новосибирские острова.

“Вблизи Казачьего, – пишет Катин-Ярцев, – я в первый раз увидел езду на собаках. Штук шесть псов, ростом немного больше обыкновенных дворняжек, везли нарту. В нарте сидела внушительных размеров якутка, а рядом с собаками вприпрыжку бежал каюр-якут. Собаки обнаружили слишком большую симпатию к нашим оленям, так что каюру пришлось их успокаивать с помощью довольно солидной дубины, и они с лаем и визгом продолжали свой путь” [64, с. 86].

Если взять географические карты выпуска 1900-х годов, то вряд ли на них можно отыскать село Казачье. Это административно-географическое недоразумение. Можно отыскать более мелкие села, состоящие из двух-трех юрт, а села Казачьего, насчитывающего по тому времени более сотни жителей, на старых картах нет.

В документах врача конечным пунктом назначения стоял Усть-Янск, а дальше Катина-Ярцева должны были доставить на судно “средствами экспедиции”. На языке чиновных документов – открытых предписаний – Усть-Янск и есть село Казачье, хотя на самом деле Усть-Янск находился на 30 верст ниже по течению Яны и состоял из двух обитаемых юрт. Село Казачье, одно из самых северных селений Сибири, играло важную роль как культурный и торговый центр обширного, хотя и чрезвычайно малонаселенного края.

“Село не может, – пишет Катин-Ярцев, – похвастаться своим видом. Расположенное на пригорке, как бы для лучшей вентиляции, не по-си-

¹ Интересно добавить, что после Октябрьской революции Колчак встретил Катина-Ярцева в 1918 г. в Харбине.

бирски тесно построенных жилищ, Казачье состоит из группы тесно сбитых в кучу и кое-как посаженных изб или “домов” с плоскими крышами и старенькой низенькой деревянной церкви. За небольшим оврагом, или логом, одиноко стоит здание инородческой управы. К управе ведет с берега кутой подъем. Пришлось слезть с нарты, чтобы по аляповато и неудобно высеченным в обледенелом снегу ступеням подняться к управе, где жил инженер-технолог М.И. Бруснев – посредник между экспедицией и внешним миром. Здесь же и я остановился” [64, с. 86–87].

Население Усть-Янского улуса, т.е. области, инородческая (или инородная) управа которого находилась в Казачьем, состояло из русских, якутов, тунгусов, юкагиров, чукчей. Обширная территория этого улуса находилась в низовьях рек Индигирки и Яны, обнесена была пунктами проживания местного населения, расположенными исключительно по рекам – главным транспортным артериям. В южной части Верхоянской области тунгусы и юкагиры, а также якуты вели оседлый образ жизни, но при движении в северные районы их жизнь приобретала кочевой характер. Тунгусы занимались оленеводством и отвергали собак как ездовой транспорт, хотя на охоту их брали. Русские в Казачьем имели крестьянскую общину, но они настолько “объякутились”, что ни по языку, ни по образу жизни не отличались от якутов. Удивительно, по описанию доктора, было другое: большинство из них забыли русский язык или говорили очень плохо, как эмигранты в далеком от России крае.

Более устойчивыми оказались мещане в селе Русское Устье, которые не только сохранили свой язык, но даже помнили и пели много старинных русских песен, давно забытых в самой России. Многие слова и обороты этих песен были малопонятны им самим и повторялись чисто механически. Так, в старинных якутских сказках встречаются обороты, малопонятные современным аборигенам и все же любимые ими.

Из сотни живших зимой в Казачьем летом оставались три-четыре семьи, но во все сезоны в селе можно было отыскать священника и писаря. Остальные кочевали по тундре в поисках зеленых пастбищ и различных промыслов. Почти полное отсутствие путей сообщения благодаря болотистой тундре, сильные ветры и одни и те же скучающие лица каждый день – все это делало летнее пребывание здесь чуть ли не хуже зимнего.

Торговля на Крайнем Севере была обычно меновая и лишь отчасти денежная. Деньги все же играли роль мерил ценностей. Цены на товары были весьма высокие. Основное средство платежа – пушнина. Цена формировалась по обычной шкале: налог на товар – доход купцу – занижение стоимости пушнины. Торговля часто велась в кредит: охотник продавал иной раз еще непойманного зверя, а потому с ним было легче договориться. В качестве монетных единиц широкое распространение имели махорка и кирпичный чай, приравненные двугривенному.

Интересно познакомиться с ценами на продукты в 1900–1905 гг.:

Название товара	Единица меры	Цена в Казачьем	Цена в Якутске
Сахар	1 пуд	16–20" руб.	8–10 руб.
Масло коровье	1 "	24 "	12–15 "
Мука крупчатая	1 "	7 "	3,6 "
Мука ржаная	1 "	3 "	1,05 "
Водка	1 л	5 "	0,5 "
Спички	1 тысяча	0,2–0,5 "	0,1 "
Свечи стеариновые	1 фунт	0,5 "	0,3 "
Консервированный сингапурский ананас	1 банка	2,5 "	(Верхоянск) 1,5–0,9 руб.

Стоимость провоза из Якутска

в Казачье одного пуда продовольствия – около двух–трех рублей” [64, с. 88].

Молодое поколение тунгусов, как далее описывает Катин-Ярцев, или совсем забыли свой язык, или неохотно говорили по-тунгусски, предпочитая якутскую речь, о чем скажем ниже. Молодой тунгус-охотник прекрасно управлял собачьей нартой, но их отцы и деды относились с презрением к такому способу передвижения. Они признавали только оленей.

На Яне юкагиров было немного, они больше селились на Индигирке и далее к востоку. Юкагиры здесь не говорили по-юкагирски, некоторые даже не знали по-тунгусски. Большинство из них смешивало себя с тунгусами. Этому способствовало общее для них название на якутском языке: “Омук”. Якуты на Крайнем Севере выполняли определенную миссию: они, ассимилируя племена кочевников, способствовали их переходу в более высокую ступень культуры – к оседлой жизни. Якуты были сравнительно недавними пришельцами в этом крае, но уже задавали тон, знакомя инородцев со своими традициями и религиозными обрядами [64, с. 90].

Когда Катин-Ярцев добрался до р. Муксуновки, то встретил там каюра Стрижева, посланного Толлем ему навстречу. Стрижев, уроженец села Казачьего, хотел повидаться с семьей, поскольку приехал еще 17 апреля, но пурга задержала его на пять дней. Он было уже выехал в Казачье, но молва сообщила, что врач едет, и ему пришлось вернуться обратно. Вместе с ним был каюр-тунгус Алексей, вскоре приехал посланный Брусневым со свежими собаками юкагир Семен. К ним присоединились еще три инородца-промышленника. Все вынуждены были разместиться в небольшой избушке с двумя крошечными ледяными окнами и камельком. В этой поварне из-за пурги им пришлось задержаться на три дня. В Муксуновке вместе с местными жителями Катин-Ярцев и его спутники встретили великий первопрестольный праздник Пасху.

В доме зажиточного ламута из православного палестинского общества, которое объединяло всех жителей Муксуновки, происходило торжественное застолье. Был сервирован стол. К бутылке отвратительно-

го коньяка, приобретенного в Казачьем или в Верхоянске, хозяин достал две серебряные чарки малого калибра. После христосования пили по очереди. Христосовались здесь, прикладываясь два раза щекой к щеке: сначала к одной, потом к другой, затем уже следовал поцелуй в губы – обычай, распространённый по всей округе. Довольно посредственный кулич, испеченный в Казачьем, стоял на столе рядом с аккурратно настроганным муксуном – строганиной не аристократической, но стерляди у хозяина не было [64, с. 96].

“Из закуски была икра паюсная московского производства, хотя в Яне и в Лене сколько угодно прекрасной рыбы с икрой, но ее не умеют засаливать. Местные лакомства – оленьи языки и юкола. Юкола – вяленые и копченые рыбы спины – вкусом напоминала нашу воблу”, – отметил в дневнике Катин-Ярцев. В свою очередь доктор достал лимон из запасов продовольствия, которые он намеревался доставить на “Зарю”, мелко его нарезал и стал угощать присутствующих. Многие видели лимон впервые и с восторгом восклицали: “Какая вкусная ягода растет на дереве...” Большинство присутствующих говорили по-якутски.

Ламуты, проживавшие на Крайнем Севере, как правило, также совершенно свободно говорили по-якутски. Хорошо владело якутским языком русское население области, часто забывая при этом свой родной язык. Большинство казаков русского происхождения и многие мещане в Якутске и Казачьем по-русски говорили с якутским акцентом.

Перед отъездом Катина-Ярцева из села Казачье проводить его пришли несколько человек. Катин-Ярцев угостил всех на прощание привезенными из Якутска мерзлыми яблоками. Яблоки произвели фурор: некоторые не ели их лет десять, другие вообще не видели никогда. Это была его последняя встреча с обитателями севера. Впереди доктора ждала радостная, волнующая и многообещающая встреча с “Зарей” и незнакомым коллективом, с которым придется ему делить хлеб и соль, холод и голод на протяжении долгих месяцев полярных скитаний.

Толль и его партия уходят на о-в Беннетта

Эдуард Толль, как бы предвидя ледовые капризы Арктики и зная о малых запасах угля на “Заре”, предпринял летом 1902 г. санно-шлюпочный переход к о-ву Беннетта. Это его решение обернется трагическим финалом. Но другого выхода, как мы сейчас понимаем, у Толля не было. Он слишком много авансов выдал Академии наук, прессе, коллегам и вернуться без открытия Земли Санникова уже не мог. Толль был таким же арктическим фанатиком, как Седов, ушедший к Северному полюсу без должной подготовки.

Огромные финансовые средства, выданные Толлю в кредит “под бурные овации” и будущие открытия, заставляли начальника экспедиции предпринимать отчаянные шаги, но что может сделать один человек или даже несколько, сражаясь с многометровыми гигантами из льда, снега, торосов! Люди, находясь в объятиях шквальных ветров,

студеной воды, напоминающей расплавленный свинец, могут и не выдержать...

Трагедия состояла еще и в том, что главная цель экспедиции – обследование района Земли Санникова – целиком оставалась за пределами досягаемости. Тяжелейшие льды сделали этот район для шхуны недоступным. Судно ни с какой стороны не могло подойти даже к о-ву Беннетта, все попытки израненной “Зари” оказались тщетными.

Толль вспоминал, каким ликующим было начало экспедиции, “звон фанфар” и речи ораторов, предвещающих новые открытия...

* * *

«На пути к Земле Санникова перед Толлем возникло немало трудностей внутреннего порядка. Ближайший помощник Толля Матисен дает яркую характеристику настроения своего начальника в этот период. Мы читаем в дневнике командира яхты “Заря”: Как только Толль принял решение идти на остров Беннетта с Зеебергом и двумя каюрами, Протодяконовым и Гороховым, с этого момента начальнику экспедиции сделалось все окружающее безразлично. Он весь ушел в свои две байдары, две нарты и двух якутов. В эти дни Толль перенесся мысленно в далекий мир манившей его страны холодов и льдов...

Толль не раз говорил лейтенанту Матисену, что он всецело придерживается высказанного А.Ф. Миддендорфом взгляда на экспедиционное судно как на временное жилище и склад продовольствия, которое должно вести экспедицию по возможности дальше к северу и в случае надобности должно быть оставлено» [35, с. 161].

Матисен не сумел понять Толля и сделал ошибочный вывод о стремлении начальника экспедиции к полной изоляции: “Толль не хотел больше плавать на судне, а хотел просто от него избавиться... Не верю в его планы – это план необузданной фантазии! Начальник экспедиции не имеет права покидать судно и личный состав экспедиции. Пример Нансена не может служить оправданием для такого поступка, так как, несмотря на исключительно счастливое окончание экспедиции, он в принципе заслуживает порицания”¹.

А тем временем на “Заре” цели и задачи экспедиции выполняются уже без Толля. Доктор Катин-Ярцев продолжает медицинский осмотр всех участников экспедиции и находит состояние своих пациентов вполне удовлетворительным. Доктор, человек общительный, удачно вписался в коллектив научных сотрудников; он мало-помалу стал привлекать к судовой жизни, подключаясь к различным научным исследованиям. Катин-Ярцев оставил подробное описание “Зари”:

«В носовой части судна под рубкой и командирским мостиком находилась кают-компания, в которую выходило четыре каюты с левого и три с правого борта. В этих каютах помещались: начальник экспедиции барон Э.В. Толль; командир “Зари” Ф.А. Матисен; я; Ф.Г. Зееберг; А.А. Бялыницкий-Бируля – рядом с пустой каютой, которую занимал бывший коман-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

дир судна лейтенант Н.Н. Коломейцев и где впоследствии помещались часть библиотеки, и лейтенант А.В. Колчак. Наши каютки были все одинаковы. В каждой – небольшой столик, высокая койка с ящиками под ней, умывальник. Каждая освещалась небольшим круглым иллюминатором, в просторечии называемым окном. Кают-компания – довольно большая комната, в которую свет проникал сверху через люк со стеклянной рамой, поднимавшейся для вентиляции. Посредине кают-компании стоял большой обеденный стол, у передней стены – пианино, подарок Великого князя, вблизи пианино – софа. В простенках между каютами были устроены полки для библиотеки экспедиции. Портреты – патрона экспедиции Великого князя Константина Константиновича и д-ра Нансена, в широкополой шляпе и плаще, более похожего на испанского идадьо, чем на полярного путешественника, – украшали кают-компанию. Через маленькую переднюю кают-компания сообщалась со шканцами (средняя часть судна, около грот-мачты). Другая дверь вела в крошечный коридорчик, а оттуда – на бак (носовая часть палубы) и на нижнюю палубу, где помещалась команда.

В чистом и светлом помещении нижней палубы вдоль стен были устроены койки, на которых размещались матросы, кроме машинной команды: боцман Бегичев, Толстов, Железников, Евстифеев, Стрижев, Безбородов. Рядом находился камбуз (кухня) с поваром Фомой Яскевичем. Небольшие сенцы соединяли помещения команды и камбуз с нижним трюмом, где были сложены съестные припасы, коллекция и часть багажа экспедиции. Люк из этого трюма, сообщавшегося еще с ниже его находившимся, выходил на шканцы.

Кормовую часть верхней палубы занимала лаборатория. Лаборатория состояла из четырех комнат. Первая – собственно передняя, сообщавшаяся с отделением трюма, служила для склада коллекций и т.п. и выходила на корму. В следующей лейтенант Колчак работал по гидрологии, о чем свидетельствовали глубинные термометры, градуированные цилиндры, прибор для титрования соли морской воды и т.д. Здесь же лежали на полках коробки для коллекций, в ящиках – банки с коллекциями морской фауны.

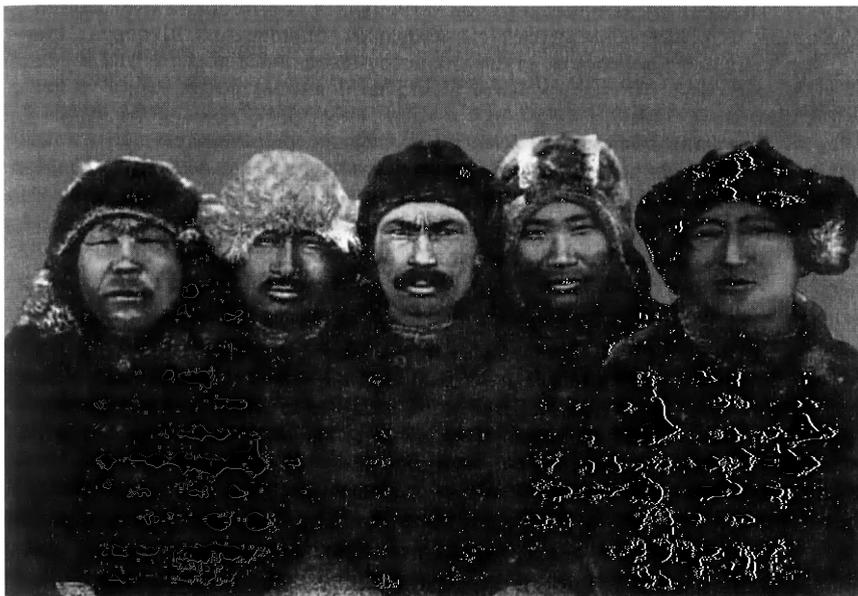
Эта комната сообщалась с двумя остальными. Камни на столе в лаборатории барона Толля, книги на полке красноречиво говорили о специальности хозяина. Тут же маленькая каморка для фотографии, которой занимались лейтенант Матисен, а отчасти барон и А.А. Бялыницкий-Бируля. Последняя комната в лаборатории была отведена для зоологических и ботанических работ. Здесь трудились А.А. Бялыницкий-Бируля и мой предшественник д-р Вальтер.

Под лабораторией находилось машинное отделение с темным помещением, которое избрала себе местом жительства машинная команда, предпочитавшая его “нижней палубе”. Здесь помещались: машинист Огрин, помощник его Шервинский, кочегары Пузырев, Носов и Клух.

В отдельном помещении хранились пиронафт, который употреблялся для освещения, керосин, спирт и т.д.

Экспедиция была всесторонне снаряжена, а для измерения глубин и работ на больших глубинах обставлена много богаче нансенской. К сожалению, работать на больших глубинах экспедиции так и не пришлось.

За время стоянки судна у острова Котельного экипаж его увеличился несколькими инородцами, которые в обычных разговорах именовались у нас якутами, хотя среди них были юкагиры и тунгусы (ламуты?). Так как они, действительно, объякутились почти до полной потери своей нацио-

Проводники Э.В. Толля в экспедиции на о-в Беннетта: второй слева – эвен Николай Протодьяконов, по прозвищу Омук, крайний справа – якут Василий Горохов, по прозвищу Василий Чичак (зять Протодьяконова)

нальности, то в этом отождествлении их с якутами и местный элемент – в лице Стрижова – не находил большой неправильности. Инородцев было шесть человек. Трое из них уезжали с К.А. Воллосовичем, двое должны были ехать с бароном.

Однообразно и несложно протекала жизнь на судне. Часов с семи утра кают-компания начинала просыпаться. Это был час метеорологических наблюдений, которые производились 3 раза в сутки (раньше были ежечасные): в 7 ч утра, в 13 ч пополудни и в 21 час. В наблюдениях участвовали поочередно вся кают-компания, а заведующим метеорологией был лейтенант Матисен.

Один за другим поднимались члены кают-компания. Кофейник и чайники с чаем и кипятком перемещались со стола на керосинку и обратно, пока все встанут. После чая каждый занимался своим делом: барон у себя в лаборатории; астроном Зееберг или возился на свежем воздухе с астрономическими наблюдениями, или тщательно занимался приготовлениями к далекому путешествию; лейтенант Матисен, если не был занят в лаборатории фотографией, пользовался освободившимся в кают-компаниях столом для черчения карты. Я или снимал шкурки с птиц, или читал, или практиковался, как новичок, в ходьбе на лыжах.

В полдень мы снова сходились в кают-компаниях для завтрака. К завтраку почти всегда имелось мясное блюдо из оленины. За завтраком следовали чай и приятная беседа. Затем опять каждый принимался за свою работу – до трех часов, когда в кают-компаниях сервировался пятичасовой чай. В 6 ч мы обедали. Какао и сгущенное молоко для желающих находилось постоянно в ящике под обеденным столом.

Изредка после вечернего чая устраивался коротенький музыкальный вечер. Ф.А. Матисен сыграет что-нибудь из Чайковского, Шуберта... Иногда заводили граммофон, слушали инструментальные номера, они звучали недурно. Ф.А. Матисеном были записаны пение матросов “Зари” и наша декламация.

У команды пока было немного работы, и нередко в часы досуга раздавались с нижней палубы звуки гармоники или треньканье гитары. Обедала команда в 12 ч, а в 6 ч вечера ужинала.

Все члены кают-компании поочередно дежурили. Дежурство продолжалось сутки. На обязанности дежурного, кроме метеорологических наблюдений, лежал присмотр за порядком на судне. Дежурный должен был наблюдать за уборкой жилых помещений, присутствовать при вечерней молитве на нижней палубе, делать обход судна в ночное время в предупреждение пожара, на случай ночной тревоги спать одетым. Матросы и повар несли двухчасовую вахту. На обязанности вахтенного лежало бдение и неустанное смотрение. Покажется ли медведь или стадо оленей на горизонте, произойдет ли вообще что-нибудь экстраординарное, он должен доложить. По праздникам, обыкновенно через воскресенье, на нижней палубе совершалось перед завтраком богослужение, состоявшее из чтения и пения молитв. За священника был лейтенант Колчак, а в его отсутствие – квартирмейстер Толстов» [65, с. 92–95].

За все время экспедиции Колчак проводил почти все религиозные службы и делал это, как глубоко верующий человек, с искренним увлечением и с большим чувством исполненного долга. Члены научного состава экспедиции про него в шутку говорили: “Колчак – самый православный из всех православных на судне”.

Покойный доктор Вальтер заведовал на судне всем хозяйством и занимался орнитологией и бактериологией. Катин-Ярцев продолжил орнитологические изыскания, а бактериологию из-за недостатка времени и отсутствия нужных руководств упразднили.

Хозяйственные функции перешли к Колчаку. Он выдавал продукты, составлял меню, одним словом, выполнял миссию диетврача, начеда с участием повара Фомы.

Экспедиция, помимо свежего мяса, регулярно поставляемого охотниками, в своих запасниках имела неплохой ассортимент: пеммикан (мясной порошок, приготовленный по способу североамериканских индейцев), бульон в плитках, шоколад, сгущенное молоко, датское масло, сухари в виде галет, различные консервы и т.д.

А барон Толль и Зееберг продолжали свое фантастическое путешествие в погоне за призраком таинственной Земли Санникова.

«Спутники Толля были опытными охотниками и искусными стрелками: эвен Николай Протодяконов¹, по прозвищу Омук, и якут Василий Горохов, по прозвищу Василий Чичак, много сезонов летовали в тундре, добывая мамонтовую кость, соболей, рыбу. Они не пасовали, выходя один на один с медведем, и были хорошо приспособлены к суровой жизни дикой природы. Они отлично ориентировались в сибирской

¹ В некоторых архивных документах указывается, что Н. Протодяконов – тунгус.

Арктике, но, как ни странно, оставались людьми совершенно сухопутными и боялись воды.

Толль допускал, что вода без края и конца может их пугать, а потому готов отпустить сопровождающих, и дальнейшее путешествие намеревался осуществить вдвоем с астрономом Ф.Г. Зеебергом. Толль считал, что залогом успеха любого предприятия должно быть добровольное участие, и если по каким-либо причинам человек выказывает нервозность и раздражение, с ним лучше расстаться.

У Толля было одно замечательное качество, несмотря на свое аристократическое воспитание, он умел прекрасно ладить с инородцами, не прибегая к мерам принуждения. В отличие от прежнего командира яхты Коломейцева, который требовал, чтобы нижние чины обращались к нему: “Ваше высокоблагородие...”, Толль разрешил называть себя по имени и отчеству и этим снижал огромное расположение и уважение не только всей команды, но и всех местных жителей, которые знали его с 1893 г. Колчак в своих демократических и гуманных взаимоотношениях с рядовым персоналом был достаточно сдержан, но как человек воспитанный, умный и тонкий, он понимал, что позиция Толля более рациональна в сложных условиях арктической жизни, чем ортодоксальный подход Коломейцева.

Толль поручил Катину-Ярцеву уложить сушившиеся в комнате, соседней с лабораторией, третичные глины и упаковать экспедиционную библиотеку. Судовая аптека пополнилась полбутылкой коньяка и полбутылкой мадеры, переданными врачу Толлем перед отъездом. В пустой каюте оставалось полдюжины бутылок шампанского. Они должны были дожидаться встречи с тем, кто уходил в опасное путешествие на остров Беннетта.

Вечером барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, каюры Протодьяконов и Горохов покинули лагерь “Зари” и на 3-х нартах, из которых одну рассчитывали бросить на Новой Сибири, ушли в неизвестность.

Матросы Толстов и Евстифеев поехали проводить уезжавших и вернулись через четыре дня с огромным количеством камней для геологической коллекции, собранной недалеко от стана Дурново Толлем.

Зда на деревянных полозьях становилась затруднительной, таяние в дневное время увеличилось, рыхлый снег прилипал к полозьям, и поэтому барон Толль вынужден был взять у провожавших нарту со стальными полозьями в обмен на третью из своих нарт» [65, с. 110].

Тяжелые льды преодолеть не удалось

Шхуна “Заря”, освободившись от ледовых оков, направилась к губе Нерпичьей. Экспедиция предполагала дальше зайти в лагуну Нерпалах, но мощные движения льдов преграждали путь. С каждым приливом и отливом происходило значительное перемещение торосистого льда. Сжатое со всех сторон судно с 7 августа стало дрейфовать на юго-восток, временами освобождаясь от льда, и снова вынуждено было стано-

виться на ледяной якорь. Шхуна “Заря” оказалась в зависимости от движения льда, продолжая вместе с ним невольное путешествие, западные и северо-западные ветры нагоняли огромные глыбы льда. Матисен постоянно находился на мостике и следил за движением льда и его напором на судно. Надо было своевременно проводить маневрирование, чтобы судно не было раздавлено ледяными тисками.

Колчак и Катин-Ярцев, оставаясь вдвоем в кают-компании, обсуждали различные проблемы предстоящего плавания. Если позиция судна становилась безопасной, в кают-компанию спускался Матисен. Когда кок Фома приносил обед, два офицера и врач, с большим удовольствием начиная трапезу, вели разговоры.

“Избалованные вкусными обедами из оленины, – пишет Катин-Ярцев, – мы без особенного восторга принялись за консервы, и даже отвратительная нерпа была не так противна, внося разнообразие в наше меню. Фома делал из нерпичьего мяса котлеты и беф-строганов. Обезжиренное и подвергнутое в течение суток вымачиванию в уксусе нерпичье мясо, не теряя своего черного цвета, в значительной степени утрачивало амбре смазанных сапог. Наш повар в приготовлении жаркого из нерпы превосходил самого себя. Острые приправы много содействовали ослаблению неприятного вкуса мяса. Из пеммикана и норвежских сельдей у нас готовился недурной форшмак” [66, с. 145].

Наконец от выжидания и вынужденного дрейфа “Заря” 16 августа перешла к активному плаванию. Был взят курс к лагуне Нерпалах. Шхуна вошла в лагуну, на больших глубинах встала на ледяной якорь, и судно легло в дрейф. Матисен и Колчак опасались, что “Зарю” может вынести на мель, ведь топка была погашена на несколько часов, но, к счастью, все обошлось.

Судно находилось непрерывно под парами 36 суток, и котел дал течь, так как поступало 120 т воды в сутки: “После прекращения паров и осмотра котла и машины, последняя оказалась в исправности, в котле же обнаружена в трех местах огневого ящика течь по швам. Места эти были прочищены и котел вычищен” [60, с. 74]. А вот как об этом пишет Катин-Ярцев:

«На судне оживленно шли работы. Чинился котел, перегружался уголь. Посреди угля в нижнем трюме нашли труп петуха. Он залетел туда еще в Норвегии. Тогда его не могли найти и он, очевидно, погиб голодной смертью два года назад (находился в замороженном состоянии. – В.С.). Северо-западный ветер перешел в северный. Закончив работы, команда вымылась в бане. Поварня, склад провианта, баня были заколочены. Иностранцы из вольных промышленников стали пассажирами “Зари”. Собаки приняты на борт судна. Большая канитель была с перевозкой собак, которые с самого начала протестовали против морского путешествия. Когда вельбот с собаками причалил к судну, щенки, как природные моряки, отважно поднимались по трапу, а старых псов, недовольных и грустных, приходилось втаскивать на руках.

Наконец счесть с косой покончено, и уже утром 21 августа “Заря” снялась с якоря. Припертая ветром к северной косе, льдина суживала и без того узкий проход. Глубина спускалась до 17 футов при посадке судна в 16 футов. Однако выбрались без приключений» [67, с. 91].

Началось плавание в открытых водах. Температура -3°C . На борт было принято 49 ездовых собак, в трюмах осталось 60 т угля, все свободные площади были забиты дровами. Суточный расход угля составил 3 т, но при использовании дров его потребление снижалось вдвое [60, с. 74]. Когда в навигацию 1901 г. курс был взят на о-в Беннетта, шхуна приблизилась к острову на 12 миль. Его ледовые купола были хорошо видны, в навигацию же 1902 г. все оказалось гораздо хуже – тяжелые льды позволили подойти только на 90 миль. Так началась полоса неудач в жизни Эдуарда Толля.

Массы льда были прижаты к северо-западным и северным берегам островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири. Южные акватории были полностью свободны ото льда. В сложной ледовой обстановке Матисен всегда привлекал Колчака, имеющего достаточный штурманский опыт плавания в Индийском и Тихом океанах. Они вместе прокладывали новый курс судна. Тяжелый лед не давал возможности пробиться на север, поэтому решили спуститься к югу и, обогнув Михайлов стан, через Благовещенский пролив стремились достичь мыса Высокого и о-ва Беннетта.

На о-ве Новая Сибирь надо было снять Бялыницкого-Бирулю, который не вызывал большего беспокойства, и можно было надеяться на его самостоятельное возвращение. “Так как положение Бирули, – пишет в своем отчете Матисен, – можно было считать обеспеченным в смысле возвращения, и, кроме снятия его, я должен был сделать попытку снять барона Толля с острова Беннетта, я решил, не теряя напрасно времени, идти кругом Новой Сибири и постараться подойти к мысу Высокому с севера и выяснить состояние льда под Беннеттом. Этот путь приближал к обеим целям. От южного берега Новой Сибири тянется целый ряд отмелей, которые мы огибали, не приближаясь к нему ближе чем на 20–30 миль. Туман, лед и малые глубины затрудняли плавание. Вся масса льда двигалась настолько быстро по направлению переменного течения, что обратные курсы не всегда обеспечивали выход на глубину и приходилось пробираться ощупью среди разбитого льда, стараясь удалиться от мелей” [60, с. 77].

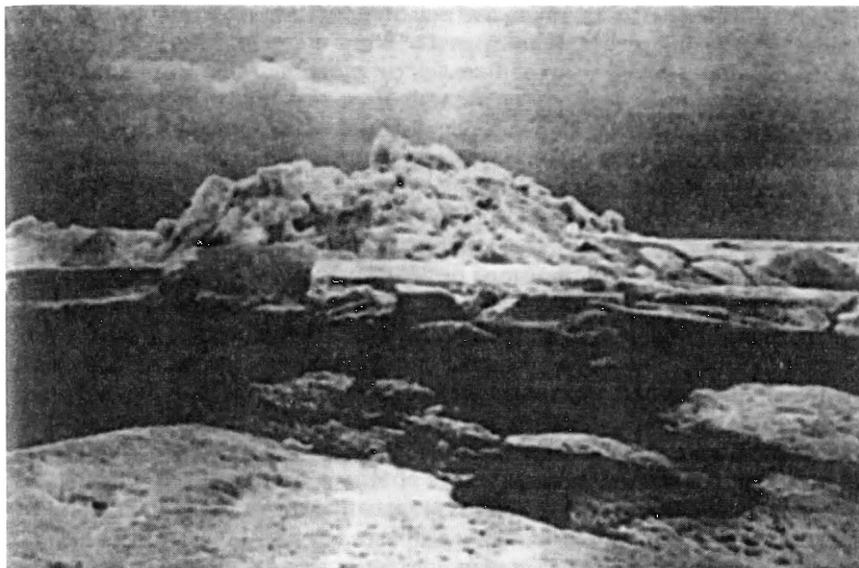
Обогнув мыс Медвежий, 24 августа “Заря” вошла в пролив и далее путь держала на север. Колчак провел первую в навигацию 1902 г. гидролого-зоологическую станцию. Застопорили машину, и команда была вызвана наверх. Колчак брал пробы грунта, воды с различных горизонтов для проведения количественного анализа основных химических компонентов, содержащихся в морской воде, проводил определения температуры на глубинах и в поверхностном слое, измерял плотность морской воды с помощью ареометра для последующего расчета ее солености. Далее под руководством Колчака было проведено драгирование и траление. Драга опускалась с помощью стрелы на дно. Судно давало малый ход, и огромный, тяжелый механизм двигался по дну, захватывая все на своем пути: раковины, звезды, актинии, медузы, одним словом – всех обитателей придонного слоя. Затем судно останавливалось, драга поднималась, а все ее содержимое оказывалось на палубе. Морской водой смывалась грязь, и загадочные обитатели глубин предстали перед исследователями.

А.В. Колчак на первой зимовке у западного берега п-ова Таймыр
в 1900–1901 гг.

Колчак стал ежедневно проводить гидрологические и зоологические станции: по одной в сутки, нехватка времени не давала возможности делать их чаще. По сути дела, Колчак из научного состава остался в единственном числе для проведения всех исследовательских работ. Как уже было сказано, Матисен отвечал за судно, а Катин-Ярцев, как человек новый, только входил в курс дела и сосредоточился в основном на орнитологии.

После выполнения одной из станций и взятия проб, когда “Заря” дала ход, вскоре на горизонте увидели огромную глыбу льда, напоминающую скалистый остров. Подойдя к нему ближе, Колчак провел измерения: оказалось, что высота “острова” равнялась 57 футам (17,37 м).

Летняя стамуха у берегов залива Харитона Лаптева

Вот такая “льдинка” застряла на мели. Об этом мы уже говорили, что Колчак стал называть такие льдины поморским словом “стамуха”. Глубина вокруг стамух более 6 саженей. “Заря” пошла дальше. Вскоре Матисен из “бочки” и вахтенный с мостика увидели землю. До нее было огромное расстояние – около 120 миль, но приблизиться и исследовать эту землю не представлялось возможным, ведь главная задача – снять людей с берегов Новой Сибири и Беннетта. К ночи “Заря” была окружена густым мощным льдом и сплошным туманом, пришлось встать на ледяной якорь. Целые сутки судно дрейфовало вместе со льдом то на север, то на юго-восток, очевидно, в зависимости от прилива и отлива, так как наступило безветрие.

Матрос Железников 31 августа увидел огромного тюленя, лежавшего на льдине. Он поплыл к нему на байдаре. Тюлень, вероятно, спал. Приближение человека его разбудило, он приподнял голову, но меткий выстрел уложил его на месте. Зверь оказался огромным, пришлось его буксировать к судну и поднимать лебедкой. Вес составил более 25 пудов (400 кг), длина 2,85 м, в обхвате 1,85 м. В желудке у него Катин-Ярцев нашел массу круглых червей, еще живых, и массу полупереваренных морских тараканов; в тонких кишках – множество ленточных глистов в 1–2 аршина длиной. При своей огромной величине животное производило странное впечатление кожного мешка, набитого салом. Голова, казавшаяся непропорционально малой, короткие ласты, сравнительно небольшие зубы “обличали” полную незащитность, скрывавшуюся за толстой броней из шкуры и сала [67, с. 98].

Эта добыча особенно восхитила инородцев, охотников-промышленников. Они не уставали повторять: “Зир – хорошо, мясо – плох. Зир – олады стряпай можно”. Захлебываясь от удовольствия, Семен и Гаврила с вожделением смотрели на тюленя и, перемешивая русские слова с якутскими, сопровождали свою речь оживленной мимикой и восклицаниями. Они приехали на Новосибирские острова за пушшиной и мамонтовой костью, но Семен заболел, все их планы рухнули, а потому упростили командира “Зари” взять с собой на материк.

Кок Фома приготовил мясо тюленя, основательно вымочив его в уксусе, и оно оказалось намного более сносным, чем мясо нерпы, хотя тоже не пряник.

Командир Матисен и гидролог Колчак подолгу находились на мостике и внимательно всматривались в окружающую ледяную пустыню. Ледовая обстановка не предвещала ничего хорошего. Обе попытки проникнуть к о-ву Беннетта или подойти хотя бы к мысу Высокому на Новой Сибири оказались тщетными: вокруг судна был сплошной лед. Единственный выход – двигаться на восток в густой, но разбитый лед, что надо было делать немедленно, так как проход становился совсем узким и судно в любой момент могло быть затерто льдами. Выбраться удалось. Матисен и Колчак наконец-то смогли легко вздохнуть.

Судно 1 сентября легло на обратный курс. Решили сделать еще одну попытку и пройти западнее о-ва Бельковский. По мнению Колчака, там мог быть разреженный лед, что даст некоторые шансы для плавания к мысу Эммы на о-ве Беннетта.

“Во время перехода, – пишет Матисен, – было перегружено последнее количество угля из трюма в ямы, при этом определился избыток его около 9 тонн. Этот уголь, лежавший в самом низу, был очень плохого качества, сильно измельчен и смешан со льдом от замерзшей трюмной воды. Суточный расход его возрос до 4,2 тонны, так что угля оказалось больше лишь на 2 дня хода, против предполагаемого перед началом навигации количества 75 тонн.

До 5 сентября¹ я пробивался во льду на север и убедился, что при постоянных переменах курса и малых ходах, а также вследствие стоянок в продолжение нескольких часов темного времени, когда идти во льду невозможно, суточный расход угля не соответствует пройденному расстоянию и что при таком состоянии льда остающегося запаса не хватит на путь до Беннетта и обратно. Кроме того, срок ожидания бароном Толлем судна истек 3 сентября, и он мог уже не быть на мысе Эммы, предприняв обратный путь” [60, с. 81–82].

“Заря” прошла мимо восточной стороны о-ва Столбового и взяла курс на мыс Буорхая.

Судно вошло в залив Буорхая, на берегу которого в поварне размещался М.И. Бруснев с тремя якутами. Встреча с Брусневым состоялась незамедлительно. Он рассказал, что на Быковском мысу живут люди, среди них норвежец И.И. Торгерсен с женой и детьми и что они остаются здесь зимовать. Норвежец – бывший матрос с судна “Лена” в

¹ Даты приведены по новому стилю.

экспедиции Норденшельда 1877 г. Это судно было продано фирме купчихи А.И. Громовой и теперь курсировало по маршруту Якутск–Булун.

«После оживленного разговора с М.И. Брусневым и чая с плохим коньяком все народонаселение берега было принято на шлюпку и доставлено на борт “Зари”. Один из промышленников, Николай, был уже на Котельном, где видел “Зарю”, а двое его товарищей в первый раз в жизни видели судно, и удивлению их не было предела. Спутник барона Толля в его прежних экспедициях, старик Джергили, только из-за того и взялся сопровождать М.И. Брусневу, что надеялся повидаться с бароном и кстати посмотреть диковинную выдумку чужездальных людей – большой дом, каких не бывает, удивительный дом, который плавает по морю, близкому, но неведомому для него не иначе, как под толстой корой льда.

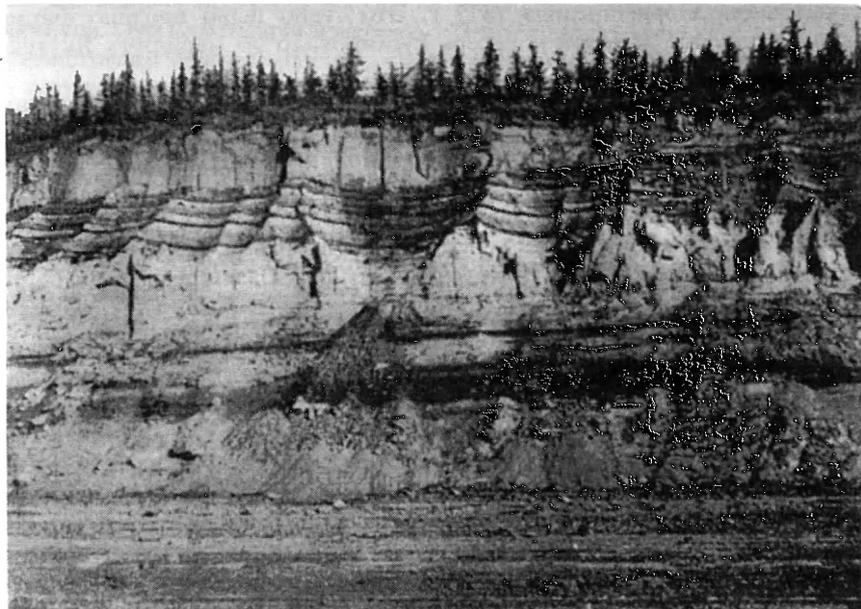
Его сопровождал семнадцатилетний сын Степан, уже жених, но выглядывший совсем мальчиком. Старик Джергили являлся носителем старинных тунгусских традиций, и юный Степан доставлял ему немало огорчений, явно предпочитая якутскую речь и якутские обычаи. Не найдя барона, Джергили, когда узнал, что командир его замещает, сказал по-якутски, обращаясь к последнему: “Тебя вижу – все равно, что его вижу”, и выразил желание ехать за начальником экспедиции на оленях, когда замерзнет море. Пушка, ракеты, электричество вызывали младенческий восторг у старика» [67, с. 101–102].

Все участники экспедиции должны были перейти на “Лену”, оставив на “Заре” одного–двух вахтенных дежурных. Однако пароход “Лена” не появился, и точных сведений, когда судно придет, не имелось. Поэтому Матисен решил произвести промер Быковской протоки, чтобы выяснить возможность захода “Зари” при осадке 16 футов в устье Лены. С этой целью Колчак должен был произвести все промерные работы.

Возвращение “Зари” в бухту Тикси

Лейтенант Колчак 10 сентября 1902 г. с четырьмя гребцами съехал с судна на берег, оставил там шлюпку, а сам на лодке-четверке направился в Быковскую протоку. Через день он вернулся с известием, что “Лена” пошла к Тикси с норвежцем Торгерсеном в качестве провожаемого. В полдень судно показалось на горизонте, в 15 ч встало рядом с “Зарей” на якорь. Привезенные известия относительно проходимости Быковской протоки оказались самые неутешительные: “Лена” шла местами по глубинам менее 2 м и наткнулась на мели, а осадка же “Зари” составляла 4,88 м.

Таким образом, экспедиции пришлось воспользоваться “Леной”: «Администрация парохода была уполномочена владелицей его Громовой принять груз и личный состав экспедиции и ждать только до 13 сентября, так как, выйдя позже, пароход рисковал замерзнуть в пути до Якутска. А между тем последний рейс парохода – самый важный для края, от него зависит судьба многих промышленников, возвращаю-

Правый берег реки Лены ниже г. Жиганска.
Отчетливо видны открытые пласты бурого угля

щихся с ним обыкновенно в Якутск и неимеющих средств прозимовать на месте промыслов. Таким образом, для того чтобы воспользоваться пароходом “Лена”, в распоряжении экспедиции оставалось всего два дня» [64, с. 83–84].

Лейтенант Колчак на пароходе “Лена” отправился искать более удобную стоянку для “Зари” и нашел ее около р. Сога за небольшим островом, который он назвал именем Бруснева. За этим островом при глубине около 6 м два судна встали борт к борту, и началась перегрузка наиболее ценного экспедиционного оборудования и ящиков с коллекциями с “Зари” на “Лену”. Матросы “Зари” доставили на “Лену” около 3 т бурого угля, добытого в 10 км выше г. Жиганска из открытых угольных пластов. (Лучший средний пласт мощностью в 2 м содержал достаточно чистый уголь, и десять человек за три часа добыли и загрузили его в трехпудовые мешки.) Это топливо дало возможность “Лене” сделать необходимые маневры для транспортировки грузов с “Зари”.

Погрузка готовых ящиков была окончена в один день, потом подавали оставшееся имущество по мере его укладки. После обеда, когда команда начала собирать свои вещи, случилось несчастье. Разряжая винтовку системы “Маузер”, матрос Безбородов нечаянно прострелил разрывной пулей ногу чочегару Т. Носову между ступней и коленом. Рана получилась ужасная. Вся кость была раздроблена. Доктор Катин-Ярцев приступил к перевязке, командир Матисен приказал максимально ускорить отъезд.

«На другой день, – пишет в отчете Матисен, – перевезли с большой поспешностью команду на “Лену”, взяли немного провизии и меховые вещи, перенесли раненого в отдельную, приготовленную доктором каюту, а в 14 часов я перешел на пароход и отвалил от борта “Зари”, отсалютовавшей нам флагом и вскоре скрывшейся из вида за мысом острова. Ужасное несчастье с нашим товарищем в самый последний момент, тяжелые минуты расставания с судном, на котором было так много пережито, и наше возвращение не вместе со всеми делало этот день одним из самых памятных за все время экспедиции» [60, с. 85].

По просьбе доктора “Лена” шла малым ходом: он продолжал перевязки раненому. Так как М.И. Бруснев не успел с Матисеном и Колчаком обговорить в Тикси дела, то Бруснев тоже поплыл на “Лене” до села Булуна: надо было согласовать вопросы по поводу отправки партий на те острова, на которых будут дожидаться прихода Толля, и вопросы по поводу окончательного решения оплаты за охрану “Зари”.

Капитану “Лены” А.Ю. Ершевскому помогали два лоцмана-якута, моряки слабые, но без них было бы совсем худо. Лоцманы правили наугад, “Лена” то и дело цеплялась за отмели днищем. Фарватер им не был известен, и к вечеру они запутались вконец. На ночь встали на якорь. Матисен и Колчак утром пытались помочь бедолагам-лоцманам, но все же “Лена” крепко села на мель. А когда отлив усилился, она оказалась просто на суше. На “Лене” находилось 36 человек. Колчаком все продовольственные запасы были взяты под строгий учет. Сколько им придется сидеть на мели, знал только Господь Бог. Верующие усердно молились. Возможно, это и помогло: через пять дней начала прибывать вода, усилился ветер. Вечером после дружных усилий пароход сошел с мели и, выйдя на глубину, встал до утра на якорь. Непредвиденную зимовку с печальными последствиями удалось избежать.

Доктор делал для больного все, что было в его силах. Накануне утром, когда к нему зашел Матисен, Носов “просил со слезами на глазах за Безбородова, чтобы тот не пострадал вследствие этого несчастья”. Матисен, как мог, успокаивал беднягу, но печальный финал был близок. Носов 23 сентября рано утром скончался. Во время одной из стоянок Носова похоронили на берегу.

По пути на “Лену” загружали громовские бочки с рыбой, но уполномоченный В.Е. Горинович брал их в ограниченном количестве – судно и так было перегружено. Фирма Громовой вела заготовку рыбы в огромном количестве.

Катин-Ярцев, знакомясь с постановкой рыбного дела на Лене, оставил весьма любопытные заметки:

«Рыбные промыслы на Лене поставлены далеко не рационально. Причиной этого выставляется обыкновенно недостаток рабочих рук при спешности заготовки, главную роль, однако, играют недостаток инициативы, экономическая и общекультурная отсталость и халатность. Прекрасная ленская рыба (кета и др. – В.С.) благодаря плохому качеству соли и плохому способу засолки пропадает. Великолепная икра “по недостатку времени” выбрасывается вместе с остальными внутренностями, и даже пресыщенные псы ее не едят. А приготовленная здесь икра имеет горько-

ватый вкус, и песок хрустит у вас на зубах, когда вы ее едите. Такая хищническая эксплуатация богатств реки скоро даст себя почувствовать. А между тем при обилии и отличном качестве рыбы в Лене и ее притоках здесь мог бы с успехом функционировать завод рыбных консервов, подобно существующему в Томске, который перерабатывает обскую рыбу; его изделия расходятся по всей Сибири, их можно встретить даже у инородцев в глухих углах Якутской области. С развитием самостоятельности среди русского купечества, и избалованного, и стесненного в то же время излишней опекой, приложению капитала на Лене открываются новые пути, и питающийся прокисшей в ямах рыбой инородец, которому нечего бояться “свариться в фабричном котле”: настолько он иммунизирован купцами, получает возможность жить по-человечески. Но... Улита едет, когда-то будет, а теперь инородец вымирает.

Прежде рыба доставлялась с Булуна в Якутск на каюках – больших лодках. В последние годы каючный промысел, если и не совсем исчез, то близок к этому: пароход “Лена” делает в навигацию три рейса к низовьям реки, таская за собой очень вместительную баржу. В навигацию 1902 г. был на Булуне и глотовский пароход.

Немалое зло представляет истребление пароходами леса на топливо. Еще в нижнем течении реки, где рейсирует пока одна “Лена”, куда ни шло, а вверх от Якутска и вниз до Алдана пароходов ходит порядочно. Между тем у Булуна и Жиганска есть месторождения каменного угля, который лежит настолько поверхностно, что хоть сейчас грузи на баржу. Пробы этого угля привезены В.Е. Гориновичем на “Зарю”. Уголь (бурый) найден был, по испытании его на “Заре”, хотя и не отличным по качеству, но вполне пригодным для машины.

Берега Лены очень живописны и привлекли бы немало туристов, если бы не были так изолированы от цивилизованного мира. Прорезывая в нижнем течении – вблизи устья – гористую тундру, река представляет зрелище мрачной и величественной красоты. То, широко разливаясь между берегами, течет она спокойно и плавно, то, ущемленная между высокими и крутыми стенами, быстро мчится к далекому Ледовитому морю» [67, с. 109].

Путешествие экспедиции по Лене подходило к своему благополучному завершению: показались убогие домики села Булун, самого важного населенного пункта Верхоянского округа по своему торгово-промышленному значению. Находясь несколько дней в Булуно, пароход принимал пассажиров и загружался топливом. Желаящие посетили баню. Однако Колчак простудился и заболел ангиной, у него поднялась температура, и доктор стал его интенсивно лечить. Пришлось несколько дней пролежать в каюте, и, “прелесть плавания по Лене была несколько испорчена”.

Далее “Лена” пересекла полярный круг, и, таким образом, “арктические территории” у всех участников экспедиции остались уже как история в их прошлой жизни. Остановка была в Жиганске. Матисен и Колчак нанесли визиты местному начальству, но оно-то и составляло все население малюсенького “городка”, где проживали семьи священника, псаломщика и купца. Для совершения религиозных обрядов – требы – батюшка разъезжал по очень большой округе.

«Местный купец, – пишет Катин-Ярцев, – подобно всем купцам этого отдаленного края, ведет кочевую торговлю. Когда-то Жиганск

представлял из себя нечто большее, чем теперь, но его выжгли и разграбили ссыльно-поселенцы, а с тех пор он так и не смог оправиться. В церковном архиве, говорят, сохранились любопытные документы... В Жиганске мы были около 4 октября. Снег уже толстым слоем покрывал землю. С Жиганска русло Лены, усеянное множеством островами, достигает более 10 верст в ширину. Между островами находится большой остров Аграфены, названный так по имени шаманки, оставившей по себе страшную память в суеверных умах местного населения. К устью Вилюя должен был выйти нам навстречу пароход “Громов”, но было уже поздно, и он ушел обратно. Шла небольшая шуга. Рыбопромышленники, обосновавшиеся здесь, уже не надеялись на приход “Лены”. Один из них стал нашим спутником. Проехали устье Алдана, прикрытое островом и поэтому малозаметное. Ближе к Якутску земля еще не была покрыта снегом. 13 октября 1902 г. мы были в Якутске» [67, с. 111].

Застать в Якутске пароход, который плыл вверх по Лене до Иркутска, экспедиции уже не удалось, навигация закончилась, и все участники стали дожидаться зимнего пути, чтобы дальше двигаться на почтовых оленях и лошадях, разделившись на партии, а далее ... поездом в Петербург.

В своем отчете Матисен писал, что Носова похоронили в Булуна: “...После панихиды тело было перенесено в церковь на берегу, и на другой день был совершен обряд похорон. На могиле близ церковной ограды поставили временный деревянный крест, который будет впоследствии заменен памятником, заказанным в Москве на пожертвования товарищей покойного» [60, с. 88].

Матисен и Колчак, закончив переговоры с М.И. Брусневым во время плавания до Булуна, разработали план действий для оказания Толлю и Бялыницкому-Бируле некоторой помощи. Бруснев должен был ехать на Новосибирские острова. К оставшимся на “Заре” экспедиционным собакам он должен был докупить еще несколько и приготовить шесть хороших нарт, в Усть-Янске приобрести нужное количество рыбы для корма собакам и нанять пять промышленников-якутов. После окончания полярной ночи около 13–15 февраля эта партия должна отправиться на острова. “Возможно, к этому времени Толль и Бируля вернутся на материк, тогда Бруснев еще с осени заготовит для них у Чай-Поварни у Святого Носа достаточное количество ездовых оленей, на которых все вернувшиеся доберутся до Казачьего. Если же на материке никто не появится, тогда Бруснев вместе с квартирмейстером Толстовым и проводниками на шести нартах отправятся на острова им навстречу...” [60, с. 87].

* * *

Спустя два десятилетия на судебном процессе в Иркутске в январе 1920 г. А.В. Колчак так осветил основные этапы своей деятельности в экспедиции:

«Экспедиция ушла в 1900 г. и пробыла до 1902 г. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Новосибир-

ских островах, на острове Котельном; затем на 3-й год барон Толль, видя, что нам все не удастся пробраться на север от Новосибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к Земле Беннетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. Ввиду того, что у нас кончились запасы, он приказал нам пробраться к Земле Беннетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград¹, привезти все коллекции и начать работать по новой (Спасательной. – В.С.) экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 г. весной барон Толль ушел от нас с Зеебергом, с тем чтобы потом больше не возвращаться: он погиб² во время перехода обратно с Земли Беннетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к Земле Беннетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход “Лена” и снял всю экспедицию с устья Тикси. Коллекции были перегружены на “Лену”, и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 г. прибыли в Петроград. На заседании Академии наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это...» [6, с. 247].

Так завершилось грандиозное предприятие, длившееся два с половиной года, и всех участников ждала встреча с Петербургом. Конечно, для раздумий и грусти было много оснований, но встреча с родным домом, такая долгожданная, такая близкая, такая манящая поднимала настроение. Все с нетерпением стремились ускорить приближение тех прекрасных мгновений, которые вселят что-то возвышенное и ликующее в наши души, когда мы чувствуем дыхание родной Земли, отчего дома!

Здравствуй, Петербург!

¹ На допросе Колчак называл Санкт-Петербург Петроградом.

² В 1902 г. участники экспедиции еще не знали о гибели Толля. Об этом будет известно только после возвращения Спасательной экспедиции под руководством Колчака.

Возвращение. Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля и организация Спасательной экспедиции. А.В. Колчак возглавил эту экспедицию

Первые дни в Санкт-Петербурге

Участники экспедиции вернулись в Петербург в начале декабря 1902 г. Встреча Александра Колчака с отцом была радостной, волнительной и немного грустной. Василий Иванович пополнел, малость сдал, но, как сказал сын, “выглядел молодцом”. Пришла встречать Александра Колчака и невеста Софья Федоровна Омирова, или просто Соня. Почти трехлетняя разлука сделала их отношения еще теплее, они горячо обсуждали множество событий, произошедших в жизни каждого из них за это долгое время расставания.

Приближался новый 1903 год. Решили его встречать в доме Колчаков в Поварском переулке в просторной семикомнатной квартире, где жил один отец-генерал. Конечно, Александр поделился с Соней своими тревожными мыслями относительно отсутствия известий от Толля и Зееберга, а также от Бялыницкого-Бирули, с которым в экспедиции они были самыми преданными друзьями.

Александр открыл Соне свои самые сокровенные мысли: он окончательно решил для себя принять участие или даже готов руководить экспедицией, которая должна быть послана для оказания помощи барону Толлю. Хотя Александр не знал, состоится ли она вообще, так как “пока не было нужных средств”, но он твердо сказал Соне, что буквально ближайшими днями изложит свой план спасения письменно и подаст бумагу академику Ф.Б. Шмидту – председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции (РПЭ).

Соня мило улыбалась, внимательно слушала, но, как девушка умная и догадливая, сразу же поняла, что их свадьба опять откладывается и, скорее всего, на неопределенное время. Ей в будущем 1903 г. исполнится 27 лет. Это, конечно, не беда и срок не критический, но засиживаться девушке в невестах – хорошего мало, что всегда оказывается делом очень щекотливым и вызывает массу малоприятных толков и разговоров в ближайшем женском окружении. Мало-помалу она смирилась со всеми грандиозными планами Александра.

Долг, честь и достоинство морского офицера не только для Александра, но и для Сони были всегда превыше всего. Соня полностью со-

гласилась с необходимостью участия Александра в Спасательной экспедиции и обещала, сдерживая надвигающиеся слезы, ждать его до завершения всех полярных дел. Александр был рад, что у него с Соней полное взаимопонимание, именно такой он и представлял себе свою будущую жену – жену морского офицера.

Александр сообщил Соне, что уже разговаривал по телефону с секретарем экспедиции Валентином Львовичем Бианки и доверительно поведал ему, что если будет организована спасательная партия даже на лодках, то он готов ее возглавить.

Отец поддержал сына и сказал ему, что именно с таких позиций чести и достоинства он исходил, когда в 17 лет стал участником величайшего исторического сражения – обороны Севастополя.

Навестил Александр и сестру Катю. Она была замужем за Николаем Николаевичем Крыжановским – инженером-путейцем. У них родился сын, которого назвали в честь отца и деда Николаем.

* * *

Находясь в Петербурге, Колчак и Матисен приложили много усилий, чтобы команда “Зари” полностью получила зарплату и дополнительные финансовые вознаграждения за безупречную и беспримерную работу в Русской полярной экспедиции.

«Когда вернулись в Петербург, – вспоминает боцман Бегичев, – мы рассчитались в Академии наук. Нас поместили в 18-й флотский экипаж. Каждый получил порядочно денег. Тут же мы нагрязнули в василеостровский трактир “Золотой якорь” и стали отмечать возвращение. Вот тут-то мы и показали всем в Петербурге “Северный полюс”. Яскевич и Клух пытались сдерживать ребят, но где там, разве русского матроса остановить малыми силами. Некоторые из нас пропились дотла...» Сам же Никифор Алексеевич, богатырского роста и могучей силы, всегда оставался на высоте, сдерживая разгулявшегося российского матроса. Колчаку рассказывали о гулянии матросов “Зари”, но он только разводил руками, понимая, что за два с половиной года монашеской жизни ребята имеют право на “арктическую разминку”.

В Петербурге у Колчака особенно обострилось чувство ответственности и товарищеского долга. Толль несомненно нуждался в помощи, и с каждым днем у Колчака становилось все тревожнее на душе. Необходимо было действовать быстрее и решительнее, инерция размеренной академической жизни раздражала Колчака, и он старался ускорить окончательное решение многих вопросов [68], и первое заседание Комиссии для снаряжения РПЭ состоялось 9 декабря 1902 г. Председательствовал академик Ф.Б. Шмидт. Присутствовали академики О.А. Баклунд, А.П. Карпинский, М.А. Рыкачев, Ф.Н. Чернышев, генерал-лейтенант К.И. Михайлов, гидролог Ф.Ф. Врангель, гидробиолог Н.М. Книпович и другие. Для участия были приглашены Матисен, Колчак, Волосович. Обсуждались вопросы организации Спасательной экспедиции [69, 70].

Матисен и Колчак сделали подробные сообщения о выполненных работах за два с половиной года работы РПЭ. Главный вопрос, о котором говорили все, это выделение кредитов для организации Спасательной экспедиции. Для этого надо было наметить программу всех необходимых мероприятий с учетом численности предполагаемого состава и сделать конкретный предварительный расчет. Однако решать все эти вопросы надо на более высоком уровне и, конечно, с непосредственным участием президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича.

Спустя месяц такое совещание состоялось.

Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля

На первоначальном этапе обсуждались два варианта Спасательной экспедиции на о-в Беннетта. Один из них – на шхуне “Заря”, другой – на лодках-байдарках. Этим вопросом занималось и высшее начальство – президент Академии наук Великий князь Константин Константинович. В один из дней он пригласил командира шхуны “Заря” лейтенанта Матисена. Молодой лейтенант долго готовился к этому визиту. В назначенный час в полной парадной форме он предстал перед властителем мира науки. Президент был вежлив и обходителен. Усадив Матисена в позолоченное кресло, долго расспрашивал об условиях плавания в Арктике, о возможности малых судов выдерживать натиск движущихся масс льда, о состоянии “Зари” и многое другое. После минутного молчания президент выразил намерение послать “Зарю” на о-в Беннетта со спасательной миссией. “Мы предполагаем, – строго сказал хозяин кабинета, – поручить это Вам и надеемся, что Вы оправдаете оказанное Вам доверие и привезете барона живым и невредимым” [71, с. 80].

Ф.А. Матисен подтвердил, что тоже обеспокоен, и сделает все, чтобы помочь барону вернуться. Он и команда готовы отдать свои жизни ради великого дела спасения арктических первопроходцев, но после двухлетнего плавания в Полярном бассейне корпус “Зари” пришел в полную негодность, и пытаться его исправить в Тикси совершенно невозможно, т.к. требуется сухой док и квалифицированные мастера. Поэтому дальнейшее плавание на “Заре”, по мнению Матисена, приведет к новым жертвам, которых и так в Арктике более чем достаточно. Однако Августейший президент продолжал говорить о том, что мы должны послать Спасательную экспедицию и что это наша святая обязанность.

Приведем диалог этого разговора:

« – Я понимаю, Ваше Императорское Высочество, – твердо сказал Матисен, – спасение барона Толля – дело чести России, за которое нужно браться, будучи твердо уверенным в благополучном его исходе. Лучше всего послать на остров Беннетта ледокол “Ермак”, иначе...

– Иначе, – раздражаясь, прервал Матисена Великий князь, – мы скомпрометируем Академию наук и его Императорское Величество в глазах иностранных государств...

– Простите за откровенность, Ваше Императорское Высочество, но я не могу взять на себя смелость братья за дело, в успех которого не верю, я не смею подвергать опасности жизнь вверенных мне людей, хотя бы даже во имя спасения моего уважаемого начальника. Таково было его последнее желание, и я не вправе его преступить.

Президент, уже не скрывая недовольства, встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Вы свободны, господин лейтенант. – И уже не обращая внимания на шагавшего к дверям лейтенанта, сказал своему секретарю: – Узнайте в гидрографии, нет ли там кого посмелее. Э–эх! Измельчала наша молодежь! Им бы только в Маркизовой луже плавать...¹

С плавающими щеками вышел Матисен из кабинета... Разница в положении, высокий титул президента не позволили ему ответить на оскорбление» [71, с. 81].

В С.-Петербургском архиве РАН сохранился протокол совещания по вопросу об оказании помощи барону Э.В. Толлю и его спутникам от 7 января 1903 г. На это совещание были приглашены: председатель Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции академик Ф.Б. Шмидт, члены ее – академик Ф.Н. Чернышев, барон П.А. Раушфон-Траубенберг, генерал-лейтенант П.Е. Кеппен (правитель дел Императорской академии наук), лейтенант Ф.А. Матисен, начальник санной партии экспедиции К.А. Воллосович и секретарь экспедиции и комиссии зоолог В.Л. Бианки. Лейтенант Колчак на это совещание приглашен не был. Очевидно, посчитали, что достаточно лейтенанта Матисена. Председательствовал президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович Романов. Открывая заседание, председатель сказал, что Академия наук встревожена судьбой Толля и его спутников и постарается незамедлительно принять нужные решения. Чтобы правильно понять позицию Академии наук, приводим выдержки из протокола Комиссии и описание дискуссии, проходившей на этом совещании:

«Президент Императорской академии наук, осведомившись относительно времени отправления барона Э.В. Толля с астрономом Ф.Г. Зеебергом на остров Беннетта и зоолога А.А. Бялиницкого-Бирули на остров Новая Сибирь, о составе их партий, снаряжении и запасах провизии, с которыми выступили ученые, и выяснив вопросы, как долго могут они продержаться там, куда пошли, что могло задержать их возвращение после того, как они убедились, что “Заря” их не снимет, и почему партии не могли быть сняты, Его Императорское Высочество изволили перейти к рассмотрению вопроса, можно ли рассчитывать, что плавание нынешнего года будет счастливее и что “Заре” удастся

¹ Маркизова лужа – так называли Финский залив в связи с тем, что морским министром в России с 1811 по 1828 г. был француз по происхождению, получивший титул маркиза прямо “из рук” Людовика XVI, – маркиз де Траверсе (1754–1830). Впоследствии в России – адмирал, организатор арктических, антарктических и кругосветных экспедиций [72].

подойти вплотную к островам или ей придется держаться в море, а для снятия ученых нужно будет спустить особую партию на лодках, которые уже и доберутся до острова Беннетта по льду и через полыньи...»¹.

Итак, лейтенант Ф.А. Матисен объяснил, что плавание 1901 г., когда “Заре” удалось подойти к о-ву Беннетта на 12 миль, должно считаться исключительно благоприятным, что, по всей вероятности, при спасательной экспедиции так же придется остановиться, как и в прошлом году, намного дальше от берега острова, при этом десант на далекое расстояние невозможен и рассчитывать в этом случае на возвращение его нельзя, как, впрочем, ни на что в полярном плавании.

Академик Ф.Н. Чернышев обрисовал то положение, в котором может находиться теперь барон Э.В. Толль с его партией. С одной стороны, можно предположить, что барон Толль не добрался до о-ва Беннетта из-за полыньи между островами Беннетта и Новой Сибирью и, кроме того, потерял на переходе по льду собак. Если это предположение более вероятно, тогда барон Толль находится, как и А.А. Бялыницкий-Бируля, на одном из островов Новосибирского архипелага, и участь его не может внушать особенных опасений: в марте возможно получить известия от обеих партий. С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на вторую, печальную альтернативу: барону Толлю удалось перебраться на о-в Беннетта, но он лишен возможности вернуться с него на Новосибирские острова. В этом случае необходимость употребить все средства для спасения его и его спутников исчерпывается принятием следующих мер:

- 1) отправлением вспомогательной партии на собаках и устройством летовки на Новосибирских островах, что уже сделано,
- 2) снаряжением Спасательной экспедиции на “Заре” к о-ву Беннетта.

Академик Ф.Н. Чернышев во втором случае считал выбор судна типа “Зари” неудачным для плавания в Норденшельдовом море, так как шхуна могла не достичь острова, а потому предложил в подспоре “Заре” воспользоваться лодками, употребляемыми мезенскими поморами для зимних промыслов среди льдов. Несколько человек опытных мезенских поморов, предпочтительно с офицером во главе, могут на этих лодках легко преодолеть пояс льда в 20 миль, а “Заря” будет служить базой, на которую, добравшись до о-ва Беннетта и сняв оттуда барона Толля с его партией, лодки доставят их на базу – “Зарю”. Если же лодкам не удалось бы вернуться на “Зарю”, то они свободно могли дойти до одного из Новосибирских островов. Конечно, подобная экспедиция “Зари” должна обойтись сравнительно дорого, возможно, и понапрасну в случае пребывания барона Толля на Новой Сибири, тем не менее, снарядить ее необходимо ввиду спасения человеческих жизней.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

К.А. Воллосович также из-за малого шанса “Зари” достичь о-в Беннетта на достаточно близком расстоянии предложил план по спасению Толля начать с достижения Новой Сибири на тех же мезенских лодках и при помощи той же партии мезенских поморов под командой одного офицера и в виде самостоятельной Спасательной экспедиции. Для этого необходимо офицеру лично отправиться на Мезень, нанять там партию опытных поморов, в том числе одного хорошего мастера, взять две-три лодки, лучше всего в разобранном виде, направить тех и других через Москву, Иркутск, Якутск, Верхоянск и Усть-Янск, а далее по зимнему пути через океан добраться на Новосибирские острова, где экспедиция, собрав разобранные лодки, сможет двинуться на о-в Беннетта, прибыв туда еще в мае, тогда как “Заре” удастся дойти до него не ранее июля. На каждом из островов Новосибирского архипелага устроить летовки небольших партий для оказания помощи возвратившимся с о-ва Беннетта.

Против этого плана Ф.Н. Чернышев высказал следующие соображения: с расстоянием в 90 миль, отделяющем Новую Сибирь от о-ва Беннетта, мезенским лодкам справиться будет вряд ли под силу и перевозить лодки в разобранном виде вряд ли удобно, а в неразобранном они могут пострадать, тем более, по данным лейтенанта Матисена, в прошлое плавание “Заря” не подходила к о-ву Беннетта даже на 90 миль, и вообще шанс приближения судна на такое расстояние тоже невелик (см. рис. 2, с. 80).

Его Императорское Высочество, убедившись доводами лейтенанта Матисена о том, что сам барон Толль никоим образом не рассчитывает на помощь со стороны “Зари” и будет стараться перебраться на Новую Сибирь самостоятельно, перешел к рассмотрению вопросов относительно стоимости двух предложенных экспедиций и к выяснению вопроса, сколько жизни будет подвергаться опасности в попытках спасти ученых и их спутников.

Лейтенант Матисен предположил, что, по предварительному его расчету, плавание “Зари” должно обойтись в 67 тыс. руб., а плюс страховка жизни участников экспедиции и присоединение десантной мезенской партии увеличивает смету до 84 тыс. руб. По второму вопросу лейтенант Матисен пояснил, что это предприятие может поставить всех спасателей в положение не менее опасное, чем сама партия барона Толля. При этом им было отмечено, что, судя по смете, опасности будут подвергаться 22 человека; также было обращено внимание на то, что из письма барона Толля на имя М.И. Бруснева следует, что экспедиция барона Толля может уже и не быть на о-ве Беннетта ко времени прибытия туда “Зари”.

Расчеты академика Ф.Н. Чернышева относительно стоимости экспедиции, предложенной К.А. Воллосовичем, показали, что при участии в ней одного офицера и 12 человек мезенских поморов на двух лодках она обойдется в 25 тыс. 800 руб., число же подвергающихся опасности жизней уменьшится, следовательно, до 13.

Сопоставив все, касающееся как того, так и другого варианта экспедиции, Его Императорское Высочество высказал опасение, что при

незначительных шансах на успех, которыми можно будет мотивировать отпуск сравнительно крупной суммы на снаряжение экспедиции на “Заре”, такие средства на нее вряд ли будут отпущены и что было бы целесообразнее остановиться на организации экспедиции на мезенских лодках. Если последняя, может быть, и отнимает некоторый, до известной степени проблематичный шанс на успех, то, с другой стороны, сокращает риск людьми почти вдвое.

Академик Ф.Н. Чернышев считал своим долгом обратить внимание Комиссии на то, что экспедиция на “Заре” дает все же больший шанс на спасение, чем экспедиция на мезенских лодках, а если дело идет о спасении человеческой жизни, то вопрос о средствах является уже второстепенным, и можно надеяться, что таковые будут отпущены.

Председатель Комиссии заметил, что вопрос о той или другой спасательной экспедиции еще не решен и будет зависеть от суммы, которая будет для этого отпущена.

Вслед за тем Его Высочество осведомился о лице, которому можно было бы поручить экспедицию на мезенских лодках, если придется остановиться на ней, и когда надо приступить к ее организации.

Секретарь Комиссии В.Л. Бианки доложил, что он связывался по поводу возможности подобной экспедиции на лодках с лейтенантом А.В. Колчаком и что последний выразил свою готовность стать во главе ее. Президент Академии наук Великий князь Константин Константинович поручил лейтенанту Матисену переговорить с лейтенантом Колчаком об этом окончательно.

Относительно времени организации было выяснено, что необходимо отправиться на Мезень и приступить к снаряжению тотчас же.

Далее приводим текст протокола в оригинале:

«...Его Императорское Высочество изволили перейти к вопросам: что делать с “Зарей”, если она не понадобится более для помощи отрезанным на островах ученым; возможно ли ее плавание для промышленных целей от Лены к устьям рек, лежащих восточнее, и не пожелают ли местные торговпромышленные фирмы попытаться использовать судно; наконец, следует ли продать “Зарю” или испросить разрешение на безвозмездную ее уступку, по указанию местных властей, для означенной цели.

Относительно этих вопросов выяснилось, что ввод “Зари” в Лену вряд ли возможен из-за мелкости фарватера в устье этой реки, что для плавания по Лене судно непригодно как вследствие своей большой осадки, так и по слабости машины, обуславливающей тихий ход, тогда как для коммерческих целей необходимо судно быстроходное. Далее, для плавания вдоль берегов Сибири нужно иметь конечный пункт, в котором судно могло бы ремонтироваться, в чем “Заря” нуждается уже теперь, доков же там нет; наконец, помимо своей неисправности, “Заря” непригодна в качестве грузового судна для своей функции вдоль берегов Сибири еще и потому, что вместимость ее, за вычетом места для угля, очень незначительна, всего около 9 тыс. пудов. Впрочем, фирма Сибирикова, по заявлению К.А. Волосовича, справлялась, не будет ли “Заря” продаваться.

По мнению академика Ф.Н. Чернышева и лейтенанта Ф.А. Матисена, единственное, что остается сделать с “Зарей”, это послать офицера разгрузить ее, т.е. снять с нее все ценное снаряжение и научные инструменты.

Ввиду высказанного Его Императорское Высочество изволили высказать убеждение, что необходимо сделать запрос в Иркутск, не пожелает ли одна из торгово-промышленных фирм купить “Зарю”.

Академик Ф.Б. Шмидт доложил, что лейтенант Матисен подал на его имя заявление, что отказывается от предложения стать во главе Спасательной экспедиции на “Заре”, мотивируя свой отказ полной неуверенностью в возможности достижения намеченной цели. Лейтенант Матисен изложил причину своего отказа более подробно. Барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг обратил внимание совещания на то, что отказ лейтенанта Матисена еще более осложняет вопрос о снаряжении Спасательной экспедиции на “Заре”.

Его Императорское Высочество изволил поручить разоружение “Зари” лейтенанту Матисену¹.

В заключение было рассмотрено состояние кредита Русской полярной экспедиции, наличность которого оказалась всего в 3800 руб. 75 коп., а с депозитом в виде пожертвования от неизвестного лица – 1000 руб. и с остающимися на руках у секретаря Комиссии – 5045 руб. 55 коп., и постановили составить сметы необходимых ассигнований на 1903 г.

Директор Главной физической обсерватории академик М.А. Рыкачев на совещании не присутствовал, но от коллег-академиков узнал все подробности и был потрясен тем, что Толль до сих пор не вернулся. Он ценил его как специалиста и очень был с ним дружен, а теперь искренне переживал все случившееся. Рыкачев немедленно по телефону связался с Кронштадтом и передал все адмиралу С.О. Макарову. Адмирал был человек решительный и сразу же заявил, что готов на “Ермаке” идти на помощь Э.В. Толлю.

М.А. Рыкачева, мягко говоря, удивил отказ Матисена идти на “Заре” спасти Толля, и он сел за пространное письмо академику Ф.Б. Шмидту, чтобы изложить свое мнение по этому вопросу. Дата на письме 10 января 1903 г.²:

«Глубокоуважаемый Федор Богданович!

Узнав об отказе лейтенанта Матисена отправиться во главе предприятия на “Заре” спасти барона Толля и его спутников, находящихся на острове Беннетта, а также о снаряжении санной экспедиции, позволю себе просить Вас внести на обсуждение Комиссии следующие соображения.

Отмена опасного предприятия – плавания на углой, расслабленной “Заре” в полярных льдах, с самым малым шансом на успех и с риском для самой “Зари” и ее экипажа, не представляет повод к особому сожалению. Снаряжение санной экспедиции имеет то преимущество, что дает надежду на несколько месяцев ранее достигнуть до барона Толля; это крайне важно, а при известных обстоятельствах это, быть может, единственное средство для спасения бедствующих членов экспедиции.

Но не следует скрывать от себя, что далеко нельзя быть уверенным, что санной партии удастся достигнуть Беннетта и благополучно оттуда вернуться с начальником экспедиции и его спутниками. Весьма возможно,

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 48–50, 48 об., 50 об.

² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

что санная партия вернется, не достигнув Беннетта. Возможно, с другой стороны, что партия, достигнув Беннетта, не в состоянии будет вернуться на Новую Сибирь. Эти возможные два случая необходимо предвидеть и заблаговременно обсудить, как в этом случае поступить. По моему мнению, единственным средством спасения Толля и его спутников было бы снаряжение за ним ледокола “Ермак”. Это судно – лучшее в мире для борьбы с полярным льдом. Снарядив “Ермак”, Комиссия может со спокойной совестью сказать, что ничего не упустила, что возможно для спасения оставшихся на островах Новой Сибири и Беннетта начальника и членов Русской полярной экспедиции.

Желательно, чтобы вопрос этот был обсужден заблаговременно, для того чтобы в случае неудачи санной экспедиции Комиссия немедленно могла бы приступить к выполнению намеченной программы. Желательно привлечь к обсуждению этого вопроса адмирала Макарова, командиров “Ермака” – телерешенного Н.Н. Коломейцева и бывшего М.П. Васильева, а также лейтенантов Матисена и Колчака, пока последний еще не отправился для снаряжения санной экспедиции.

Из прилагаемого письма С.О. Макарова Вы усмотрите о его готовности принять участие в наших совещаниях, а из прилагаемого перечня его положений о способности “Ермака” бороться со льдами видно, во сколько раз могучее в борьбе со льдом “Ермак”, чем всякое другое судно.

Примите уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

Академик М. Рыкачев»

Адмирал С.О. Макаров после предложения академика М.А. Рыкачева об использовании “Ермака” для поиска людей с большим энтузиазмом согласился отправиться на помощь Толлю и его соратникам, затерявшимся во льдах. Адмирал еще раз хотел показать всем недюжинные способности “Ермака” в борьбе со льдом, ведь было и много сомневающих даже в такой высокой инстанции, как Адмиралтейств-Совет.

Предлагаем вниманию читателей Перечень положений, которые подготовил собственноручно 9 января адмирал С.О. Макаров и передал их академику М.А. Рыкачеву (приводим полностью):

«1. Полярный лед при ударе ледокола “Ермак” разламывается, и даже большие торосы при ударе в них дают трещины и распадаются.

2. Если лед легкий, 3–5 футов, и ослаблен действием летнего солнца, то ледокол может идти сплошными полями с полным успехом.

3. Если лед тяжелый, с торосистыми нагромождениями, то ледокол, выбирая путь между льдинами, может с успехом двигаться, разбивая перешейки и даже поля, но при условии, чтобы лед не находился в сжатии, ибо надо иметь место, куда сдвинуть льдины.

4. Сжатие льдов у берегов Новой Земли, которые тянутся на 600 миль, в лето 1901 г., вследствие условий ветра, было непрерывно в течение почти 4-х недель. У островов меньшего размера сжатие не может быть столь продолжительным, ибо каждая перемена ветра и течения нарушает условия сжатия. На просторе сжатие и ослабление льда чередуются в сравнительно короткие промежутки, поэтому опыт показал, что плавание ледокола на просторе всегда было бы вполне успешно.

5. Замечено, что в случае необходимости пробиться через очень тяжелое поле, большую пользу оказывает выпускание больших масс воды через

лед из носовой части ледокола. Во время плавания в 1901 г. на “Ермаке” была приспособлена лишь одна помпа для такого отливания воды, теперь же для успеха плавания в балтийских льдах к такой же работе приспособлено еще три помпы, дающие вместе до 10 т воды в минуту. Поэтому “Ермак” будет в будущие годы успешнее работать в полярных льдах, чем в 1901 г.

6. Во время плавания 1901 г. выяснилось, что при пробивании насквозь торосов большую пользу приносит опускание якорей, которые при движении ледокола назад могли сдвигать со своего места густую кашу льда, ослаблявшую удар в лед. В 1901 г. сломался брашпиль, и это помешало пользоваться якорями для указанной цели. Повреждение брашпиля есть случайность, которая, вероятно, не повторится, ибо крепость брашпиля усилена.

7. Для сдвигания разбитого льда на “Ермаке” во время плавания 1901 г. своими средствами сделали особое приспособление, которое помогало делу; если же это приспособление сделать средствами порта, то значительно улучшится работа ледокола в сжатом торосистом льду. Приспособление обойдется около 2 тыс. рублей.

8. Большую задержку при разбивании торосов производит отсутствие возможности отступить назад из опасения повредить руль. С этой целью спроектирован небольшой кормовой таран, который прикроет руль и даст возможность более смело работать кормою, что увеличит набег и, следовательно, улучшит способность ледокола пробиваться через тяжелые торосистые поля. Приспособление обойдется не более тысячи рублей.

9. Ледокол “Ермак” в первоначальном его виде с передним винтом не мог безнаказанно для себя бороться с полярными льдами, при ударах в которые корпус страдал и даже получалась пробоина. После переделки носовой части ледокол “Ермак” при разламывании полярного льда не повреждался.

На основании всего сказанного выше можно прийти к заключению, что “Ермак” может работать во льдах Ледовитого океана, что на просторе его работа будет успешнее, чем у берегов, и что нет ничего невероятного, если ему удастся проникнуть в такие места, которые еще никогда не были посещены человеком и остаются совершенно неизученными.

9 янв. 1903 г.

С. Макаров»¹

А.В. Колчак бросает вызов своей полярной судьбе

Комиссия для снаряжения РПЭ, ознакомившись со всеми доводами адмирала С.О. Макарова, пришла к заключению, что “Ермак” мало подходит для плавания в мелководных арктических морях по двум причинам. Во-первых, ледокол имеет большую осадку и не сможет подойти сколько-нибудь близко к островам, во-вторых, нельзя исключить возможности вынужденной зимовки в Арктике, а состав команды так велик, что организация питания выльется в огромную проблему, которую вряд ли удастся благополучно разрешить в течение долгой полярной зимы.

Комиссия поддержала предложение отправиться на о-в Беннетта на шлюпках. Лейтенант Колчак, получивший опыт полярных работ и ски-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 61, 61 об., 62.

таний, возмужавший и окрепший нравственно и физически, был назначен в 28 лет начальником Спасательной экспедиции. В его распоряжение были выделены все необходимые финансовые средства. Некоторые академики, умудренные опытом работ в Сибирском крае, весьма скептически оценивали реальные возможности намечаемого предприятия. Они говорили: “Это безумие – плавать на шлюпках в Ледовитом океане”. Но другого выхода не было, и Колчак добровольно решил стать этим безумцем. Долг и честь офицерского мундира говорили ему, что такое решение – самое верное: совесть его будет чиста, и он сможет смотреть на прекрасный мир не пряча глаз. А что сказали бы его отец Василий Иванович или невеста Соня, если узнали бы, что он в последнюю минуту колебался, а возможно, и струсил и напрочь отказался? Позволил же себе отказаться лейтенант Матисен от плавания на “Заре”, но он, конечно, имел весомые доводы. При обсуждении лодочного варианта командир “Зари” Матисен о своем желании возглавить экспедицию многозначительно промолчал, возможно, потому, что Колчак его опередил, не будет же он забирать “хлеб” у своего полярного коллеги.

Одним словом, счастливый (возможно, это и в самом деле так) жребий пал на Колчака. Он сам так вспоминает ту пору отчаянной и смелой лейтенантской молодости: «Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на “Заре” это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Новосибирских островах, чтобы использовать лето) – “Заря” была вся разбита, то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на Землю Беннетта, и если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным» [68, 247–248].

“...Я решил съездить в Мезень и нанять там поморов-тюленепромышленников, по возможности из участников экспедиции Ф.Н. Чернышева на Шпицберген. 29 января я получил первые суммы, ассигнованные на мою экспедицию, и, дав необходимые заказы шерстяных вещей, консервов и оружия для шлюпочной партии, 1 февраля выехал в Мезень, откуда съездил в Долгощелье, поселок на берегу Мезенского залива, являющийся отходным пунктом промышленников, отправляющихся на тюлений промысел. В Мезени я нанял 6 человек бывших участников Шпицбергенской экспедиции, из которых четверо остались со мной до конца моего предприятия. Возвратясь из Мезени в Архангельск, я получил телеграмму о благополучном возвращении А.А. Бялыницкого-Бирули с Новой Сибири с известием, что барон Толль до

Гостиница Троицкая в Архангельске, где останавливался Колчак проездом в Мезень в январе 1903 г.

ухода этой партии не являлся с севера. Это известие имело для меня первостепенное значение...” [68, с. 499].

Перед приездом Колчака в Архангельск председатель Комиссии академик Ф.Б. Шмидт уведомил архангельского губернатора телеграммой¹ о большой важности намечаемой экспедиции; в ней говорилось:

“Подана 8.I 1903. 8 ч 47 мин СПб.

Получена канцелярией Архангельского губернатора. 9.I 1903 г.

Телеграмма

Прошу Ваше Превосходительство приказать безотлагательно мезенскому исправнику выбрать для Русской полярной экспедиции восемь человек самых опытных мезенских поморов, предпочтительно из участников Шпицбергенской экспедиции, в том числе одного хорошего шлюпочного мастера, и подготовить две отборные лодки для зимних промыслов. Для заключения условий с людьми и осмотра лодок прибудет около 20 января лейтенант Колчак.

Академик Шмидт”

В Архангельске Колчак остановился в самой фешенебельной по тем временам гостинице Троицкой² (см. фото). Он незамедлительно по-

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2323. Л. 93, 94.

² Фотографию Троицкой гостиницы (открытка выпущена в 1903 г.) любезно предоставил Ю.А. Барашков – профессор кафедры инженерных конструкций и архитектуры Архангельского государственного технического университета. Известный архангельский коллекционер материалов, посвященных истории архитектурных памятников Архангельска, инженер А.А. Смолин и директор гимназии № 6 г. Архангельска В.Д. Иванов помогли установить точное местоположение Троицкой гостиницы, которая была снесена в 1970-е годы.

слал телеграмму В.Л. Бианки в Санкт-Петербург, в которой запрашивал о судьбе Толля, и за неимением сведений о нем считал необходимым немедленно отправиться в Мезень для дальнейшей организации Спасательной экспедиции:

Телеграмма¹

“Получил от Матисена известие, что Бируля вернулся. Телеграфируйте срочно: Архангельск. Троицкая гостиница. Есть ли вести о Толле. Жду ответа, чтобы поехать Мезень.

Колчак”

В феврале 1903 г. уездный исправник Мезени уведомил архангельского губернатора о завершении Колчаком всех дел специальным служебным рапортом, который был незамедлительно получен 4 февраля 1903 г. в Архангельске:

«Рапорт²

Имею честь Вашему Превосходительству донести, что лейтенант господин Колчак прибыл в 9 ч вечера 27 числа (января 1903 г. – В.С.), в то же время мною были оповещены все лица, участвовавшие в Шпицбергенской экспедиции, которым и было предъявлено предложение господина лейтенанта с подробным разъяснением той задачи, какая будет на них возложена. Затем в 12 ч ночи вместе с лейтенантом выехали в с. Долгощелье для осмотра лодок, какие требуются для экспедиции, и на случай подбора людей, если в Мезени бывшие участники (экспедиции. – В.С.) откажутся.

Осмотренная господином лейтенантом “кедовская” лодка, хотя и признана удобной для требуемой цели, но тяжела, и доставка ее в Усть-Янск будет сопряжена с непреодолимыми препятствиями, что и порешило воспользоваться одной из шлюпок типа норвежской китобойной, имеющейся на “Заре”. Та шлюпка почти такой же емкости и устройства, что и осмотренная, и после приделки к ней полозьев будет вполне пригодна для передвижения по торосам. Намеченные охотники для следования в экспедицию уже выехали. В Мезени почти от всех участвовавших в Шпицбергенской экспедиции получили согласие отправиться вновь в предложенную Колчаком. Причем господином лейтенантом было выбрано 6 человек, из них за старшего назначен мещанин Василий Иглин, бывший в разных экспедициях в течение 9 лет, все остальные по 2 года. Выбранные лица все трезвые, хороших нравственных качеств, список к сим прилагается.

30 января после обеда и общего молебна отправляю их в путь и для скорейшего следования выдал им билет Вашего Превосходительства на предмет бесплатного получения 2-х пар лошадей на земских станциях.

На дорогу и на их нужды лейтенантом выдано 300 рублей.

29 января 1903 года Уездный исправник (подпись неразборчива)»

В Мезени Колчак подобрал из тюленепромышленников четырех надежных охотников-каюров Алексея Мартемьяновича Дорофеева 28 лет, Илью Яковлевича Инькова 27 лет, Алексея Матвеевича Олупкина 34 лет и Михаила Михайловича Рогачева 30 лет для путешествия на о-в Беннетта. Во вновь организуемой экспедиции к великой радости

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2323. Л. 96, 96 об., 97.

Колчака согласились участвовать имеющие большой опыт соплаватели по “Заре” боцман Никифор Бегичев 29-ти лет и старший рулевой Василий Железников (возраст последнего неизвестен). Все мезенские охотники, за исключением А.М. Олупкина, были не женаты – то ли так случайно совпало, то ли Колчак специально подбирал для такого рискованного похода людей, не связанных семьей, но из всего списка он выбрал самых молодых, этот фактор для него оказался главнейшим.

Колчак и участники после кратковременных, но напряженных сборов 22 февраля 1903 г. выехали в Иркутск, а в 20-х числах марта уже через Якутск отправились дальше на север в село Казачье. Лейтенант Матисен присоединился к ним. Ему Академия наук, как говорилось выше, поручила снять с “Зари” все мало-мальски ценное оборудование и отправить его в Петербург, так как шхуну “Заря” намеревались продать или передать, в зависимости от ее состояния, фирме Громоной. Для плавания по Лене она не годилась – слишком большая осадка. Интересовались “Зарей” также представители известной сибирской фирмы Сибиряковых, одним словом, все эти вопросы предстояло решить Матисену. “Заря” была закрыта в бухте, и над ней был учрежден надзор. Эту миссию поручили выполнять норвежскому промышленнику Торгерсену, и по собственному желанию остался на “Заре” матрос-рулевой Сергей Толстов в надежде встретить первым Толля, к которому он был очень привязан и питал большие симпатии.

Колчак, находясь в Иркутске с конца февраля 1903 г., несмотря на свою занятость, нашел время и силы побывать в иркутском Русском географическом обществе и выступить 6 марта с лекцией “О современном положении Русской полярной экспедиции”. Колчак, закончив свое выступление, сказал, что барон Э.В. Толль в скором времени лично посетит гостеприимный зал иркутского Русского географического общества и “сделает здесь более обстоятельное и более интересное сообщение”. Автограф текста доклада А.В. Колчака приводится в Приложении III.

Жители Иркутска, в основном, конечно, местная интеллигенция, проявили большое внимание к вопросам исследования северных акваторий и особенно интересовались Сибирским регионом. Они тепло и радушно встретили лейтенанта Колчака как важного представителя Императорской академии наук, отправляющегося в самое ближайшее время в спасательную поездку на о-в Беннетта.

В Якутске к экспедиции присоединились Степан Расторгуев и механик Эдуард Огрин. Матисен и матросы прибыли 28 апреля в бухту Тикси, перевалив труднодоступный Верхоянский хребет при 40-градусном морозе [35, с. 177].

Заведующий городским музеем в Якутске Павел Васильевич Оленин – политический ссыльный, в недалеком прошлом студент Московского университета – по просьбе Колчака включился в работу по транспортировке вельбота из Тикси к мысу Святой Нос. Оленин хорошо знал Сибирь. Одно время он даже работал консерватором музея Якутского отдела Географического общества, поэтому был весьма полезным человеком для экспедиции.

Перед отправкой на о-в Беннетта Колчак пишет письмо¹ академику Ф.Б. Шмидту с детальной информацией:

“Якутск, 14 марта 1903 г.

Кончил 15 марта

Ваше Превосходительство!

Отправив 21 февраля вперед команду, я на следующий день выехал из Иркутска вместе с матросом Железниковым и 8 марта в 5^{1/2} утра прибыл в Якутск на несколько часов прежде лейтенанта Матисена и нижних чинов.

По прибытии в Якутск я немедленно прибыл к г. губернатору Владимиру Николаевичу Скрипицыну и во все учреждения для устройства немедленного движения людей и грузов дальше через Верхоянск и Усть-Янск. Сведения, сообщенные мне Его Превосходительством, были не особенно благоприятны: подтверждение на улов рыбы в Усть-Янском улусе, отсутствие собак и собачьего корма и, наконец, совершенно не предвидимая никем летовка Бруснева и Титова с партией промышленников 15 человек на островах и, наконец, в высшей степени затруднительное движение на Верхоянск и Усть-Янск от Якутска по новому пути.

Ввиду ночного времени и необходимости быстрых переходов при малых перевозочных средствах на станциях представляется невозможным одновременная отправка более 4-х человек или 30 пудов грузов, да и то еще при условии промежутков времени между отправляемыми партиями в 2–3 дня. Со стороны Его Превосходительства уже было сделано все, что представлялось возможным для увеличения перевозочных средств станций: предупреждения их о проезде большого числа людей и грузов и т.п. По соглашению же с Его Превосходительством я повысил плату вместо 3-х до 5 копеек за версту с лошади, чтобы привлечь инородцев с санями на станции. На другой день 9 марта я послал первый транспорт в 29 пудов с каюром и матросом; во вторник я получил почтой все грузы, но и высланные с лейтенантом Матисеном поступили одновременно со мной. На Верхоянск я мог отправить людей только в среду 25 марта и сегодня второй партией — грузы, около 32 пудов. В воскресенье уходит лейтенант Матисен, и т.о. я не могу уехать из Якутска ранее вторника, причем часть груза еще в количестве 30 пудов и состоящая из консервов остается позади меня, и я не знаю, успею ли получить ее в Усть-Янске. По сведениям о партии Бруснева оказывается, что она ушла с очень ограниченными запасами провизии с расчетом на склады. Это обстоятельство заставляет меня идти на острова непременно с некоторыми запасами, т.к. я на склад в полной мере рассчитывать уже не могу. Во всяком случае, окончательные решения могут быть приняты только на месте, т.к. отсутствие точных сведений о положении вещей в Усть-Янском улусе не позволяет сказать что-либо определенно. Одним из самых огромных препятствий является краткость времени. При самых благоприятных условиях я рассчитываю через месяц, т.е. около 14–15 апреля, быть в Усть-Янске и возможно скорее двинуться на острова ближайшим путем, т.е. на южную оконечность острова Котельного. Я не знаю, удастся ли послать грузы или идти с вельботом прямо с Большого Ляховского острова на Новую Сибирь, т.к. начало таяния может застигнуть транспорт в открытом море и затруднить передвижение, тогда как достигнувши Котельного, я всегда могу рассчитывать на вельботе пройти вдоль южного берега острова к Новой Сибири и мысу Высокому, являющемуся отходным пунктом шлюпочных экспедиций. В настоящее время на пути в бухту Тик-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 6–8. 5об.–7об.

си находится посланный с вельботом заведующий якутским музеем П.В. Оленин. Насколько удастся ему выполнить это сложное и крайне затруднительное по погодным условиям поручение, покажет будущее. Я прошу Ваше Превосходительство считать его на службе экспедиции на жаловании в 200 руб. в месяц. Считаю долгом также предупредить Ваше Превосходительство, что предприятие, если оно будет выполнено и доведено до конца, потребует, вероятно, еще новых ассигнований. Отсутствие собак в Усть-Янске и посылка за ними на Индигирку, закупка большого количества оленей для корма собак, наем нескольких каюров, сопровождающих отдельные небольшие партии грузов и людей, необходимых ввиду населения, не знающего русский язык, увеличение почти вдвое платы и прогонов ввиду скоростности и своевременной доставки грузов – вот главные статьи, которые не могли быть приняты во внимание при составлении сметы. При дальнейшем ходе экспедиции я считаю долгом известить Ваше Превосходительство о положении дел моей партии по прибытии в Верхоянск и при отправлении партии из Усть-Янска.

Ваше Превосходительство! Прошу принять уверение в полном уважении и готовности к услугам.

Лейтенант Колчак”

При огромной занятости по организации Спасательной экспедиции Колчак находит время для проведения геодезических исследовательских работ, о чем также сообщает в коротком письме¹ из Иркутска председателю Комиссии по снаряжению академику Ф.Б. Шмидту:

“Императорская Академия наук

Марта 14 дня, 1903 г.

Командир Новосибирской партии

Во время пребывания моего в Якутске в течение 10, 11 и 12 марта удалось выполнить часть работы по определению долготы Якутска по телеграфу относительно Иркутска. Участие начальника физической обсерватории в Иркутске А.В. Вознесенского дало возможность получить время и сличение хронометров между Якутском и Иркутском непосредственно по телеграфу на расстоянии около 2800 верст. Окончательные определения будут сделаны лейтенантом Матисеном при возвращении его настоящей осенью в Якутск.

При дальнейшем ходе экспедиции я считаю долгом известить Ваше Превосходительство о положении дел в моей партии по прибытии в Верхоянск и при отправлении на острова из Усть-Янска.

Прошу принять Ваше Превосходительство уверение в полном уважении и готовности к услугам

Лейтенант Колчак”

Колчак отправил тремя партиями людей и грузы из Якутска в Верхоянск, а сам выехал 13 апреля через Верхоянск в село Казачье, куда прибыл 30 апреля. Последняя партия с грузами и людьми пришла в Казачье. Когда Колчак получил тревожное сообщение о затруднениях по доставке 40-пудового вельбота из Тикси в Казачье на расстояние около 402 км, он, недолго раздумывая, немедленно выехал сам на одной нарте, но вельбота в пути не встретил.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 46.

Благодаря огромным усилиям и энергии П.В. Оленина и Н.А. Бегичева удалось приобрести 161 собаку, нарты и другие принадлежности для санных переходов на острова. Колчак, завершил подбор якутов и промышленников для экспедиции, отправил людей, вельбот и грузы в Аджергайдах, в этот последний на материке населенный пункт, расположенный у самого северного края Сибири на берегу Ледовитого океана.

Академия наук, проявляя большую заботу о людях, отправила сибирской администрации на местах предписания об оказании помощи и содействия участникам экспедиции.

В архиве АН сохранился весьма любопытный документ: верхоянский окружной исправник 7(20) мая 1903 г. отправил якутскому губернатору отчет¹ такого содержания:

“Во исполнении предписания Вашего Превосходительства от 9 марта и 22 марта с.г. за № 1706 и 2221 имею честь донести, что командированные Академией наук лейтенанты флота Матисен и Колчак проследовали с 12 матросами и с грузом через Верхоянск к местам своего назначения в последних числах марта месяца, и г. Колчак выехал из с. Казачьего на Новосибирские острова 10 мая. Какое только требовалось содействие с моей стороны для скорейшего следования гг. Матисена и Колчака с матросами и грузом по вверенному мне округу, оно было им оказано.

7 мая 1903 г.

Подписал

Окружной исправник Качаровский”

Итак, А.В. Колчак выехал из Петербурга в Иркутск в феврале 1903 г. Спасательная экспедиция продолжалась. Подступила весна, времени катастрофически не хватало. Основные пункты маршрута экспедиции выразительно говорят о сложности всего предприятия: Петербург – Иркутск – Якутск – Верхоянск – село Казачье на р. Яне – село Аджергайдах – мыс Святой Нос – пролив Дмитрия Лаптева – о-в Большой Ляховский – о-в Малый Ляховский – пролив Санникова – мыс Медвежий, рядом Михайлов стан на о-ве Котельный – Земля Бунге – о-в Фаддеевский – пролив Благовещенский – мыс Высокий на о-ве Новая Сибирь – мыс Преображения на о-ве Беннетта (рис. 4).

По мнению Колчака, от села Казачьего путешествие приняло характер арктической экспедиции: лесная растительность сменялась тундрой с ее низкорослым покровом. “В первых числах мая, – пишет он, – мы все собрались на Аджергайдахе, представляющем последний наш отходный пункт на материке, и 18 мая весь состав экспедиции из 17 человек, в том числе 8 каюров (якутов и тунгусов) с 10 нартами по 13 собак и вельботом, поставленным на две нарты, запряженные 30 собаками, направился через Абеляхскую губу к мысу Святой Нос” [68, с. 501]. Арктическая протяженность маршрута – более 1000 км. Двигались только ночью, когда подмораживало. Всем участникам приходилось помогать собакам и впрягаться в лямки. Торосы местами были совершенно непроходимыми, дорогу для вельбота рубили в ледяных глыбах и общими силами перетаскивали 40-пудовую (600 кг) махину.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 39.

Несмотря на занятость, Колчак нашел время написать академику Шмидту о необходимости финансирования тех специалистов, которые продолжали в С.-Петербурге обработку материалов, собранных экспедицией. Новые ассигнования были выделены для директора Главной физической обсерватории в С.-Петербурге академику М.А. Рыкачеву и известному гидрохимику А.А. Лебединцеву, впервые в России выполнившему количественные анализы по определению содержания сероводорода в Черном море. Он участвовал в знаменитых глубоководных черноморских экспедициях в 1891–1892 гг., проводивших впервые исследования придонных вод на глубинах до 2000 м. Данные Лебединцева по Черному морю вошли в золотой фонд классических гидрохимических исследований в России, впервые открывших великую “сероводородную тайну” черноморских вод. С этого момента химическая структура вод Черного моря привлекла внимание разных специалистов, исследования которых прояснили многое в столь своеобразном и уникальном бассейне. Поэтому обращение Колчака именно к А.А. Лебединцеву совсем не случайно, последний считался гидрохимиком высокого ранга. Безусловно, это было вызвано желанием Колчака выполнить анализы по содержанию основных химических компонентов в пробах воды, собранных по пути следования шхуны “Заря” с максимальной точностью.

Вот что ответил академик Ф.Б. Шмидт¹:

“Русская полярная экспедиция

Председатель Комиссии для снаряжения экспедиции

В Правление Императорской академии наук

Имею честь покорнейше просить Правление выдать из сумм Русской полярной экспедиции:

1) 500 рублей академику М.А. Рыкачеву под отчет на расходы по вычислению метеорологических наблюдений, собранных экспедицией, и

2) 50 рублей Арсению Арсеньевичу Лебединцеву авансом на расходы по обработке гидрологического материала (проб воды) экспедиции.

Обе ассигновки прошу выписать на имя казначея Академии В.А. Рышкова.

С.-Петербург

31 октября 1903 г.

Академик Шмидт”

Возможности Колчака, связанные с проведением исследовательских работ в период движения Спасательной экспедиции к о-ву Беннетта, были очень скромные. “С нашими ограниченными средствами, – пишет в отчете Колчак, – научных работ производить мы почти не могли; я вел обычные метеорологические наблюдения, делал астрономические определения для вывода широты и долготы стана и для определения поправки хронометров, занимался сбором постстретичных остатков млекопитающих и делал наблюдения над льдом и явлениями, связанными с ледяным покровом у берегов. Мой помощник

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

П.В. Оленин, располагавший также очень скудными средствами, занимался, согласно моей инструкции, ботаническими и зоологическими работами” [69, с. 152].

Спасатели убеждены: остров Беннетта будет достигнут

В Арктику пришла весна. Лед в море посинел, стали оседать и разваливаться торосы, грязно-бурая тундра покрылась цветами альпийских растений, птицы начали выводить птенцов и собираться в стаи, готовясь к отлету на юг, а лед все еще стоял неподвижно.

“Часть из нас, – писал Колчак, – с утра до вечера проводила все время на охоте, стараясь экономить небольшие запасы провизии, привезенные с собой. Олени, гуси и утки и отчасти рыбы из породы лососей, которых мы ловили самодельными ставными сетями, перегораживая ими устья тундрных речек, обеспечивали нам постоянно запасы свежей пищи, и прибегать к консервам приходилось сравнительно нечасто. С образованием широкой полыни в устье речки мы приступили к испытанию вельбота, перешли паруса, несколько раз испробовали его нагрузку, испытали прочность приделанных полозьев и приемы для вытаскивания вельбота на лед для передвижения его тягой” [68, с. 503].

Знакомясь с тем, что писал Колчак, приходишь к удивительному выводу: за минувшее столетие в жизнь и работу небольших исследовательских групп в Арктике внесено весьма мало существенных изменений. Личное мужество, осторожность, трезвая оценка сил – вот, что лежит в основе успеха любого арктического предприятия.

Первую попытку выйти в море Колчак и его спутники предприняли 21 июля, но, дойдя до мыса Медвежьего, убедились, что лед в своем первом движении приблизился к берегам и сомкнул все полыни и трещины до самого горизонта.

Пришлось ждать несколько дней. Путь спасателей лежал от о-ва Котельный вдоль южного берега Земли Бунге к о-ву Фаддеевскому, вдоль берегов последнего к мысу Благовещенья, с которого семеро смельчаков, как уже говорилось, предполагали перебраться через Благовещенский пролив на Новую Сибирь к мысу Высокому, служившему стартовой площадкой для многих полярников, пытавшихся овладеть Арктикой (рис. 5).

После выхода с Михайлова стана и почти до Новой Сибири шел сплошной снег, вернее даже не снег, а белая стена, превращавшаяся в потоки воды, вымачивая отважную семерку хуже дождя. Все испытывали ощущение холода сильнее, чем в сухие морозные дни. Время от времени для отдыха и чтобы согреться они предпринимали высадку на берег. Вельбот, нагруженный до предела, часто садился на мель.” Приходилось вылезать всем в воду, – повествует Колчак без лишнего пафоса, – и тащить, насколько хватало сил, вельбот ближе к берегу; затем мы переносили палатку и необходимые вещи на берег, разводили костер из плавника, отдыхали и затем принимались снова бродить по ледя-

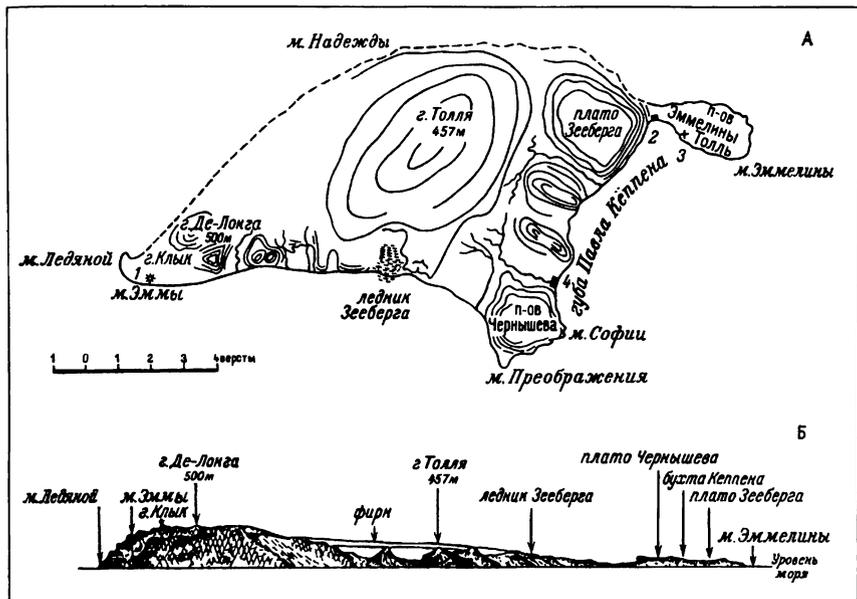

Рис. 5. Остров Беннетта (А) по съемке Э.В. Толля, Ф.Г. Зееберга, с дополнениями А.В. Колчака и орографический профиль (Б) с юго-запада [35, с. 195]

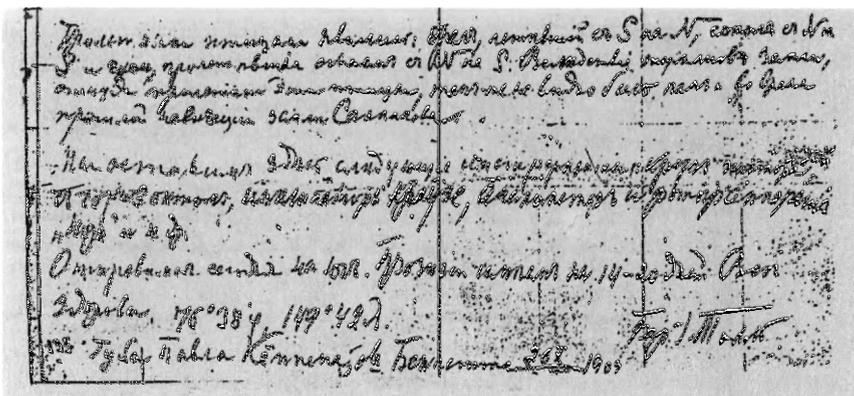
Цифры на карте: 1 – гурий Толля, 2 – место первой постройки дома, 3 – крест в память погибших участников экспедиции Толля, 4 – дом, где были найдены документы и четыре ящика геологических коллекций Толля

ной воде¹, пока не удалось вытащить вельбот на глубокое место, где мы ставили паруса и отправлялись дальше” [68, с. 504].

Тяжелым для всех был переход к берегам Фаддеевского острова, вельбот приходилось останавливать на торосах, около суток во время шторма оказались в жестоких объятиях ледяного хаоса, и спасатели молили Бога не дать им погибнуть. Вокруг не видно ни зги, слышен только грохот от напирającego льда. Торос, образуя трещины, готов был развалиться и унести в лютую пучину отважных смельчаков, бросивших вызов природе, живущей по своим, неизвестным людям законам.

Колчак обнаружил уникальное явление – существование пресного льда под слоем морской воды. По его мнению, эти древние ледники, пережившие трансгрессию моря (наступление моря на сушу) и простирающиеся под уровнем моря, образуют вблизи берегов Фаддеевского острова и Новой Сибири настоящее ледяное дно, прикрытое только местами тонким слоем илистых отложений. Колчак дает объяснение этому странному феномену – образованию пресного льда в соленой морской

¹ Температура замерзания морской воды $-1,19^{\circ}\text{C}$ при солёности 35 г/кг, или 35‰.

воде – и подробно разбирает ледяные метаморфозы в своей знаменитой монографии “Лед Карского и Сибирского морей”, к которой мы подойдем в специальной главе.

Молодой Колчак всегда стремился к исследовательской работе. Его ранние публикации за 1899 г., посвященные гидрологическим наблюдениям и выверке карт холодных течений у берегов Кореи, несомненно, представляют большой научный и практический интерес [18]. В этом же арктическом плавании важнейшим разделом науки о море для Колчака становится гляциология. Однако он понимает всю серьезность возложенного в 1903 г. на него поручения как на руководителя Спасательной экспедиции, и этому он отдает все силы и весь свой трехлетний опыт, накопленный в северных широтах.

“Нам пришлось, – вспоминает Колчак, – два раза перебираться через Благовещенский пролив, и мы провели около 3 суток на этом 25-верстном пространстве в самой тяжелой, серьезной работе, осложняемой туманом и снегом, то вытаскивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлеченными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду. Эта работа оставила у нас впечатлени наиболее трудной части нашего плавания на Беннетт” [68, с. 509].

На Новой Сибири партия Колчака встретила инженера Бруснева, летовавшего там на случай возвращения Толля. Были обнаружены следы стоянки Толля перед его отправлением на о-в Беннетта.

Последняя стоянка Толля на мысе Высоком была обнаружена М.И. Брусневым в марте 1903 г. К деревянному столбу была прикреплена консервная банка с дощечкой с надписью “Для писем”. Очевидно, Толль предполагал, что “Заря” прежде всего окажется в этих местах. Внутри банки лежало последнее послание Толля, которое было весьма лаконичным и сугубо деловым: “Склад (депо) находится в 30 км к юго-востоку отсюда, около 4 км дальше – амбар. В последнем уложены коллекции (4 ящика), ящик с фотографическими пластинками, 1 ящик с ба-

Записка Э.В. Толля “Для ищущих нас” и впервые составленная Э.В. Толлем схема о-ва Беннетта

Вид с юго-запада
 Поход в долину Эль-Абигама 1902
 На высоте 10000 футов

Вид с юго-запада

7. Главная гора в виде зуба в центре вершины горы Дана
8. Горы в долине горы Дана
9. Горы в долине горы Дана
10. Широкая долина и глубокая впадина
11. Поворотный полуостров

Лето
 лето 1902 года
 лето 1903 года
 лето 1904 года
 лето 1905 года

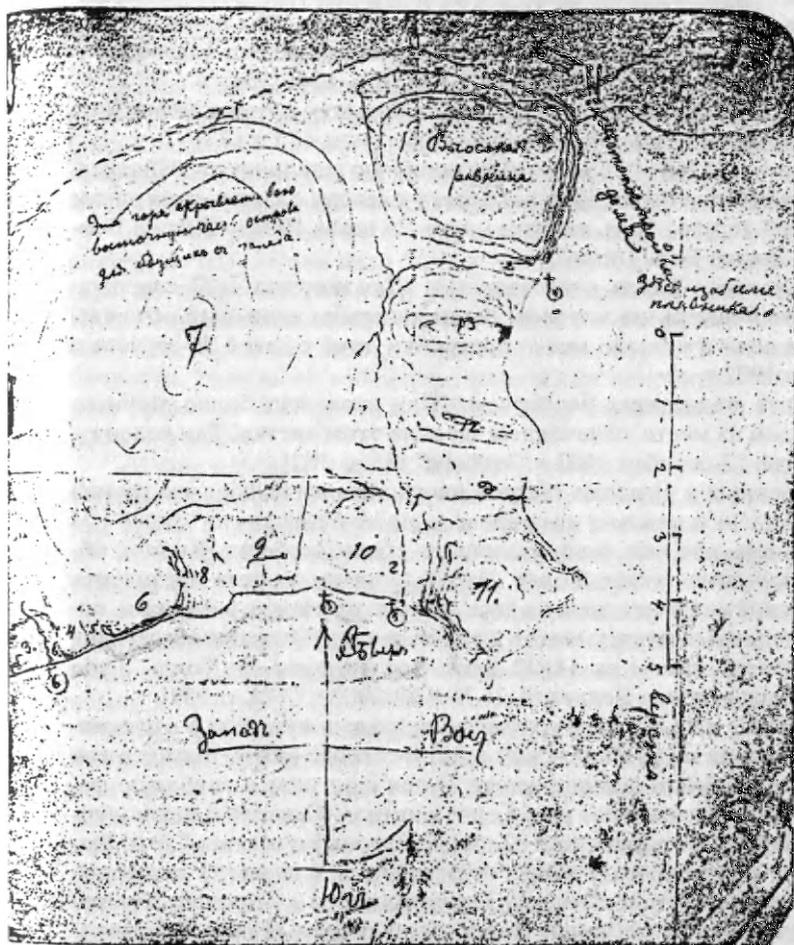

В. Морт
 114702
 Москва

21 июля бланочуко Домини
 на бандава. От правого края
 по восточному берегу на север.
 Вид с юго-запада на Дана

25 июля 1902.
 в Пеннингтон Дана

В. Морт

23 X 1902 Temporis.

Haar skazanoč barto ydo naur, baempouno
ga ar gela ut emt a nare pno ur zotoi na dno des
mucmkt. Haar xaxo amer goky mermbe.

Zadepre.

Es erwiec sich für uns beguelner, am dem
hio auf dicesm Platichen befichneten Ort das Olauer
za bauen. In ihm befinden sich die Documente
Seeberg.

рографом и тренога; кроме того, две медвежьи шкуры. Коллекции намокли, если они здесь останутся, то будут потеряны. Мы пришли сюда 4 июля вечером. Отправляемся дальше 12 июля днем. Все благополучно. Толль, мыс Высокий. 11 июля 1902 г.” [70, с. 174–175].

На мысе Эммы спасатели обнаружили бутылку с тремя записками, которые находились здесь уже больше года (см. с. 172 и 173)¹

Записка от 21.VII: “21 июля благополучно доплыли на байдарках. Отправимся сегодня по восточному берегу к северу. Одна партия из нас постарается 7 августа быть на этом месте. 25 июля 1902 г. Остров Беннетта, мыс Эммы. Бар. Толль”.

Другая записка Толля, озаглавленная “Для ищущих нас”, содержала план о-ва Беннета, на котором были нанесены основные объекты (их одиннадцать) и указано место постройки дома с датой 26 августа и 14 сентября 1902 г.

И записка, написанная Зеебергом: “Нам оказалось более удобным выстроить дом на месте, означенном здесь на этом листке. Там находятся документы. 23 октября 1902 г. Зееберг” [35, с. 182].

Из найденных в бутылке текстов напрашивался вывод, что группа Толля готовилась к зимовке на острове, если не будет снята “Зарей”. И вдруг в поварне, которая была указана на схеме Зееберга, Колчак обнаружил последние записи Толля. Это был отчет на имя президента Императорской академии наук на двух языках: русском и немецком, перечень оставленных инструментов и такой текст: “Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. Э. Толль. Губа Павла Кёппена острова Беннетта. 26.X–8.XI 1902 г.” [73, с. 159].

Колчак, еще и еще просматривая найденные документы и вчитываясь в текст письма на имя президента АН Великого князя, пытался как бы между строк найти причину ухода Толля с острова в глубокую поллярную ночь. В который раз уже Колчак читал: “Прошли благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 км до острова Беннетта...”. Это была последняя весточка, полученная от исчезнувшей навсегда четверки.

Казалось очень странным, что Протодьяконов и Горохов, хорошо знающие арктические погодные сюрпризы и коварный нрав Ледовитого океана, не поспешили соорудить хотя бы примитивную избу из плавника на случай возможной зимовки. На острове не обнаружено никаких следов, даже попыток строительства, а следовательно, по непонятным причинам идея зимовки была исключена [74, с. 6].

И снова главную причину Колчак стал искать в том, что партия Толля осталась без запасов продовольствия, не имела смены одежды на случай ее промокания, на исходе было горючее для приготовления пищи, а главное – для получения пресной воды. Зимовка сулила только одно – голодную смерть. Уход на юг оставлял единственный шанс на спасение, но в тяжелейших условиях передвижения на байдарках в поллярной ночи это практически невозможно.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. См. также: Приложение к отчету Толля: Изв. Имп. АН. 1904. V серия, май. Т. XX, № 5. С. 158–160 и две таблицы факсимиле документов.

Н.А. Бегичев спасает А.В. Колчака от смерти

Когда Колчак вместе с Бегичевым и Иньковым (Рогачев ушиб себе ногу) обследовали южное побережье о-ва Беннетта и, ознакомившись с запиской Зееберга, решили отыскать поварню Толля, где хранились документы; за 2–3 км до нее с Колчаком случилась страшная, прямо скажем, совершенно непредвиденная беда – Колчак попал в трещину. Это еще раз говорит о том, каким внимательным, осторожным и внутренне собранным надо быть в Арктике. Колчак, Бегичев и Иньков шли по гладкому покатоному леднику, покрытому фирновым льдом. Край ледника нависал над обрывом, высота его весьма внушительная, один неосторожный шаг – и можешь стать жертвой собственной беспечности. Решили во избежание возможных неприятностей по небольшой промоине спуститься к обрывистому безымянному мысу, выдающемуся в море.

«Я шел передом, как вспоминает Бегичев, увидел впереди трещину, с разбега перепрыгнул ее. Колчак тоже разбежался и прыгнул, но попал прямо в середину трещины и скрылся под водой. Я бросился к нему, но его было не видно, потом показалась его ветряная рубашка. Я схватил его за нее и вытащил на лед. Он совершенно потерялся. Но это было недостаточно. Под ним опять подломился лед, и он совершенно погрузился в воду и стал тонуть. Я быстро схватил его за голову... вытащил еле живого на лед и осторожно перенес... к берегу. Положил на камни и стал звать Инькова, который стоит возле трещины и кричит: “Утонул, утонул!” – совершенно растерялся. Я крикнул ему: “Перестань орать, иди ко мне!” Он подошел. Мы сняли с Колчака сапоги и всю одежду, потом я снял с себя егерское белье и стал одевать на Колчака. Оказалось, он еще живой. Я закурил трубку и дал ему. Он пришел в себя. Я стал ему говорить, что может он с Иньковым вернуться назад в палатку, и я пойду один. Он сказал: “Я от тебя не отстану, тоже пойду с тобой”. Я пошел по камням, где были крутые подъемы и спуски. Он совершенно согрелся и благодарил меня, сказал, что в жизни никогда этого случая не забудет...

...В первую минуту обрадовался лейтенант – спасен! жив!... Несколько месяцев во время странствования с Бегичевым по северу будет он помнить, испытывать чувство благодарности к своему спасителю. На что даже решится – пригласит Бегичева быть шафером на своей свадьбе. Это ль не честь для простого боцмана!» [71, с. 102–103].

Не единожды исследователи спасали из объятий смерти друг друга в экстремальных условиях коварной Арктики. Фритьоф Нансен как-то ведь сказал: “Потерять в полярных широтах жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана”. И Колчак многократно убеждался в справедливости этих слов, выстраданных великим арктическим первопроходцем. Колчак часто вспоминал выдающуюся историческую фигуру – знаменитого адмирала де Траверсе, выходявшего победителем в сражениях невероятных и, казалось бы, проигранных.

Да, исследователям Арктики свойственны длительные исчезновения. В то время мир еще не имел тех колоссальных удобств, которые принесло радио. А первые транспортные самолеты тогда еще не только не видели голубого неба, они даже не сделали свои неуверенные и робкие пробежки по земле. Целых три года норвежцы не имели никаких вестей об экспедиции Фритьофа Нансена, а “Фрам” все эти трудные и холодные годы блуждал в полярных широтах и вернулся победителем. А что же с Толлем и его спутниками?

Остров Беннетта, как неприступная крепость, был окружен многими препятствиями: вода, лед, туман. Всюду на горизонте, как только рассеивался туман, проглядывали черные, отвесно спускающиеся в море скальные стены острова с четко различимыми шапками двух ледников.

Особенно тревожными оказались последние сутки перед приходом на остров. В открытом море не удалось обнаружить больших льдин, и пришлось спасателям ночь провести в страшной тревоге: льдина, на которой они разместились, ночью треснула, и вельбот оказался в воде. Только благодаря бдительности и бесстрашию боцмана Бегичева, бросившегося в ледяную воду наперехват вельботу, удалось удержать и сохранить единственное плавсредство, без которого все семеро оказались бы на грани гибели, но смерть и на этот раз отступила перед мужеством...

Остров Беннетта представляет собой как бы прямоугольник. На юго-западе – мыс Эммы, это название ему дал в 1881 г. Де-Лонг в честь своей жены; на юго-востоке – мыс Софии, в честь невесты Колчака; на северо-востоке – мыс Эммелины, в честь жены барона Толля. Два последних мыса были названы Колчаком в 1903 г. при посещении острова.

“Разве нет задач, – писал гидролог Ф.Ф. Врангель, – более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных, мертвых, неприглядных областей вечного снега? Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли?”

...Все это вызывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно” [31, с. 112].

Многие столетия о-в Беннетта, как, впрочем, и другие не менее притягательные кусочки арктической земли, были знакомы только птицам да белым медведям – бродягам, ищущим счастья среди торосов и стамух. Однако даже зверь не всегда мог добыть пропитание в северных широтах. В экстремальных условиях жизнь удается спасти далеко не каждому...

Еще в 1886 г., изучая вместе с зоологом А.А. Бунге (1851–1930) Новосибирские острова, Э.В. Толль обнаружил у горизонта очертания земли. И на картах России в виде загадочного пунктира появилась гипотеза

тетическая Земля Санникова. Тогда Государь-Император, услышав в который раз о Земле Санникова, то ли в шутку, то ли всерьез прилюдно соизволил обнадежить смельчаков и посулил: “Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать она будет. Дерзайте, лейтенанты!”

После величайших испытаний отважные полярники достигли о-ва Беннетта. А.В. Колчак в своем отчете об обследовании о-ва Беннета достаточно подробно описывает встречу с этим недоступным феноменом. Дата завершения отчета 9/22 марта 1904 г.

Приведем часть отчета Колчака, который до настоящего времени не цитировался ни в одном издании:

«Море было очень чисто ото льда, и к вечеру 16 августа я был поставлен в затруднение найти надежную льдину для ночевки. Пришлось вытянуться на старую полуразрушенную льдину и поставить на ней палатку. Ночью поднялся свежий южный ветер, льдину разломало, и мы едва не лишились вельбота. На другой день, 17 августа, я продолжал идти под парусами, ничего не видя за туманом. Только в половине второго часа дня поднявшийся наконец туман открыл нам прямо по курсу скалы и обрыв южного берега острова Беннетта вблизи мыса Эммы. Пройдя массы довольно редкого мощного льда без особых затруднений, я в 5 ч вечера пристал к берегу острова. Еще не вышли мы из вельбота, как Железников, стоявший с крюком на баке, достал лежащий у уровня воды блестящий предмет, оказавшийся крышкой от алюминиевого котелка, который находился в партии барона Толля. Выйдя на берег, мы сейчас же нашли небольшой керн с лежащей под ним медвежьей шкурой, вблизи которого виднелись следы стоянки: обугленные куски плавника, олени и птичьи кости, пустые патроны, сломанные черенки охотничьих ножей, отрезанные бронзовые конечники палаточных колышков и т.п. Факт пребывания барона Толля был установлен таким образом сразу. Вытянув вельбот и переночевав, я с Бегичевым и помором Рогачевым пошел на другой день на мыс Эммы, где по условию должен был находиться знак барона Толля. Нам пришлось перебираться через внутреннее плато острова, покрытое фирном, так как берег во многих местах совершенно недоступен и представляет из себя отвесные обрывы в несколько сот футов высоты (высота плато около 900 фут). Приближаясь к мысу Эммы, мы нашли в двух местах следы пребывания партии барона Толля: остатки костра, рубленное бревно плавника, олени рога со следами топора и обрывки второй медвежьей шкуры, вероятно, съеденной другим медведем. На мысе Эммы, на россыпи на высоте¹ около 60' над морем мы увидели керн с воткнутым однолопастным байдарочным веслом высотой около 3¹/₂–4'; у подножия его лежала бутылка с тремя записками. Первая извещала о благополучном прибытии партии барона Толля на остров в 1902 г.; вторая содержала план и указание, как найти жилище барона; третья записка Зееберга поясняла вторую и указывала на перемену места постройки поварни.

Извещения об оставлении острова не было, а потому после двух часов отдыха я вместе с Бегичевым и Иньковым (Рогачев ушиб себе ногу) пошел

¹ Минуты переводятся в метрическую систему с помощью прямоугольного треугольника ABC, в котором известен один катет (*a*) и tg *A* острого угла, другой катет *h* – высота объекта определяется по формуле $\text{tg } A = a/h$. См.: *Выгодский М.Я.* Справочник по элементарной математике. М.: Наука. 1972. С. 337.

назад к поварне барона Толля. Перебравшись через два ледника, из которых один был шириною более одной версты, мы прошли к низкой части острова, где на берегу лежало много плавника. Мы нашли здесь две песчовые пасти и 4 ящика с геологическими коллекциями. Пройдя возвышенный полуостров юго-восточной части острова, который я назвал именем академика Чернышева, мы увидели небольшую поварню и через несколько минут были у ней. Поварня оказалась пустой и до половины наполненной снегом, смержшимся в твердую ледяную массу, из-под которой торчали кусок дерева и куча камней от полуразобранного камина.

На полках мы нашли анемометр Фуса, ящик с мелкими геологическими образцами, которые я взял с собой, и жестянку приблизительно с 40 снаряженными дробовыми патронами, "Морской календарь", чистые записные книжки, несколько листов "Астрономии" Цингера, пустые жестянки из-под пороха и консервов, отвертку и несколько пустых склянок. На оронах маленькой поварни около 10' в поперечнике лежала шкурка медвежонка, летняя обувь барона Толля и Зееберга, обрывки платья, берданка без затвора и кожаная портупея для геологического молотка со сломанным складным футом. Окончив осмотр, мы приступили к разламыванию льда, и скоро нашли под кучей камней обшитый парусиной ящик с кругом Пистора, в котором лежал четвертый и последний документ, адресованный на имя Президента Академии наук, на двух языках, русском и немецком, и содержащий краткое извещение о переходе партии барона с Новой Сибири на Беннетт, краткое описание острова Беннетта, оказавшегося небольшим скалистым островком около 40 верст в окружности, и извещение об уходе партии барона Толля с 14–20-дневным запасом провизии на юг 8 ноября 1902 г.

Продолжая ломать лед и разбирать камни, мы вынули испорченный фотографический аппарат, совершенно изломанный инклинатор Краузе и ящик с нетронутыми фотографическими пластинками. Больше ничего не было. Снаружи около поварни стоял столб без надписи со сброшенной изломанной самодельной будкой для термометров, валялись куски рубленого дерева и несколько жестянок из-под консервов, одна из которых была наполнена топленным медвежьим жиром. Взяв документ, круг Пистора и жестянку с геологическими образцами, я отправился на место стоянки, куда и пришел к 6 ч утра 19 августа (1903 г. – В.С.). Придя к палатке, я сейчас же послал трех человек к поварне еще раз осмотреть все и хорошенько взломать лед, чтобы убедиться, что там ничего более не осталось. На обратном пути люди должны были взять часть геологических коллекций, которую я накануне отобрал из оставленных бароном ящиков. К вечеру посланные вернулись, не принеся ничего нового. Я решил оставить Беннетт при первой возможности, считая дальнейшие поиски не оправдывающими риска позднего возвращения на Котельный: во-первых, конец августа надо считать концом шлюпочного плавания, во-вторых, запасы провизии, равно как и ограниченное количество платья и патронов, не позволяли мне задерживаться на Новой Сибири или Фаддеевском. Остров Беннетта представился мне почти во всей своей окружности, я видел, что это небольшой островок, с любого конца которого можно в течение дня дойти до поварни, и признаю невозможным, чтобы кто-либо из партии барона, высадившись на берег этого острова и будучи живым, не дошел бы до этой поварни.

20 августа я оставил Беннетт, сложив около места стоянки большой керн, на котором оставил доску с датами посещений острова мною и бароном Толлем. Переход до Новой Сибири я сделал также в течение приблизительно 2-х суток, но уже при совершенно иных условиях.

В море было очень много льда, погоды стояли под конец очень свежие, хотя присутствие льда не давало образоваться большой волне. Опасаясь войти в туман и во льду в Благовещенский пролив, я вышел восточнее мыса Высокого к мысу Вознесения, куда и пришел ночью 22 числа. 24 августа я пришел на стан Бирули, где отдыхал три дня, и 27 числа ушел через пролив на Благовещенский мыс. Употребив на переход пролива более двух суток, я 29 числа высадился на Фаддеевском острове на южную сторону Благовещенского мыса, где встретился, согласно условию, с боцманматом Толстовым.

Переночевав на 31 августа и приняв в вельбот Толстова, я продолжал идти вдоль берегов Фаддеевского острова на юг. 2 сентября выпал густой снег, уже не стаявший; мороз до -2° стоял также и в течение дня. Море покрывалось салом и новым льдом. С большими затруднениями прошли мы Фаддеевский остров, где я рассчитывал остаться до осени, и 9 сентября благополучно высадился на Михайловом стане острова Котельного. Мой помощник уже был на Елисейской поварне, а через несколько дней вернулись и трое промышленников (промысловиков. – В.С.), летовавших на западном берегу Котельного; обе партии прекрасно выполнили свое назначение и прокормили 80 собак.

Мы расширили и приспособили для зимы свои поварни, заготовили запасы дров и продолжали охоту на оленей, осенью собирающихся в ожидании возможного перехода морем в южной части острова. В конце сентября я предпринял небольшую санную поездку на Малакатын-Тас и перенес туда термометр, установленный экспедицией Воллосовича на одном из отрогов, на самую высшую точку этого массива. П.В. Оленин ездил в это время осмотреть устья рек Глубокой и Балыктаха для выяснения взаимного положения этих рек и характера их низовьев. 8 октября море у берегов покрылось льдом, но 20 октября крепким ветром весь лед взломало и унесло в море, которое представлялось совершенно чистым ото льда. 25 октября море у берегов снова покрылось льдом, а 27 я с Олениным уехал на двух нартах в Нерпалах; пройти далее на север мне не удалось, так как в Нерпалахе уже не было оленей, и пришлось вернуться назад. Крепкие ветра позволили оставить остров только 29 ноября: ранее море не становилось, да и теперь мы шли местами по очень тонкому льду, пересекая новые трещины, указывавшие на движение ледяного покрова.

Во второй половине ноября настали штиты, температура упала до -46° – -47°C . 9 декабря мы пришли в Аджергайдах, где нас встретил улусный голова Алексей Томский с посланными А.Д. Паляком оленями и провизией. 14 декабря я прибыл в Казачье, а к 20 числу пришла и вторая партия, вышедшая с Елисейского стана 1 декабря. 23 декабря я послал Бегичева нарочным с телеграммами в Якутск, затем отправил всех людей и грузы и 2 января выехал сам. Морозы в это время доходили в Казачьем до -55° , а в Верхоянске, где я был в первых числах января, падали ниже -60° ...

8 февраля 1904 г. я приехал в Якутск, и на другой день уже получились тревожные известия с Дальнего Востока. 10 февраля было получено известие об объявлении войны, и я, испросив разрешение Великого князя Константина Константиновича отправиться на эскадру Тихого океана, сдал окончание дел экспедиции в Якутске своему помощнику Павлу Васильевичу Оленину. 16 февраля выехал в Иркутск, куда и прибыл со своей командой 11 марта. 15 марта я отправил под командой Железничова четырех поморов в С.-Петербург, а сам остался с Бегичевым, пожелавшим также ехать со мной в Порт-Артур. 22 марта я и Бегичев уезжаем в Порт-Артур.

Иркутск, 22 марта 1904 г.

Лейтенант Колчак» [69, с. 153–157].

Прошло два года...

Первый отчет 1904 г. писался в тяжелых условиях севера, в спешке и подготовке к отъезду в Порт-Артур на русско-японскую войну [69].

Второй отчет Колчак писал в С.-Петербурге, вернувшись раненым и больным из японского плена через Канаду в Россию [68]. Этот отчет готовился боевым офицером-фронтовиком почти два года спустя после написания предварительного отчета 9/22 марта 1904 г. из Иркутска. Интересно сопоставить эти два документа, созданные Колчаком на разных этапах своей жизни. Приводим заключительную часть отчета 1905 г.:

“Выяснив, что партия барона Толля ушла с Беннетта за 9 месяцев до моего прихода, я решил оставить остров и идти на юг при первом попутном ветре, более же детальным обследованием острова заняться только в случае неблагоприятной погоды; 20 августа, взяв с собой небольшую часть геологических коллекций барона Толля, брошенных им при уходе, при легком северном ветре, отодвинувшем от берега лед, мы отвалили от острова Беннетта и пошли на юг. 22 августа утром мы вышли к мысу Вознесения Новой Сибири. Состояние моря сильно изменилось в эти дни; приближаясь к Новосибирским островам, мы встретили много льда, а в день нашего прихода на Новую Сибирь имели крепкую погоду с большим волнением в море, снегом и дождем. Отдохнув у М.И. Бруснева, мы двое суток перебирались через Благовещенский пролив. С половины августа уже начались морозы, особенно по ночам. Свежие погоды со снегом, крупной волной и массы льда сопровождали наше обратное плавание до 9 сентября, когда мы высадились у своей поварни на Михайловом стане, после сорокадневного отсутствия. Скоро вернулась и леговавшая партия, проведя благополучно свои летовки на Котельном и прокормив охотой всех собак. Около 23 сентября настала уже настоящая зима: речки стали, улетели почти все птицы, и с севера стали показываться стада оленей. Сентябрь и октябрь месяцы прошли в постоянной охоте на оленей, и было сделано несколько санных поездок внутрь острова, на реку Балыктах и в Нерпичью губу. 29 и 30 ноября, когда море окончательно стало, я оставил остров Котельный, выйдя двумя партиями, и к 20 декабря весь состав моей экспедиции, а также и инженера Бруснева, прибыл в Казачье на Яне.

М.И. Брусневу удалось в сентябре месяце обойти кругом весь берег Новой Сибири – работа, повторенная впервые через 80 лет после экспедиции лейтенанта Анжу. Таким образом, все берега Котельного, Земли Бунге, Фаддеевского острова и Новой Сибири были обследованы и был посещен остров Беннетта. Остался необойденным только узкий полуостров, вытягивающийся на северо-запад от Фаддеевского острова и носящий название полуострова, или стрелки Анжу. Нигде не было найдено никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из партии барона Толля с острова Беннетта на Новосибирские острова. Три года уже прошло с того времени, как барон Толль оставил остров Беннетта, и факт его гибели со всей партией уже не подлежит сомнению, внеся еще одно прибавление к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе с природой арктической области во имя научных достижений.

1905 г. 25 ноября

С.-Петербург

Лейтенант Колчак” [68, с. 518–519].

Анализ найденных Колчаком документов дает основание предположить о конфликтной ситуации в группе, что, конечно, не способствовало благополучному завершению столь рискованного предприятия [74, с. 11].

Последний маршрут героической четверки – суровая расплата за поспешность и необдуманность действий, он оказался роковой дорогой, ведущей в небытие...

Эти жертвы первопроходцев открывали новые пути-дороги тем, кто шел за ними, и с благодарностью они воспринимали опыт российских колумбов – Толля, Седова, Русанова, Брусилова и многих других.

За 98 дней Толлю удалось сделать несколько маршрутов и составить карту острова, найденную Колчаком и его спутниками. От поисков Земли Санникова Толль отказался, а намеченная ранее зимовка на о-ве Беннетта была по неясным причинам отвергнута. Группа отправилась в обратный путь в очень трудное время, когда световой день составлял всего два–три часа и, следовательно, основная часть перехода выпадала на полярную ночь. В таких условиях полярников спасти могло только чудо, но его, увы, не случилось.

Спасательная экспедиция А.В. Колчака оказалась более удачливой. Спасатели успешно провели семимесячный поход с беспрецедентным арктическим морским 90-дневным санно-шлюпочным переходом: село Аджергайдах – Котельный – Фаддеевский – Новая Сибирь – Беннетта. Спасатели завершили свое грандиозное и дерзкое предприятие, увенчанное всеобщим признанием.

Колчак, анализируя возможные причины трагического финала экспедиции Толля, приходит к весьма неутешительным выводам.

“Я полагаю, – пишет Колчак, – что мотивом для оставления острова Беннетта в конце октября могло быть только создание полной невозможности перезимовать на нем и дожидаться хотя бы светлого времени в конце февраля или марте. Невозможность же зимовки обуславливалась главным образом недостатком пищи, так как жилищем и топливом, по-видимому, партия была обеспечена. Можно зимовать и по-эскимосски в снежном доме и обходиться минимальным количеством топлива, лишь бы располагать достаточным количеством пищи. Не буду вдаваться в детали, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что по какому-то недоразумению партией барона Толля не было использовано удобное для охоты время и не было сделано никаких запасов. Достаточно сказать, что я нашел на острове Беннетта три медвежьих шкуры – мяса трех медведей хватило бы партии на большую часть зимовки; что же касается птиц, на которых рассчитывал барон Толль еще до своего отправления, то количество их совершенно оправдывает этот расчет, и тем более непонятным является присутствие в поварне брошенных тридцати снаряженных дробовых патронов” [68, с. 517].

Очевидно, считает Колчак, охотой на птиц не занимались. Неоправданные, как оказалось, надежды на постоянное присутствие оленей и на возможный приход “Зари” послужили причиной трагической непредусмотрительности: мяса убитых медведей в августе не заготовили. Надеялись, возможно, мясо оленей заготовить осенью, но на малень-

ком острове было лишь стадо в 30 голов, которое могло уйти на движущийся лед и исчезнуть в море. Таким образом, все четверо оказались перед страшной дилеммой: либо остаться на острове, где грозит голодная смерть, либо броситься в отчаянное плавание в полярную ночь, что равносильно верной гибели. Один шанс из ста на спасение всегда есть, очевидно, Толль и возлагал на него надежды, веря в свою счастливую звезду.

В послесловии к изданному в 1909 г. дневнику Толля его жена, баронесса Эммелина Толль, писала, что она пыталась сохранить текст полностью, все страницы дневника освящены его смертью и должны искренне волновать читателей, раскрывая всю глубину его внутренних переживаний:

“Он серьезно относился к жизни, не мог обходиться без работы и был весь без остатка поглощен ею. Для него было жизненной потребностью даже в период величайшего трудового напряжения отдавать себе отчет в своих действиях и мыслях, уяснить себе, откуда и куда ведет жизнь со своими трудными для разрешения задачами. Он верил в будущее народа и в развитие каждого человека в отдельности, невзирая на те существенные преграды, которые стоят на пути человека как покорителя природы.

Его душа принадлежала царству вечных стремлений, и из этого царства он черпал свою нравственную силу” [43, с. 322–323].

**Переписка А.В. Колчака
с Императорской академией наук.
Свадьба. Отъезд в Порт-Артур**

А.В. Колчак заботится о вельботной команде

Итак, 2 марта 1904 г. Колчак отправил в С.-Петербург из Иркутска под командой Василия Железникова четырех мезенских поморов: Алексея Дорофеева, Илью Инькова, Алексея Олупкина и Михаила Рогачева.

В письме на имя ученого секретаря РПЭ В.Л. Бианки он дает самую высокую оценку их деятельности: “Они стоят выше всяких похвал”, и сообщает, что сам остается на несколько дней в Иркутске в связи с подготовкой отчета.

Также из Иркутска он отправляет в Академию наук три служебные телеграммы, в двух из них – категорическое требование разрешения для отъезда на фронт в Порт-Артур. Слово “фронт” здесь вполне оправдано, ведь Порт-Артур оказался осажденной крепостью, залитой кровью русских моряков. Именно туда рвался Колчак, воспитанный на героических примерах Российского Флота.

Но масса дел в связи с завершением Спасательной экспедиции легла на него как на начальника, и он понимал, что надо успеть сделать все, что от него требуется теперь, ведь из Порт-Артура можно и не вернуться.

Поэтому он много внимания уделяет людям, с которыми делил и хлеб, и холод. Его письма на имя В.Л. Бианки говорят о большой душевной теплоте и исключительном внимании, которые Колчак проявлял к своим подчиненным. Приводим письмо¹, в котором он ходатайствует о награждении всех участников спасательной экспедиции:

«Императорская академия наук
Командир Новосибирской партии

Февраля 24 дня 1904 г.
Иркутск

*Многоуважаемый Валентин Львович!*²

С настоящим письмом придут в Петербург 5 человек моей вельботной команды, кроме боцмана Бегичева, который поедет со мной на эскадру Тихого океана. Не имея возможности лично в Петербурге позаботиться о своих людях, я прошу Вас не оставить их без Ваших распоряжений относительно выдачи им содержания и отправки на работу; относительно содержания я прошу Вас иметь в виду, что я считаю необходимым увеличить

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 49–52, 49 об. – 52 об.

² Бианки Валентин Львович – ученый секретарь Комиссии по снаряжению РПЭ.

содержание 4 мезенским поморам до 60 рублей за каждый месяц, проведенный на службе моей экспедиции, т.к. ранее я считал упомянутое содержание только для тех месяцев, которые относятся к пребыванию на судах, и в расчетных книжках положил им содержание по 40 рублей в месяц.

Я считаю, что *деятельность всех людей моей команды была одинаково полезна, и справедливость требует и одинакового вознаграждения. Я прошу Вашего ходатайства о награждении всех участников моей экспедиции медалями, и если возможно, то и деньгами, признавая, что все они заслуживают самой высокой награды* (курс. мой. – В.С.) за свое отношение к делу и поведение в течение всего времени пребывания на службе Академии. Успех моего предприятия, заключающего в самом себе с первых дней все начала для полного уничтожения и невозможности его пополнить, обуславливается энергией, смелостью, знанием дела и самым безукоризненным отношением к нему моих помощников, которые в этом отношении стоят выше всяких похвал. Что же касается до инородцев, то о них я буду писать отдельно.

Я остаюсь в Иркутске еще несколько дней и занят теперь составлением отчетности по делам экспедиции. Мои документы и денежную отчетность я посылаю с моим отцом, который передаст их Вам лично. Я не знаю, удастся ли мне составить отчет об экспедиции, но, во всяком случае, у меня есть дневники, где подробно описан каждый шаг моего предприятия. Письмо Ваше я получил. На вопросы баронессы я даю следующие ответы:

1. Никаких писем к баронессе (жене Толля. – В.С.) или к кому-либо другому нет; я дважды об этом телеграфировал баронессе.

2. Я обошел южный берег острова и часть восточного; Беннетт представляет из себя высокий до 1500' скалистый остров около 40–45 верст в окружности, во многих местах недоступный для высадки, т.к. берег представляется в виде отвесных скалистых обрывов в несколько сот футов высоты. По Толлю, площадь его не более 200 кв. верст; с береговых высот я видел во все стороны открытое море без признаков земли, вблизи расположенной. На чем основано предположение о соединении Беннетта с Гренландией, я не знаю. Беннетт – небольшой остров, такой же, как Генриетта и Жаннетта. В течение суток я прошел на мыс Эммы и оттуда на восточный берег к поварне барона и, убедившись, что они ушли десять месяцев тому назад, не счел вправе оставаться на этом острове более того времени, которое я там провел, т.е. трое суток; искать остатки байдарок или случайно выброшенный труп я считаю вещь, не оправдывавшей риска потерять время для возвращения, т.к. исходным пунктом у меня был Михайлов стан, а не зимовье Бирули; и без того я шел назад при очень серьезных условиях: в мороз без теплой одежды с риском застрять в любом пункте на Фаддеевском острове или Земле Бунге. Если хотя бы один человек из партии барона вернулся бы на него обратно после ухода 26 октября на юг, то он, будучи живым, дошел бы до поварни, т.к. расстояния на этом острове очень малы, – раз этого нет, то никто из них и не возвращался обратно, что же касается до “пригнатия” к северной оконечности не живых людей, а обломков или трупов, то это конечно возможно, как и к какому-либо другому месту на Новосибирских островах, а может быть, и на Гренландии, куда из этого района прибыли (приплыли. – В.С.) штаны Нороса.

Наши поиски, мои и Бруснева, доказали одно, что живых людей из партии барона на Беннетте и на Новосибирских островах во время нашего пребывания не было. Что же касается до каких-либо остатков или трупов, то найти их при условиях, в которых находились наши осмотры, можно бы-

ло бы только случайно. Мы не имели средств для таких поисков, хотя бы в смысле времени, т.к. на детальный осмотр побережья, при котором с уверенностью можно было бы заключить об отсутствии где-либо какого-нибудь обломка байдарочного весла, надо несколько лет.

3. Никаких запасов, кроме небольшого количества медвежьего сала в жестянке из-под консервов, мы не нашли; на стоянках барона мы находили олени кости и остатки кайр. В поварне были брошены снаряженные дробовые патроны (около 40 штук) от штуцера барона, по-видимому, птиц на зимовку они не запасали, хотя их там очень много. Мы нашли две шкуры больших медведей и одного медвежонка, но костей медвежьих не находили; по-видимому медведи были убиты на льду и мясо их было брошено, по крайней мере с костями. В документе с мыса Эммы от 1/14 сентября 1902 г. барон пишет: “Имеем во всем достаток”. На последнем документе, написанном в день ухода, барон пишет: “Имеем провизии на 14–20 дней... и сегодня отправляемся на юг”. Ясных доказательств о голодовке или нужде нет, но факт ухода в такое время, как конец сентября, следует признать за доказательство, что оставаться дольше на острове было нельзя. Я полагаю, что та провизия, с которой они ушли с острова, была последней и пополнить ее не предвиделось возможности. Присутствие небольшого стада оленей, как пишет барон, до некоторой степени обеспечило его партию зимней одеждой и обувью; брошенная шкура медвежонка показывает, что особой нужды в мехе не было, кроме того, мы видели вблизи поварни две песцовые пасти – песцы на острове также есть. Плавнику довольно и в топливе нужды, конечно, не было.

4. По записке барона Толля собаки были убиты 12/25 июля в 3-х милях от мыса Высокого, когда партия вышла на взломанный и движущийся лед. Ни одна собака не достигла острова Беннетта.

Вот ответы на Ваши вопросы. Мне очень жаль, что я не могу прибыть в Петербург лично и вынужден бросить, может быть, навсегда недоконченными свои работы и дневники, но что делать, иначе поступить я не считаю себя вправе; ведь я, в конце концов, не ученый а морской офицер.

Я постараюсь написать отчет, если успею и буду это сделать в состоянии. Я чувствую себя очень плохо: старый ревматизм принял у меня скверную форму и сказался на деятельности сердца – та же история, что и у Вальтера, судя по всем признакам; кроме того, я устал и физически и морально, но отдыха так и не может быть. Выдержу ли я долго такие по временам невыносимые условия и напряжения, не знаю, там видно будет. Я должен кончить письмо – мои люди сейчас уезжают. До следующего письма. От всей души благодарю Вас за внимание и помощь в моих частных делах и Ваши пожелания. Передайте мой привет товарищам по экспедиции и знакомым в музее.

Я остаюсь глубоко уважающий Вас

Лейтенант Колчак

P.S. При расчете жалованья прошу иметь в виду, что я выдал в счет жалованья

Железникову месячное содержание – 60 р.

Рогачеву за два месяца по 60 р. – 120 р. и еще 20 р., всего 140 р.

Инькову за 1 1/2 месяца – 90 р.

Дорофееву за 1 1/3 месяца – 80 р.

Олупкину за 1 месяц – 60 р.

Лейтенант Колчак»

Не всегда высокие чиновники в Императорской академии наук относились к Колчаку с пониманием. Если вспомнить его переписку в 1903 г., то можно увидеть немало любопытного. Были случаи явного противодействия и буквальных “издевок” со стороны казначея Академии наук В.А. Рышкова.

Вот дословный текст письма¹ этого чиновника прошлой эпохи:

«Многоуважаемый Валентин Львович!

Посылаю Вам для прочтения полученное мною письмо Колчака от 25 апреля 1903 г. из Казачьего. Там много интересного.

1. Уезжая, он мне говорил, что поморы наняты за 40 рублей в месяц, когда начнется экспедиция он им прибавит еще по 10 рублей в месяц, если они окажутся достойны этого. Но вопрос в том, имел ли он право сделать это без разрешения Комиссии, снарядившей его партию. Ведь этим, наверное, интересуется контроль.

2. Как Вы смотрите на это приглашение Оленина на службу с жалованием 2400 рублей в год. Ну, а если бы Колчаку пожелалось пригласить еще трех человек с таким же окладом? И неужели он без разрешения председателя имел право это сделать? Ведь предложение передать Оленину жалование Колчака – пустой звук, да и сам Колчак говорил, что свое жалование он получит “когда-нибудь после”, как будто после оно свалится в Академию с неба.

3. Прекрасная фраза “Я покорно прошу не отказать так сделать и надеюсь, что отсутствие формы не является препятствием”. Не правда ли, фраза эта пахнет предписанием. А спрашивается, кто же будет получать по ведомости деньги Оленина, если их будут ассигновать.

Ох, уж эти лейтенанты, предписывающие Академии! С легким сердцем этот самый Колчак передерживает более 500 рублей и ограничивается тем, что в письме к академику Шмидту просит возможно скорее “устроить” эту ассигновку, *развязно заявляя* (курс. мой. – В.С.), что “во всяком случае она необходима к осени”.

Одним словом, что *ни фраза, то перл только уж не распорядительности, а нахальства* (курс. мой. – В.С.).

Не знаю, получили ли Вы также предписание г. Колчака, а потому спешу Вас уведомить о полученном мною, чтобы Вы успели внести в требовательную ведомость за август жалование “поступившего” в партию г. Колчака П.В. Оленина, а об остальном многом мы поговорим с Вами при свидании, ибо, несмотря на предложение Колчака, надо же будет оформить все, *что он нагородил...* (курс. мой. – В.С.).

Крепко жму Вашу руку! Преданный В.А. Рышков

P.S. Пожалуйста, сохраните письмо и расписку и черкните мне, когда Вы будете в СПб.»

Все это писалось вальяжным казначеем в те дни, когда Колчак и его спутники на ездовых собаках и вельботе, рискуя жизнью, приближались к Новосибирским островам. И в самом деле, жизнь и судьба каждого из участников Спасательной экспедиции была поставлена на карту, которой не всегда суждено было выигрывать, если вспомнить, сколько жизней унесла коварная Арктика.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 42, 43, 42 об., 43 об.

Колчак, конечно, не догадывался, какая переписка идет за его спиной, а мужественно и целеустремленно шел вперед к достижению заветной цели – о-ва Беннетта.

Финансовые проблемы. Распоряжения Колчака перед отправкой на фронт

Не успели полярники согреться после 60-градусных морозов, как нахлынули новые финансовые заботы. В то время, когда спасателям приходилось преодолевать жестокие трудности, бухгалтер-ревизор Императорской АН В.А. Рышков, известный по предыдущему письму своими фривольными высказываниями в адрес Колчака, сидя в тепле академического кабинета составлял смету расходов для завершающего этапа работы экспедиции. Приводим ее полностью¹:

“Смета

I.	Ликвидация дела в Казачьем и Якутске. Телеграмма от Колчака 10 февраля 1904 г.	5500 р.
II.	1. Жалованье М.И. Брусневу с 1.09.02–1.04.04 по 300 р. в мес.	5700 р.
	2. Награда Огрину, Шервинскому и Клуху по 101 р. 10 к.	303 р. 30 к.
III.	На обработку материалов и издание трудов:	
	1. Четырем обрабатывающим из оклада 1800 р. в год	7200 р.
	2. На издание	5000 р.
IV.	Содержание членов экспедиции:	
	1. Барону Толлю на год	6000 р.
	2. Ф.Г. Зеебергу на год	3600 р.
	3. Секретарю на год	600 р.
	4. Делопроизводителю на год	300 р.
	5. А.В. Колчаку на три месяца	900 р.
	6. Г-ну Ленину за январь	200 р.
	7. Толстову на три месяца	125 р.
	8. Бегичеву на три месяца	180 р.
	9. Железникову на три месяца	180 р.
	10. Четырем поморам на три месяца по 40 р. в месяц ²	480 р.
11. Двум якутам партии барона Толля за 3 года по 300 р. в год	1800 р.	
V.	На возвращение барона Толля и Зееберга по 2101 р. 40 к.	4202 р. 80 к.
	VI. Страхование жизни барона Толля и Зееберга	около 600 р.
VI.	Мелкие и непредвиденные расходы	4000 р.
	Итого	46871 р. 10 к.”

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3.

² Колчак просил увеличить жалованье мезенским поморам до 60 р. в месяц, но в смету еще не были внесены изменения, и оставалась прежняя зарплата 40 р. – В.С.

Колчаку вменялось в обязанность строго соблюдать расходы, предусмотренные этим финансовым документом, что он, к удивлению российского обывателя, любящего погреть руки, неукоснительно и делал. 24 января 1903 г. Комиссия по снаряжению РПЭ выделила на следующие организационные расходы: на экспедицию по спасению барона Толля и его спутников, на снятие инструментов со шхуны “Заря” и завершение научных работ с учетом вознаграждения участников, а также сумм, требуемых для возвращения в С.-Петербург, — 80 тыс. рублей. После завершения тяжких трудов Спасательной экспедицией на расходы по содержанию персонала и уплату по обязательствам Комиссии, снаряжавшей экспедицию, было выделено еще 27 тыс. рублей.

Таким образом, эти цифры говорят о достаточно удовлетворительном финансовом обеспечении РПЭ на всех этапах ее деятельности, включая экспедицию по спасению Толля.

Колчак понимал, наверное, лучше и глубже других, за какое серьезное и опасное дело взялись его спутники, а потому ему хотелось добиться для них максимального поощрения, тем более что спасательная экспедиция прошла без человеческих жертв, что редко случается в стране вечного льда.

Обращение Колчака к высокому начальству относительно наград возымело положительный результат.

«В Главный морской штаб

Испрашивается Высочайшее разрешение на награждение согласно ходатайству президента Императорской академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича ниже поименованных нижних чинов команды яхты “Заря”, находившихся в составе Русской полярной экспедиции, за трехлетние труды и лишения, перенесенные во время плавания, золотыми медалями с надписью “За усердие” для ношения на груди на Станиславской ленте:

Боцманмат Никифора Бегичева, боцманмат Сергея Толстова, квартирмейстера Василия Железникова, квартирмейстера Эдуарда Огриня, Эдуарда Шервинского, минно-машинного квартирмейстера Ивана Клуха, минно-машинного квартирмейстера Гавриила Пузырева, матроса запаса флота Семена Евстифеева. Николай Безбородов исключен из списка за случайный выстрел, приведший к гибели Трифона Носова.

Начальник Главного морского штаба Вице-адмирал Ф.К. Авелан

Получена резолюция: Высочайше разрешено.

Управляющий Морским министерством Генерал-адъютант П. Тортов¹»

Медальями было награждено восемь человек нижних чинов (матросов), состоявших на действительной флотской службе и причисленных к флотским экипажам, размещенным в Кронштадте.

Вольнонаемные Петр Стрижев, Степан Расторгуев и Фома Яскевич не были награждены в соответствии со статусом о награждении нижних чинов, а матрос Трифон Носов погиб.

¹ РГА ВМВ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 291. Л. 11, 11 об.

Телеграфъ		Телеграмма.	
Въ <u>Т. Р.</u>		<u>Прини СВ. Академія</u>	
83		<u>Наука Библия</u>	
Изъ <u>Якутска</u>		№ <u>738</u>	
Принята <u>28 / I 1904.</u>	4/10 100	Р. нр.	Служб. слов.
отъ <u>Сурскі</u> № <u>231</u>		33	м. 18, 5/10 н
Принято <u>Лит</u>		Служб. ст. в. в. в. в.	
<p><u>Иду на войну изъ Якутска. Документы и</u> <u>ответы высылать изъ Якутска если есть</u> <u>распоряженія телеграфируйте срочно</u> <u>Венная остается для окончанія дела и</u> <u>отправки виллеций послѣдуйте переводомъ денег.</u></p> <p style="text-align: center;"><u>Колчакъ</u></p>			

Телеграмма А.В. Колчака “Иду на войну”

А.В. Колчаку был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени за Спасательную экспедицию 1903 г. Четыре мезенских помора будут награждены золотыми медалями “За усердие”¹ позднее, в 1909 г.

Из Якутска Колчак отправляет две телеграммы через день после объявления японцами войны 27 января (9 февраля) 1904 г. (обратите внимание: именно через день) о своем отъезде на фронт. Всего один день потратил он на размышления и сомнения, опять отложив свадьбу. Даже будучи по состоянию здоровья совсем непригодным к флотской боевой службе (в Арктике он заработал хроническую пневмонию и тяжелую форму суставного ревматизма), он думал лишь об одном – встать на защиту Отечества.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2243. Л. 72–75.

Первая срочная телеграмма о своем решении была отправлена из Якутска и подана в С.-Петербург в Академию наук секретарю Комиссии В.Л. Бианки:

“Иду на войну из Иркутска. Документы и отчет высылаю из Иркутска. Если есть распоряжения, телеграфируйте срочно. Оленин остается для окончания дел и отправки коллекций. Поспешите переводом денег.

Колчак”¹

Вторая, также срочная, на имя В.Л. Бианки имеет такое содержание:

“Прошу разрешения Великого князя ехать из Иркутска на эскадру Тихого океана и сдать дела экспедиции своему помощнику Оленина, которому необходимо испросить разрешение ехать в Петербург.

Колчак”²

Одну телеграмму Колчак отправил в 5 ч 10 мин, другую – в 5 ч 22 мин, т.е., еще не дождавшись официального разрешения, он ставит свое начальство перед уже свершившимся фактом об отъезде на войну. Это говорит о многом, и в частности, о тех высоких чувствах, которыми руководствовался Колчак, когда узнал о начале русско-японской войны. Ведь японцы без объявления войны нанесли сокрушительный удар по Российскому Флоту, потопив в первый же день большое количество кораблей. Независимо от окончательного решения петербургского начальства Колчак видел себя только среди защитников Порт-Артура. Да разве мог он – морской офицер, сын участника обороны Севастополя, поступить иначе.

Конечно, президент Академии наук не только дал разрешение, но и был восхищен поступком Колчака, который после завершения тяжелой экспедиции, без отдыха, по зову сердца присоединился к защитникам Порт-Артура.

“Мне кажется, – пишет президент ИАН морскому министру, – что деятели, подобные лейтенантам Матисену и Колчаку, особенно важны для нашего флота, и что лейтенант Колчак с 7 марта 1903 г. по 28 января 1904 г., блистательно выполнивший возложенное на него поручение достичь во что бы то ни стало острова Беннетта, а затем отправившийся по личному своему желанию в Порт-Артур и перенесший всю тяжесть его осады, вполне подтверждает мое убеждение”³.

Две телеграммы Колчака привели в действие могучий административно-чиновничий аппарат морских ведомств. В разные инстанции было разослано множество бумаг, вот, к примеру, одна из них. Помощник начальника Главного морского штаба контр-адмирал А. Нидермиллер направляет официальное послание академику Ф.Б. Шмидту (ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 95):

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 83.

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 30.

³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 84–85.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУКЪ.

Полковникъ Ново-Сибирской
арміи.

Иркутскъ.
Февраля 1 1904 года.

Почтенному командору
капитану Мелу Васильеву
Оленину.

Согласно разрешению Августейшего президента из Иркутска на эскадру Тихого океана и не имея возможности за спешностью отъезда окончить дела экспедиции и лично побывать в Петербурге, я прошу Вас принять на себя окончание дел экспедиции, состоящих главным образом в укладке и отправке коллекций, уплате некоторых счетов и удовлетворения других могущих возникнуть претензий; прошу Вас после моего отъезда просить разрешение через Академию наук приехать в Петербург для объяснения и разбора отправляемых коллекций. При приезде в Петербург Вы сможете лично повидаться с председателем Комиссии Русской полярной экспедиции и ее секретарем и дадите объяснения по поводу могущих возникнуть вопросов, касающихся вверенного мне предприятия.

Александръ Александровъ Колчакъ

Автограф текста записки А.В. Колчака помощнику П.В. Оленину
(ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 123)

Отправляясь согласно разрешению Августейшего президента из Иркутска на эскадру Тихого океана и не имея возможности за спешностью отъезда окончить дела экспедиции и лично побывать в Петербурге, я прошу Вас принять на себя окончание дел экспедиции, состоящих главным образом в укладке и отправке коллекций, уплате некоторых счетов и удовлетворения других могущих возникнуть претензий; прошу Вас после моего отъезда просить разрешение через Академию наук приехать в Петербург для объяснения и разбора отправляемых коллекций. При приезде в Петербург Вы сможете лично повидаться с председателем Комиссии Русской полярной экспедиции и ее секретарем и дадите объяснения по поводу могущих возникнуть вопросов, касающихся вверенного мне предприятия.

1 февраля 1904 г.

Лейтенант Александр Колчак"

“По поручению управляющего Морским министерством имею честь уведомить, что Его Превосходительство Федор Карлович¹, не встречая со своей стороны препятствий к назначению лейтенанта Колчака на эскадру Тихого океана, приказал просить Ваше Превосходительство поставить названного обер-офицера об этом в известность по месту его настоящего нахождения, предложив также о времени отъезда на эскадру донести в Главный морской штаб.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Помощник начальника Главного морского штаба

9 февраля 1904 г.

А. Нидермиллер”

Все письма, различные распоряжения и рапорты морскому начальству Колчак отправлял из Якутска. В Иркутске он предполагал задержаться только на несколько дней для составления отчетности по делам экспедиции. Важнейшие документы и финансовую отчетность намеревался отправить с отцом, который прибыл в Иркутск вместе с невестой Софьей Федоровной Омировой.

Последнее распоряжение Колчак, обеспокоенный транспортировкой коллекций и всех материалов в С.-Петербург, отправляет из Якутска П.В. Оленину:

После завершения всех экспедиционных дел Колчак взялся наконец за решение проблем семейных.

Свадьба

Невеста и отец, не дождавшись приезда Колчака в Санкт-Петербург, выехали к нему в Иркутск. Скорее всего, Колчак сообщил им телеграммой, что намерен отбыть в Порт-Артур, и, следовательно, все свадебные дела или откладываются на неопределенное время, или их надо решать на Сибирской земле. Очевидно, на семейном совете был принят “сибирский вариант”. Софья Федоровна и 67-летний генерал-майор Василий Иванович Колчак встретили сына Александра уже в Иркутске².

Этот период своей жизни Колчак на допросе в январе 1920 г. освещал так: “Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре, и вслед за этим известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию наук с просьбой вернуть меня в Морское ведомство и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру для участия в войне.

¹ Авелан Федор Карлович – вице-адмирал, начальник Главного морского штаба, с марта 1904 г. – управляющий Морским министерством.

² Сын Колчака Ростислав приводит другую версию приезда Софьи Федоровны к своему жениху: “Она решила к нему поехать, и одна, девушкой 26 лет, проехала с Капри в Усть-Янск на Ледовитом океане. Для того времени это было довольно удивительно. Возвращаясь на собаках и на оленях из Верхоянска, Якутска и Иркутска вместе со своим женихом...” [2, с. 198].

Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему смог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности, многие научные коллекции, которые он главным образом составил, и со всем этим поручить ему ехать в Петроград для доклада в Академию наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпустить, но в конце концов, после некоторых колебаний, президент Академии Великий князь Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство. Я получил приказание поехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом – должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала; затем наступила война, и я решил, что надо жениться. Здесь, в Иркутске, я обвенчался, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Бегичевым, сказавшим, что он пойдет со мною дальше. Поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову...” [6, с. 251].

Можно только догадываться, в какой обстановке происходила свадьба. Вместо того чтобы отведать все таинства медового месяца, Колчак вынужден был через 3–4 дня уехать на войну. Тут уж было не до шумного веселья и пышного застолья. Как известно, Колчак пригласил боцмана Никифора Бегичева быть шафером на свадьбе.

Имеется документ о регистрации брака Александра Колчака с Софьей Омировой.

В Госархиве по Иркутской губернии в фонде духовной консистории Градо-Иркутской Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви сохранилась запись о бракосочетании 5 марта 1904 г. А.В. Колчака с Софьей Омировой. В ней указывается:

“Звание, имя, фамилия, отчество и вероисповедание жениха и который брак.

– Лейтенант флота Александр Васильевич Колчак, православный, первым браком, 29 лет. *Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, который брак.*

– Дочь действительного статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии Софья Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет”.

Далее значится:

“Кто совершил таинство.

– Протоиерей Измаил Ионов Соколов с диаконом Василием Петелиным. *Кто были поручители.*

– По жениху: генерал-майор Василий Иванович Колчак и боцман Русской полярной экспедиции шхуны “Заря” Никифор Алексеевич Бегичев. По невесте: подпоручик Иркутского сибирского пехотного полка Иван Иванович Желейщиков и прапорщик Енисейского сибирского пехотного полка Владимир Яковлевич Толмачев.

Подписи

Протоиерей Измаил Соколов
Диакон Василий Петелин” [5, с. 29].

Следует заметить, что материальное положение и отца Василия Ивановича, и Софьи Омировой было далеко не таким радужным и благополучным, как может показаться на первый взгляд. Пенсия отца позволяла ему жить со средним достатком, и лишних денег никогда в доме не было. Василий Иванович любил повторять изречение древних мудрецов: “На лишние деньги можно купить только лишнее”.

В архиве Академии наук сохранилась записка Колчака, которую он адресовал в Санкт-Петербург из села Казачьего перед уходом на о-в Беннетта с просьбой присылать деньги отцу, а не Соне Омировой, зная, что Василий Иванович в них нуждается больше:

“С.-Пб., Валентину Львовичу Бианки для памяти

Причитающееся мне содержание от Русской полярной экспедиции за все время моего отсутствия прошу передавать отцу моему генерал-майору Василию Ивановичу Колчаку.

Адрес: Село Александровское за Невской заставой,
Обуховский сталелитейный завод.

Александр Колчак, 14 марта 1903 г.¹”

Вскоре после свадьбы Александр Колчак отправляет жену и отца в Петербург. Он вручил им финансовые документы завершившейся экспедиции “спасения” и пакет с небольшой почтовой корреспонденцией, которую счел нужным незамедлительно отправить в С.-Петербург руководству Императорской академии наук.

А.В. Колчак, хотя ни слова об этом не говорил, прекрасно понимал, равно как и его близкие, что лейтенант флота едет не в новое плавание, а на войну... А всякая война приносит не только славу победы или горечь поражения, но и самое страшное, что может случиться на войне, – смерть. И к этому надо быть готовым всем: от матроса до адмирала. У каждого своя судьба, которая вручает любому огромную чашу с бесконечным количеством загадочных, как счастливых, так и трагичных, фантов. Предстоит вытащить всего один, но какой – об этом знает только Всевышний...

Колчак и Бегичев прощались с Иркутском. В этом городе за годы Русской полярной экспедиции они побывали несколько раз, и всегда встречи с городом и его жителями оставляли у них самое благоприятное впечатление.

Колчаку, как пишут очевидцы, было немного грустно по той причине, что всю свою жизнь он отдавал работе, флоту, всегда испытывал дефицит времени и торопился, а для личной жизни, как выразился один из его соплателей по “Заре”, “остаются лишь обрывки молодости”.

Что огорчало Колчака особенно сильно – это подорванное в Арктике здоровье. Хроническая пневмония и бесконечные простуды буквально сопровождали его неотступно, как злые демоны, да и суставной ревматизм, особенно обостряющийся осенью и весной, регулярно давал о себе знать. Но Колчак не сетовал на судьбу, он гордился своими по-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

лярными деяниями и как любой молодой человек был самолюбив, тщеславен и чуточку высокомерен. А молодость и должна быть такой – самоуверенной, задиристой, колючей, азартной, иначе это простое прозябание...

Самооценка Колчака была достаточно высокая, он всегда был уверен в своих силах, памятью: “Чем больше думаешь о себе сам, тем больше о тебе думают другие”. По описанию современников Колчака, он был блестящим оратором, слова произносил четко, уверенно, словно разрубал шашкой длинные предложения, а потому речь его не убаюкивала, а всегда вызывала повышенное внимание и большой интерес. Он отличался от многих весьма важным качеством: никогда не говорил не то что глупостей, а слов, не наполненных здравомыслием... Если это и делали иногда в его присутствии другие, то он морщился и даже обрывал словоохотливого оппонента, стараясь в дальнейшем с такой категорией людей не иметь никаких дел.

Боцман Бегичев восхищался Колчаком, был буквально в него влюблен и готов был сопровождать его не только в Порт-Артур, но и на край света.

В то же время он не сумел оставить искренних и честных воспоминаний о днях, проведенных вместе с Колчаком. Так, в советские годы в целях самосохранения Н.А. Бегичев впоследствии искажал многие факты, события и роль участников экспедиции, зачастую выдвигая себя на первый план и почти не упоминая А.В. Колчака.

Наши отступления относятся к более позднему времени, а тогда 9 марта 1904 г. два полярника, Колчак и Бегичев, сели в поезд и отбыли во Владивосток, а уже оттуда их путь лежал в объятый пламенем войны Порт-Артур¹.

Все полярные исследования и обработку собранных материалов пришлось Колчаку отложить почти на два года.

Поставлена последняя точка в поисках Толля

После завершения тяжелой миссии экспедиции спасателей Железников с четырьмя мезенскими поморами прибыл в Петербург и привез все документы, обнаруженные на о-ве Беннетта. Он незамедлительно встретился с председателем Комиссии по снаряжению РПЭ академиком Ф.Б. Шмидтом и передал ему ценнейшие материалы.

Все, кто хорошо знал Толля и верил в его большой полярный опыт, не исключали мысль, что партии удалось спастись, минуя Новосибирские острова. Делались различные предположения относительно воз-

¹ Не останавливаясь здесь на военных событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. и участии в них Колчака, рекомендуем читателям опубликованный С.В. Дроковым “Порт-Артурский дневник лейтенанта Колчака”, который Колчак вел с 3/16 декабря 1904 г. по 21 декабря 1904 г. / 3 января 1905 г. [75]. См. также: “Допрос Колчака” [6, с. 251–253].

можного выхода Толля на восточный берег Таймырского полуострова или к устью Яны и даже к Индигирке с Алазеей. Другие утверждали, что барон Толль, возможно, направился к Земле Санникова и, может быть, даже ее открыл.

Высказывалось мнение, что партию могло вынести дрейфующим льдом благодаря сильному течению Фрама к Земле Франца-Иосифа. Этих взглядов придерживался великий арктический первопроходец Фритъоф Нансен, однако, познакомившись ближе с условиями, в которых находилась партия и выяснив вопрос о ее снаряжении, он отказался от этой версии. Комиссия по снаряжению РПЭ исключила какие-либо значительные отклонения от первоначального маршрута, который определялся прежде всего по схеме о-в Беннетта – Новосибирские острова.

Чрезвычайное заседание подкомиссии состоялось 22 ноября 1904 г., где, помимо членов Комиссии, участвовали А.А. Бялиницкий-Бируля, К.А. Воллосович, Н.И. Бруснев, П.В. Оленин, С.П. Толстов и В. Железников. Все пришли к такому единому заключению [35, с. 187]:

«1. В связи с тем, что море между Новосибирским архипелагом и островом Беннетта, куда Толль выступил с “Зари” 5 июня 1902 г., вероятно, никогда не замерзает, его партии предстояло передвигаться на каяках, на которые невозможно погрузить все необходимое снаряжение. Как видно из донесений барона Толля 12 июля, отъехав всего 5,5 км от берега Новой Сибири, партия была вынуждена перебить всех собак и плыть дальше на льдине, а потом на каяках. На остров Беннетта путешественники прибыли 3 августа с минимальным запасом пищи, одежды, охотничьих принадлежностей и многих необходимых инструментов. Первое время партия питалась мясом оленей, из шкур которых шила себе обувь и одежду, но вскоре распуганное оленье стадо, очевидно, ушло с острова площадью в 200 кв. км на береговой припай, где и погибло. Спустя три месяца партия, лишенная запасов продовольствия, выступила по окончании исследования острова на юг в разгар арктической ночи с запасом продовольствия на 14–20 дней, но – не имея смены одежды на случай ее промокания и не имея горючего для приготовления пищи, а главное, для получения пресной воды.

2. Из записей метеорологического журнала А.А. Бялиницкого-Бирули, который он вел 200 км южнее, на острове Новая Сибирь, видно, что в 1902 г. температура к 9 сентября упала до -21° и до времени ухода Э.В. Толля с острова Беннетта (8 ноября) неизменно колебалась между -18 и -25° . При таких низких температурах на пространстве между островом Беннетта и Новосибирским архипелагом нагромождаются высокие труднопроходимые торосы. Затянутые тонким льдом и предельно запыленные снегом промезжутки между торосами во мраке полярной ночи становятся еще опаснее, чем при путешествии в светлое время года. Обширные полыньи, покрытые тонким слоем ледяных кристаллов, совершенно не видны в густом тумане. При движении по полынье байдарка покрывается толстым слоем льда, а двухлопастные весла, обмерзая, превращаются в тяжелые ледяные глыбы. Кроме того, ледяное сало спрессовывается перед носовой частью байдарки и еще более затрудняет движение, и обмерзшая байдарка легко переворачивается.

При таких обстоятельствах трещина во льду шириной всего лишь в 40 м представляла непреодолимое препятствие для перехода партии.

3. Принимая во внимание, что со дня ухода партии с острова Беннетта, 8 ноября 1902 г., протекло уже с лишком два года – время, вполне достаточное для выхода кого-либо из членов партии к местам населенным и слишком продолжительное для того, чтобы при указанных выше условиях снаряжения кто-либо из них мог просуществовать на льду или в местах пустынных, Комиссия пришла к убеждению, что всех членов партии нужно считать погибшими»¹.

На этом же заседании Императорская академия наук назначила премию за нахождение партии барона Э.В. Толля и ее следов. Еще теплелись какие-то надежды.

“Ввиду безуспешности стараний подать помощь начальнику Русской полярной экспедиции барону Э.В. Толлю и его спутникам: астроному Ф.Г. Зеебергу и якутам Василию Горохову по прозвищу Чичак и Николаю Протодиаконову по прозвищу Омук, ушедшим с острова Беннетта, лежащего к северу от Новой Сибири, 8 ноября 1902 г. по направлению к югу, но отнесенных, по-видимому, льдами, за отыскание всей партии или части ее назначается премия в размере 5000 рублей, а за первое указание несомненных следов ее – в размере 2500 рублей”².

Желание Колчака отметить участников Спасательной экспедиции высокими наградами удалось окончательно реализовать только через шесть лет. Никифор Бегичев и Василий Железников были награждены, как уже говорилось, золотыми медалями “За усердие” в 1903 г. в числе других восьми нижних чинов, состоявших на действительной флотской службе и участвующих в Русской полярной экспедиции.

А вот с мезенскими поморами дело затянулось аж на целых шесть лет. Колчак время от времени напоминал высокому начальству о героических делах четырех спасателей – А.А. Дорофеева, М.М. Рогачева, А.М. Олупкина и И.Я. Инькова, но награждение по непонятным причинам все откладывалось и откладывалось.

В связи с кончиной академика Ф.Б. Шмидта председателем Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции в 1908 г. назначили академика Александра Петровича Карпинского (1846/47–1936), впоследствии – первый выбранный президент Российской академии наук (1917–1925) и АН СССР (1925–1936).

А.П. Карпинский сумел преодолеть все препоны и добиться награждения четырех смельчаков золотыми медалями. В Архангельском архиве удалось получить копию о наградной реляции, отправленной на имя архангельского губернатора 24 июня 1909 г. и подписанной собственноручно А.П. Карпинским (см. автограф А.П. Карпинского на документе).

А дальше бюрократическая машина стремительно уведомляет ме-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

² Там же. Л. 85.

*Русская
Поларная Экспедиция.*

*Russische
Polar-Expedition.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИССИИ ДЛЯ ОНАРЖЕНІЯ
ЭКСПЕДИЦИИ.

№ 24 июня 1909 г.
4 листов.

*№ 145
189*

*к
2
медальки
доп. справку Федорова
25. 12. 11.*

с/м 11/11/09

В. П.

Господину Архангельскому Губернатору.

Препровожая при семь четыре золотых медали съ надписью "за усердіе" для ношенія на груди па Станиславской лентѣ, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованныя участникамъ 2-й экспедиціи Лейтенанта Колчака на землю Беннетта жителямъ города Мезени Дорофѣеву, Рогачеву, Олупкину и Инькову, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы медали эти были высланы г. Мезенскому Исправнику, для выдачи ихъ по принадлежности.

Председатель

А. П. Карпинский

Автограф А.П. Карпинского о награждении участников экспедиции мезенских поморов (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2343. Л. 70)

зенского исправника о предстоящих наградных церемониях письмом от 8 июля 1909 г. Архангельский вице-губернатор пишет:

“Препровождая при сем четыре золотых медали с надписью “За усердие” для ношения на груди на Станиславской ленте, Высочайше пожалованные участникам 2-экспедиции лейтенанта Колчака на Землю Беннетта жителям города Мезени Дорофееву, Рогачеву, Олупкину и Инькову, предлагаю Вашему Высокоблагородию выдать их по принадлежности под расписку, которые представить в мою Канцелярию.

За губернатора

Вице-губернатор (подпись неразборчива)”

Медали были вручены 21 июля 1909 г., и каждый участник награждения написал расписку в получении оной. Так завершился наградной марафон для всех участников обеих экспедиций под начальством Э.В. Толля и А.В. Колчака.

* * *

Путь арктических первопроходцев партии Толля был исключительно тяжел и опасен. Маленькие арктические “тропинки” привели их в большую пропасть, и трагедия оказалась неизбежной.

Осталась неутешной вдовой очаровательная баронесса Эммелина Толль, не снимавшая черный траурный наряд до конца своей жизни. Ее славные маленькие дочери росли без отца и познавали северные континенты и страны без рассказов великого исследователя и путешественника – их родителя, так “мечтавшего увидеть своих дочерей взрослыми и образованными...”, как писал в своем дневнике Толль.

Пусть для всех будут утешением слова древних мудрецов: “Те, кто ничего не делают, тоже иногда умирают молодыми... но незначительными. Зато они остаются красивыми...”

Императорской академии наук выпала трудная миссия признать партию барона Толля погибшей со всеми вытекающими отсюда наследственными правами, что и было сделано. Ниже приводим выписку из заседания Комиссии для снаряжения РПЭ, на котором пришлось поставить последнюю точку и документально подтвердить трагический финал.

“Выписка из протокола заседания Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции 11 февраля 1905 г.”¹

Прочитан протокол заседания подкомиссии, избранной для рассмотрения вопроса об участии, постигшей партию барона Э.В. Толля от 22 ноября 1904 г. Выслушав его, Комиссия единогласно присоединилась к заключению подкомиссии, что барона Толля и всю его партию следует считать погибшей.

Прочтено письмо юрисконсульта Министерства народного просвещения от 11 сего февраля на имя председателя Комиссии, в коем В.Н. Молчанинов извещает, что он лишен, к сожалению, возможности быть на сегодняшнем заседании вследствие серьезной болезни, но что все необходимые разъяснения даст его помощник Аркадий Павлович Даев, вполне ознакомленный со всеми обстоятельствами дела и могущий заменить его.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 112, 112 об.

Мемориальная доска в память экспедиции Э.В. Толля на шхуне “Заря” в 1900–1902 гг. установлена на о-ве Котельном

А.П. Даев сделал следующее заявление:

По рассмотрении всех изложенных в протоколе подкомиссии от 22 ноября 1904 г. данных и обстоятельств с несомненностью следует заключить, что партия барона Э.В. Толля, в составе самого барона, астронома Ф.Г. Зееберга и инородцев Горохова и Протодеяконова, вышедшая 20 октября 1902 г. с острова Беннетта к острову Новая Сибирь, погибла. При таком положении дела возникает вопрос об открытии наследства после поименованных лиц, и в частности барона Э.В. Толля. Получение имущества после погибших может последовать лишь после утверждения наследников названных лиц в правах наследства, для этого же необходимо представить в соответственные судебные установления надлежащие документы, как-то: удостоверения о смерти, погребении и проч. В данном случае такие документы, по совершенно исключительным условиям разбираемого дела, заинтересованною стороною представлены быть не могут. Переходя к вопросу о том, что могло бы заменить эти документы, я со своей стороны полагаю, что было бы достаточным надлежащее удостоверение от имени

Императорской академии наук о том, что барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, Горохов и Протодяконов погибли при попытке перейти в октябре 1902 г. пространство между островами Беннетта и Новая Сибирь.

На основании всего вышесказанного Комиссия постановила уведомить о гибели барона Э.В. Толля и Ф.Г. Зееберга Страховое общество “Россия” и выдать удостоверение в том же баронессе Э.Н. Толль, г-ну Э.А. фон Миддендорфу и семье г. Зееберга в виде выписки из сего протокола.

Председатель

Подпись

Секретарь

Подпись”

Из этого наследственного документа впервые выяснился один интереснейший факт. Оказывается, барон Толль был близким родственником семейства Миддендорфов. Одним из ярких представителей этого рода являлся известный естествоиспытатель академик Императорской академии наук Александр Федорович Миддендорф (1815–1894). Он исследовал и составил естественноисторическое описание северной и восточной Сибири. Открыл зональность растительности и наличие в Сибири вечной мерзлоты.

Возвращение из японского плена в Петербург

В начале июня 1905 г. Колчак вернулся из японского плена в Петербург.

Его возвращению предшествовали тяжелые дни, связанные с болезнью, которые Колчак вынужден был проводить в чужих краях. Он находился в Порт-Артуре до 3 января 1905 г., до момента падения крепости. Когда произошла сдача крепости, он уже еле-еле ходил, но еще держался. В день падения Порт-Артура ему пришлось лечь в госпиталь, так как развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Он был легко ранен, но рана не беспокоила, а вот ревматизм совершенно валил с ног... Японцы всех эвакуировали, кроме тяжело раненых и больных. Среди них в порт-артурском госпитале остался и Колчак. В японском плену он пробыл до апреля 1905 г., а когда начал мало-помалу поправляться, его отправили сначала в Дальний, а затем в Нагасаки.

“В Нагасаки, – вспоминал Колчак на следствии в 1920 г., – партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину безо всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправился в Россию. Это было в конце апреля 1905 г. Все мы через Америку вернулись в Петербург. В Петербурге меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл

все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии наук и осенью 1905 г. занимался в Академии наук, но уже трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои записи. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции – Большую Константиновскую золотую медаль.

Эта работа продолжалась до января 1906 г. Я привел до известной степени в порядок и передал в переработку специалистам свои научные труды по этой экспедиции” [6, с. 253–254].

Интересно отметить такой факт, что победители – японцы не изыали у Колчака золотое георгиевское оружие – саблю с надписью на эфесе “За храбрость”, которой он был награжден за Порт-Артур, и она всегда находилась при нем, вплоть до лета 1917 г.

В конце декабря 1905 г. президент Имп. АН Великий князь Константин Константинович направил письмо морскому министру А.А. Бирлеву¹ с ходатайством об отпуске Колчака:

«Алексей Алексеевич!

...Тяжелая и ответственная экспедиция (поиски барона Толля. – В.С.) была поручена лейтенанту Колчаку, который выполнил свою миссию самым блистательным образом, пройдя на вельботе пространство океана, отделяющее Новосибирский архипелаг от острова Беннетта, вполне благополучно и добыл с последнего в высшей степени важные документы, оставленные там партией барона Толля.

Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпало с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот счел свою нравственной обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего морского начальства прямо из Якутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале июня 1905 г. в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма. Надорванное состояние здоровья лейтенанта Колчака было признано врачами, почему он был отправлен для лечения на воды, а затем уволен в отпуск по 29 декабря текущего года (1905. – В.С.) для длительного поправления здоровья. В настоящее время последнее далеко еще не поправилось, и дать время окончательно ему восстановиться является, по моему мнению, совершенно необходимым, тем более, что лейтенант Колчак утилизирует время с начала сентября в высшей степени производительно.

Труды упомянутых офицеров “Зари” (Коломейцева, Матисена, Колчака. – В.С.) состояли главным образом в собирании в течение четырех лет гидрографических и картографических материалов, которые

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 893. Л. 149–150.

оставались до настоящей осени вследствие отсутствия лейтенанта Колчака без всякой обработки. Будучи достаточно способным для умственной работы, лейтенант Колчак воспользовался отпуском и приступил к приведению в порядок всего этого обширного и важного, главным образом в практическом отношении, материала. В настоящее время разобрана уже значительная часть его, но тем не менее ко дню окончания срока отпуска лейтенанту Колчаку не удастся довести эту необходимую работу до конца. Материал должен быть приведен в такой вид, чтобы его можно было использовать во всех отношениях, а для этого потребуются, судя по исполненной уже работе, еще около пяти месяцев, т.е. было бы весьма желательно прикомандировать лейтенанта Колчака для названной цели к Императорской академии наук приблизительно по 1 мая 1906 г.

Близкое соприкосновение интересов Академии наук и Морского ведомства в использовании в научном и практическом отношении результатов Русской полярной экспедиции, стоивших огромных материальных затрат и жизни шести человек, в связи с недостаточно еще восстановленным для несения более тяжелой службы здоровьем Колчака дают мне надежду, что офицеру этому будет дана с Вашей стороны возможность довести обработку картографических и гидрологических материалов до желательного конца и в то же время окончательно поправиться.

Лейтенант Колчак состоит в списках офицеров 7-го флотского экипажа.

8 декабря 1905 г.
№ 3109

Пребываю к Вам навсегда благосклонный
искренне Вас уважающий
Константин»

Знакомясь с этим документом, приходится не столько удивляться, сколько восхищаться той благожелательностью и заботливостью, которые президент Академии наук проявляет к здоровью и деятельности Колчака, с каким душевным теплом он говорит о работе молодого лейтенанта, добиваясь у морского министра отпуска своему бывшему подопечному для завершения работы.

Конечно, все эти вопросы удалось решить положительно, ведь президент Академии наук К.К. Романов – весьма влиятельная и значительная фигура, занимающая одну из высших ступеней в иерархической лестнице дома Романовых.

А неделей раньше президент Академии наук отправляет морскому министру А.А. Бирилеву представление о зачете в ценз плавания всего времени нахождения в экспедиции лейтенантов Колчака и Матисена. Дело в том, что для получения очередного воинского звания морские офицеры должны были, о чем уже говорилось, выполнить определенный ценз плавания. Для молодых лейтенантов это было крайне важно, поскольку составляло основу карьеры морского офицера – дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

Приводим частично представление президента Академии наук от 4 декабря 1905 г. на имя А.А. Бирилева:

“Алексей Алексеевич!

11 августа 1899 года я обратился к управляющему Морским министерством с просьбой о назначении офицеров и нижних чинов флота в снаряжавшуюся в то время Императорскою академиею наук Русскую полярную экспедицию, причем просил о зачете офицерам времени нахождения в составе экспедиции в ценз плавания.

Соглашаясь на это ходатайство, управляющий Морским министерством сообщил мне 20 августа 1899 г., что офицеры будут отпущены и что о зачете в ценз плавания проведенного в экспедиции времени будет своевременно представлено в Адмиралтейств-Совет.

...Ныне, когда все три офицера отчислены от состава Русской полярной экспедиции, снова возвратились в наличность флота и принуждены терпеть различные неудобства за невыполнение ценза, я считаю необходимым снова возбудить этот вопрос, причем не могу не обратить Вашего внимания на то, что зачисление одних ходовых и якорных дней в ценз плавания, по моему мнению, далеко не соответствует тому, что было обещано офицерам сначала, а потому считается мною недостаточным.

Мне хорошо известны все те лишения, то нравственное и физическое напряжение, с которым были сопряжены труды Русской полярной экспедиции не только в краткий период навигации в тех высоких широтах, но и во время вынужденного пребывания на судне в течение всей долгой полярной зимы, когда прихотливое изменение ледяного покрова вокруг судна заставляло ежедневно опасаться за целость последнего и постоянно быть настороже, и даже во время санных поездок, предпринимавшихся с целью съемок и описи берегов.

Поэтому я считал бы вполне справедливым зачислить лейтенантам Матисену и Колчаку в морской ценз если не все время пребывания в составе Русской полярной экспедиции, как им было обещано, то по крайней мере все время, проведенное на судне экспедиции или в шлюпочных и санных поездках, а также в других, особенно ответственных, тяжелых и опасных предприятиях, а именно: лейтенанту Матисену время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и с 8 апреля 1903 г. по 24 июля 1903 г., а лейтенанту Колчаку время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и с 7 марта 1903 г. по 28 января 1904 г. (начало войны русско-японской. – В.С.).

В изложенном выше смысле я и просил бы Вас внести этот вопрос на рассмотрение Адмиралтейств-Совета.

4 декабря 1905 г.
№ 2957

Искренно Вас уважающий
Константин”¹

Таким образом, молодые лейтенанты получили достаточно поддержки и забот со стороны высокого начальства. Они не были обойдены и даже более того – были обласканы Августейшим вниманием, что доставалось отнюдь не многим.

А вскоре на все послания президента Академии наук ему пришел ответ от морского министра¹:

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 29, 30, 29 об.

*«Его Императорскому Высочеству Великому князю
Константину Константиновичу*

Ваше Императорское Высочество!

Имею честь всепреданнейше доложить Вашему Императорскому Высочеству, что за время состояния в Русской полярной экспедиции лейтенантов Матисена и Колчака по отзыву Непременного секретаря Императорской академии наук оба названные офицера имели за время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и в 1903 г. фактически проведенными как на пароходе “Заря”, так и на шлюпках при производстве описей, ходовых и якорных дней: первый – 371 день, второй – 378 дней. Кроме того, во время санных путешествий производством описей лейтенант Матисен был занят 74 дня, а лейтенант Колчак – 265 дней.

Адмиралтейств-Совет неоднократно высказывал мнение, что в морской плавательный ценз может засчитываться служба офицеров, лишь фактически проведенная на судне, и этот взгляд послужил основанием Адмиралтейств-Совету для решения его, по журналу от 25 сентября 1902 г. № 4539, ст. № 38540, о зачете плавания лейтенанта Коломейцева в должности командира парохода “Заря” за 1900 и 1901 гг. к морскому цензу, к чинопроизводству и для получения вознаграждения за плавание при отставке не всего времени пребывания этого офицера в Русской полярной экспедиции в течение 738 дней, а лишь 281 дня фактического плавания на пароходе “Заря”.

Руководствуясь сказанным постановлением, я затрудняюсь представить этот вопрос новому перерешению Адмиралтейств-Совета и потому принужден ограничиться зачетом лейтенанту Матисену лишь 445 дней, а лейтенанту Колчаку – 643 дней, фактически ими проведенными в плаваниях или при описях, тем более, что в настоящее время этот вопрос не имеет существенного значения для дальнейшего их движения по службе.

Подписал

С чувством глубокого почитания
имею честь быть Вашего Императорского Высочества,
Всепреданнейший слуга Бирилев»¹

**Императорское русское
географическое общество (ИРГО) награждает Колчака
Большой Константиновской золотой медалью.**

**Работа в Комиссии по изучению
северного Ледовитого океана (СЛО)**

Прошло два года с тех дней, как завершила свою работу Спасательная экспедиция. Уютный зал Императорского русского географического общества видел множество заседаний, но совместные заседания двух отделений случались весьма редко, лишь по особо знаменательным событиям. Такое произошло 10 января 1906 г. в связи с докладом об Арктике.

Герой Порт-Артура лейтенант Александр Колчак, награжденный орденом Св. Владимира 4-й степени за мужественную и блистательную работу в Русской полярной экспедиции и двумя боевыми орденами за Порт-Артур – Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени с ме-

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 28, 28 об.

Милостивый Государь

Алексѣй Алексѣевичъ

№ 88. 1906 г.

№ 88.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Советъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества въ засѣданіи 30 января с. г. присудилъ дѣйствительному члену Общества Лейтенанту Александрѣу Васильевичу Колчаку за участіе въ экспедиціи барона Э. В. Толля и за путешествіе на островъ Беннета, составляющее важный географическій подвигъ, совершеніе котораго было сопряжено съ большими трудностями и опасностью для жизни, - своею высшую награду - Константиновскую медаль.

Съ особеннымъ удовольствіемъ считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высочайшаго Довѣреннаго Лица объ этомъ почетномъ награжденіи Лейтенанта А. В. Колчака.

Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать Вашему Высочайшему Довѣренному Лицу чувства моего глубокаго уваженія и совершенной преданности

Его Высочайшему Довѣренному Лицу

А. А.

БИРИЛЕВУ.

Документ о присужденіи А. В. Колчаку Большой Константиновской золотой медали в 1906 г.

чами, поднялся на трибуну для доклада о Русской полярной экспедиции на о-в Беннетта в связи с поисками барона Толля и его партии.

Известные исследователи Арктики слушали докладчика, проявляя живейшій интерес к экспедиции. Высоко оценили вклад А. В. Колчака в полярные исследования, его мужественную солидарность, хладнокровіе и целеустремленность в трудные дни спасательных работ; особо отметили благополучное возвращеніе всех спасателей, до единого человека. Это, конечно, заслуга лейтенанта Колчака.

Выдающиеся ученые России на Совете Общества 30 января 1906 г. под председательством знаменитаго П. П. Семенова-Тян-Шанскаго и

при участии академиков Ф.Б. Шмидта, М.А. Рыкачева, Ф.Н. Чернышева, В.И. Ламанского, Ю.М. Шокальского, Ф.И. Щербатского и других единодушно присудили лейтенанту А.В. Колчаку “за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющее важный географический подвиг, свершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, свою высшую награду – Большую золотую Константиновскую медаль”¹. В Российском архиве Военно-Морского Флота сохранился этот документ, который мы здесь воспроизвели (см. с. 206).

А.В. Колчак стал четвертым полярником – лауреатом Императорского русского географического общества, снискав заслуженную славу на трудной ниве арктических испытаний².

На этом же заседании Совета ИРГО единогласно избрали лейтенанта Колчака действительным членом Императорского русского географического общества.

Коллеги и друзья стали его уважительно величать Колчак-Полярный; такие добавления к фамилии подчеркивали выдающуюся деятельность ее владельца на данном поприще. Приблизительно в это же время появилась двойная фамилия П.П. Семенова – Семенов-Тян-Шанский (см. об этом также раньше).

В дальнейшем деятельность Колчака получает развитие по двум направлениям: он становится сотрудником вновь созданного при его участии Морского генерального штаба, где возглавляет Балтийский отдел. Другое же направление включает участие Колчака в работе Главного гидрографического управления, где проводятся совещания с приглашением большого числа специалистов по вопросу продолжения гидрографических работ в Северном Ледовитом океане.

Намечаемые исследования предполагали плавание до Берингова пролива на двух пароходах типа “ледокол” или “ледодав”. Предполагалось, что экспедиция будет включать три отряда: морской, береговой и сухопутный. Морской отряд будет заниматься промером фарватера, детально изучит проход через Берингов пролив. Береговой отряд проведет опись берегов и геодезические измерения. Сухопутный отряд выполнит комплексные работы на прилегающих территориях, включая географические, биологические, ихтиологические, зоологические и другие исследования.

Председателем Комиссии по изучению Северного ледовитого океана был назначен член Адмиралтейств-Совета адмирал Владимир Павлович

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2965. Л. 8а.

² Большой золотой Константиновской медалью за полярные исследования были награждены: Н.А.Э. Норденшельд в 1879 г. – за плавание через Северный Ледовитый океан до Берингова пролива, капитан Н.Д. Юргенс в 1885 г. – за работу в качестве начальника Русской полярной станции в устье р. Лены в 1882–1884 гг., Ф. Нансен в 1897 г. – за плавание на “Фраме” к Северному полюсу в 1893–1896 гг. Позднее, в 1914 г. капитан 2-го ранга Б.А. Вилькицкий – за открытие Северной Земли в экспедиции СЛО 3 сентября 1913 г. во время плавания на ледоколах “Таймыр” и “Вайгач”.

Борис Андреевич Вилькицкий
(1885–1961)
в 1913 г. открыл Северную Землю

Верховский. В состав комиссии входили крупнейшие специалисты в области гидрографии, гидрологии, геофизики, океанологии, гидробиологии, картографии, зоологии, судостроения и т.д. Состав Комиссии не был строго постоянным, приглашались разные специалисты, но почти всегда принимали участие в обсуждении вопросов такие специалисты, как генерал-майоры гидрограф А.Ип. Вилькицкий, метеоролог И.Б. Шпиндлер и гидрограф Ф.К. Дриженко, полковник океанолог Ю.М. Шокальский, полковник судостроитель, академик А.Н. Крылов, капитан 2-го ранга полярник Н.Н. Коломейцев, полковник гидрограф И.С. Сергеев, геолог И.П. Толмачев, океанолог Л.Л. Брейтфус, капитан 1-го ранга гляциолог А.И. Варнек и др.

Почти на все заседания получал приглашения лейтенант Колчак. На фоне генералов и полковников молодой лейтенант становился еще более уверенным. Колчака не смущали высокие ранги именитых членов Комиссии. Он часто выступал на заседаниях, где обсуждались различные аспекты, включая и военно-стратегические, освоение северного морского пути из Атлантики в Тихий океан. К мнению Колчака прислушивались, так как говорил он всегда толково, четко, со знанием дела раскрывая суть обсуждаемой проблемы.

К этой работе его привлек начальник Главного гидрографического управления (в 1907–1913 гг.) А.Ип. Вилькицкий. Зная, что Колчак занялся преподавательской работой – читал лекции в только что организованной Морской академии, Андрей Ипполитович предложил ему организовать экспедицию по исследованию северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный Ледовитый океан вдоль берегов Сибири, сказав при этом: “Моряки должны плавать, а не скучать на берегу без моря”.

Колчак разработал проект экспедиции и, учитывая свой собственный опыт, пришел к выводу, что для новой экспедиции необходимы стальные корабли ледокольного типа, но не такие, как “Ермак”, а подобные нансенскому “Фраму”. Опыт показывал, что ломать океанический лед даже такие могучие корабли, как “Ермак”, не в силах. По мнению Колчака, для такого сложного маршрута надо иметь два ледокола: один – прокладывает путь, другой несет все необходимое оборудование для гидрографических и гидрологических исследований.

Колчак пока все еще оставался в Штабе, но загорелся этим новым делом и принимал в нем живейшее участие. Он ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы ледокольных судов, обсуждал с коллегами предложения различных судостроительных фирм. Решено было построить два стальных ледокольных корабля, получивших названия “Таймыр” и “Хатанга”, но последний был переименован вскоре в “Вайгач” [6, с. 258–259].

Колчак вместе с Матисеном по поручению адмирала В.П. Верховского готовят докладную записку, в которой рассматривают проекты ледоколов, предложенных различными заводами. По их мнению, ледоколы должны отвечать трем основным требованиям:

1. Суда должны обладать хорошими морскими качествами.
2. Запас угля минимум на 90 суток экономичного хода.
3. Крепость их корпуса и внутреннее устройство должны соответствовать условиям арктического плавания и зимовки во льдах.

Колчак провел большую и кропотливую работу по ознакомлению со всеми заводскими проектами по строительству ледоколов:

<u>Название завода</u>	<u>Стоимость ледокола</u>
Акционерное общество Сормово	581 тыс. руб.
Общество судоремонтных, механических и литейных заводов в Николаеве (Мариуполь)	507 тыс. “
Общество путиловских заводов	490 тыс. “
Невский судостроительный завод	608 тыс. “
Акционерное общество рижских судоремонтных, механических и строительных заводов “Ланге и сын”	375 тыс. “
Завод “Новое судостроение” С.-Петербургского порта	935 тыс. “
Завод Крайтона	—
Балтийский завод	624 тыс. “

После длительной дискуссии с начальником Главного гидрографического управления А.Ип. Вилькицким остановились, хотя и были возражения, на проекте Невского судостроительного завода.

Колчак принимает участие буквально во всех заседаниях Комиссии по СЛО. Он получает всякий раз официальное уведомление о том или ином заседании. Приводим одно из них.

“Лейтенанту Колчаку

Адмирал Владимир Павлович Верховский просит Ваше Благородие прибыть завтра в 1 1/2 ч в Главное гидрографическое управление для участия в Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана.

И.д. ст. делопроизводителя
4 июля 1906 г. № 2371

Подполковник Полбин”¹

Такие послания, конечно, льстили самолюбию Колчака, но, к его чести, он никогда не показывал вида и не кичился этим. Молодой лейтенант четко знал свое место в этой “могучей шеренге морских гиган-

¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 499. Л. 89.

тов” и старался не делать первый шаг, если следовало соблюдать субординацию. Разудалое выражение “не по чину берешь” на протяжении всей жизни Колчака-бессребреника никогда к нему не имело отношения. Его английская сухощавая фигура, отличавшаяся резкими, быстрыми движениями, лицо с орлиным носом и ястребиным взглядом – все заставляло окружающих всегда восхищаться им. Нервозность его характера, которая раздражала многих в более поздний период его жизни, в молодости почти совсем не проявлялась. На заседаниях Комиссии по изучению СЛО он был немногословен, можно даже сказать, элегантно лаконичен. Конечно, ледоколы были его идей-фикс, и он буквально загорался, когда начинал говорить о них.

При обсуждении окончательного проекта и выбора завода-изготовителя заседания Комиссии проходили по очень плотному графику. Например, Комиссии по СЛО пришлось собираться 9, 12 и 16 апреля 1907 г., потом 1 и 3 мая – для выработки заключительного протокола по ледокольному строительству, на которое отпускались государственной казной значительные средства. Во всех этих заседаниях принимал участие лейтенант Колчак.

Огромная бюрократическая машина царской России работала полным ходом, финансирование любой командировки, даже выделение мелких сумм на транспортные расходы, так называемых прогонных денег Колчаку и Матисену, – все оформлялось документально и выдавались солидные бумаги. Происходило это в то время, когда за окнами чиновничьих департаментов набирала силу и скорость ликующие и стихийные революционные процессы.

Строительство двух ледоколов

Колчак и Матисен, получив предписание, срочно выехали в Мариуполь для ознакомления с одним из проектов.

“Главное гидрографическое управление

В Главный морской штаб

Справка. В дополнение к № 3216

Вопрос о командировании в Мариуполь капитана 2-го ранга Матисена и капитан-лейтенанта Колчака был доложен товарищу морского министра. Его Превосходительство выразил свое согласие на эту командировку.

На командирование капитан-лейтенанта Колчака Морской генеральный штаб препятствия не встречает. Распоряжение на выдачу прогонных денег уже сделано Главным гидрографическим управлением непосредственно.

За начальника картографической части

Лейтенант (Подпись)”¹

Колчак и Матисен, ознакомившись с проектом Мариупольского (Николаевского) завода, спешат в Петербург и докладывают результаты на Комиссии по изучению СЛО.

¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 240.

Перед этим адмирал Верховский поручает Колчаку подготовить памятную записку “О плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья Енисея до Берингова пролива”.

Записка одобрена и передается начальнику Главного гидрографического управления А.Ип. Вилькицкому (см. в Приложении IV полный текст записки (автограф Колчака)). Обсуждение записки Колчака проходило на различных совещаниях Комиссии. Вот один из фрагментов, связанный с такой дискуссией:

Выписка из журнала совещания Комиссии по изучению СЛО¹:

«В заседании Комиссии по рассмотрению вопроса о продолжении гидрографических работ в СЛО, имевшим место 6 октября с.г. (1907), из обмена мнениями выяснилось, что более или менее регулярное и безопасное плавание вдоль северных берегов Европы и Азии не может считаться делом невозможным и невыполнимым, но требующим к себе самого серьезного отношения и целого ряда подготовительных работ, и прежде всего возможно подробного гидрографического изучения этих малоизвестных вод, равно как и описание омываемых ими берегов, изученных также только местами и очень неполно”.

Тем временем строительство ледокола на Невском судостроительном заводе получает одобрение всех высоких инстанций. Колчак и Матисен начали вести наблюдение за ходом строительства. Чиновники Морского министерства не торопятся, и только в середине ноября 1907 г. оформляют назначение наблюдателей документально с включением даже скромных сумм (обратите внимание) на транспортные расходы:

“Министерство Морское Главный морской штаб
В Главное гидрографическое управление²
от 16 ноября 1907 г.

Вследствие ходатайства Отдела сооружений Главный морской штаб по приказанию И.Д.³ начальника штаба уведомляет, что капитан 2-го ранга Матисен назначается наблюдающим за постройкой на Невском судостроительном заводе одного из двух (ледоколов) пароходов для гидрографической экспедиции в СЛО.

Что касается назначения капитан-лейтенанта Колчака наблюдающим за постройкой другого парохода, то об этом будет сообщено дополнительно по получении ответа из Главного морского штаба.

Выдать на расходы (на разъезды) 69 р. до 1 января 1908 г.

Старший делопроизводитель Подпись
капитан 1-го ранга
Делопроизводитель Подпись”
капитан-лейтенант

«Решив заняться всецело делом экспедиции, – вспоминает на допросе 1920 г. Колчак, – я в 1908 г. ушел из Генерального штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов на Невском судостроительном заводе.

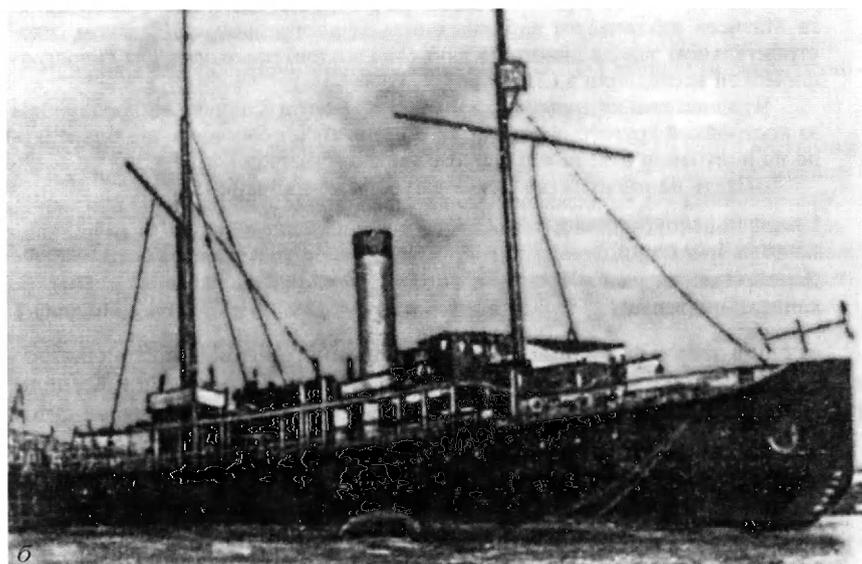
¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 249.

² РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 266.

³ Исполняющего дела.

Ледокольные
пароходы Вайгач (а)
и "Таймыр" (б)

В 1909 г. суда были спущены, и мы осенью ушли на Дальний Восток с тем, чтобы летом 1910 г. пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал “Вайгачом”, “Таймыром” же командовал сначала Матисен. Это были суда ледокольного типа. Идея их состояла в том, чтобы лед суда не ломал и не давил. Поэтому они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае – это большой радиус действия, и ледокольного типа суда учитывают эту идею ударов и сжатия льда» [6, с. 259].

В первое плавание ледоколы обследовали Берингов пролив, основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений был мыс Дежнева. К нему и направились корабли в навигацию 1910 г.

Ледоколы были оснащены самым современным морским оборудованием и научной аппаратурой для проведения океанографических и глубоководных гидрологических исследований. Оба ледокола представляли собой “удачный компромисс между боевым и научно-исследовательским кораблем”, имея артиллерийское вооружение, пушки и пулеметы и вместе с тем прекрасные лаборатории с новейшим научно-техническим оборудованием и инструментами.

“Вайгач” проектировался специально для проведения картографических работ. Во время плавания экспедиции под руководством Колчака удалось провести большую исследовательскую работу и собрать уникальный океанографический и картографический материал.

При переходе из Петербурга во Владивосток ледоколы имели длительную стоянку в Гавре (Франция) в связи с тем, что по вине машинной команды была допущена серьезная неисправность, ее срочно пришлось устранять.

Во время перехода Кронштадт–Суэцкий канал–Владивосток Колчак выполнил большую серию гидрологических и гидрохимических исследований: измерялись температура поверхностной воды, ее удельный вес, для футшточных наблюдений бросались бутылки с записками. В этой работе Колчаку помогал Г.А. Клодт-фон-Юргенсбург. Астрономические работы выполнялись капитаном 2-го ранга Б.В. Давыдовым, позднее он вступил в должность начальника Гидрографической экспедиции Восточного океана в 1913–1915 гг. и руководил морской съемкой берегов Охотского и Берингова морей.

Перед отплытием ледоколов в первый научный рейс А.Ип. Вилькицкий прислал из Главного гидрографического управления полковника-гидрографа И.С. Сергеева, который был назначен начальником всей экспедиции. Колчак его хорошо знал, они неоднократно вместе заседали в Комиссии по изучению СЛО, но отношения Сергеева с другими офицерами экспедиции складывались не очень удачно. Колчака этот вопрос беспокоил, он вспомнил серьезную размолвку барона Толля с командиром “Зари” Н.Н. Коломейцевым.

Конечно, плавание к Берингову проливу могло иметь свои сложности, но умудренный полярным опытом Колчак был полностью уверен, что их удастся избежать.

На пути ледоколов планировался заход в порт Петропавловск-Камчатский. В порту встретились с транспортным судном “Колыма”. Зна-

комый Колчаку штурманский офицер Е. Шильдкнехт, увидев ледоколы-красавцы, попросил разрешения осмотреть “Вайгач”. “Показав мне весь корабль, – писал позднее Шильдкнехт, – Колчак не ограничился этим, а пригласил меня к себе, вытащил кучу чертежей и прочел мне целую лекцию о конструкции ледоколов, условиях образования льдов и торосов и предполагаемых возможностях плавания Северным путем. Обладая колоссальной эрудицией, как общей, так и в этом специальном вопросе, Колчак сделал свою лекцию настолько, не скажу даже интересной, а просто увлекательной, что я не заметил, как пролетели два часа, проведенные с ним. Это побудило меня хлопотать о назначении на ледоколы, и, действительно, штаб Сибирской флотилии назначил меня на “Таймыр”, где я пробыл зиму 1911 г.” [5, с. 49].

Во время плавания на “Вайгаче” Колчак продолжал усиленно заниматься гидрологией, его интересовали течения, особенно на акватории после Берингова пролива, но детально эти исследования намечалось провести в последующие навигации.

По инициативе Колчака проводился большой комплекс работ. В гидрологические журналы записывались характер и проходимость льда, его границы наносились на особые “ледяные карты”, замерялись толщина торосов, высота ледяных гор, температура льда на различных глубинах. “Вайгач” был специально оборудован для производства картографических работ (так была составлена за № 794 карта бухты Наталии).

Командир “Вайгача” капитан 2-го ранга Колчак принимал личное участие во всех исследованиях...

Здесь уместно вернуться на десятилетие назад к записи, сделанной Колчаком в экспедиционном дневнике 1900 г.: “Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой; я считаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цели предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющей никакого отношения к ходу самого дела, – это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь больше способностей управлять и руководить всем делом, входить в жизнь и внутренние мелочи хозяйства, а не быть “экскурсантом” с “научными” целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или научные задачи. Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того чтобы выполнять и руководить ходом морского предприятия, прежде всего необходимо быть моряком...” [41, с. 35].

Осенью 1910 г. в Беринговом проливе у скалистых берегов мыса Дежнева знаменитый полярник, капитан 2-го ранга А.В. Колчак закончил свои научные плавания и, как показали дальнейшие события..., навсегда.

“Осенью, – вспоминал Колчак, – мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток я получил телеграммы от того же Воеводского, бывшего морским министром, и начальника Морского генерального штаба князя Ливена. Ливен был начальником Генерального штаба после Брусилова и, несмотря на свое немецкое происхождение, был страшным противником нем-

цев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петербург и продолжить мою работу в Морском Генеральном штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало производить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания я дал свое согласие на возвращение” [6, с. 260].

Так приостановил свои научные изыскания в арктических широтах Александр Колчак, “оставаясь в душе навсегда полярным мечтателем, жизненным младенцем и политическим идеалистом”. Здесь перефразированы слова военного министра правительства Колчака барона А.П. Будберга, взятые из его книги “Дневник белогвардейца” (Л., 1929 г. С. 224).

А дальше... дальше идет период жизни Адмирала Колчака. Его ждали Морской генеральный штаб, Балтика, Минная дивизия, Черноморский флот и большая политика Верховного правителя России с трагическим финалом на берегу Ангары...

Познакомим читателя с фамилиями офицеров флота Российского, принимавших участие в первом арктическом плавании (1910 г.) под руководством А.В. Колчака и А.А. Маклинского¹ на ледоколах “Вайгач” и “Таймыр”. Личный состав экспедиции на ледоколах “Вайгач” и “Таймыр” состоял из 94 человек. На борту каждого судна находилось 6 офицеров, врач и 40 человек команды из матросов-добровольцев флота. Приведем ниже списочный состав офицеров – участников первого плавания на “Вайгаче” и “Таймыре”:

	Годы плавания
1. Э.Е. Арнгольд (врач)	1909 – 1915
2. Г.Л. Брусилов	1909 – 27.2.1912
3. Н.А. Гельшерт	1909 – 1.10.1915
4. Б.В. Давыдов	28.8.1910 – 25.3.1913
5. Г.А. Клодт-Юргенсбург	1909 – 27.2.1912
6. А.В. Колчак	1908 – 28.8.1910
7. К.В. Ломан	1909 – 18.3.1913
8. А.А. Маклинский	1909 – 1910
9. Ф.А. Матисен	1908 – 1909
10. В.В. Нилендер	1909 – 21.4.1914
11. Б.А. Нольде	1909 – 12.3.1912
12. А.К. Пилкин	1909 – 1910
13. И.С. Сергеев	2.11.1910 – 1915
14. Л.М. Старокадомский	1910 – 1915

В 1918 г. “Вайгач” наскочил в тумане на подводную скалу в Енисейском заливе и затонул. В 1919 г. “Таймыр” сел на камни в районе Новой Земли, но команде удалось спасти корабль. “Таймыр” многие десятилетия благополучно плавал в Северном Ледовитом океане и только в 1956 г. был окончательно списан из славных рядов ледокольного флота.

¹ В Северном море во время шторма кочегары “Таймыра” спустили воду из котлов, в результате просели топки. В Гавре пришлось производить двухмесячный ремонт. В связи с аварией Ф.А. Матисен был отозван в Порт-Саиде и ему на смену прибыл капитан 2-го ранга А.А. Маклинский.

Монография А.В. Колчака “Лед Карского и Сибирского морей” и другие научные труды

Книга, написанная в Ледовитом океане

Отделение физико-математических наук Императорской академии наук постановило 22 марта 1906 г. издать труд лейтенанта А.В. Колчака “Лед Карского и Сибирского морей” в “Записках Императорской академии наук” [76, с. XXVI]. Спустя три года он был опубликован.

С 20-х годов монография Колчака у нас в стране находилась под строгим запретом, и за минувшие восемь десятилетий на его труд не было сделано в отечественной научной литературе по гляциологии практически ни одной ссылки, а исследование его определенно заслуживает внимания специалистов, хотя еще американцами был сделан перевод отдельных разделов монографии, глава “Арктический пак и полынья” из его монографии была включена в сборник “Проблемы полярных исследований” (специальный выпуск № 7. Нью-Йорк, 1928) вместе с такими известными именами, как Ф. Нансен, У. Нобиле, выдающийся австралийский исследователь Антарктиды Д. Моусон (1882–1958) и многие другие [77].

Книги, посвященные Арктике и написанные на основе практического опыта, будь то плавание среди льдов или переходы на собачьих упряжках, представляют особую ценность. Каждая экспедиция по-своему увлекательна и драматична. Вот что пишет Х. Боерхаава в предисловии к голландскому изданию знаменитой книги итальянца Л.Ф. Марсильи (1658–1730) “Физическая география моря”, вышедшей в свет в 1786 г.: “Это редкое и удивительное дело, когда автор находится не в своем кабинете, а в открытом море, не в тишине и одиночестве, а там, где легко расстанутся с жизнью. Сколько тревог и трудностей ему пришлось преодолеть, чтобы написать эту работу, которой он посвятил годы с 1680 по 1725. Берите и пользуйтесь всем, что собрано с такими большими усилиями; напрасно вы будете искать что-либо в других местах, только в этой работе вы найдете огромное количество сведений” [78, с. 352].

Эти слова могут быть отнесены и к исследованиям Александра Васильевича Колчака, выполненных им в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг.

Как участнику Русской полярной экспедиции Толля и Спасательной экспедиции Колчаку пришлось выполнять всевозможные работы и поручения, но как ученый-исследователь на протяжении длительного времени он занимался изучением различных, по его выражению, “мета-

AMERICAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

SPECIAL PUBLICATION NO 7

Edited by W. L. G. JOERG

PROBLEMS OF POLAR RESEARCH

A SERIES OF PAPERS

BY

THIRTY-ONE AUTHORS

AMERICAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

BROADWAY AT 156TH STREET

NEW YORK

1928

Титульный лист американского сборника, включающего главу XI
из монографии А.В. Колчака

морфоз льда”, что в дальнейшем вошло в его монографию. “Основанием для этого исследования, – пишет он в предисловии, – служат наблюдения надо льдом в Карском и Сибирском морях, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Новосибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900, 1901, 1902 и 1903 гг. [50, с. 1].

В монографии подробно освещаются работы более ранних арктических экспедиций: лейтенанта Ф. Врангеля в полярных широтах (1820–1824), лейтенанта К. Вейпрехта (1872–1874), Н.А.Э. Норденшельда (1878–1879), которому впервые удалось осуществить плавание из Атлантического океана в Тихий полярными морями, академика Императорской АН Александра Миддендорфа на север и восток Сибири (1842–1845).

Монографическое исследование Колчака занимает более 170 стр. с приложением 11 таблиц, содержащих 24 фотографии различных форм льда. В работе 11 глав: 1. Замерзание морской воды в бухтах и на плесах, свободных от присутствия старого льда. 2. Замерзание морской воды и образование ледяного покрова в открытых местах. 3. Взламывание ледяного покрова и образование торосов в период осеннего замерзания моря. 4. Снежный покров на ледяной поверхности моря. 5. Береговой припай и его развитие в зависимости от конфигурации берега, рельефа дна и образования стоячих торосов или стамух. 6. Явления, связанные с колебанием уровня моря при приливе и отливе. 7. Ледяной покров во время зимы. 8. Таяние ледяного покрова. 9. Вскрытие моря и разрушение подвижного ледяного покрова, образующего развитый ледяной припай. 10. Ледяной покров после вскрытия моря. 11. Арктический пак и полынья.

Названия глав говорят сами за себя. Автор детально рассматривает все встречающиеся в Арктике разновидности льда, описывает сезонное изменение ледяного покрова, физико-географические условия, влияющие на формирование–разрушение ледяных масс. Он отмечает, что процессы замерзания, таяния, торосообразования в арктических морях, казалось бы, должны быть идентичны, но, поскольку в гидрологическом отношении морская вода различна, в каждой акватории имеются свои особенности.

Колчак обращает внимание на различное строение льда Карского и Сибирского морей. По его мнению, большие глубины Карского моря формируют обширные гладкие площади льда, а для Сибирского моря характерны наличие стамух, частое разрушение неподвижного ледяного покрова, напозание торосов на береговой припай. “Что же касается области Ледовитого океана, омывающей берега американского арктического архипелага и Аляски (Бофортово море), – говорит автор, – то она, по-видимому, находится вне влияния определенных ветров и течений, располагаясь на так называемом ветроразделе, идущем от Берингова пролива к северному берегу Гренландии” [50, с. 162].

В книге обобщаются результаты наблюдений над образованием ледяного покрова в открытом море: у берегов западного Гаймыра, около о-ва Беннетта, у западного берега о-ва Котельный и северо-восточных берегов Новой Сибири. С познавательной и историко-научной

точек зрения весьма важными представляются взгляды Колчака на развитие торосообразования в области берегового припая Карского и Сибирского морей. Им описываются следующие районы наблюдений: у мыса Стерлигова, вдоль берега Харитона Лаптева до мыса Медведева, район Норденшельдовых островов, губа Нерпичья, залив Толля, южный берег Земли Бунге, северные берега Фаддеевского острова, Благовещенский пролив, море к северу от мыса Высокого Новой Сибири, проливы Санникова, Этерикана, Дмитрия Лаптева, берега Ляховских островов и т.д.

Впервые в научный оборот им введен ряд терминов, которые получили широкое распространение не только в отечественной литературе, но и за рубежом, например “стамуха”. “Ставший на мель торос, – пишет Колчак, – является началом для еще более мощных нагромождений взломанного льда (который я позволю называть поморским термином “стамухи”), достигающих до 10 (21,3 м) и более сажень высоты над уровнем моря и образующих настоящие ледяные острова. Мне лично пришлось измерить самое большое из виденных мною такое образование в 57 футов, Врангель же свидетельствует о стамухах более 100 футов (30,48 м) высотой. Эту 57-футовую стамуху, стоящую на мели на шестисаженной глубине, я видел и измерил к югу от восточной части Новой Сибири в 1902 г.” [68, с. 490].

Автору данной книге довелось участвовать в 50-м рейсе научно-исследовательского судна “Академик Курчатов”, проводившего работы в Северной Атлантике в 1990 г. Вблизи о-ва Ньюфаундленд мы наблюдали стамухи высотой до 10–20 м – величественные создания природы, застывшие на мелководье. Примечательно, что никто из участников экспедиции, как это ни грустно, ничего не слышал о происхождении термина “стамуха”. Велико было их удивление, когда они узнали, что в научный обиход это слово ввел лейтенант Колчак – тогда еще молодой исследователь Арктики [78, с. 354–355].

В монографии Колчака предпринята успешная попытка дать картину распространения арктического пакового льда в полярном бассейне. Это очень важно, поскольку пограничные области, характерные для разреженного пакового льда, могут быть доступны в период навигации. Кстати, в 1920–1930-е годы данный вопрос был одним из самых актуальных в связи с авиapolетами к Северному полюсу и освоением Северного морского пути.

«Под термином “арктический пак”, – объясняет Колчак, – я подразумеваю многолетний, большей частью набивного образования лед в преобладающей форме полей, т.е. площадей, границу которых с корабля определить нельзя» [50, с. 155]. Отличительными признаками арктического пака являются: огромная мощность, превосходящая мощность льда, образуемого путем набивания в прилегающих к Ледовитому океану морях; многолетний характер набивных образований, т.е. плотность их постепенно увеличивается до такой степени, что массы льда представляются совершенно компактными и однородными; наконец, размеры площадей набивного льда таковы, что выглядят они как мощные торосистые поля.

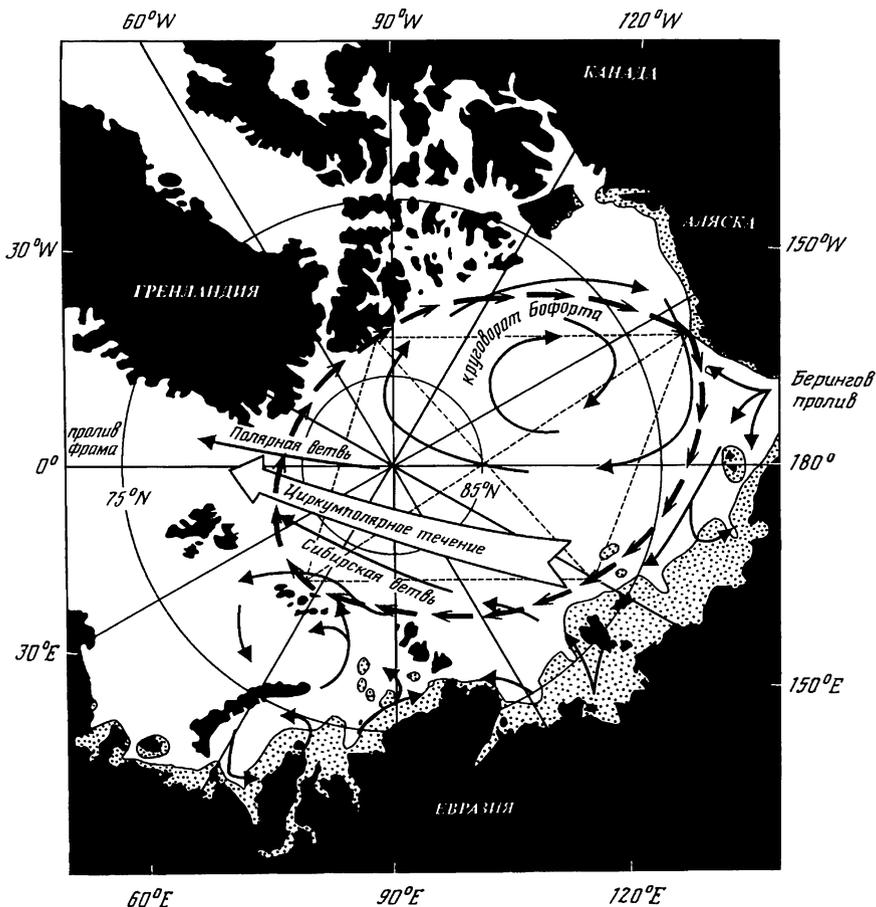

Рис. 6. Схема основных направлений течений и движения льдов в Арктическом бассейне. Эллипс, данный толстыми стрелками, выделен Колчаком (его гипотеза движения льда по большому эллипсу в центральном Арктическом бассейне)

“Арктический пак образует главную массу почти сплошного ледяного покрова, распространяющуюся по всей океанической части полярного бассейна, находящегося в медленном и сплошном движении, результатом которого являются местный напор и сжатие льда с одной стороны, а с другой – образование полыней, каналов и трещин” [50, с. 155].

По мнению Колчака, на западе арктического бассейна граница пакового льда поднимается к северу, а к востоку от о-ва Беннетта постепенно уклоняется к югу. “Арктический пак – пишет он, – постоянно опускается к берегам архипелага Парри, заполняет Бофортово море, подходя близко к берегам Земли Бэнкса и Аляски, вдаётся в северную часть Юкагирского моря (Восточно-Сибирское и Чукотское моря. –

В.С.), подходит вплотную к северным берегам Новосибирских островов, распространяется в открытое с севера Сибирское море, приближается к мысу Челюскина, к северной границе Карского моря и встречается гораздо южнее архипелага Франца-Иосифа, быть может, вблизи мыса Желания Новой Земли. Поля льда из этой области заполняют пространство между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергом и выносятся мощным потоком в Гренландское море, являющееся главным местом, куда разгружается часть массы арктического пака” [50, с. 158–159].

Колчак сформулировал основные направления и конкретизировал движение льдов под воздействием ветров и течений не только в районе Новосибирских островов в соответствии с дрейфом судов “Жаннетты” (американца Джорджа Де-Лонга) и “Фрама” (норвежца Фритьофа Нансена), но и предложил схему движения арктического пака для всего полярного бассейна. Он указал, что говорить о течениях еще преждевременно, но под влиянием ветров движение арктического пака принимает западное направление на меридианах азиатского материка Сибирской Арктики.

По мнению Колчака, арктический пак занимает основную площадь полярного бассейна. Схематически область арктического пака можно представить в виде растянутого эллипса (рис. 6). Большая ось его приблизительно соответствует линии, соединяющей точки Земля Принца Рудольфа (Архипелаг Франца-Иосифа) – мыс Барроу (северный берег Аляски), а малая ось эллипса соответствует линии, соединяющей точки о-ва Беннетта – мыс Альфреда-Эрнеста (западный берег Земли Гранта). Точка пересечения этих осей эллипса приблизительно находится на 180° меридиане и широте 84° (с.ш.). “Площадь, определяемая этим эллипсом, – пишет Колчак, – включает в себе область, постоянно покрытую полями арктического пака, недоступную для навигации” [50, с. 158].

Направление движения “Жаннетты” и “Фрама” как бы совпадает с положением дуги эллипса.

Полярная область, расположенная напротив Азиатского материка, была исследована благодаря дрейфу судов, удалось изучить и установить скорость движения льда в этом сегменте. Было вычислено, что около пяти лет потребуется для льдины, чтобы пройти расстояние от о-ва Геральда (район Берингова пролива) до меридианов Гренландского моря. Далее льдина может попасть в Восточно-Гренландское течение и будет вынесена из полярного бассейна в Атлантический океан.

Непроходимыми и недоступными для навигации остаются крайние области арктического пака, расположенные на меридианах Северной Америки и имеющие тенденцию к напору на берега. Эта область как бы окантована дугой эллипса, проходящей через точки: мыс Барроу – Земля Гранта – архипелаг Франца-Иосифа. Для этой половины отсеченной эллипсом полярной акватории скорость движения арктического пака остается полной загадкой. Лед в этом сегменте, говоря образно, настолько плотный, что ни одна полярная экспедиция в этих краях не сумела побывать.

“Движение льда, – пишет Колчак, – на меридианах Азиатского материка зависит, по-видимому, от ветров, находящихся в тесной связи с распределением атмосферного давления в Сибири.

В течение большей части года огромная барическая возвышенность северо-восточной Азии является основным фактором атмосферных явлений прилегающих районов; в это же время, приблизительно, располагается в Гренландском море область низкого давления. Эти две области высокого и низкого давлений определяют направление движения потоков атмосферы в зимнее время, вызывая в северной части Азиатского материка и прилегающем районе Ледовитого океана южные, юго-восточные, восточные и, наконец, северо-восточные ветры к северу от Шпицбергена. Эти ветры и обуславливают дрейф льда в северо-западном направлении, изменяющемся постепенно на западное к северу от архипелага Франца-Иосифа и юго-западнее к северу от Шпицбергена. Перемены ветра сказываются и на направлении дрейфа, который вообще в известный момент может происходить по любому направлению, но равнодействующая всех этих частных движений будет иметь северо-западный характер, определяемый стоком атмосферы из области высокого давления в более низкую” [50, с. 161].

Обсуждая мощное Восточно-Гренландское течение, Колчак приходит к выводу, что оно, вероятно, связано с Гольфстримом, теплая вода которого найдена Нансеном в азиатском районе Ледовитого океана на больших глубинах и представляет сток воды полярного бассейна, пополняемый Гольфстримом, а также южными течениями Берингова пролива и массами пресной воды, выносимой сибирскими и американскими реками.

“Рассматривая в совокупности все движения арктического пака в различных районах, – пишет Колчак, – можно допустить существование известного круговорота его около центра, расположенного в области под 83–85° северной широты и на 170° западным (западной долготы. – В.С.) – 180° меридианами. Как я уже выше упоминал, нет никакого основания предполагать, что этот круговорот имеет определенную скорость и направление, но его следует рассматривать как возможное движение масс льда, не попавших в Гренландские течения, не вынесенных на юг в какие-либо моря, прилегающие к Ледовитому океану, и могущих через некоторый промежуток времени, пройдя через все меридианы, оказаться приблизительно в одном и том же месте” [50, с. 162].

Современное название “круговорот Бофорта” получил по имени Френсиса Бофорта (1774–1857), английского военного гидрографа и картографа, в 1829–1855 гг. руководившего Гидрографической службой Великобритании. Однако было бы более справедливо дать название “круговорот Бофорта–Колчака”, так как Колчак предложил более уточненные координаты центра этого круговорота (см. рис. 6).

Все высказывания Колчака о движении арктического пака в центральной полярной области указывают на сложный механизм пака, определяемый многими условиями: физико-географическими особенно-

стями бассейна, включая течения, розу ветров, рельеф дна, глубину, климатическими особенностями и т.д.

Выдвинутую в монографии А.В. Колчаком гипотезу растянутого эллипса, в дальнейшем подтвержденную многими исследованиями, выполненными в Арктике, мы предложили, как уже говорилось, называть “гипотезой большого эллипса Колчака”.

А.В. Колчак уточнил движение основных струй течения в Беринговом проливе: одна несет теплые тихоокеанские воды вдоль Сибирского берега до мыса Сердце-Камень и далее поворачивает на северо-запад к о-ву Геральд, расположенному в 300 милях от о-ва Врангеля, другая ветвь направляется вдоль американского берега и далее принимает северо-восточное направление (см. рис. 6).

Движение льда на меридианах Азиатского материка, по мнению Колчака, зависит, по-видимому, от ветров, находящихся в тесной связи с распределением атмосферного давления в Сибири.

Обсуждая название “Сибирское море”, А.В. Колчак отмечает: «...Некоторые географы приняли термин “Норденшельдово море” после плавания Норденшельда на “Вега” в 1878 г. С этим термином, который то появляется на картах, то исчезает, на русских же, английских и американских в большинстве случаев отсутствует, трудно согласиться, считая, что для его принятия нет достаточного основания, т.к. первое плавание по этому морю по тому же самому прибрежному пути, которым шла “Вега”, было совершено в 1735 и 1736 гг. лейтенантом Прончищевым на дубель-шлюпе “Якутск”, а второе – лейтенантом Харитоновым Лаптевым на том же судне в 1739 и 1740 гг.

В географии нет названия для моря, лежащего к востоку от Ляховских и Новосибирских островов, и это вынуждает дать ему отдельное наименование. Я называю это море Юкагирским в память народа, по преданиям очень многочисленного на его берегах и ушедшего на какие-то предполагаемые земли, расположенные на севере этого моря» [50, с. 156].

Колчак был незаурядным гидрохимиком. Он занимался измерением солености, собирал пробы для лабораторных исследований растворенных газов в морской воде: кислорода, азота и диоксида углерода, много внимания уделял сбору проб для определения химических компонентов основного солевого состава. Эта сторона его исследований в опубликованной монографии отражается лишь частично: предполагалось посвятить вопросам гидрохимии отдельную работу [79, с. 16–29].

Собранный Колчаком обширный материал гляциологического характера не утратил своего научного значения и в наши дни. Как показывают современные исследования западной части Карского моря близ Новой Земли, распределение радионуклидов в твердой фазе воды (то есть во льду), а также формирование и движение льда в Карском море пока еще мало изучены, и монография Колчака остается хорошим подспорьем для современных гляциологов, океанологов и радиохимиков [80]. Описание различных форм льда им проведено столь детально, что можно смело утверждать: этот труд не имеет аналогов. А ведь свои работы Колчак начал проводить в таких районах арктического бассейна,

где суша и море были знакомы только птицам. Редкие мореплаватели приходили в это царство льдов за рыбой и морским зверем, не причиняя природе ни малейшего ущерба. И вот прошло несколько десятилетий... В геологическом летоисчислении – совсем небольшой срок, но за это время экспансия человека в прибрежно-шельфовую зону Арктики значительно осложнила экологическую обстановку [81, с. 130–133]. Особую опасность представляет нефтяная пленка, увеличивающая более чем в 10 раз таяние снежно-ледового покрова по сравнению с чистыми участками.

Колчак разработал и предложил модель формирования и развития морского льда, включающую четыре фазы и рассматривающую процессы появления как первых кристаллов на поверхности воды, так и дальнейшую трансформацию их в мощные образования многолетнего льда, покрывающего значительные площади в Арктике [82].

Так, на первом этапе в результате сильной потери тепла поверхностным слоем воды начинают выделяться кристаллы в виде ледяных игл или пластинок. Их выделение происходит на поверхности и распространяется на некоторую глубину в морской воде.

На втором этапе идет процесс смерзания отдельных кристаллов льда между собой. Первоначально образуется ледяная каша из слабосоединенных игл и небольших пластинок льда. «Поверхность воды принимает при этом вид застывшего сала с особенным серовато-стальным или свинцовым оттенком. В зависимости от этого вида, такое первичное явление замерзания моря получило название “ледяного сала”» [50, с. 4].

На третьем этапе идет формирование новой ледяной фазы. Процесс смерзания ледяных пластинок и игл не происходит равномерно, а развивается вокруг центров кристаллизации. “Кристаллы или пластинки льда, – продолжает Колчак, – образуют небольшие площади, имеющие вид довольно правильных кругов диаметром 30–60 см или даже 90 см. Это явление называется “блинчатым льдом” и имеет место также при спокойном состоянии атмосферы и моря. Первоначально образованный блинчатый лед, равно как и ледяное сало, представляют из себя легко распадающуюся форму, при относительно легком ветре и волнении ледяное сало и блинчатый лед исчезают, но стоит только наступить штилю, как они возникают вновь. Блинчатый лед, образовавшийся в течение нескольких часов, представляется уже довольно устойчивым, и легкое волнение не разрушает его, причем отдельные диски, соприкасаясь между собой, образуют по своим краям небольшие валики из слабосоединенных пластинок льда, получая вид плоских сковородок” [50, с. 3–4].

На четвертом этапе начинает постепенно увеличиваться толщина льда, он делается прочнее, диски блинчатого льда начинают срастаться между собой, что происходит благодаря срастанию кристаллов в промежутках между дисками, и “образуются более или менее обширные части сложных ледяных поверхностей, причем валики по краям дисков высотой 1–2 см придают поверхности замерзающего моря вид как бы покрытой крупной сетью. При очень спокойных условиях замерзания упомянутых валиков может и не быть, тогда ле-

дяные диски образуют совершенно гладкую ледяную поверхность. Таким образом, идет процесс смерзания блинчатого льда, и на четвертом этапе развития морского льда образуется сплошной ледяной покров.

Четко сформулированная А.В. Колчаком многофазная схема развития морского льда используется без указания автора во многих современных пособиях и учебниках по океанографии как классический вариант (см.: *Истошин Ю.В.* Океанография. Л., 1956, с. 162–164; *Зубов Н.Н.* Морские воды и льды. М., 1938, с. 310–320).

Таковы некоторые научные выводы А.В. Колчака, изложенные им в монографии “Лед Карского и Сибирского морей”. Нелегкой оказалась судьба книги, но этот исключительный факт находит отражение в мудрости народной: “Написанное пером не вырубешь и топором”.

Гидрология помогает проникать в тайны морских глубин

Большой научный интерес представляет выполненный Колчаком перевод статьи Мартина Кнудсена “Таблица точек замерзания морской воды”. В этой статье раскрываются определенные закономерности в распределении солености и точек замерзания морской воды.

“Настоящая статья, – пишет Колчак, – представляет перевод замечательной работы норвежского гидролога Мартина Кнудсена, известного своими гидрографическими таблицами, которые имеют значение первостепенной важности для каждого, занимающегося океанографией или гидрологией. Работа эта, состоящая из небольшой таблицы, в которой заключаются постоянные величины, определяющие явление замерзания морской воды, особенно важна для исследователей северных морей, где приходится иметь дело с явлениями замерзания.

Первые точные исследования по вопросам замерзания морской воды были произведены профессором Петтерсоном в Стокгольме над пробами воды Сибирского моря, привезенными экспедицией Норденшельда на “Вега”. Результаты исследования профессора Петтерсона имели до появления труда М. Кнудсена большое значение и представляются в виде небольшой таблички, которую я (Колчак. – В.С.) считаю полезным привести полностью ввиду интереса сравнения ее с современной таблицей Кнудсена. Увеличение удельного веса на 0,00014 понижает точку замерзания морской воды на 0,01 °С. Профессор Петтерсон замечает, что на основании этой таблицы можно получить удельный вес и соленость морской воды, наблюдая точку замерзания ее при помощи чувствительного термометра.

Переходя к работе Кнудсена, легко видеть преимущество и полноту результатов его исследований сравнительно с только что приведенными и огромной важности факт существования, так сказать, “критической солености” морской воды, при которой совершенно изменяются ее свойства” [83, с. 25–26].

Важно отметить не только некоторые детали гидрологического характера в “Таблице”, подчеркнутые переводчиком, но и сам интерес Колчака к проблемам океанографии, ведь в это время он уже много сил отдавал вопросам возрождения флота Российского, но увлеченность научными исследованиями у него сохранилась на протяжении всей его жизни [84, с. 6].

В конце 1906 г. Колчак подготовил, как мы уже говорили, весьма важный материал для Главного гидрографического управления (см. Приложение IV).

Вскоре он готовит для Комиссии по исследованию Северного морского пути “Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России” и “Материалы к вопросу об исследовании берегов Сибири”, а также для практического руководства инструкцию “Замерзание Балтийского моря и заливов”.

В апреле 1907 г. Колчак закончил работу для Комиссии по изучению СЛО “Об экспедиции в Карское и Сибирское моря”. Осенью этого года вместе с Ф.А. Матисеном проводит фундаментальное обследование различных судостроительных заводов. Анализируя проекты кораблей для работ в полярных широтах, он сделал окончательный выбор в пользу проекта ледокола.

* * *

Научные материалы, собранные Русской полярной экспедицией, оказались весьма значительными, и стало ясно, что их научная обработка потребует много лет. После выхода в свет монографии Колчака [1909] были намечены предполагаемые издания и подобраны специалисты, взявшие на себя труд подготовить соответствующие разделы для публикаций.

Изыявили согласие разработать и собрать воедино материалы экспедиции по следующим темам:

Каминский А.А. – метеорологические наблюдения;
Штеллинг Э.В. – магнитные исследования;
Вилькицкий А.Ип., генерал-майор, – данные по качанию маятника;
Бухтеев А.М., капитан 2-го ранга, – астрономические наблюдения;
Бялыницкий-Бируля А.А. – наблюдения над северным сиянием;
Лебединцев А.А. – гидрохимические исследования;
Бухтеев А.М., капитан 2-го ранга, – наблюдения над приливомером;
Шокальский Ю.М., генерал-майор, – гидрологические исследования;
Колчак А.В., лейтенант, – картография.

Публикация всех научных трудов Русской полярной экспедиции оказалась делом весьма дорогостоящим. Кредиты, выделяемые на издание, обсуждались и утверждались Государственной Думой, где иногда высказывались различные сомнения в целесообразности такого дорогостоящего предприятия. В архиве Академии наук сохранилось интересное письмо к министру народного просвещения от члена Государственной Думы Капустина, в котором он ставит ряд вопросов по поводу

кредита на содержание Комиссии по изданию трудов РПЭ в 1909 г. Приводим эти вопросы полностью:

“1. Из кого состоит упоминаемая в представлении Комиссия по изданию трудов Русской полярной экспедиции?”

2. Кем устанавливаются необходимость и размеры расходов, производимых по изданию трудов экспедиции, а также контроль их целесообразности в связи с быстротой выполнения работ?

3. Какая роль в ходе этой работы принадлежит Академии наук и ее персоналу, состоящему на государственной службе?

4. Лица, получающие ежегодно в течение ряда лет постоянные оклады, означенные на стр. 8 представления в сумме 5580 р., принадлежат ли к составу служащих при Академии или это лица сторонние, привлеченные по вольному найму для работы при комиссии?

5. Не может ли быть дано хотя бы приблизительное указание, сколько лет еще может продлиться обработка и издание трудов экспедиции и какие потребуются на это суммы из государственного казначейства?

6. В силу каких соображений значительная часть изданных и печатаемых специальных работ по материалам Русской полярной экспедиции печатается на немецком языке, даже при несомненно русских именах авторов, как это видно в особенности по отделу зоологии? 5 ноября 1908 г.”¹

Из поставленных вопросов видно, что г-н Капустин ратует об экономии и рачительном использовании государственных средств, и такая позиция члена царской Государственной Думы становится для нас предметом восхищения и, конечно, хорошим примером для подражания. Конечно, дела столетней давности – не указ нынешним госдумовцам. А жаль! Добру учиться не грех и у царских чиновников.

Минувшие десятилетия сохранили для потомков весьма любопытный документ – смету расходов на издание трудов РПЭ с 1904 по 1911 г. Из представленной ниже сметы видно, что расходы довольно значительные. К примеру скажем, вспоминая, что за шхуну “Заря” было уплачено 60 тыс. рублей, а ведь на судне жили и плавали 20 человек на протяжении трех лет, издание же трудов во много раз превышает стоимость судна.

“Справка о кредите на издание трудов Комиссии по снаряжению
Русской полярной экспедиции

Получено кредитов:

в 1906 г.	30 000 р.
в 1907 г.	16 060 р.
в 1908 г.	16 580 р.
в 1909 г.	14 080 р.
Всего	76 720 р.

Расход

По ассигновкам, выданным Правлением по требованиям Комиссии	7 542 р. 18 к.
---	----------------

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 199.

Из отпущенных в 1906 г. по смете Министерства народного просвещения 15 000 р. и по смете Академии наук 15000 р. (документы представлены в Гос. контроль)...

30 000 р.

Из выданных в разное время под отчеты сумм израсходовано:

в 1904 г.	8509 р. 98 к.	}	33 291 р. 79 к.
в 1905 г.	90 р.		
в 1906 г.	1558 р. 82 к.		
в 1907 г.	3048 р. 77 к.		
в 1908 г.	6621 р. 22 к.		
в 1909 г.	5560 р. 99 к.		
в 1910 г.	6267 р. 60 к.		
в 1911 г.	1634 р. 41 к.		

Итого израсходовано

70 833 р. 97 к.

Остается кредита

5 886 р. 03 к.

Делопроизводитель Комиссии

В.А. Рышков

26 мая 1911 г.”¹

Обработка картографических материалов осталась незавершенной

Записанные за Колчаком картографические работы по материалам Русской полярной экспедиции так и не были им завершены. Опубликованные в 1906 и 1908 гг. четыре карты (№ 679, 681, 687 и 712 [см. в Опубликованных работах Колчака]) оказались итоговыми в его деятельности на этом трудном поприще, а в 1911–1912 гг. он уже целиком отошел от научных изысканий и начал читать лекции на дополнительном курсе Военно-морского отдела Николаевской морской академии.

В 1912 г. Колчак перешел в действующий флот по настоятельной рекомендации командующего Балтийским флотом адмирала Н.О. Эссена. Колчаку доверяют в апреле 1912 г. командование эскадренным миноносцем “Уссуриец”. Весной 1913 г. Колчака назначают флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала Эссена, одновременно он командует эсминцем “Пограничник”, так называемым посыльным судном адмирала Эссена [85, с. 427–428].

В декабре 1913 г. за отличие по службе Колчака производят в капитаны 1-го ранга. Осуществилась его давняя мечта, долго он вынашивал в мыслях это звание, а теперь тяжелым бременем ответственности золотых погон оно легло на его плечи. Вот и прощай, наука! А с ней прощай и мечта о Полюсе!

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 264.

Колчак практически перестает бывать в Императорском русском географическом обществе. Он не участвует в рассмотрении новых программ экспедиций к Северному полюсу. Уже без советов Колчака ушли на поиски полярной вершины Земли молодые российские колумбы – лейтенант Георгий Брусилов (1884–1914?), геолог Владимир Русанов (1875–1913?). Ушли, как и Толль, ...навсегда. Только яркий шлейф славы полярных первопроходцев сопутствует теперь их именам и будет еще долго сопровождать и высвечивать деяния славных сынов отечества, бросивших вызов гордой и неприступной Арктике, подарив ей свою молодость и навсегда оставшихся лейтенантами.

Знаменитый капитан Свердруп, два десятилетия назад начавший свое фантастическое плавание на “Фраме” и с блеском завершивший трехлетний дрейф, прославил свое отечество, а вместе с ним себя, Фритьофа Нансена и всех остальных участников экспедиции.

В 1915 г. капитан Свердруп на судне “Эклипс” пытался отыскать хотя бы следы экспедиций Брусилова и Русанова. Однако угольные проблемы, как и в экспедиции Толля, у капитана Свердрупа на первом плане... В Архиве РАН имеется документ, отражающий проблему с углем для полярных экспедиций:

“Министерство морское

В Русскую полярную комиссию

11 февраля 1915 г., № 1086

Главное гидрографическое управление

Начальник экспедиции для поисков лейтенанта Брусилова и геолога Русанова капитан Свердруп, он же командир судна “Эклипс”, зимующего в бухте Штеллинга у северного берега Азии в долготе 92° от Гринвича, донес Главному гидрографическому управлению, что с началом навигации он пойдет к острову Диксон за углем, но так как баржа с углем, которую управление отправляет из Красноярска к острову Диксон, может прибыть туда позже прихода “Эклипса”, то он, капитан Свердруп, просит разрешения погрузить на “Эклипс” уголь, сложенный на острове Диксон и *принадлежащий Русской полярной комиссии* (курсив мой. – В.С.).

Сообщая об изложенном, Главное гидрографическое управление имеет честь просить Русскую полярную комиссию разрешить ему воспользоваться принадлежащим комиссии углем и сообщить условия, на которых этот уголь мог бы быть предоставлен в распоряжение Главного гидрографического управления для нужд экспедиции Свердрупа, а равно и экспедиции флигель-адъютанта, капитана 2-го ранга Вилькицкого.

Ответ Главное гидрографическое управление просит сообщить, если возможно, в скорейшем времени, так как радиотелеграфные сношения с обеими упомянутыми экспедициями возможны далеко не ежедневно, а лишь при особо благоприятных условиях атмосферы.

Начальник Главного гидрографического управления,

Генерал-лейтенант М.Е. Жданко

Заведующий гидрометеорологической частью

Л.Л. Брейтфус”¹

Но самое удивительное – на о-ве Диксон склады угля, принадлежавшие Русской полярной экспедиции, сохранились. Усилиями лейте-

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 300, 300 об.

нанта Коломейцева была организована еще тогда первая угольная база на Диксоне, для нее уголь был закуплен в Красноярске аж в 1901 г. Этот уголь был сплавлен по Енисею до устья, а там уже Коломейцев, арендовав речной пароход “Скотия”, принял на себя командование и отплыл к Диксону. Коломейцев в порту Диксон построил складское помещение для предохранения угля от выветривания и сделал это настолько качественно и мастерски, что прошедшие полтора десятилетия не отразились на горючих свойствах топлива. Выгрузил на склад Коломейцев ни много, ни мало, а 1300 мешков, или 105 т угля.

Далее Коломейцев отправился на “Скотии” в обратный путь, потратив на всю операцию, как он сам указывает в отчете, трое суток и один час, а следовательно, сэкономив на аренде судна большие суммы.

И вот спустя полтора десятилетия этот уголь может быть использован на поиски вновь пропавших полярников – Г.Л. Брусилова и В.А. Русанова, неустрашимо шагнувших, как и Толль, навстречу арктической тайне...

* * *

Великие открытия славных сынов Отечества Российского продолжили Эдуард Васильевич Толль и его сподвижник и верный соратник Александр Васильевич Колчак.

Имя Э.В. Толля увековечено многими географическими названиями, воды морей и океанов режет форштевнем гидрографическое судно “Эдуард Толль”, выполняющее большие комплексные исследования в Мировом океане вот уже много лет.

Воздавая должное выдающимся полярным исследователям и отмечая их заслуги перед Отечеством, нам сегодня стоит подумать и о возвращении исконных исторических названий Арктике. Многие из них, как отмечают специалисты по топонимике, носят мемориальный характер и помогают проследить героическую летопись первопроходцев и первооткрывателей российского Заполярья. Между тем репрессиям подверглись не только люди и их труды, но и целые острова: среди них – о-в Колчак, который обозначен на всех дореволюционных картах. Чтобы этот кусочек Арктики не остался безымянным, в 1939 г. он получил название о-в Расторгуева.

Русская полярная экспедиция нанесла на карту Арктики около двухсот новых географических наименований. Есть острова, названные в честь великих тружеников и преданнейших друзей человека, его главных помощников в северных широтах – экспедиционных собак. Это острова Тугун, Корсар, Грозный в архипелаге Норденшельда в Карском море.

Пришло время реабилитировать и остров Колчак – ведь он олицетворяет выдающегося полярного исследователя-океанолога и гидрографа Колчака (см. карту 1908 г. издания: рис. 3, с. 104).

Необходимо также сделать достоянием широкой научной общественности фундаментальный труд Колчака “Лед Карского и Сибирского морей”, который и по сей день представляет значительный научный интерес. Прошло более 90 лет со времени первой публикации книги. Надеемся увидеть данную книгу в новом современном издании к 100-летию ее выхода. Переиздание книги – это дань признанию и памяти великого мореплавателя и патриота России А.В. Колчака.

Эпилог

А.В. Колчак после 1912 г. окончательно отошел от научной деятельности и был полностью увлечен работой в Морском генеральном штабе и службой во флоте. Имеются свидетельства, что идеи освоения Арктики сопровождали А.В. Колчака всю жизнь, и даже в 1919 г. он обдумывал план новых экспедиций в Арктику.

«Карта полярных экспедиций, – пишут К. Громов и С. Боголепов, – висела в омском кабинете А.В. Колчака. Подготовка арктических экспедиций совместно с архангельским правительством Е.К. Миллера велась буквально с первых дней омской власти А.В. Колчака. Для гидрографического обслуживания экспедиции в конце 1918 г. создали Дирекцию маяков и лоций. 23 апреля 1919 г. при правительстве Колчака организован Комитет Северного морского пути, во главе которого вскоре был поставлен С.В. Вострин – золотопромышленник, член III и IV Государственных Дум, отстаивавший там и в своих книгах идею Морского пути в Сибирь, участник экспедиций И. Виггинса (1894 г.) и Ф. Нансена (1913 г.).

“Белогвардейскую Карскую экспедицию 1919 года”, как ее называют в советской научной литературе, возглавил Б.А. Вилькицкий. Экспедиция преследовала, кроме военных (доставка оружия) и торговых (сопровождение английских и шведских пароходов), еще и гидрографические цели (специальным отрядом командовал К.К. Неупокоев)» [48, с. 165].

Однако реализовать планы экспедиций в Арктику Колчаку практически не удалось. Тяжелая военная обстановка, экономические трудности и многие другие препятствия оказались для освоения Северного морского пути непреодолимыми преградами.

О своих профессиональных поисках в этот период Колчак достаточно подробно рассказывает после своего ареста на заседаниях Чрезвычайной следственной комиссии в январе–феврале 1920 г.

Это была трагическая исповедь перед “дорогой на эшафот”. Колчак хорошо понимал, что ждет его. Он чувствовал приближение развязки и неизбежный конец полностью проигранного дела. Возможно, подробным и долгим рассказом о своей деятельности на следствии он хотел отодвинуть этот роковой день и час... Мысли его на этот счет останутся вечной тайной. Не следует исключать и возможное желание Колчака оставить подробную и достойную чести офицера флота Российского рассказанную биографию своей деятельности на высоком государственном посту в назидание потомкам, могущим достойно оценить величайшую трагедию морского офицера в те революционные годы и события, значимые как для государства, так и для народа России.

Чрезвычайная следственная комиссия начала допросы Колчака 21 января 1920 г. и завершила их через две недели, 6 февраля – за несколь-

ко часов до его расстрела. Колчак был собран, сосредоточен, старался не выказывать своего волнения, хотя состояние человека, так неожиданно, предательски оказавшегося в руках своих злейших врагов – большевиков, можно понять.

На вопросы следователей он отвечал подробно, но иногда путал даты и смешал временной характер событий.

Колчака выдвинула война. До войны, по словам Колчака, он был “... слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими-нибудь высшими кругами, и потому непосредственных сношений с ними не мог иметь по существу. Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможностей бывать в этой среде, среде придворной, среде правительственной. Соприкасался я с отдельными высшими правительственными лицами только тогда, когда работал в Генеральном штабе, когда я бывал в Думе, где мне приходилось встречаться с министрами, но, кроме своего прямого начальства, я непосредственно ни с кем не мог сталкиваться. Государя я видел в Могилеве, в Ставке. Перед этим я видел его, когда он приезжал на смотры во флот” [6, с. 28].

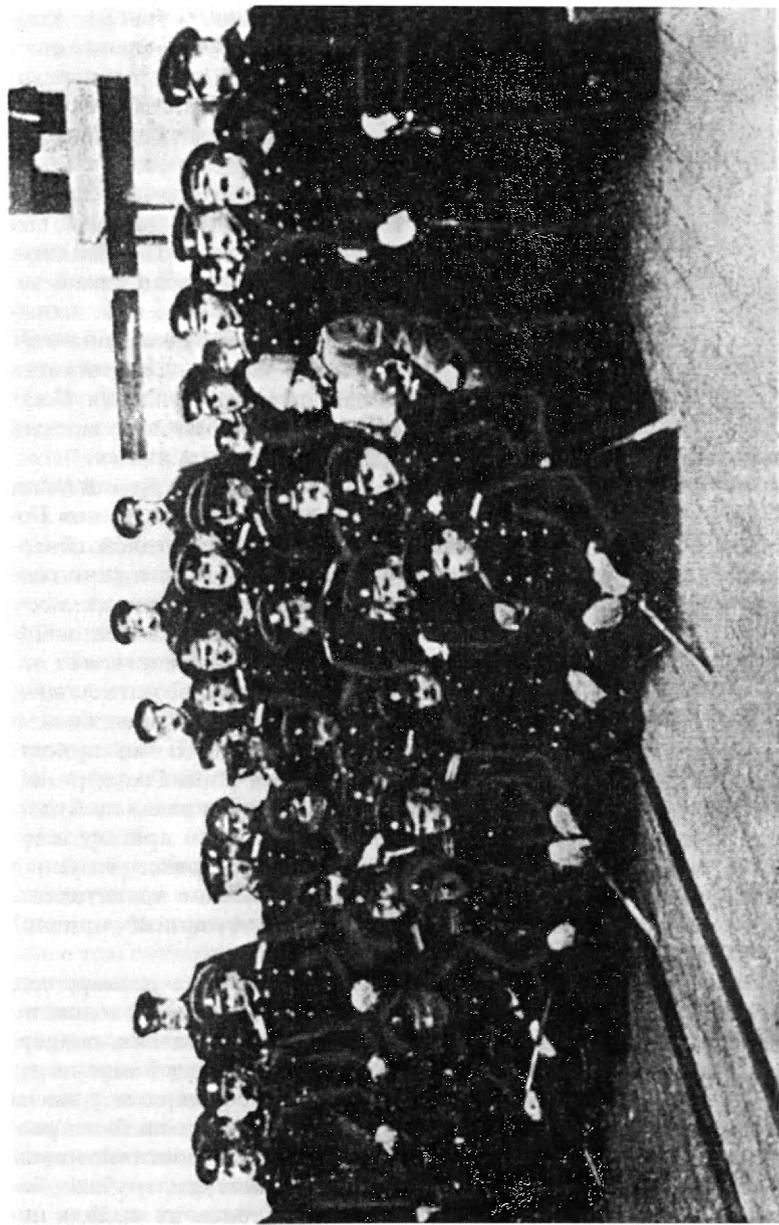
В марте 1913 г. капитан 2-го ранга Колчак принял командование эсминцем “Пограничник”; на нем часто держал свой флаг командующий Балтийским флотом адмирал Эссен. Приблизив к себе Колчака, командующий доверял ему самые ответственные задания. В августе 1913 г. Колчак как командир эсминца вместе с командующим Балтийским флотом принимал на “Пограничнике” Императора Николая II и его свиту. Колчак в этот же день впервые участвовал в завтраке, торжественно организованном на царской яхте “Штандарт”, и был представлен императрице Александре Федоровне.

О своих политических взглядах Колчак повествует так: “Я был монархистом... Не могу сказать, что монархия – это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе” [6, с. 282].

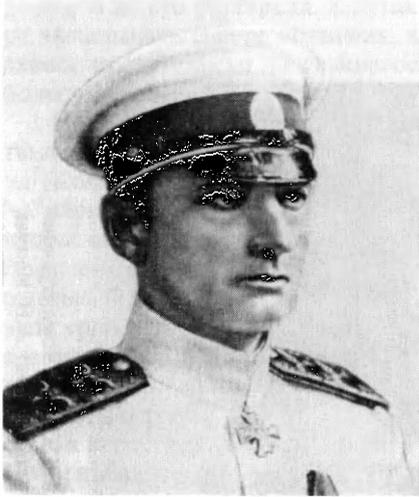
Наконец пришел день, когда Колчаку вручили долгожданные золотые адмиральские погоны. Он был произведен за отличие по службе в контр-адмиралы со всеми вытекающими отсюда благоприятными финансовыми и карьерными последствиями. Это радостное для Колчака событие произошло 10 апреля 1916 г.

А через два с половиной месяца новый феерический взлет самолюбивого и тщеславного флотоводца. Колчак приказом от 28 июля 1916 г. назначен командующим Черноморским флотом и одновременно произведен в вице-адмиралы. Новый командующий отбыл в Могилев в Ставку Николая II для получения соответствующих инструкций и наставлений, а также Императорского Благословения. Необходимо было обезопасить черноморское побережье и порты Новороссийска, Севастополя, Одессы от разбойных набегов германских крейсеров “Бреслау” и “Гебен”, действовавших под турецким флагом.

Новому командующему удалось в короткий срок перекрыть надежно Босфорский пролив минным заграждением.

Визит Николая II на крейсер "Россия" в 1915 г. В центре Николай II. Справа командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен, во втором ряду слева третьим стоит А.В. Колчак

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак

Февральская революция 1917 г. застала Колчака на Черноморском флоте. “Когда совершился переворот, – говорит Колчак, – я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы, ... не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я в начале приветствовал самый факт выступления Государственной думы как высшей правительственной власти.

Лично у меня с Думой были связи, я знал многих членов Государственной думы, знал как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их вступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это морской министр Григорович. Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал, и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда нашему Временному правительству. Присягу я принял по совести, считая это правительство как единственное правительство, которое необходимо было признать, и первый эту присягу принял” [6, с. 283–284].

Весной, а именно 28 февраля 1917 г., в Кронштадте разыгрались страшные события. Все началось с забастовки на судостроительном заводе. Вечером на улицы стали выходить солдаты гарнизона, поддерживаемые матросами минного отряда. Город оказался к утру 1 марта в руках восставших. Матросы жестоко расправились с офицерами, у рва за памятником адмиралу С.О. Макарову на Якорной площади были расстреляны свыше 50 офицеров и арестованы около 200 золотопогонников. По всему Кронштадту стихийно возникали самосуды, грабежи богатых домов, захваты винных складов; пьяные матросы не щадили никого. Главный комендант порта и генерал-губернатор Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен (1870–1917) был заколот штыками на Якорной площади утром 1 марта [48, с. 170].

Однако эти события стали известны на кораблях Черноморского флота далеко не сразу, и когда они получили широкую огласку, то страсти уже поутихли. На Черноморском флоте обстановка оказалась более спокойной, чем на Балтике, и, конечно, главное определялось лояльным поведением командующего флотом А.В. Колчака, к которому многие матросы относились не только с большой симпатией, но даже с любовью и восхищением. Достаточно сказать, что в последующие месяцы, когда Колчак покинул Севастополь, жена и сын командующего скрывались в матросских семьях под чужой фамилией [85].

Военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков (1862–1936) вызвал Колчака в Петроград, возлагая на него надежды и видя в нем человека, способного навести порядок на Балтийском флоте. На Балтике ожидалось новое избиение морских офицеров, и Гучков надеялся, что если Колчак будет назначен командующим Балтийским флотом, то он сможет предупредить нарастающий беспорядок. На это Колчак заметил, что развал Балтийского и Черноморского флотов продолжает нарастать, и теперь уже нет силы, которая смогла бы ослабить или полностью нейтрализовать надвигающуюся трагедию. И добавил, что и в Черноморском флоте далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд.

Даже встреча Колчака с Г.В. Плехановым и обсуждение с последним вопросов ослабления влияния на флот большевиков-пропагандистов, способствовавших разложению и неподчинению матросов, не привели к желаемым результатам.

Плеханов в беседе с Колчаком подчеркнул, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его, а потому остается единственный путь – активного противодействия разлагающей пропаганде. Плеханов пообещал Колчаку прислать на Черноморский флот “опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, что ведут разлагающую флот пропаганду” [6, с. 301].

Вскоре Колчак вернулся в Севастополь. На одном из матросских митингов командующему были предъявлены обвинения в личном обогащении. Колчак смело выступил в свою защиту. Вот как он рассказывал о том событии: “В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое материальное положение определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 г., кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Либавы, и моя жена с некоторыми другими женами офицеров бежала из Либавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено ввиду хаоса, который произошел в порту...

... Если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имение или недвижимое имущество, или какое-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать, потому что их не существует в природе” [6, с. 316–317].

Это выступление командующего произвело впечатление, и вопрос о его благосостоянии больше не поднимался.

На Черноморском флоте были произведены выборы Совета матросских и солдатских депутатов, и командиры кораблей свои решения должны были теперь уже согласовывать с Советом. Все чаще стали происходить случаи неподчинения команды и “отказ корабля исполнить боевое приказание”. Так, миноносец “Жаркий” отказался от задания постановки мин; это был, конечно, плохой симптом, подобный отказ произошел и на миноносце “Новик”.

Очередное собрание матросов под руководством Совета приняло решение разоружить всех офицеров. Командующий в известность не был поставлен, и это возмутило Колчака. Несколько офицеров в знак протеста застрелились. Командующий потребовал собрать команду на флагманском судне “Георгий Победоносец” и выступил перед матросами. Он сказал, что приказ сдать оружие не имеет никакого смысла, поскольку офицеры на судах в меньшинстве (на 15–20 матросов приходится один офицер), и разговор о заговоре офицеров просто абсурд. Командующий сказал и о том, что подобные распоряжения матросов он воспринимает как личное оскорбление, которое наносится прежде всего ему как старшему из офицеров. «С этого момента, – как заявил Колчак, – “командовать больше не желаю и сейчас об этом телеграфирую правительству”. Затем он взял свою золотую саблю и бросил ее в воду» [6, с. 319].

В этот же день Колчак вызвал контр-адмирала Лукина, командующего линейными кораблями, и сообщил, что поставлен фактически в положение невозможности далее командовать и ему – Лукину – следует вступить в командование флотом и поднять свой флаг.

Вскоре на городскую квартиру Колчака явились несколько матросов, заявив, что уполномочены Исполнительным комитетом сделать обыск на предмет обнаружения секретных документов. Они произвели обыск, но ничего подозрительного не обнаружили.

Вечером один из флаг-офицеров прибыл к адмиралу и сообщил, что состоялось постановление Совета об его аресте. Колчак, не желая быть арестованным на глазах жены и сына, уехал на корабль, но там ночь прошла спокойно, и ареста не последовало.

В это время в Петроград прибыла американская военная миссия во главе с сенатором США Руттом. В ее состав входил адмирал Гленнон, который отправился в Севастополь для встречи с Колчаком и изучения вопросов постановки минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Колчак, находясь сам в очень сложном положении, конечно, отказался принять Гленнона и начать с ним какие-либо переговоры о сотрудничестве. Ночью Колчак беспрепятственно сел в поезд и отправился в Петроград. В этом же поезде ехали американский адмирал Гленнон и его помощники.

Колчак был приглашен правительством Керенского в Мариинский дворец для обстоятельного доклада о состоянии Черноморского флота на данный момент. Вместе с Колчаком на заседание прибыл начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М.И. Смирнов.

Колчак сообщил Совету Министров Временного правительства, что положение на Черноморском флоте такое же тяжелое, как и на Балтийском, и он был бессилён что-либо сделать; единственный его козырь, который как-то помогал защищаться, это его авторитет среди рядовых масс матросов. Командующий отмечал, что экипажи кораблей в последнее время были достаточно дисциплинированными, исполнительными. Все конфликтные ситуации разрешались на низших инстанциях. Правительство поблагодарило Колчака за обстоятельный доклад. На этом совещание закончилось. Прибывшая из Севастополя правительственная Комиссия, выезжавшая для ознакомления с обстановкой на местах, предложила Колчаку вернуться на Черноморский флот и принять командование, но он категорически отказался.

В Петрограде в июне–июле 1917 г. с Колчаком начал вести переговоры адмирал Гленнон, пригласив его для консультаций по минному делу и другим вопросам приехать в США.

Колчак, несмотря на некоторые препятствия со стороны Временного правительства, принял предложение американской стороны и выехал в США под чужой фамилией, поскольку за ним следила немецкая разведка.

В состав делегации, возглавляемой А.В. Колчаком, вошли морские офицеры М.И. Смирнов, Д.В. Кольчицкий, И.Э. Вуич, А.М. Меженцев, В.В. Макаров, Лечинский и Безуар [5, с. 117]. Российская военная миссия на крейсере “Глочестер” отплыла из Глазго в Галифакс 20 августа [13, с. 58].

Колчак находился в США в сентябре–октябре 1917 г., первоначально в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне. Плавал на флагманском линкоре “Пенсильвания” и участвовал в маневрах Американского флота.

“По приезде в Вашингтон 10 сентября миссия представилась морскому министру США Дж. Дэниэлсу. Оказалось, что американские официальные лица не понимали цели приезда миссии. Колчак увидел, что заручиться поддержкой союзников ему не удастся, и сосредоточился на сборе технической информации об американских военных приготовлениях. С одобрения Дэниэлса он две недели занимался в Нью-Портском морском военном колледже, изучая чертежные разработки и типы кораблей, которые наиболее соответствуют флоту США. Для предполагавшейся американской операции в Дарданеллах Колчак и его начальник штаба М.И. Смирнов представили детальный план с чертежами специального мотора для транспортно-десантного катера и с комбинацией действий минных заградителей” [Там же].

Перед отъездом 16 октября Колчак и его миссия нанесли официальный визит президенту США В. Вильсону и обсудили с ним некоторые вопросы военного характера.

Обратное возвращение миссии состоялось из Сан-Франциско на японском лайнере “Каре-Мару” в Иокогаму. Колчак узнает подробности потрясшего многих большевистского переворота, свержения Временного правительства и захвата власти Советами. Колчак убежден, что заключение мира с Германией есть полный отказ от проведения не-

зависимой национальной политики. Именно этого он опасался последние годы, в его понимании это было буквально национальным бедствием для России.

Оказавшись на Японских островах, Колчак отправляется в Токио и встречается с английским посланником сэром Грином. Колчак сообщил ему, что не признает новое правительство Советов и просит принять его в английскую армию. “Я не ставлю никаких условий, – заявил Колчак, – а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу” [6, с. 341].

Недели через две приходит ответ от военного министра Англии: Колчаку сообщают, что его охотно принимают на службу в армию и уточняют, какую должность он хотел бы получить. “... Желаю идти в армию хотя бы простым солдатом”, – был его ответ, полный решимости.

Стоит обратить особое внимание на нравственно-патриотическую позицию Колчака. Обладая исключительно высоким самосознанием гражданина и патриота Отечества Российского, он считал, что даже при выполнении миссии “простого солдата” будет неукоснительно отстаивать свой офицерский долг и честь и все иные клятвоприсяжания, закрепленные воинской присягой.

Колчак решает ехать на Месопотамский фронт для защиты английских колониальных интересов и добирается на пароходе до Сингапура. А далее он был отозван телеграммой в Пекин к посланнику России кн. Кудашеву. Князь Кудашев сообщал Колчаку, что его предполагают ввести в состав правления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и как военному человеку поручают формирование вооруженных отрядов для охраны полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, следует двинуть их за пределы китайской полосы на Владивосток.

Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват (1858–1937) – предводитель правления КВЖД, возглавлявший ее с 1903 г., летом 1918 г. в Харбине объявил себя “Временным Верховным российским правителем” и пытался распространить свою власть, кроме полосы отчуждения, и на соприкасающуюся с ней Приморскую область.

Колчак находился в Харбине с апреля 1918 г. до 21 сентября. Он считал, что для борьбы с “германо-большевиками” надо создавать хорошо обученные вооруженные отряды. Его воззвание к сербским солдатам отражало непримиримую позицию Колчака к большевикам: “Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды для борьбы с большевиками и немцами... Я обращаюсь к вам, сербские воины, помочь мне в предстоящей борьбе с шайками большевиков, позорящих мою Родину. Необходимо очистить наш Восток от позора большевизма, и, может быть, среди вас найдутся желающие прибыть в мои военные отряды” [13, с. 59].

В Сибири и на Урале к власти приходят Сибирское правительство и Директория, где основной состав был представлен эсерами и меньшевиками. В первой половине октября 1918 г. Колчак вместе с английским генералом А. Ноксом прибыл в Омск. Омское правительство Сибири Указом от 4 ноября 1918 г. назначает Колчака военным и морским министром.

В ночь на 18 ноября Колчак осуществляет переворот. Он получает безграничную власть и ему присваивают титулы – “Верховный правитель России”, “Верховный Главнокомандующий сухопутными и морскими силами” – и звание полного адмирала.

Наибольшего успеха колчаковская армия добивается в апреле 1919 г. при подходе к Самаре и Казани. Авторитет Колчака растет. К Пасхе (27.IV 1919) Совет Министров правительства Сибири награждает Колчака орденом Св. Георгия 3-й степени за освобождение Урала.

Однако большой ошибкой Колчака была система правления, установленная им в Сибири и на Урале: жесточайшая диктатура, широко использующая репрессии, казни, массовые расстрелы, пытки, что активно порождали ненависть и вражду среди самого широкого населения рабочих, крестьян, мелких собственников и прочих разночинцев. Недовольство населения усугублялось партийными антагонистическими взаимоотношениями. Так, в некоторых занятых колчаковцами городах были расстреляны большие группы меньшевиков и эсеров.

«3 июня 1919 г. Верховный правитель получил сообщение пяти держав, подписанное В. Вильсоном, Ш. Клемансо, Д. Ллойд Джорджем, В.Э. Орландо и К. Сайондзи, заключавшее заверения в дружественном отношении к “Национальной России” и категорически подтверждавшее невозможность установления каких-либо отношений с советской властью. Генерал Жанен обещал Колчаку дипломатическую поддержку и стабильное снабжение вооружением. Однако в результате летнего контрнаступления Красная Армия в мае–июне 1919 г. разбила главную группировку колчаковских войск, менее чем за два месяца, нанеся поражение двум самым сильным армиям Верховного правителя – Западной и Сибирской» [13, с. 61].

Красная Армия отбросила войска Колчака на многие сотни километров, заняв практически всю территорию, которая была захвачена его армией весной. Постепенно и широкие слои населения все активнее переходили в ряды оппозиции и становились могучей противоборствующей силой, с которой колчаковский режим был уже не в силах справиться [85, с. 29–30].

“Однополчанин” Колчака, его бывший военный министр барон А.П. Будберг, о характере своего Главнокомандующего писал: “Несом-

А.В. Колчак – Верховный правитель России с 18 ноября 1918 г. по 4 января 1920 г.

ненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив – озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего”... “Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие... Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то быстро и тухнет, то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников...” “Вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража...” “Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи” [86, с. 72, 95, 97, 98].

“Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный небом Подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идеею Великой, Неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его кредо” [86, с. 224].

Искренний и правдивый портрет Колчака рисует в своих воспоминаниях Н.В. Устрялов¹. То были дни, когда войска Колчака одерживали победы на всех фронтах, но настроение командующего все равно осталось весьма далеким от ликования, он понимал все и видел далеко. Описываемые события относятся к 1919 г.:

«Омск. 19 апреля (Великая Суббота)... Вчера в два часа дня был в соборе. Торжественная служба в присутствии Верховного правителя, министров и “чинов до четвертого класса включительно”. Прошел удачно и стал напротив этих особ, совсем недалеко от Адмирала. Всмотривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем русского человека. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в фантазию, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности... За всю службу он перекрестился один раз, да и то как-то наскоро, небрежно, да еще в конце, когда

¹ Устрялов Николай Васильевич (1890–1938), российский политический деятель, кадет с 1917 г., публицист. С 1920 г. в эмиграции (Харбин), один из идеологов “семеновеховства”; в 1935 г. вернулся в СССР.

прикладывался к плащанице, дважды опустил на колени и крестился уже, кажется, как следует...

Омск, 20 июля. Сейчас вместе с делегацией омского “блока” был у Верховного правителя – в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобу дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренно, откровенно. Об “отсутствии порядочных людей”, о “трудном положении армии” (“развал”), о союзниках. “Мое мнение – они (союзники. – В.С.) не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна...”. О Японии, о наивности тех, кто думает, что стоит лишь ее попросить и она пришлет дивизию... Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу. “Худшие враги правительства – его собственные агенты”. То же и у Деникина, то же и у большевиков – “это общее явление, нет людей”... У большевиков это устраняет чрезвычайка, но и она не может устранить преступлений агентов. Мы же мечтаем о законе. “У меня полнота власти, я фактически могу расстрелять преступников, но я отдаю их под суд, и дела затягиваются...”. Беседовали около двух часов...» [87, с. 297].

«Омск, 21 июля. “Диктатор”... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благодетельство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но прощительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг “Цель оправдывает средства” ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение... Что это? Излишняя искренность “абсолютно честного человека”? Недостаточная напряженность воли? Ни того ни другого свойства не было у Наполеона, нет и у Ленина. Дай Бог, чтобы оба эти свойства не помешали их обладателю стать “историческим человеком”. А может быть, я ошибаюсь... Но не скрою – не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь – слишком честен, слишком тонок, слишком “хрупок” адмирал Колчак для “героя” истории...» [87, с. 305].

Колчак 12 ноября 1919 г. покидает Омск. Приближается Красная Армия. Одновременно с Верховным правителем России особым поездом за литером “Д” отправляется золотой запас. В Омске погрузка специального сверхсекретного “золотого поезда” происходила с 28 октября по 8 ноября 1919 г. Все золото разместили в 40 вагонах. По состоянию на июнь 1918 г. весь запас составлял 501 233 кг золота в монетах и слитках, 32 800 кг золота и серебра разного вида на общую сумму 645 256 387 руб. На осень 1919 г. оставалось ценностей на сумму 408 189 912 руб. [13, с. 64]. Поезда (всего семь составов) – литеры “А”, “В”, “С”, “Д”, “Е” с золотом, поезд Верховного правителя и дополнительный блиндированный поезд – бронепоезд взяли под свою охрану командующий союзными войсками французский генерал М. Жанен и белочешский генерал Р. Гайда, гарантировавшие Колчаку полную безопасность [13, с. 64].

А на деле же они поступили коварно, предав Колчака и премьер-министра В.Н. Пепеляева за право себе свободного проезда во Владивосток. В Нижнеудинске поезд задерживают около двух недель и, согласно распоряжению генерала Жанена, для дальнейшего следования оставляют Колчаку всего лишь один вагон – и без охраны. Адмирал возмущен, заявляет свой протест, но его уже никто не слышит. 3 января 1920 г. во время стоянки эшелона в Нижнеудинске Колчак получил телеграмму от Совета Министров с требованием отречения от власти [88].

Очевидно, Колчак был к этому готов. 4 января он издает Указ об отречении и передает все атрибуты власти, так сказать жезл и скипетр Верховного правителя, генерал-лейтенанту А.И. Деникину (1872–1947), который с января 1919 г. был главнокомандующий Вооруженными силами юга России. Преемником Колчака на территории восточной окраины России становится атаман Г.М. Семенов (1890–1946).

Последний Указ великого флотоводца и неудачливого политика как бы подводил печальный итог его деятельности. Колчак вручил власть другим, но, как оказалось, таким же беспомощным и слепым политикам, как и он сам.

Белочехи, пренебрегая всеми нормами чести и морали, при очередном задержании поезда, в котором находился Колчак, на станции Иннокентьевская 15 января 1920 г. арестовывают его и передают эсеро-меньшевистскому Политцентру. В те дни власть переходила из рук в руки несколько раз, а с 21 января все движение на железной дороге контролирует уже Военно-революционный комитет большевиков. Так Колчак неожиданно для себя очутился в Иркутской губернской тюрьме в застенках большевиков, не оказав при этом ни малейшего сопротивления.

Колчак мечтал о восстановлении Великой и Единой России, смотрел на свое «положение как на посланный небом» счастливый жребий и был убежден, что ему удастся вернуть России ее величие и славу. Перифразируя крылатое выражение Петра I, без всякого преувеличения, можно отнести их и к Александру Колчаку, звучать они будут так:

А о Колчаке ведайте,
Что жизнь ему не дорога,
Жила бы только Россия!

Последние часы жизни А.В. Колчака

Вечером 6 февраля после наспех проведенного дневного допроса (по опубликованному тексту чувствуется, что допрос оборвался неожиданно) было получено экстренное распоряжение. Председатель иркутской Чрезвычайной комиссии Губчека С.Г. Чудновский доверительно сообщил членам Комиссии: «Ревком постановил Колчака и Пепеляева расстрелять».

Вскоре председатель иркутского Военно-революционного комитета А.А. Ширямов передал письменное распоряжение С.Г. Чудновскому и И.Н. Бурсаку, начальнику гарнизона, одновременно являющемуся комендантом Иркутска:

“... Иркутский Военно-революционный комитет постановил: 1) бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева – р а с с т р е л я т ь” (Постановление Ревкома № 27 от 6 февраля 1920 г.).

Последней просьбой адмирала Колчака перед расстрелом было: “Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына”. – “Сообщу”, – ответил руководивший расстрелом чекист С.Г. Чудновский¹.

И.Н. Бурсак так описывает момент казни:

«Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне, что пора. Дается команда взводу: “По врагам революции – пли! Оба падают...”» [89, с. 280].

Очевидцы расстрела утверждают, что В.Н. Пепеляев, встав на колени, со слезами на глазах просил о пощаде... А.В. Колчак резко его одернул со словами: “Встаньте, Виктор Николаевич, разве Вы не видите, с кем имеете дело. Примите смерть достойно!”

Новосибирский поэт колчаковских времен Сергей Марков выразил трагедию премьер-министра словами, наполненными жестоким сарказмом:

“И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги...”

Вернувшись в тюрьму, Бурсак на обороте подлинного документа о расстреле написал:

“Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта Иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновский
Комендант города Иркутска И. Бурсак” [Там же].

Обнаружена в архиве записка Ленина заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому для дальнейшего телеграфного сообщения:

“Шифром. Склянскому. Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля² и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром...” [5, с. 274]. В архиве Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории обнаружен недавно подлинник этого документа (тоже без даты)³.

¹ Чудновский С. Конец Колчака // Годы огневые. Годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, с. 209.

² Генерал-лейтенант В.О. Каппель умер 26 января 1920 г. Командование войсками принял генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

³ РЦХ ИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1.

Софья¹ Федоровна Колчак

Примечательный факт: на о-ве Беннетта и по сей день существует мыс Софии, названный в честь Софьи Федоровны Колчак ее женихом в дни посещения острова Спасательной экспедицией.

В Карском море и по сей день имеется маленький островок, носящий имя Софии, названный в честь жены адмирала Софьи Федоровны Колчак. Он расположен в архипелаге Норденшельда в группе островов Литке, координаты острова 95°45 в.д., 76°50 с.ш. В этой группе имеются также острова Торосный, Шилейко, Ермолова и др. Название острову дали в 1906 г., когда весь Петербург чествовал Колчака. Императорское русское географическое общество подарило жене Героя маленький, затерявшийся в Карском море островок, открытый Русской полярной экспедицией в 1903 г., а именно – самим Колчаком.

Хотелось бы сказать несколько слов о Софье Федоровне, имя которой, как мы уже сказали, сохранили все географические карты России до сих пор, как о жене Колчака.

Софья Федоровна Колчак (Омирова) родилась в 1876 г. Воспитанница Смольного института. Знала семь языков; французским, немецким и английским владела превосходно. Замужем за Колчаком с 1904 г.

Жила в Гатчине, затем в Либаве. После обстрела Либавы немцами в начале войны (2 августа 1914 г.) бежала, бросив все, кроме нескольких чемоданов; казенная квартира Колчака была затем полностью разграблена.

Софья Федоровна родила троих детей: первенца Ростислава (1910–1965) и двух дочерей – Татьяну в 1912 г. (умерла в двухнедельном возрасте) и Маргариту в 1913 г. (прожила всего два года).

Взаимоотношения между Софьей Федоровной и Александром Васильевичем были далеко не простыми. Муж постоянно находился на кораблях, уходил в плавание, виделся урывками, о всех новостях извещали друг друга чаще письмами. Жена сообщала о возможных дальнейших планах их совместной жизни, давала мужу различные советы служебного характера, беспокоилась о его карьере и даже рекомендовала серьезно заняться наукой, писала о здоровье сына Славушки [90].

Жену, конечно, волновало поведение мужа в часы досуга на различных балах и вечерах, в офицерском собрании, где приходилось бывать не только молодым, элегантным офицерам.

В некоторых своих письмах Софья Федоровна задавала мужу сокровенные вопросы:

“За кем ты ухаживал в Ревеле на вечере? Удивительный человек: не может жить без дам в отсутствие жены! Надеюсь, что о существовании последней ты еще не забыл... Подари мне то, что тебе самому нравится, но

¹ На картах Генерального штаба с грифом “Секретно” (к нашему счастью, эти карты в настоящее время рассекречены) значится о-в Софии и мыс Софии. Очевидно, правильное имя жены адмирала София Федоровна Колчак. Но во всей эпистолярной литературе пишут Софья Федоровна, поэтому эту транскрипцию мы сохраняем и в книге [91, 92].

только не Мольтке, т.к. этот немец мне порядочно надоел одним своим видом... Ну, да Бог с ним, когда-нибудь оболью его керосином и подожгу (в случае войны с Германией)... А что, Сашенька, не поступить ли тебе в Академию? Или ты уже бесповоротно решил, что без нее обойдешься. Тогда надо хоть на профессора защитить диссертацию... А в Черное море не хочешь? Все же я мечтаю, что там ты будешь командовать судном первого ранга”¹.

Софья Федоровна экономно вела домашнее хозяйство, кое-что даже перешивала из одежды и не имела возможности, как она пишет в письме, помогать родственникам деньгами, но небольшое из одежды всегда могла выделить:

“Дорогой Сашенька!

Живу в квартире Богдановских, которые уехали на дачу. Цветы у знакомых Веры Ивановны, которая за ними присмотрит. Твои вещи я отвезла на квартиру Тихона Александровича, они лежат в трех пакетах и картонке (котелок) на шкафу в его передней. Португее я отнесла в гвардейское общество, где тебе их выдадут за 4 руб., когда ты назовешь свою фамилию. Маркиз (кот. – В.С.) был очень болен, он лежал в лечебнице. Я его отвезу к Богдановским на дачу в Ковшовку, т.к. Екатерина Васильевна (сестра Колчака. – В.С.) уже уехала, пока он был болен. Теперь Маркиз дома, но все же нездоров, худ. У нас кончают стирку белья, после чего мы уедем в Мюленгоф. Я тебе писала, что Богдановские предложили нанять мне у них на собственной их даче две комнаты, не знаю, как ты отнесешься и желательно ли тебе чтобы мы жили поближе к Петербургу?

Разбирая вещи, я осмотрела твоё штатское платье: оно в порядке, кроме смокинга, попорченного молью. Так, лежит смокинг, жилет и брюки, потом сюртук и полосатые брюки и коричневый светлый костюм, а также шкиперская фуражка. Быть может, что-либо из этих вещей ты мог бы пожертвовать бедному Горе, которого надо одеть, т.к. он кончает реальное училище, и тетя Деля в отчаянии, что мальчику не во что одеться. Митя обещал ей 50 руб., но что сделаешь на эти деньги, когда нужно и белье, и платье, и пальто? Сколько прекрасных вещей за бесценок отдали по твоему желанию татарину. Конечно, если тебе эти вещи самому нужны, а то я берегла твои старые штатские пальто, думая, что они могут племянникам пригодиться, и теперь мне ужасно жалко, что зря выбросили вещи. Да и брат мой одет ниже всякой критики, конечно, ты в этом не причем, но отчего не помочь, если есть возможность? Деньгами мы помогать не можем, т.к. у самих нет, ну а старые вещи лучше отдать, чем из них извлекать гроши.

Твоя любящая Софья” [93, с. 61, 62].

С молодых лет она хорошо усвоила простую истину, что на “лишние деньги можно купить только лишнее”.

Много внимания она уделяла сыну. Колчак в письмах всегда интересовался здоровьем и воспитанием сына. Приведем здесь посланное Софье Федоровне в Париж последнее письмо-завещание Колчака, написанное сыну Ростиславу.

¹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 58. Л. 43–44.

“Дорогой милый мой Славушок.

Давно я не имею от тебя писем, пиши мне, хотя бы открытки по несколько слов.

Я очень скучаю по тебе, мой родной Славушок. Когда-то мы с тобой увидимся.

Тяжело мне и трудно нести такую огромную работу перед Родиной, но я буду выносить ее до конца, до победы над большевиками. Я хотел, чтоб и ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, – это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь Бог благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок. Целую крепко Тебя.

Твой папа” [5, с. 239].

В апреле 1919 г. Софья Федоровна Колчак выехала в Бухарест на английском военном корабле. Затем, соединившись с сыном, переехала во Францию, где прожила оставшуюся часть жизни. Умерла в госпитале Лонжюмо под Парижем в 1956 г. [85, с. 118]. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Анна Васильевна Тимирева

Удивительная женщина Анна Васильевна. Многие годы она любила Колчака. В последние два года жизни Колчака она все время была рядом с ним и всегда гордилась им. Совместную жизнь уже с адмиралом и Верховным правителем России не афишировала, но позднее в следственных заявлениях и документах писала, что была гражданской женой Колчака, и требовала выдачи ей его тела для захоронения по православному обычаю.

В протоколе допроса от 7 декабря 1921 г. ее показания выглядели так: “В Сибирь приехала в мае 1918 г. сначала во Владивосток, некоторое время жила за границей в Японии. Летом 18-го года я сошлась с адмиралом Колчаком, с которым была знакома... и была фактически его гражданской женой” [85, с. 331].

Анна Васильевна в те страшные события невольно стала свидетельницей ареста сильного и любимого ею человека, которые произошли в вагоне, когда она находилась рядом с Колчаком. Предатели одержали верх над тем, кто был доверчив и не подготовился к защите. Именно так был организован этот вероломный захват Колчака: вооруженные люди из его же сопровождения ворвались в вагон и арестовали адмирала.

По воспоминаниям Тимиревой, он сильно побледнел, но самообладания не потерял. Спазм перехватил дыхание, адмирал с трудом сказал что-то о явной измене, о человеческой непорядочности и об обещанной безопасности генералом Жаненом... Но его уже никто не слышал, вернее не хотели слышать. Это был “стон страждущего в пустыне”, крик души. За сутки Колчак совершенно поседел. Анна Васильевна брала его руки в свои и со слезами на глазах шепотом произносила молитву, надеясь, что Всевышний ее услышит и поможет...

Анна Васильевна Тимирева (1893–1975).
Гельсингфорс (ныне – Хельсинки). 1915 г.

Спустя полвека об этом в своих заявлениях о реабилитации Анна Васильевна писала: “Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его, была с ним близка и не могла оставить его в последние годы его жизни. Вот, в сущности, и все. Я никогда не была политической фигурой и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось” [85, с. 7].

Первое “тюремное счастье” Анны Тимиревой продолжалось недолго, всего 21 день – с 15 января по 6 февраля 1920 г.

Даже в местах, где человек, казалось бы, находится в полной изоляции, есть свои средства связи. Иркутская тюрьма вечером 6 февраля была обеспокоена страшным известием. Тихое постукивание по кирпичным стенам сообщило о том, что ночью будут казнены лидеры Белого движения А.В. Колчак и премьер-министр В.Н. Пепеляев. Об этом первой узнала находящаяся в иркутской тюрьме М.А. Гришина-Алмазова (вдова полковника А.Н. Гришина-Алмазова) и сообщила своей подруге по Омску, а ныне соседке по камере А.В. Тимиревой. Анна Васильевна сумела известить Колчака о надвигающейся развязке. Вспыльчивый идеалист, полярный мечтатель и во многом еще жизненный младенец, Колчак встретил смерть достойно, как подобает русскому морскому офицеру, с высокоподнятой головой.

Анна Васильевна осталась...

А.В. Тимирева, урожденная Сафонова, родилась в 1893 г. в семье известного музыканта Сафонова. Ее отец В.И. Сафонов (1852–1918)

Так называемая Сафоновская лесенка известного музыканта В.И. Сафонова, у которого было восемь человек детей.
Фото 1906 г. (Москва). Слева направо: Василий Ильич, жена Варвара Ивановна, Илья, Сергей, Иван,
Анна – будущая гражданская жена Колчака, Варвара, Мария, Ольга, Елена

был основателем пианистической школы и директором Московской консерватории. У ее родителей было восемь детей – известна так называемая Сафонова-Васильева лесенка.

В 1911–1918 гг. была замужем за балтийским офицером С.Н. Тимиревым (1875–1945) – героем русско-японской войны, в будущем контр-адмиралом (в годы гражданской войны был командующим морскими силами белых на Дальнем Востоке). В 1914 г. А.В. Колчак познакомился с Тимиревой. В 1918 г. Анна Васильевна рассталась с мужем и жила гражданским браком с Колчаком до его смерти в 1920 г. В 1922 г. Анна Васильевна вышла замуж за инженера-путейца В.К. Книпера (1888–1942), который умер, когда она отбывала очередной срок: была осуждена на восемь лет лагерей в апреле 1939 г. по ст. 58.П.10.

После расстрела Колчака Анна Васильевна провела в тюрьмах, лагерях, ссылках и “минусах” в общей сложности около 30 лет. Арестовывалась она семь раз; последний арест – в г. Щербаковке (ныне Рыбинск) 21 декабря 1949 г. (как повторница без предъявления нового обвинения). (Странно, но арест произвели в день 70-летия И.В. Сталина.)

Многие десятилетия Анне Васильевне помогала буквально выжить Екатерина Павловна Пешкова (жена А.М. Горького) как уполномоченная Политического Красного Креста. А знакомство с Е.П. Пешковой произошло так: “1921 год. Иркутск, тюрьма, женский одиночный корпус. Резко стукнуло окошко, – вспоминала Тимирева, – и я увидела даму в шляпе и вуалетке среднего возраста, чуть подкрашенные губы, решительное лицо. Она внимательно посмотрела на нас – мы сидели вдвоем – и спросила, не нуждаемся ли мы в хлебе. Нет, в хлебе мы не нуждались. И все, окно снова захлопнулось” [85, с. 94].

Когда Тимирева в очередной раз сидела в иркутской тюрьме с заключенными с максимальным сроком до 5 лет, ее вызвали в подвал. Все сокамерники знали, что это такое: “в подвале” начались расстрелы. Соседка по камере так и сказала: “Вы немаленькая, не берите вещей, они пригодятся Вашим друзьям”. Но, все обошлось... Тимиреву повезли в Новониколаевск, затем в Москву. И вскоре выпустили.

Оказывается Е.П. Пешкова, вернувшись из Сибири, при свидании с Держинским поведала ему о Тимиревой, и он сказал: “Да, кажется, мы много лишнего делаем”. Итог: вызов в Москву и освобождение. Много позже об этом рассказала Тимиревой сама Екатерина Павловна [85, с. 95].

В архиве следственного дела А.В. Тимиревой сохранились некоторые документы. Приведем один из них о ее раннем аресте:

“Всероссийская Чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров от 30.11.1921 г.

Следственная часть при Президиума ВЧК, т. Фельдману.

При сем препровождаю распоряжение ВЧК. Гражданскую жену Колчака Анну Тимиреву освобождать ни в коем случае нельзя – она связана с верхушкой колчаковской военщины и баба активная.

Подпись: Павлуновский (представитель ВЧК по Сибири)” [85, с. 331].

Жизнь Анны Васильевны была очень тяжелая, но высочайшей закалки нравственные силы помогали ей выживать и сохранять самооб-

Памятник на Ваганьковском кладбище, где спит вечным сном гражданская жена А.В. Колчака, самоотверженная и бесстрашная женщина Анна Васильевна Тимирева

ладание. Через всю свою трагическую судьбу Анна Васильевна пронесла неугасимое чувство любви к Александру Васильевичу. Это была не просто любовь, а что-то данное им двоим свыше... Музыка их любви достигла драматических высот, и мы не перестаем восхищаться щедростью чувств, которыми наделила их природа, той силой чувств, которую они – Анна Васильевна и Александр Васильевич, сумели сохранить.

Трудовая биография Анны Васильевны просто изумляет и потрясает: как могла все это вынести легкоранимая, нежная, тонкая, воспитанная, не приспособленная с детства к трудному быту женщина? Она сменила множество профессий, вынуждена была заниматься любой случайной работой, которую ей предлагали и которую она всегда добросовестно выполняла. Вот что она сама об этом пишет: “В промежутках между арестами работала библиотекарем, архива-

риусом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом (Москва), членом артели вышивальщиц (Таруса), инструктором по росписи игрушки (Завидово), маляром (в енисейской ссылке), бутафором и художником в театре (Рыбинск); подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками” [88, с. 9].

А.В. Тимиревой в сентябре 1960 г. назначили за отца пенсию 450 р.¹ Вот так и жила Анна Васильевна последние полтора десятилетия, но со светлыми и прекрасными мыслями...!

Сын Анны Васильевны – Владимир Сергеевич Тимирев (1914–1938), которого она ласково называла Одя, был художником. Принимал участие в московских художественных выставках (1934–1936 гг.). Две его работы куплены Музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, около 15 находится в Пермской художественной галерее, свыше 100 – в Нукуском музее.

«В.С. Тимирев работал в Загорском научно-экспериментальном институте игрушки (1933–1938 гг.), где делал эскизы анималистических игрушек. В 1935 г. и 1937 г. ездил на Каспий в составе научной экспедиции на судах научно-промысловой разведки, изучал планктон Каспийского моря. Начальником экспедиции был океанолог-гидрохимик профессор С.В. Бруевич (1894–1971). Работы, созданные В.С. Тимиревым в первой поездке, экспонировались на специальной выставке, посвященной вопросам океанологии.

По некоторым сведениям, Владимир Сергеевич в 30-е годы пытался завязать переписку с границей (видимо, с отцом). Арестован в Москве в 1938 г., попал на Север, на лесоповал. Посмертно реабилитирован без указания даты смерти. В последние годы имя его упоминают в ряду молодых талантов 1930-х годов (Панорама искусств. М. 1981. № 4, с. 323).

Работы С.В. Тимирева экспонировались на выставке “Художники первых пятилеток” (М., 1979)» [48, с. 160].

Анна Васильевна Тимирева была человеком высокообразованным, занималась рисунком и живописью в частной студии С.М. Зайденберга. Свободно владела французским и немецким языками, писала стихи. Некоторые из них посвятила Александру Васильевичу Колчаку, находясь в Киеве в 1970-е годы она писала:

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.

¹ После денежной реформы 1961 г. это 45 р.

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Находясь уже на смертном одре, она сказала своему племяннику Илье Сафонову, и это была ее последняя просьба: “Иленька, если со мной что-нибудь случится, я прошу тебя: позаботься о моих записках – они лежат в сундуке около моей кровати. Мне очень не хочется, чтобы их брали чужие руки. Ты увидишь: там несколько тетрадок и отдельные листочки все вместе. Хорошо?” [85, с. 492].

Вот с такими мыслями уходила из жизни яркая, не сломленная “ураганными штормами” женщина – Анна Васильевна Тимирева!

До реабилитации сына в 1956 г. носила двойную фамилию А.В. Тимирева-Книпер. Умерла 31 января 1975 г. на восемьдесят втором году жизни и похоронена на Ваганьковском кладбище, где погребены ее брат и сестры.

* * *

Примечание. Получила распространение по-своему удивительная и привлекательная версия, согласно которой слова романа “Гори, гори моя звезда” написал А.В. Колчак на музыку П.П. Булахова и посвятил его любимой женщине Анне Васильевне Тимиревой.

В журнале “Наука и жизнь”, где в 1995 г. готовился к печати мой очерк “Полярная одиссея Александра Колчака”, мне посоветовали уточнить эту заманчивую версию. Я поистине загорелся. А вдруг и в самом деле автор – Колчак! Мы узнаем еще одну грань в биографии этого неординарного человека.

В Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина, в Российском государственном архиве литературы и искусства (Выборгская ул., корп. 2, д. 3) просматриваю огромную справочную литературу и многие документы – везде автор слов романа “Гори, гори моя звезда” неизвестен или слова народные. Даже в солидном Сборнике русских романсов объемом 515 с., выпущенном в 1987 г. с предисловием Народного артиста СССР И.С. Козловского (составитель доктор философ. наук проф. В.Л. Рабинович), автор слов романа по-прежнему неизвестен.

После долгих и многотрудных поисков мне все-таки удалось обнаружить в архивах, к нашему великому разочарованию, что слова написал малоизвестный поэт второй половины XIX в. В. Чувеский.

Есть основания полагать, что Колчаку этот романс очень нравился, и он часто его слушал, а возможно, и сам исполнял вместе с милой, обожаемой Анной Васильевной Тимиревой.

Гори, гори моя звезда,
Звезда любви волшебная...
Звезда прошедших лучших дней...

Короткое прошлое действительно было “лучшими днями” их жизни!

Людская молва то добра, то жестока. В сердцах людей рождаются все новые и новые легенды. Одна из них утверждает, что в день расстрела 7 февраля 1920 г. на предложение начальника расстрельного отряда “завязать глаза” Колчаку перед казнью Александр Васильевич отказался и запел любимый романс: “Гори, гори моя звезда”...

Размышления автора книги о крушении Александра Васильевича Колчака

Прочитана последняя страница книги! Невольно возникает вопрос: почему такой неординарный человек, стоящий во всех своих деяниях на мудрых и святых христианских позициях, всю жизнь состоял как бы в некотором отчуждении, не всегда находя своих единомышленников.

Внимательно изучая многочисленные архивные документы, замечаешь одну важную и странную деталь: Колчак на протяжении всех отпущенных ему лет не имел близких друзей. В юношеские и последующие годы он держался особняком, может быть, потому что всегда был на ступеньку, а то и на две выше окружающих его сверстников и коллег. Его лидерство формировало и соответствующие черты его характера, и его поведение подчас не вписывалось в обширный свод установлений христианских добродетелей.

В Морском кадетском корпусе он – фельдфебель, хотя и маленький, но начальник. Успешное участие в Русской полярной экспедиции укрепило сознание Колчака в своей исключительности. Возглавив другую экспедицию – Спасательную – и шагнув, по мнению многих его современников, “в объятия смерти”, он вышел победителем. Это добавило к его характеру еще несколько черточек уверенности в себе и самонадеянности.

В первые же дни обороны Порт-Артура лейтенант Колчак отправился в осажденную крепость. Два боевых ордена и золотое георгиевское оружие с надписью на эфесе “За храбрость” – наглядный документ, ярко характеризующий ратные подвиги морского офицера Колчака.

Период 1906–1910 гг. тоже убеждал Колчака в его превосходстве над многими сверстниками: его, единственного лейтенанта Российского Флота, включили в состав Комиссии, которая готовила Гидрографическую экспедицию в Северный Ледовитый океан. Все остальные члены Комиссии были капитанами 1-го ранга или адмиралами. Возглавлял Комиссию член Государственного совета (Высший законодательный орган в России) адмирал В.П. Верховский.

Конечно, весь этот синклит лишний раз возносил и ставил Колчака на свой “Эверест”, недостижимый для других флотских лейтенантов.

Он привыкал к тому, что люди все чаще подчинялись его воле и разуму. Внутренне он был всегда готов к принятию любого сана или титула, но практически навыки его были иллюзорными, и он, еще не очень зрелый и самонадеянный предводитель, не сумел рассчитать свои силы, правильно их оценить и точно взвесить возможности противника.

В период своего правления, находясь в ореоле славы, допускал восхваление, не всегда объективное и честное, угодничество и пустую похвальбу.

Колчак примерил шапку Мономаха, но она оказалась для него слишком тяжелой. В хаосе того тяжелого времени трудно было сориентироваться. В этом урагане классовых и политических битв многие лидеры и вожди сложили головы, не стал исключением и А.В. Колчак.

Барон А.П. Будберг, один из его соратников по оружию, стоявший с ним рядом, попытался дать некоторый анализ царящей обстановке периода гражданской войны. “Лавры пермской победы, – пишет он, – вскрыли всем головы; посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров Георгия 3-й степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лейтенантами, немудрено, что от этого даже у более уравновешенных честолюбцев глаза и “зубы” разгорелись. В наградном чаду дошли до того, что высоко залезшие Георгиевские кавалеры повторили (с Верховным правителем России Колчаком. – В.С.) киевскую комедию с Георгиевским крестом Государю и на Пасху поднесли адмиралу Георгия 3-й степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе воли и широты взгляда приказать забыть даже о таких подношениях – и принял Крест.

После взятия Перми и Уфы юные полководцы стремительно “полетели” вперед. Пепеляев – на Вятку, Вержицкий – на Казань, Ханжин – на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этом полете, сопровождаемом мелкими, но раздуваемыми во всю успехами, перестали думать и соображать; хотелось только первыми прийти к поставленной цели и прославиться” [86, с. 48].

Возможно, Колчак не обладал полководческой интуицией и дальновидностью, война – те же шахматы, надо на несколько ходов вперед рассчитать свой маневр и предвидеть наступательные действия противника. Адмирал А.В. Колчак – не генерал А.А. Брусилов, организовать мощный прорыв Колчаку так и не довелось!

Когда к осени 1919 г. неизбежность трагического финала колчаковской армии уже приближалась, это понимали многие. Колчак тоже находился в растерянности. Огромной протяженности Сибирско-Уральский фронт – не Черноморский флот и не корабль. Здесь требовались другие рычаги, и овладеть новым для него механизмом сухопутной войны он так и не сумел.

Взгромоздив на свои плечи непосильную ношу Верховного правителя России, Колчак проявлял не только отчуждение и замкнутость, но и практически всегда находился в некоторой внутренней конфронтации с ближайшими сотрудниками, теми людьми, которые, как волны, то приближались к нему могучей стеной, то рассыпались и исчезали.

Последнее двухлетие его жизни достаточно глубоко и выразительно освещает барон А.П. Будберг – военный министр в омском колчаковском правительстве. Вот что он пишет, когда Колчака нарядили в мантию Верховного правителя России:

“При посещении ижевцев (на фронте. – В.С.) впервые видел, – пишет А. Будберг, – адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может, говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, неотчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и

Казачи-кавалеристы – солдаты армии Колчака.
В центре Георгиевский кавалер А.Н. Пешков, с крестом и медалями
на груди А. Старцев и его односельчанин А. Ивлев на побывке
в родной деревне Башевская (ныне Акуловская)
Вологодской губернии

солдат в следующие офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч. Вместе с тем я уверен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное” [86, с. 226–227].

Солдаты на фронте, чьи ратные подвиги были отмечены высшими солдатскими наградами, – Георгиевские кавалеры, готовы были, как и при царе-батюшке, сложить головы за Отечество. Они верили, что защищают святые, незыблемые устои государства Российского, но в их души все чаще закрадывалось сомнение. На фронте ходили слухи, разлагающие дисциплину и деморализующие боевой дух сол-

дат, слухи о пьяной, разгульной жизни омского тылового колчаковского офицерства...

Вглядитесь в глаза уставших от бесконечной войны солдат на этом снимке, они о многом говорят... (см. фото).

Будберг показывает, что все окружение Верховного правителя находилось в состоянии активного разложения, и никакие военно-полевые суды были уже не в силах справиться с начавшейся эпидемией полного развала наспех сформированной колчаковской армии.

В предсмертной агонии умирающая монархия пыталась найти своего Илью Муромца. Великое заблуждение, что Россию может спасти кто-то другой. Некоторым казалось, что эту миссию может выполнить самонадеянный Деникин.

“Единственный светлый просвет, – продолжает Будберг, – на нашем мрачном небе в том, что Деникин все глубже и решительнее вгрызается в глубь большевистского фронта.

Полученные мной сведения о безобразиях, имевших место при уфимской эвакуации, подтверждены произведенным следствием; обнаружены следствием виновные, в том числе четыре интенданта, предаются военно-полевому суду.

Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже это то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала” [86, с. 146].

Колчак все более замыкался, он был не похож на многих других. Воспитанность, интеллигентность, честность, искреннее желание спасти Россию и высочайшая внутренняя порядочность все сильнее отдаляли его от ближайшего окружения, и пропасть эта становилась непреодолимой, отношения обострились и обнажались.

“Разбирался во вчерашних впечатлениях, – пишет А.П. Будберг, – и пришел в мрачное настроение: вражда между армиями, легкомысленность и легковесность основных распоряжений, втирание очков начальству показной стороной резервных частей, совершенно неготовых к бою, но на которых основываются серьезные планы очень рискованных операций; невероятный хаос в деле снабжений и почти никакой надежды на возможность улучшения и, наконец, несомненность атаманщины разных калибров и отсутствие настоящей дисциплины – вот печальный вывод впечатлений вчерашнего дня. Скверно и то, что Верховный правитель едва ли в состоянии сломать все это и навести настоящий порядок: очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады и заморожен теми, кто говорит ему приятное и в оптимистическом тоне” [86, с. 23–24].

Несомненно, от воли, таланта и ума отдельных личностей, в конечном счете от вождей, зависит многое. Надо уметь повести за собой народ, массы, а в России это крестьяне и рабочие. Большевики выдвинули лозунг: “Земля – крестьянам, фабрики – рабочим”. Колчаку советовали сделать то же самое, ведь сибирский крестьянин на первых порах был за него. Однако Колчак уверял всех, что не имеет права распоря-

жаться землей, он должен подвести Россию к Учредительному собранию, оно и примет законодательные акты о земле.

Мы уже знаем, во что вылилась за 80 лет земельная реформа. Законодательные акты о Земле и по сей день не приняты.

А.П. Будберг подготовил доклад для Верховного правителя с критикой многих позиций, особенно угрожающего положения, создаваемого половинчатой политикой союзников, слабостью и падением авторитета власти, атаманщиной и разрастающимися в тылу восстаниями. Убедительно просил Колчака проверить все эти заключения и выводы и не считать их только порождением некоего острого пессимизма.

“Бедный адмирал – пишет Будберг – вспыхивал во время моего доклада, вскакивал, хватался за голову, кромсал ножом ручку своего кресла, требовал добыть виновных, чтобы он мог их покарать...” [86, с. 114].

Верховный правитель был очень разным, у него любовь переросла в ненависть, а дружба граничила с глубокой враждой. Он приходил то в ярость, то в полном безразличии опускал руки и не желал никого видеть. Он был убежден, что послан Свыше спасти Россию, но от прежней веры, что он предотвратит падение страны, уже ничего не оставалось...

Верховный правитель решил погибнуть вместе с Россией. Ему предлагали бежать, переодевшись в форму простого солдата. На что Колчак ответил: “Вы плохо знаете меня, мне легче умереть, чем уронить честь и достоинство мундира офицера”.

Его однополчанин, спустя много лет после смерти Колчака, говорил, что если бы его волей руководил кто-то сильный духом с талантом полководца и был бы также искренно предан идее служения России, как сам адмирал, то победа была бы обеспечена.

Колчак оказался слишком слабым Верховным командующим, чтобы остановить вандализм, вседозволенность, казнокрадство и стремление к обогащению и кутежам в хмельном Омске...

Возможно, в этом следует искать основные причины его крушения, крушения Александра Васильевича Колчака – Верховного правителя России!

ПРИЛОЖЕНИЕ I
Автограф А.В. Колчака
Письмо в Лондон о заказе
на изготовление оборудования для экспедиции¹

Русская
Полярная Экспедиция.

Russische
Polar-Expedition.

—
Le Начальник Экспедиции.
für Chef der Expedition.

S. Petersburg March 20 1900

Меню Каретти-а-Турконе
38, Nelsons Viaduct.
London

Dear Sir

I am very thankful to you for sending directions for using Lucas machine and I pray you send for our expedition

- 1) Lucas automatic sounding machine for depths up to 5000 fathoms, N° 127 of your price list with all appurtenances for setting on deck.
- 2) Two coils each containing 5000 fathoms in one length best bright steel sounding wire. One coil, if you please, to roll on the drum and place this drum with coiling wire in tank with oil. Other coil also place in oil.
- 3) Two snapper leads consisting of lead body with gunmetal snappers, which are kept open whilst descending, by means of two triggers, but which are immediately closed

¹ ПФА. РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 152. Л. 9-10.

Примечание. Рукописные тексты Колчака, обнаруженные автором в архивах С.-Петербурга (Приложения I, III и IV), публикуются впервые.

by the action of a strong spring as they touch the bottom. Weight of these snappers each 30 lbs.

4) Three (3) Sherlock's patent detachable hooks, all made in gunmetal.

5) Three (3) snapper leads with 30 lb. cast iron disengaging weights

6) Fifteen (15) spare cast iron 30 lb. weights for above.

If you have not these snapper leads with disengaging weights, I pray you to make order to Messrs Johnson & Phillips, Old Charlton Kent, because from this house Admiral Makaroff has on board "Ermaak" these snappers. Please send all these instruments with Cooper's apparatus and thermometers on address:

Laurvik, Norway Russian Polar Expedition's S/S "Zaria",

and all accounts on address:

St-Petersburg. Academy of Science. Secretary of R. P. E. M^r. Valentine Bianky.

I pray, also, to send all instruments, as soon as possible, because we must be ready for the end of April and to write back, that I can know, that my order is into your hands. Requesting immediate attention to these commissings

I remain yours obediently servant.

Lieutenant Alexander Koltschan S. R. N.

Перевод письма А.В. Колчака (Приложение I)

Дорогой сэръ

Я очень признателен Вам за то, что Вы мне прислали инструкцию для звуковой машины Лукаса, и очень прошу Вас прислать для нашей экспедиции:

1) Автоматическую звуковую машину Лукаса (лот. – В.С.), действующую на глубинах до 5 000 морских футов, № 137 вашего листа цен со всей необходимой палубной комплектацией.

2) Две катушки лучшей полированной стальной резонирующей проволоки по 5 000 морских футов каждая. Одну из катушек, если можно, намотать на барабан и поместить этот барабан с намотанной проволокой в контейнер с маслом. Другую катушку также поместить в масло.

3) Два груза из защелками, состоящие из свинцовой основы с защелками из оружейной стали, которые остаются открытыми во время опускания при помощи двух крючков и которые немедленно закрываются действием соскакивающей пружины, как только они коснутся дна. Вес этих защелок 30 фунтов каждая.

4) Три (3) патентованных съёмных крючка Шерлока, все сделанные из оружейного металла.

5) Три (3) груза с защелками с 30-фунтовыми чугунными съёмными гирями.

6) Пятнадцать (15) запасных 30-фунтовых чугунных съёмных гирь для вышеназванного.

Если у Вас нет этих грузов со съёмными гирями, я прошу заказать их у г-д Джонсона и Филлипса, Старый Чарльтон Кент, поскольку у них адмирал Макаров заказывал подобные грузила для “Ермака”. Пожалуйста, пришлите все эти приборы вместе с аппаратами Купера и термометрами по адресу: Ларвик, Норвегия Русская Полярная Экспедиция с/с “Заря”, и все счета по адресу: С.-Петербург. Академия наук. Секретарю РПЭ г-ну Валентину Бианки.

Я очень прошу также выслать все приборы как можно скорее, поскольку мы должны быть готовы к концу апреля, и ответить мне, чтобы я знал, что мой заказ в ваших руках. Прошу немедленно обратить внимание на эти заказы.

Остаюсь Вашим преданным слугой

Лейтенант Александр Колчак¹

¹ Перевод письма выполнен науч. сотр. ИИЕТ РАН Н.И. Быстровой.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Личный состав, смета, список приборов Русской полярной экспедиции¹.

УЧАСТНИКИ РУССКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1) *Начальник экспедиции*, старший геологъ Геологическаго комитета, коллежскій совѣтникъ Баронъ Эдуардъ Васильевичъ Толль, участвовалъ въ 1885–86 годахъ, въ качествѣ геолога; въ экспедици подѣ начальствомъ Д-ра А.А. Бунге къ сѣвернымъ берегамъ Восточной Сибири. Въ 1893 году стоялъ во главѣ экспедици, снаряженной Императорскою Академіею Наукъ для изученія Ново-Сибирскихъ острововъ. Въ 1899 г. участвовалъ въ экспедици ледокола “Ермакъ” къ берегамъ Шпицбергена.

2) *Командиръ судна экспедици*, шхуны “Заря”, лейтенантъ Николай Николаевичъ Коломейцевъ, работалъ нѣсколько лѣтъ въ Бѣломъ Морѣ, состоя въ съёмочной партіи Бѣломорской Гидрографической экспедици; участвовалъ въ экспедици лейтенанта Доробротворскаго 1893 г. къ устью р. Енисея.

3) *Старшій офицеръ* шхуны “Заря”, лейтенантъ Ѳедоръ Андреевичъ Матисенъ, *геодезистъ и метеорологъ* экспедици, участвовалъ въ 1899 г. въ русско-шведскомъ градусномъ измѣреніи на Шпицбергенѣ.

4) *Второй офицеръ* шхуны “Заря”, лейтенантъ Александръ Васильевичъ Колчакъ, *гидрографъ* экспедици, плавалъ въ Тихомъ Океанѣ; производилъ гидрологическія изысканія въ Японскомъ морѣ.

Всѣ три названные офицера экспедици исполняли раньше на судахъ флота въ дальнемъ плаваніи обязанности штурманскаго офицера.

5) Старшій зоологъ музея Императорской Академіи наукъ, Алексѣй Андреевичъ Бялыницкій - Бриуля, *зоологъ* экспедици, работалъ въ 1891, 95 и 96 г. на Соловецкой Біологической станціи надъ морской фауной, а въ 1899 году участвовалъ въ Шпицбергенской экспедици.

6) Кандидатъ Фридрихъ Георгіевичъ Зебергъ, *астрономъ и магнитологъ* экспедици (предлагалъ свое участіе въ качествѣ кочегара, если бы въ составѣ экспедици не оказалось другого мѣста для него); былъ рекомендованъ академикомъ Баклундомъ и профессоромъ Юрьевскаго Университета Левицкимъ за *астронома и магнитолога*.

7) Докторъ медицины Германъ Эдуардовичъ Вальтеръ, *врачъ, бактериологъ* и второй *зоологъ* экспедици, участвовалъ въ 1899 году въ Мурманской Научно-промысловой экспедици Н.М. Книновича, простиравшей свои изслѣдованія до Новой Земли.

¹ Врангель Ф.Ф. Русская полярная экспедиция // Зап. по гидрографии, 1900. Вып. XXII. С. 95–122. Здесь цит.: Приложение. С. 114–122.

Команда шхуны “Заря” состоитъ изъ 10 человекъ матросовъ флота, добровольно согласившихся участвовать въ экспедиціи, 2 бѣломоровъ и 2 якутскихъ казаковъ, приведшихъ собакъ изъ Сибири въ Екатеринбургскую гавань.

УЧАСТНИКИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1) *Начальникъ экспедиціи* кандидатъ естественныхъ наукъ Константинъ Алексѣевичъ Волосовичъ участвовалъ, по порученію Минералогическаго общества, въ экспедиціи Академика Чернышева по берегамъ Европейской части Ледовитаго океана.

2) *Топографъ* экспедиціи межевой инженеръ Н.М. Орловъ.

3) Два якутскихъ казака – переводчика.

4) Шесть инородцевъ – промышленниковъ.

Приложение

СМѢТА РАСХОДОВЪ

I. Судно и его снаряженіе

Покупка деревяннаго китобойнаго норвежскаго трехмачтоваго судна “Harald Naarfager”	36,000 р.
Приспособленіе судна для цѣлей экспедиціи, какъ то: укрѣпленія въ трюмѣ, переустройство помѣщенія для команды, теплыя каюты для офицеровъ на палубѣ судна, возобновленіе нѣкоторыхъ частей машины, новый рангоутъ и проч.	24,000 “
Электрическое освѣщеніе	4,000 р.*
Паровой катеръ	3,000 “
400 тоннъ угля	2,400 “**
Доставка угля въ Югорскій шаръ на парусной шхунѣ, купленной въ Архангельскѣ	4,000 “
Устройство теплаго помѣщенія для научной лабораторіи на палубѣ	3,000 “
Итого	76,400 р.***

II. Содержаніе личнаго состава

Жалованье (при сохраненіи получаемаго на службѣ содержанія) начальнику экспедиціи на 2 года	12,000 р.
Командиру судна на 2 года	10,000 “
Старшему офицеру на 2 года	7,200 “

* Обошлось въ 3,000 р.

** Обошлось въ 4,000 р.

*** Ко дню отправленія “Зари” изъ Ларвика общій итогъ расходовъ этой статьи составилъ 79.215 р.

Второму “ “ 2 “	7,200 “
Астроному на 2 года	7,200 “
Зоологу “ 2 “	7,200 “
Врачу “ 2 “	7,200 “
Старшему машинисту на 2 года	2,000 “
Младшему “ “ 2 “	1,500 “
Боцману на 2 года	1,200 “
4 рулевымъ на 2 года	1,000 “
Повару	1,000 “
13 человекъ команды	1,950 “
Подъёмные членамъ экспедиціи	3,500 “
2 якутскихъ казака (съ собаками)	600 “
Провіантъ на 19 человекъ по 800 р. на 3 года	15,200 “
Страхование жизни (7 членовъ экспедиціи по 1,000 р., команды по 100 р.), на 2 года	10,000 “
Проѣзды экипажа въ Норвегію	1,700 “
Проѣзды участниковъ экспедиціи	2,000 “

III. Разные расходы

Канцелярскіе, почтовые, телеграфные и т.п. расходы .	2,000 р.
На устройство станцій въ Верхоянскѣ, Устьянскѣ и Средне-Колымскѣ	1,830 р.
Тремъ наблюдателямъ по 30 р. въ мѣсяцъ на 2 года	2,160 “
40 собакъ и доставка ихъ въ Екатерининскую гавань ..	1,000 “
Кормъ для собакъ (6,720 пудовъ трески)	2,160 “
Научные приборы	24,000 “
Библіотека	1,000 “
Аптека и хирургическіе инструменты	245 “
Палатки, сани, брезенты, лыжи, теплые и непромокае- мые мѣшки, байдары, ружья и проч.	2,000 “
Складной домъ для зимовки экспедиціи*	3,000 “
Непредвидѣнные расходы	4,555 “
Вспомогательная экспедиція	20,000 “
Всего	240,000 р.

СПИСОКЪ НАУЧНЫХЪ ПРИБОРОВЪ

A. Астрономическіе и геодезическіе инструменты

Два универсальныхъ инструмента Гильдебранта	800 р.
Универс. инструм. Гильдебранта меньшаго размѣра	200 “
Секстанъ Ванигара	150 “

* Въмѣсто складного дома рѣшено взять лишнее количество каменноугольныхъ брекетовъ, чтобы изъ нихъ сложить домъ (по примѣру Германской полярной экспедиціи). Брекеты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишнимъ запасомъ угля.

Кругъ Пистора	200 “
Трехъдюймовая труба Цейса	350 “
4 боксъ-хронометра	1,600 “
4 карманныхъ хронометра	1,600 “
Ящикъ-грѣлка для защиты хронометровъ отъ холода	100 “
Ртутный горизонтъ	20 “
Маятниковый аппаратъ Стернека	1,000 “
Стальная полевая лента Ваншара	25 “
“ рулетка	25 “
Чертежныя принадлежности	50 “
Буссоль	40 “
Сейсмографъ	1,600 “
Итого	7,760 р.

В. Метеорологическіе инструменты

а) Во время плаванія

Аспираціонный психрометръ Ассмана	115 р. – к.
Малый карманный анемометръ	80 “ – “
Карманный анероидъ Newton'a	80 “ – “
Морской барометръ	70 “ – “
Барографъ	75 “ – “
Гигрографъ	75 “ – “
Бумага для самопиш. приборовъ	12 “ – “
Термометры для измѣренія температуры воды	11 “ – “

б) На главной станціи во время зимовки

Разборная будка	100 р. – к.
Клѣтка съ вентиляторами	24 “ – “
Термометры для психрометра	17 “ – “
Термометръ максимумъ	7 “ – “
Тоже, провѣренный до – 60°	13 “ – “
Спиртовой термометръ, провѣренный до – 60°	21 “ – “
Волосной гигрометръ	22 “ 50 “
Малый флюгеръ	28 “ – “
Флюгеръ, анемографъ, кабель и 8 элементовъ	276 “ – “
Пара дождемеровъ	23 “ 25 “
Станціонный, ртутный барометръ	135 “ – “
“ анероидъ	30 “ – “
3 термометра для измѣренія температуры почвы на поверхности	27 “ – “
Наборъ термометровъ для температуры почвы на глубинѣ	117 “ – “
Два термометра для температуры льда	52 “ – “
Теліографъ Ришара	150 “ – “
Запасные инструменты	109 “ 50 “

*На санных экскурсіях во время зимовокъ, въ дополненіе
къ судовымъ инструментамъ*

Гипсотермометр 65 р. – к.

d) Для вспомогательной экспедиціи на Ново-Сибирскіе О-ва

Аспираціонный психрометр Ассмана 115 р. – к.
 Нормальный анероидъ 80 “ – “
 Гипсотермометръ 65 “ – “
 Походный ртутный барометръ 110 “ – “
 Термометры 20 “ – “
 Переносный анероидъ 80 “ – “

*e) Для временныхъ станцій въ Верхоянскѣ и въ селахъ
Казачьемъ (Усть-Янскѣ) и Русское устье*

Три комплекта инструментовъ для метеорологическихъ
станцій 2-го разряда 1-го класса, по 515 р. 1,545 р. – к.
 Для Верхоянска 3 комплекта самопишущихъ прибо-
ровъ и запасной бумаги 237 “ – “

 Итого 3,987 р. 25 к.

С. Магнитные инструменты

a) Для главной станціи во время зимовокъ

Серія магнитныхъ вариационныхъ приборовъ Эдельма-
на, съ принадлежностями 1,300 р.
 Магнитный теодолитъ Маскара 900 “
 Стрѣлочный инклинаторъ Довера 500 “
 Хронометръ въ ящикѣ 500 “

b) Для экскурсій

Два азимутальныхъ компаса 100 “
 Палатка безъ желѣза 50 “

 Итого 3,350 р.

D. Зоологическое снаряженіе

a) Желѣзные части приборовъ

Двѣ драги обыкновеннаго типа большихъ (3' × 1') 48 р. – к.
 Две драги меньшихъ (2' × 8'') 15 “ 50 “
 Двѣ драги легкія (2' × 8'') 15 р. – к.
 “ “ маленькія 8 “ – “
 “ “ большихъ типа Сигсби 60 “ – “
 2 большихъ зоологическихъ трапа (8') 73 “ – “
 1 средній “ “ (6') 23 “ – “
 1 малый “ “ (4') 20 “ – “
 1 шваберная снасть 14 “ – “

1 вьюшка для шлюпочной драгировки	25 “ – “
3 скребка	3 “ – “
5 сачковъ	5 “ – “

б) Сѣти къ нимъ

10 мѣшковъ съ парусиною къ большимъ драгамъ	50 р. – к.
10 “ “ “ “ малымъ “	30 “ – “
3 мѣшка къ большому тралу	75 “ – “
4 “ “ малому “	60 “ – “
2 Петерсеновскихъ трала съ досками	190 “ – “

с) Планктонныя сѣтки

2 простыя планктоновыя сѣтки Arstein’a	20 р. – к.
2 большихъ Brutnetz	50 “ – “
2 запасныхъ мѣшка и стаканъ къ нимъ	25 “ – “
5 аршинъ зеленой шелковой матеріи	25 “ – “

д) Остальные предметы

10 рѣшетъ для промыванія	20 р. – к.
200 сажень проволочнаго троса 1д.	40 “ – “
5,000 метровъ “ “ 1 ¹ / ₄ д.	835 “ – “
Пеньковаго тросу 200 саж.	50 “ – “
Два желѣзныхъ канифасъ-блока	10 “ – “

е) Рыболовныя принадлежности

Неводъ 50 × 5 саж.	120 р. – к.
Невод малый	25 “ – “
Поплавки и грузила къ нимъ	25 р. – “
Яруса и продольники	50 “ – “
Норвежскія удочки	25 “ – “
2 акульи уды	20 “ – “
Крюки и копыя для тюленей	10 “ – “

ф) Лабораторныя принадлежности

Микроскопъ (револьверъ 27 +)	160 р. – к.
Препаровальная лупа	90 “ – “
Простая лупа	15 “ – “
Рисовальный аппаратъ	17 “ – “
Скальпели, пинцеты, ножницы и т.п.	10 “ – “

г) Реактивы и посуда

Спирта 1000 килограммъ	500 р. – к.
Фармалина 50 “	75 “ – “
Различныхъ реактивовъ	25 “ – “
Посуда стеклянная	300 “ – “
Три металлическихъ ящика	100 “ – “

4 шведскихъ жестянокъ	50 “ – “
Матерія для завертыванія препаратовъ	15 “ – “
h) Аккумуляторъ для драгировокъ	200 “ – “
Итого	3,621 р. 50 к.

Е. Гидрографическое снаряженіе

10 термометровъ Negretti & Zambra	750 р.
5 “ для поверхности	15 “
2 батометра Петтерсона	250 “
1000 метровъ троса изъ кремнеземистой бронзы	170 “
2 счетчика	80 “
2 серии изъ 5 ареометровъ	70 “
5 запасныхъ термометровъ къ нимъ	5 “
Принадлежности и реактивы для титрованія	125 “
Посуда для титрованія	10 “
Лоты и диплоты	25 “
2 лота съ храпами	90 р.
2 диска Секки	5 “
2 прибора для опредѣленія теченій	20 “
1 глубомѣрный аппаратъ Lucas для глубинъ до 5000 метровъ	600 “
Итого	2,215 р.

Ф. Геологическіе инструменты

Молотки и другія принадлежности	50 р.
Ручной буръ до трехъ метровъ	30 “
Буръ до 10 сажень	250 “
Итого	330 р.

Г. Бактеріологическіе инструменты

Микроскопъ	250 р.
Термостатъ для бактеріологическихъ культуръ, пипетки, реактивы и проч.	500 “
Итого	750 р.

Баронъ Ф. Врангель.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Автограф А.В. Колчака

Доклад "О современном положении
Русской полярной экспедиции".

Чтение в Иркутском географическом обществе
6 марта (21 февраля) 1903 г.

О современном положении Русской Полярной Экспедиции
(читан в Иркутском Географ. Обществе 21 Февр. 1903)

Русская Полярная Экспедиция Академии
Наук под начальством барона Мюллера
и вышедшая из Петербурга в 1899 г.
получила коhenу совершенно не выходящую
из первоначальной программы ни по числу
членов, ни по предположенному числу или числу
экспедиции ранее 1902 г. когда флотский офицер
Тамм оставил судно и пошел в крайние
части земли Беломора обнаружив состав ее
состав и положение вещей о которых я
покараю вкратце сообщать ~~не могу~~
в настоящее время.

Предметы ~~предметы~~ ~~из флота~~ ~~состав~~
состав ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~
я поварю ~~покараю~~ ~~состав~~ ~~состав~~
слово о ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~
экспедиции вышла из Петербурга а также
объезды Ново-Сибирских островов ~~завоевание~~
~~время~~ ~~время~~ ~~время~~
Тамма и ~~Тамма~~ ~~Тамма~~ ~~Тамма~~

Главный цель экспедиции составлена в ~~область~~
~~Ледовитого~~ ~~Ледовитого~~ ~~Ледовитого~~
Сибирских островов, вторая задача ~~состав~~
во ~~Тамма~~ ~~Тамма~~ ~~Тамма~~
обширности ~~Тамма~~ ~~Тамма~~ ~~Тамма~~
Арктического материка ~~Тамма~~ ~~Тамма~~ ~~Тамма~~

В старом от имперских разгнаний и ~~судебных~~^{административных}
 в Коб. Судебном округе. Машинная книга
 гл. 1. Коб. Судебного округа по числу дел по владению
 книг так-же дана в таблицах сама ~~исходящая~~^{исходящая}
 привлекла еще сведения о существовании каких-то
 то земель ~~рациональности~~ в то время
 возникло правление и с Коб. Судебным
 округом. Судебн ~~от~~^к эти ~~делами~~^{делами} еще в начале
 19-го века ~~на~~^в ~~Судебном~~^{Судебном}
 делении ~~в~~^в ~~Амурской~~^{Амурской} в 1820 году ~~по~~^{по} ~~делам~~^{делам}
 влече округа и Коб. и подчинять книгу
 которого ~~был~~^{был} ~~исходным~~^{исходным} ~~перв.~~^{перв.} ~~в~~^в ~~Амурской~~^{Амурской} ~~разделе~~^{разделе}
~~о~~^о ~~делах~~^{делах} ~~по~~^{по} ~~делам~~^{делам} ~~в~~^в ~~Коб.~~^{Коб.}
 в 1881 году округ влече к Н. от Коб. Судебн
 и в делении ~~в~~^в ~~Коб.~~^{Коб.} ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~розра~~^{розра} ~~делами~~^{делами} к Н. от округа ~~в~~^в ~~Коб.~~^{Коб.}
~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}

Коб. Судебный округ ~~с~~^с ~~делами~~^{делами} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
 Судебный округ: ~~в~~^в ~~Коб.~~^{Коб.} ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
 Судебный округ ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}

Раздел округа на три округа: ~~в~~^в ~~Коб.~~^{Коб.} ~~делах~~^{делах}, ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
 в Коб. ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} в 1881 ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
 Числ ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}
 Числ ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах} ~~и~~^и ~~делах~~^{делах}

**Расшифровка доклада¹ А.В. Колчака
“О современном положении Русской полярной экспедиции”²
(Приложение III)**

Русская полярная экспедиция, снаряженная Академией наук под начальством барона Толля и вышедшая из Петербурга в 1990 г., получила конец, совершенно не входящий ни в первоначальные программы, ни могущий быть даже представленным кем-либо из участников экспедиции ранее 1902 г., когда решение барона Толля оставить судно и постараться пройти на Землю Беннетта обусловило разделение ее состава и положение вещей, о которых я постараюсь вкратце сообщить в настоящий вечер.

Прежде чем перейти к сообщению о современном состоянии экспедиции, я позволю сказать несколько слов о целях и задачах, с которыми экспедиция вышла из Петербурга, а также о районе Новосибирских островов, служившем во вторую зимовку экспедиции местом ее деятельности.

Главная цель экспедиции состояла в обследовании части Ледовитого океана, расположенной к северу от Новосибирских островов. Вторая задача состояла в зимовке на Таймырском полуострове и обследовании этой наименее изученной арктической части Азиатского материка. Оставив в стороне Таймырский полуостров, я обращаюсь к Новосибирским островам. Упомянутая выше часть Ледовитого океана, помимо полной необследованности, привлекала еще слухами о существовании каких-то земель, в разное время виденных промышленниками с Новосибирских островов. Слухи эти, появившиеся еще в начале прошлого столетия и распространенные промышленным сообществом, несмотря на опровержение их лейтенантом Анжу в 1820-х годах, описавшего вперые острова и копии с подлинных карт которого находятся теперь в аудитории, получили особенное значение после открытия экспедиции Де-Лонга в 1881 году острова Беннетта к северу от Новой Сибири и извещения барона Толля о сильных признаках гористой земли к северу от острова Котельного. Занимаясь уже давно геологией Новосибирских островов, барон Толль придавал огромную важность физико-географическим и особенно геологическим исследованиям, к краткому напоминанию о которой я теперь перейду.

Новосибирские острова состоят из двух групп больших островов: Ляховских и собственно Новосибирских, иначе называемых именем Анжу.

- Разделение островов на три группы Ляховские, Анжу и Де-Лонга;
- Лед и ледовые условия;
- Плавание “Зари” у островов в 1901 г. и остров Беннетта;
- Зимовка на о. Котельном;
- Уход барона Толля на материк (I нрзб.) и уход на о. Беннетта.

Оканчивая свое сообщение, я прошу снисходительно отнестись к его форме, т.к. я не имел времени не только изложить его на бумаге, но даже составить как следует конспект.

Относительно барона Толля я еще раз выскажу, что, зная лично его и условия, среди которых он может теперь находиться, я не считаю его положение критическим, оно серьезно и может вызвать заботы для облегчения ближайшего возвращения его, но всякое другое мнение по-моему преждевременно и, во всяком случае, лишено достаточных оснований. Я надеюсь, что в ближайшем будущем барон Толль лично явится в этот зал и сделает здесь более обстоятельное и более интересное сообщение.

¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 3, 4, 3 об., 4 об.

² Расшифровку рукописного текста выполнила Н.И. Быстрова – научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Автограф А.В. Колчака

Памятная записка... о плавании
от устья Енисея до Берингова пролива

Его Превосходительству
Генералу Игнатьеву
Вилькицкому.

Памятная записка о плавании
северо-восточным проходом устьев
Енисея в Сибиря от устья р. Енисей
до Берингова пролива.

На заседании 23 Августа с. г. по
вопросам об изыскании Северного
Арктического океана, Его Выссо-
превосходительство Адмирал
Владимир Павлович Беринг
поручил мне составить по этому
предмету записку и представить
ее Главному Превосходительству для
разсмотрения.

Посему приурочивая свои соображения
по Разнонаправленному Возрождению.

Такая кампания спешит присоединиться
со времени первого единого Великого
Систематического Инициативы Со-
русского подвига, выполненного
" Великой Северной Экспедицией "
1733 - 1743 гг. под руководством
капитана Беринга.

Этой Экспедицией были впервые
установлены границы Алясского
материка, который занимает 150
миль Кордильеры Кордильеры
долгая возможность восточная
" северо-восточный проход "
крайне водоносный Каспий и
Сибирский моря от Торжского
Моря до Берингова примор-
ного географического инициативы
наших арктических морей, примор-
ных, приморных Востока, по нашим идеям
и средствами Морского Водохода,
дали в каждое время воз-

показано о бакинской укреплённости
малогаз и издавна южной широты
Каспийского моря до устья реки
Днепр и Енисей, но думается по
северо-восточной стороне о кучу
остатков во многих суровых и
Там же видны, в которых от башни
продвигается сподвижником
Кавказской бережливости.

Со времени Императора Александра
Третьего только четыре судна
облачили стальнойю оконечностью
сферическую. — Имя Империатора,
("Вера" и "Лена" скандинавские
Корветы в 1877 г., "Сурень"
скандинавские Каспийские в 1893 г. и
"Заря" скандинавские Восточные
в 1901 г.) и режиссёрские и
клавонийские и многообразием
материалами доплатившими
прежде упрочившим, бакинской
Северной Скандинавии".
Кстати сказать и то, что
показано при скандинавском

Дать рецензию совершенно не
автоматическое предположение, предвешивая
на гидрографических или гидрологических,
которые в сфере сугубо научной
вспомогательного работ и по условиям
и средним условиям и не могли
быть выделены в ряд объектов,
которые в своем отношении к гидро-
логическому процессу; мои рецензии
этого рода и в настоящее время
редко совершенно не обнаруживаются.
Не забудь в упомянутых
или ввиду особого внимания о
таких случаях гидрологического процесса,
которые в гидрологическом его отношении
предмет всего виднее, а именно
в области гидрологии, то есть о
кель, т. е. в гидрологии говоря о
каждом из них и не занимаясь.
Говорит про работу в гидрологии
всего и в своем отношении к гидрологии;
принимая и гидрологическое мнение про
гидрологический процесс совершенно не соответствующий

практически, хотя бы уже
гофалу, что утроены даже административные
картографические работы в уадрнаво;
это не касается до континентальной экспедиции,
только гидрографические работы австралийские
сделанные суровыми, линейными
судами, крайне некачественными и
точно также не ртутными
во многих вопросах о сибирско-
воинском приходе; достоинство уадр
на по исследованиям, при этих исследованиях
совершенно не вели, да и не могли
быть сделаны каждым судном
своими и просто.

Важность графических материалов
этого рода при исследованиях наших
восточных.

Каким образом ошибочны и даже ошибки
такого рода такие материалы хорошо
известны и известны нам в
Карском морю, которое даже
известно как адмиралу Мидделу
и окадскому бару Григору

Возвращаясь к рассуждениям Дю Клоуэ
и Дю Клоуэ, можно сказать, что
Дю Клоуэ и Дю Клоуэ, представляющие
описание морского пути в
Южную Америку, представляющие
каждого из них как капитана
представителя гидрографических
исследований Восточного побережья
в Южной Америке. Морской
путешественник охотился за
путем восточнее и западнее его
на совершенно твердые основания.
Представитель, который выдвигает
на пути корабля Восточного
пути Южную Америку на северо-запад
можно разделить на две категории:
одни считают, что географическая
обстоятельства этого пути и другая
обстоятельства считают, что
обстоятельства. Можно утверждать
сказать, что последние сведения
гораздо более трудными были.
первый и история капитана в

Порская иота и Тудоновская
нашли подтверждение это
предположение: когда были исследованы
кадлажания гидрографические
исследования, то оказалось при-
родными и естественные
природы.

Со времени «Большой Северной
Экспедиции» каботаже предельно
много для каботаже предельно
брана Таймырского полуострова,
самая северная оконечность которой
— мыс Земского ивилья в том
время крайней северной оконечности
материков старого света и
даже обитатели полуострова.

Высокие горы Таймыра,
обширные мануфактурные руды,
включить массу сравнительно
теплой воды в Сибирские моря
под другим меридианом, для
окончания предполагать это лед,
согласно спецификациям природы.

в арабической лавинации, лауреат
у Абул Керима кабулские маркет.
Видеостудия и студия Мухаммад,
и мажидовича Хромишвили и
Кабулову Лепету и удалость арти-
мной деятельности на воле, на
создание на судьи, ко в дурной
справки лемма не обраться вилоние,
что почитаем экзевдийа Лев
познаний облучил, афр много
на судьи кажа и митонити мажидовича
хримишвили перед Ботаника экзевдийа
Бернага, ко Юнис не менее совершил
но не приспособившимся тля окубной
Ардаб даже и со пель слабых
медов.

Предметов работы о лавинации
Судебного Возрождения гражделья в
одровленость кинного на лавь, или
на сокань ил мажидовича Хромишвили
диз стоводелю платония в Юнис
Вилоние широты, под картини
демер Бернага Юнисовича:
Лавь восточная в мажидовича

нарезать можно подвешивать ко
дну водн : мотыльки, отрученные
непосредственно в риндубиенях
ночь и океанского, балне
свежее пространство, приобщив
вторыми и тесными в бассейна
Медведево океана .

Про последнюю лотию в уверенность
сказать, что его ласт, приобщившись
в виль кабинать ластей со неопрет-
минами в суда грехами, отручь
прелесте совершенно истощающе
вильно приобщившись влиюще
актавой вралью овлишь про ластей
дуть средь, коими в кабреша врьше
расширает лаука и техника .

Первый т. е. медь мотылек пространство
котер предвудна в сформе балне
или мекте затрудились кабинать
в кабреша дуть непосредственно в
испущить дуть приобщившись салими
сильными свиду балне .

На скалко намь мотыльк сформе -
неограниченные мотыльк распространя

Сильно-воздушного характера медь
океанического происхождения водные
ее ветры, до наивысшего
можно предположить при употреблении
условиях вблизи мыса Империал,
где три гонимые экватории
(Кордильера, Каска и Верона-
Тампа) ее дуют в ветру.
Конфигурация и характер берегов
широкий в смысле ветров и рельефный
и форма медь очень серьезное
значение. Западные берега Тихоокеан-
ской кондукции от Тихоокеанского мыса
почти до устья реки Тихоокеан-
ской и имеют характер
широкой и присутствием дымчатой
ландшафтностью; берега
этих особенностей медной кондукции
вблизи реки берегов широким
ландшафтностью дымчатой медной
широкий класс берегов берегов
принадлежит к типу медной, которая
впервые в Тихоокеанском океане,
медь в отношении к морю водит

Берега; но на то и берега, омываемые
от льда, относятся до начала периода
замерзания. Также свидетельствуют
находящиеся массы льда, тая отходя
со фронтов моря берега, из которых
ледяные поля при отходе от моря
беспорядочно приближаются.
Во этой стороне Шайверский
берег, при устье из шельфовых
сформированных берегов каменным,
давая возможность многоугодно
от ледяного покрова и отступив
находящиеся массы мощного
многолетнего льда. Тогдашний
лед и берега представляют по
своим свойствам и мощности
в период возможной катания
и представлять естественные
для современной ледяной.

Восточный берег Шайверского
полуострова, находящийся в
малом изгибе, тая и падая;
этот берег, ~~находящийся~~, падая
лишь на массы таяющей воды

Восточной Хатангой, Амбаран,
Олексиной Ласой и Ледяной
океан. Опис берега дур, впрочем,
возможность каюты удобна и
для отдыха в случае ураганов
и льда, но надо иметь в виду, что
восточное побережье Таймыра
представляет опасность тесно-ископано,
т. е. край остроконечный,
огибающий от южной Сибирской
Экспедиции, никаких других
кают: лодочные экипажи только
подходят на вид флюидов
и эрми ограничивает все до, что
на о море такое.

Вместе в восточной части
моря на Северном полюсе
капитаном, благодаря выдвинуто
на предельную часть моря
восточной Сибири, южной.
Откуда на край части моря
неоднократно предельно со стороны
моря не предельно; дурно
и пока восточное направление в СВ

реберто кампаса Т. е. от берега
Сибири и суровые маёв
мда у берегов Урагской земли
лучше бы восточным, Гелодре
побитому ласовому пако лав
арким меридионами, ~~лучше бы~~
такая бы ласовая чуда или со
своими внамографическими лани-
ками.

Вспомогательное, можно прийти
к следующим выводам:
Главное препятствие на пути
своего-возможного прохождения пред-
ельмер Таймырской ласоводов
такого совершенно не описанным и
необитаемым; препятствие от лав
кочевий гидрографический и климатиче-
ский лав, которые бы всегда
восточным у берегов что
ласоводов. Наиболее суровое
климатическое гидрографическое
и климатическое скандинавское и кавказское
у западных, северного характера
берегов Таймыра; лав южной

оказалось наибольшим ввиду
данных окаменения Умюссима.
Изучение вопроса о Живении, дождем
и свайных медяных парках
у берегов Беринга Тайлера
представляет одним из важнейших
частей науки о свайно-водном
парке, не менее важности, чем
тема берегов и краев.
Несомненно ввиду, что
море безгрядное или платоническое
у Беринга Тайлера, как любимое
спертой шель все пути ввиду
азиатского материка, отражает
внимание на возможности обития
Таймеркии каучуков и юго,
а также ввиду и великой
шириной водной части реки
Енисей и Катанги.
Крупнейший Енисей-Курьинский, который
уже давно известен к северу
Котланд, однако самым большим
зритель Катанги, до крайности
реки и моря и южной части.

со впаде на Хайону через Суданку
на озеро Корычское или Пешанское,
затем по Писсан, вверх по ее
притокам Суданте или Аваште,
через Кетранты на иртыш Тоба-
киди и Кетты, соединяющиеся
притокского бассейна Хайоны
Товарищ это либо о суданской
этим речке или Тобантине о волноходе
указывает эту суданскую, отсюда
материальную связь между сибирскими
обуче великими Сибирскими речками, а
конечно же можно сказать невозможна.
На эти реки можно уравнивать далеко
Тобантине, а не кинуть кинуть
не издавая или измываниям с
этим Тобантине.
Наиболее чистые сведения об этом
предметы почти нет получить можно
разработке материалов в последствии
какого П. И. Маммалева, в прошлом
ИВГ. измывавшего бассейн
Хайоны и Хайонский край.
Весьма важно Хайону с ограниченными

Важнейшее преимущество этого кофеина,
то есть приращение к жидкостям
~~жидкостям~~ как к жидкостям кофеина
распространяется ради по его свойствам
и имеет свои особенности, т.к. велика
судящая об употреблении или употреблении
этого кофеина кофеина кофеина
ли не имеет к основным причинам,
для чего же имеет значение и
свойства кофеина кофеина кофеина
такие и далее заглавием своим
выражает, а в худшем случае даже
ему совершенно справедливо
Гласованию.

Михаил Кавказ.

С. Петербург.

№ 62.
Сентября 25.

Его Превосходительству
Андрею Ивановичу
Вилькину.

Расшифровка текста Памятной записки А.В. Колчака (Приложение IV)

Его Превосходительству
Андрею Ипполитовичу Вилькицкому

Памятная записка о плавании северо-восточным проходом
вдоль берегов Сибири.
от устья р. Енисей до Берингова пролива¹

На заседании 23 августа с.г. [1906 г. – В.С.] по вопросам об исследовании Северного Ледовитого океана Его Высокопревосходительство адмирал Владимир Павлович Верховский поручил мне составить по этому предмету записку и представить ее Вашему Превосходительству для рассмотрения.

Посему представляю свои соображения по рассматриваемому вопросу.

Более полутора столетий прошло со времени первого и единственного систематического исследования Сибирского побережья, выполненного “Большой Северной Экспедицией” 1733–1743 гг. под общим начальством командора Беринга.

Этой экспедицией были впервые установлены границы Азиатского материка, но только через 150 лет Норденшельд практически доказал возможность воспользоваться “северо-восточным проходом”, пройдя в одно лето Карское и Сибирские моря от Югорского Шара до Берингова пролива. Гидрографические исследования наших арктических морей, произведенные, преимущественно, по инициативе и средствами Морского ведомства, дали в настоящее время возможность с большой уверенностью плавать в водах южной части Карского моря до устьев рек Оби и Енисея, но даже на северо-востоке вопрос о пути остается во многих случаях в том виде, в котором он был представлен сподвижниками командора Беринга..

Со времени Императрицы Анны Иоанновны только четыре судна обогнули северную оконечность старого света – мыс Челюскин (“Вега” и “Лена” экспедиции Норденшельда в 1879 г., “Фрам” экспедиции Нансена в 1893 г. и “Заря” экспедиция барона Толля в 1901 г.), и результаты их плаваний являются единственными материалами, дополняющими труды упомянутой “Большой Северной Экспедиции”. Необходимо иметь в виду, что последние три экспедиции могли дать результаты, совершенно не отвечающие требованиям, предъявляемым к гидрографическим исследованиям, которые в этих случаях играли второстепенную роль, и по условиям и по средствам экспедиций не могли быть выполнены в том объеме, который бы давал ответы на все вопросы, связанные с северо-восточным проходом; многие части этого пути и в настоящее время остаются совершенно не обследованными. Не вдаваясь в экономические или военные соображения о значении северо-восточного прохода, вопрос о практическом его использовании прежде всего встречает препятствие в отсутствии достаточных знаний о нем, т.к. в сущности говоря никто как следует им и не занимался. Говорить про работы экспедиции Беринга в данном случае не приходится; громкое историческое значение этой экспедиции совершенно не соответствует практическому, хотя бы уже потому, что утрачены даже подлинные картографические работы ее участников; что же касается до новейших экспедиций, то их гидрографические работы являются вообще случайными, лишены

¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227, Л. 3–8, 3 об. – 8 об.

ми системы, крайне неполными и конечно также не решающими все сложные вопросы о северо-восточном проходе; достаточно указать на то обстоятельство, что эти экспедиции совершенно не вели, да и не могли вести сколько-нибудь систематической съемки и промера. Выяснить практическое значение этого пути при настоящем положении вещей нельзя. Насколько ошибочны и даже вредны могут быть такие решения, хорошо показывает история плавания в Карском море, которое такие авторитеты, как адмирал Литке и академик Бэрг, признали вообще недоступным для навигации и тем самым на несколько десятков лет задержали осуществление морского пути в Обь и Енисей, практическое значение которого доказал капитан Визгин. Предпринятые гидрографические исследования Вашего Превосходительства в двух экспедициях Морского Ведомства окончательно решили этот вопрос и поставили его на совершенно твердые основания. Препятствия, которые встретятся на пути корабля, вышедшего из устья Енисея на северо-восток, можно разделить на две категории: одни, лежащие в физико-географической обстановке этого пути, и другие, обусловленные незнанием этой обстановки. Можно с уверенностью сказать, что последние являются гораздо более трудными, чем первые, и история навигации в Карском море и Гудзоновом заливе подтверждают это предположение: когда были произведены надлежащие гидрологические исследования, то оказались преодолемыми и естественные препятствия.

Со времен "Большой Северной Экспедиции" наиболее трудным местом для навигации представлялись берега Таймырского полуострова, самая северная оконечность которого – мыс Челюскина – является в то же время крайней северной точкой материков старого света и даже обоих полушарий.

Высокие широты Таймыра, отсутствие значительных рек, вносящих массы сравнительно теплой воды в Сибирские моря под другими меридианами, дают основание предполагать, что лед, составляющий специфическое препятствие в арктической навигации, получает у этих берегов наибольшее значение. Действительно, ни штурману Минину, ни лейтенанту Прончищеву и капитану Лаптеву не удалось обойти мыс Челюскина ни с востока ни с запада на судне, но, с другой стороны, нельзя не обратить внимание, что последние экспедиции без затруднений обогнули этот мыс на судах, хотя и имеющих несомненные преимущества перед ботами экспедиций Беринга, но тем не менее совершенно не приспособленным для активной борьбы даже с очень слабым льдом.

Прежде чем говорить о навигации северо-восточным проходом, я остановлюсь немного на льде как на одном из главных препятствий для свободного плавания в таких высоких широтах, под которыми лежат берега Таймыра.

Лед, встречаемый в Сибирских морях, можно подразделить на два вида: местный, образующийся непосредственно в рассматриваемых морях, и океанический, более северного происхождения, приносимый ветрами и течениями из бассейна Ледовитого океана.

Про последний можно с уверенностью сказать, что его массы, представляющиеся в виде набивных полей с неопределимыми с судна границами, образуют препятствие, совершенно исключающее всякую практическую возможность активной борьбы с ним при помощи тех средств, какими в настоящее время располагают наука и техника. Первый, т.е. лед местного происхождения, может представиться в формах, более или менее затрудняющих навигацию и иногда также непосредственно невозможных быть преодолимыми самыми сильными средствами.

Насколько нам известны физико-географические условия распространения льда в арктических Сибирских морях, по крайней мере на пути северо-восточного прохода, лед океанического происхождения вообще не встречается,

но появление его можно предполагать при известных условиях вблизи мыса Челюскина, хотя три последние экспедиции (Норденшельда, Нансена и барона Толля) его там не встретили. Конфигурация и характер берегов имеет в смысле встречи препятствий со стороны льда очень серьезное значение. Западные берега Таймырского полуострова от Енисейского залива почти до устья реки Таймыры имеют во многих местах характер шхер с присущими таким местам подводными опасностями; благодаря этому обстоятельству ледяной покров вблизи этих берегов имеет сильную тенденцию образоваться более или менее широкий пояс развитого берегового припая из неподвижного льда, который вскрывается с большим опозданием, чем в открытых к морю частях берега; но зато шхеры, очистившись ото льда, остаются до начала периода замерзания более свободными от плавающих масс льда, чем открытые со сторон моря берега, к которым ледяные поля при ветрах с моря беспрепятственно приближаются. С этой стороны таймырские шхеры, при условии их исследования, скорее благоприятствуют навигации, давая возможность легкого укрытия от ледяного напора и отсутствию значительных масс мощного многолетнего льда. Годовалый лед шхерных пространств по своим свойствам и мощности в период возможной навигации не представляет неодолимого препятствия для современных ледоколов.

Восточный берег Таймырского полуострова, по-видимому, представляет меньше затруднений, чем западный; этот берег подвержен влиянию масс теплой воды, выносимой Хатангой, Анабаром, Оленеком и Леной в Ледовитый океан. Опись берега даст, вероятно, возможность найти удобные места для стоянок в случаях укрытия ото льда, но надо иметь в виду, что восточное побережье Таймыра представляет полную *terra incognita*, т.к. кроме отрывочных сведений, оставшихся от "Большой Северной Экспедиции", никаких других новейшие экспедиции только подошли на вид этих берегов, и этим ограничивают все то, что мы о них знаем.

Далее к востоку имеются все шансы на беспрепятственную навигацию, благодаря влиянию на прибрежные части моря великих сибирских рек. Ожидать на этой части пути неодолимых препятствий со стороны льда не приходится; дрейф арктического пака вообще направлен в NW^ю четверть компаса, т.е. от берега Сибири, и случайные массы льда у берегов Чукотской земли, могущие быть встреченными благодаря очень южному положению пака под этими меридианами, опасны для парусных судов или со слабыми вспомогательными машинами.

Резюмируя все сказанное, можно прийти к следующим выводам: главное препятствие на пути северо-восточным проходом представляет Таймырский полуостров, частью совершенно неописанный и необследованный; препятствия эти лежат в отсутствии гидрографических исследований и льде, могущем быть всегда встреченным у берегов этого полуострова. Наиболее серьезное влияние отсутствия гидрографических исследований сказывается в навигации у западных, шхерного характера берегов Таймыра; лед может оказать наибольшие трудности в районе около мыса Челюскина. Изучение вопроса о движении, положении и свойствах ледяного покрова у северных берегов Таймыра представляется одной из важнейших частей задачи о северо-восточном проходе, не менее важной, чем опись берегов и промер.

Несомненные трудности, которые могут встретиться при плавании у берегов Таймыра, как наиболее северной части всего пути вокруг Азиатского материка, обращают внимание на возможность обойти Таймырский полуостров с юга, пользуясь близостью и небольшой шириной водоразделов рек Енисея и Хатанги. Приток Енисея – Курейка, по-видимому, очень близко подходит к ис-

токама Котуя, одного из самых больших притоков Хатанги, но, кроме этих рек, имеется исторический путь с Енисея на Хатангу через Дудинку на озеро Норильское или Пясинское, вниз по Пясине, вверх по ее притокам Дудыпте или Аваме, через водораздел на истоки Боганиды и Хеты, составляющих принадлежность бассейна Хатанги.

Говорить что-либо о судоходности этих рек или тем более о возможности улучшить эту судоходность, образовать искусственную связь между системами двух великих сибирских рек, при настоящих наших знаниях, невозможно. На эти реки можно указывать только теоретически, т.е. никто не задавался их исследованием с этой точки зрения.

Наиболее ценные сведения об этом предмете могут быть получены после разработки материалов экспедиции геолога И.П. Толмачева, в прошлом 1905 г., исследовавшего бассейн Хатанги и Хатангский край. Даже сама Хатанга с огромным заливом того же имени являются совершенно неисследованными. В настоящей записке не рассматривается вопрос о целесообразности навигации северо-восточным проходом. Этот проход существует, но всякие суждения о возможности им пользоваться при настоящем положении наших знаний о нем не могут иметь никаких серьезных оснований. Преобладающее мнение существует о невероятных трудностях арктической навигации, в большинстве случаев поддерживаемое лицами, никогда не видавшими льда и вообще не бывавшими за полярным кругом. Но всегда и везде главные трудности лежат прежде всего в незнании и отсутствии исследований, и мы, русские, более чем кто-либо другой, платились за наше невежество и склонность всегда считать невозможным и неодолимым то, что сколько-нибудь выходило за пределы обычной рутины. Раз признается факт существования северо-восточного прохода и важность пользоваться этим путем, то надо приступить к рассмотрению, как наилучшим образом распределить работы по его исследованию и начать эти работы, т.к. всякие суждения об удобствах или препятствиях этого пути будут носить характер ни на чем не основанных положений, при том же личные взгляды и склонности получают наибольшее значение и только затемняют самый вопрос, а в худшем случае дадут ему совершенно превратное толкование.

Лейтенант Колчак.

С.-Петербург
1906 г.
Сентябрь 25

Его Превосходительству
Андрею Ипполитовичу
Вилькицкому¹

¹ Расшифровку рукописного текста выполнила Н.И. Быстрова – научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Основные даты жизни и деятельности А.В. Колчака

1874	4/16 ноября	–	родился Александр Васильевич Колчак. крещен в Троицкой церкви села Александровского С.-Петербургского уезда.
	15/27 декабря	–	
1888	13/25 декабря	–	поступил в Морской кадетский корпус ¹ .
1891	15/27 декабря	–	начало действительной службы.
1894	июль	–	окончил Морской кадетский корпус и награжден денежной премией им. адмирала П.И. Рикорда (300 р.).
	15/27 сентября	–	произведен в мичманы ² .
1895	6 ³ августа	–	помощник вахтенного начальника на крейсере "Рюрик".
1898	6 декабря	–	произведен в лейтенанты.
1899	19 февраля	–	штурманский офицер 2-го разряда.
	4 сентября	–	вахтенный начальник на броненосце "Полтава".
	17 сентября	–	вахтенный начальник на броненосце "Петропавловск".
1900	21 января	–	распоряжением Главного морского штаба отозван в Россию и командирован в экспедицию Императорской академии наук по поиску Земли Санникова.
	21 января – 10 февраля 1904	–	прикомандирован к Императорской академии наук.
	10 марта	–	включен в состав Русской полярной экспедиции (РПЭ).
	16 апреля – 2 сентября 1902	–	участник Русской полярной экспедиции для начисления плавательного ценза.
1901	январь–март	–	открытый Э.В. Толлем и А.В. Колчаком остров в Карском море назван о. Колчак ⁴ .
1902	декабрь	–	возвращение Русской полярной экспедиции в Петербург.

¹ Морской кадетский корпус учрежден Указом Петра I 28 мая 1701 г.; 2 июня 1867 г. был переименован в Морское училище (РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 11244 б. Л. 1). В 1891 г. Морское училище снова переименовали в Морской кадетский корпус ("История Высшего военно-морского училища". М., 1976).

² Мичман – первый морской офицерский чин с золотыми погонами.

³ Все последующие даты приводятся в новом стиле.

⁴ В 1939 г. был переименован в о-в Расторгуева (С. Расторгуев – участник РПЭ 1900–1903 гг.).

- 1903 22 февраля – выехал из Иркутска для участия в Спасательной экспедиции для оказания помощи барону Толлю.
- 6 марта – выступил с лекцией в Иркутском географическом обществе: "О современном положении Русской полярной экспедиции".
- 7 марта –
28 января 1904 – назначен распоряжением президента Имп. АН Великим князем Константином Константиновичем командиром Новосибирской партии – Спасательной экспедиции.
- 6 декабря – награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за работу в РПЭ 1900–1903 гг.
- 1904 10 февраля – пришло известие о начале русско-японской войны в Якутск, где после Спасательной экспедиции находились ее участники.
- 10 февраля – телеграмма Колчака из Якутска в Академию наук: "Иду на войну из Иркутска..."
- 16 февраля – выехал из Якутска в Иркутск со всей партией Спасательной экспедиции
- февраль – приезд отца Василия Ивановича и Софьи Федоровны Омировой в Иркутск.
- 18 марта – венчание и свадьба с Софьей Федоровной Омировой в Иркутске.
- 1904 – с марта 1904 г. по январь 1905 г. участвовал в боевых морских и сухопутных операциях, оборонял осажденную крепость Порт-Артур.
- 1904 15 октября – награжден орденом Св. Анны 4-й степени за "сторожевую службу и охрану прохода в Порт-Артур, обстрелы неприятельских позиций".
- 1905 январь–апрель – нахождение в японском плену в Порт-Артуре.
начало июня – возвращение из плена через Японию, Нагасаки и Канаду, Галифакс в Петербург.
- 24 июня – приказом по Морскому ведомству определена временная инвалидность и отпуск на 6 месяцев.
- 12 декабря – награжден Георгиевским оружием – золотой саблей с надписью на эфесе "За храбрость" и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.
- 1906 – член Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана до 1912 г.
- 1906 10 января – избран действительным членом Императорского Русского географического общества.
- 30 января – награжден высшей наградой Императорского Русского географического общества Большой золотой Константиновской медалью.

1906	22 марта	–	физико-математическое отделение Имп. АН постановило издать в "Записках ИАН" труд А.В. Колчака "Лед Карского и Сибирского морей".
1907	май 6 декабря	–	произведен в капитан-лейтенанты. – награжден мечами за русско-японскую войну, добавленными к ордену Св. Владимира 4-й степени за РПЭ. – награжден серебряной медалью как участник русско-японской войны.
1906	апрель по 1908	–	работа в Морском генеральном штабе по возрождению Российского Флота.
1907	декабрь	–	назначен наблюдающим за постройкой ледокола на Невском судостроительном заводе для Гидрографической экспедиции в Северный Ледовитый океан.
1908	май по декабрь 1910	–	произведен в капитаны 2-го ранга. – перешел в Главное гидрографическое управление. Организовал гидрографическую экспедицию в Северный Ледовитый океан.
1909	март	–	вышла из печати в "Записках ИАН" монография "Лед Карского и Сибирского морей".
	июнь	–	утвержден командиром ледокола "Вайгач".
1909	27 октября по 3 июля 1910	–	на начало и завершение плавания на судне "Вайгач" по маршруту Петербург – Суэцкий канал – Владивосток.
1910	17 августа по 20 октября	–	плавание на судне "Вайгач" к Берингову проливу. Проведение гидрографических исследований по курсу судна и у мыса Дежнева.
	декабрь	–	отозван в Морской Генеральный штаб (МГШ) для выполнения судостроительной программы, вернулся в Петербург.
1911		–	работа в Морском Генеральном штабе, заведует Балтийским отделом до 1912 г.
	апрель	–	назначен в минную дивизию командиром эскадренного миноносца "Уссуриец".
1912	12–13 мая	–	участвовал в Комиссии по рассмотрению плана экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу. Указал на существенные недостатки этого плана.
	март	–	утвержден командиром эсминца "Пограничник" (Либава).
1913	декабрь	–	произведен в капитаны 1-го ранга (Либава). – назначен флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала Эссена.
1914	весна	–	переведен в штаб командующего Балтийским флотом на крейсер "Рюрик".

1914	19 июля (1 августа)	–	начало войны с Германией. Оставлен в должности флаг-капитана на первые 2 месяца войны.
1915		–	награжден орденом за боевые заслуги.
	декабрь	–	награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами за боевые заслуги.
		–	награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за высадку морского десанта 7 октября в немецкий тыл в районе мыса Домеснес (Калкарагс).
		–	назначен командующим минной дивизией (Ревель).
1916	10 апреля	–	произведен в контр-адмиралы за отличие по службе.
	28 июня	–	произведен в вице-адмиралы за отличие по службе.
	28 июня	–	назначен командующим Черноморским флотом.
	4 июля	–	награжден орденом Св. Станислава 1-й степени за боевые заслуги.
	декабрь	–	награжден орденом за штурм Трапезунда.
		–	как командующий Черноморским флотом награжден орденом за боевые заслуги.
1917	9 июня	–	освобожден от должности командующего Черноморским флотом.
	27 июля	–	отъезд в США. Остановился 1.08.17 г. в Лондоне на 3 дня.
	конец августа	–	английский крейсер доставил адмирала в Галифакс (Канада).
	сентябрь– октябрь	–	находился в Нью-Йорке, Вашингтоне. Плавание на флагманском линкоре "Пенсильвания". Участие в маневрах американского флота.
	ноябрь 1917 – июль 1918	–	находился в Японии, Китае, Сингапуре, Харбине. Член нового Правления КВЖД.
	ноябрь	–	из Сан-Франциско на японском лайнере "Карре-Мару" прибыл в Иокогаму.
1918	февраль	–	отплыл из Шанхая на Месопотамский фронт.
	апрель	–	возвратился в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири.
	июнь	–	отъезд в Японию, Токио. Встречи с начальником Генерального штаба Японии генералом Ихарой и его помощником Танакой.
	август	–	лечение и отдых в курортном г. Никко вместе с гражданской женой Анной Васильевной Тимиревой.
	сентябрь 9 октября	–	вернулся в Россию – во Владивосток.
		–	Директория – Временное Всероссийское правительство (создано 23.09.18 на совещании в Уфе) – переехала в Омск.

1918	4 ноября	–	прибыл в Омск из Владивостока. Утвержден военным и морским министром правительства Директории.
	17 ноября	–	в качестве военного министра Директории вернулся в Омск после инспекторской поездки на фронт и встречи с чехословацким и русским военным командованием в Екатеринбурге.
	18 ноября	–	переворот, арест правительства Директории в Омске, Совет Министров взял власть.
	"	–	Совет Министров утвердил (избрал) Колчака Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами.
	"	–	Советом Министров произведен в адмиралы.
1919	на Пасху (27 апреля)	–	награжден орденом Св. Георгия 3-й степени за освобождение Урала.
	23 апреля	–	при правительстве Верховного правителя создается Комитет Северного морского пути. Август–сентябрь – так называемую белогвардейскую продовольственную Карскую экспедицию, организованную адмиралом Колчаком, возглавил контр-адмирал Б.А. Вилькицкий. Продолжается строительство Усть-Енисейского порта. По распоряжению Верховного правителя на Север выехало несколько экспедиций: ботаническая под руководством В.В. Сапожникова, гидрографическая под руководством Д.Ф. Котельникова.
	12 октября	–	выехал из Омска. Одновременно отправлен золотой запас России из Омска особым поездом.
	14 ноября	–	пал Омск. Правительство Колчака стремится перебазироваться в Иркутск.
1920	3 января	–	получает от Белого движения телеграмму с требованием об отречении от власти.
	4 января	–	отрекся от власти Верховного правителя. Назначил своим преемником генерал-лейтенанта А.И. Деникина, а в Российской восточной окраине – атамана Г.М. Семенова.
	15 января	–	арестован белочехами, осуществлявшими охрану его поезда, и передан эсеро-меньшевистскому Политцентру на ст. Иннокентьевская.
		–	Политцентром передан Военно-революционному комитету во главе с большевиком А.А. Ширямовым.
	с 21 января по 6 февраля	–	допрос Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутской тюрьме.
1920	7 февраля	–	расстрелян на берегу р. Ушаковки при впадении ее в Ангару в 5 ч утра.

Колчак в творчестве сибирских поэтов

Географ, путешественник, мореплаватель, военный, Александр Васильевич Колчак, волею сложившихся обстоятельств став диктатором, возложил на себя тяжелейшую ответственность за дальнейшую судьбу многострадальной России [94]. О Колчаке слагали легенды. Его призывали остановить всколыхнувшиеся массы, пропитанные безумием свободы и обманчивой возможностью сразу подняться из нижних эшелонов социальных ниш общества к самым его вершинам [95].

Поэты, посвящавшие ему свои стихи, поэмы, песни, находились под живым впечатлением его славы и бесславия, трудовой жизни и героической смерти. В их воображении вставал образ человека, до конца сохранившего честь и достоинство русского офицера, дело жизни которого было проиграно и который, не склонив головы, смело шагнул к “могильному откосу”. С ним уходила в прошлое эпоха Великой Российской Империи.

“Шпагами последних кондотьеров¹
Мы эпохе отдали салют...”

Сергей Марков

В 1920–1930-е годы группа поэтов-сибиряков во главе с молодым Леонидом Мартыновым написала о Колчаке много ярких строк.

Колчак – фигура спорная, яркая, неординарная и противоречивая, и кто бы с ней ни соприкасался, всегда находил новые грани, отражающие совсем необычный свет дореволюционной эпохи. Случилось так, что многие поэты, писатели, художники о своем восхищении Колчаком смогли поведать только Соловецким островам.

В марте 1932 г. ОГПУ НКВД провело ряд арестов поэтов-сибиряков, входящих в так называемую “Сибирскую бригаду” (первоначально “Памир”). Их обвиняли как контрреволюционеров, а их произведения, печатавшиеся в журнале “Сибирские огни”, клеймились как антисоветские, умышленно направляющие агитацию и пропаганду на свержение советской власти в Сибири.

По делу “Сибирской бригады” проходили Леонид Мартынов, Николай Анов (Иванов), Сергей Марков, Павел Васильев, Евгений Забелин, Лев Черноморцев и многие другие (93, с. 7).

«В моей семье, – говорил на следствии поэт Евгений Забелин, – колчакщина была воспринята восторженно как фактор спасения многострадальной, измученной родины. Мне тогда было 16 лет. Я полностью воспринял все эти настроения, которые у меня оставались вплоть до выхода из “группы сибиряков”. При Колчаке я никакой непосредственной работы не нес, но все мероприятия Колчака (расстрелы большевиков, рабочих и кре-

¹ Кондотьер – наемник, человек, получающий вознаграждение за военные услуги. Составляли ядро иностранного легиона во Франции.

стьян) воспринимались мной с энтузиазмом. Я считал до 1931 года Колчака вторым Наполеоном и так к нему относился. Все зверства колчаковцев считал необходимыми и нужными. И это у меня сохранилось до последних дней, когда я в своей компании сибиряков часто поговаривал: “Эх, была бы махновщина, вот гульнули бы! Показали бы этой сволочи”. Или, “по большевистской рвани – пли!” и так далее. Расстрел Колчака мною был воспринят очень болезненно».

«Нужно сказать совершенно определенно, что в группе на все время осталась идеализация Колчака: как личность крепкая, правдивая, как “прототип” вождя, спасающего Россию». (Из показаний Е. Забелина.)

“Будущее Сибири определяется, во-первых, огромными естественными возможностями страны, во-вторых, высоким качеством человеческого материала, населяющего Сибирь. Кряжистый, инициативный, предприимчивый сибиряк выгодно отличается от “лапотника”, забитого, столетиями, проживающего в нужде и гнете российского крестьянина. Качество этого людского материала позволяет ему не только использовать все возможности Сибири, но и устремиться на юг и восток, колонизируя прилегающие к Сибири и Средней Азии страны – Китай, Индию, Персию, Афганистан – и сливаясь с народами этих стран. Пути к югу должны пересечь горные хребты, перевал этих путей – вершина Памира. Отсюда и название литературной группы “Памир”, объединившей первоначально меня – Мартьянова, Маркова, Анова, Ерошина, Феоктистова”. (Из показаний Л. Мартьянова.)

“На собраниях группы при моем присутствии разбирались и уточнялись вопросы текущей политики. В результате пришли к следующему. Индустриализация – хорошая штука, пусть большевики построят побольше и получше, все это будет использовано другим строем, пришедшим на смену советской власти. Коллективизация отрицалась. Было решено в обществе членов группы взять установку на показ гибельности коллективизации, уничтожающей по существу здоровое ядро деревни”. (Из показаний Л. Черноморцева.)

«Все абсолютно высмеивали призыв ударников в литературу. Говорили о том, что “душится живое слово”, “уничтожаются подлинные художники” и так далее. Анов говорил, например: “Развернул я как-то журнал времен Николашки – вот и демократия, вот где свобода была, хотя бы половину такой свободы теперь. Теперь куда ни плюнь – Бенкендорф”. Это разделялось и всеми остальными». (Из показаний П. Васильева.)

«Особо хочу остановиться на “Альманахе мертвецов”. Это тетрадь в 30–40 страниц, на которой наклеены вырезки стихов колчаковских поэтов – Ю. Сопова, Г. Маслова и других. Эти стихи собрал Мартьянов и привез в Москву. В группу приносил их Марков и читал. Стихи явно контрреволюционные, написанные “сочным” языком, производили очень сильное впечатление, подогревали нас. Многие из прочитанных стихов смаковались. Стихи эти читались для возрождения памяти Колчака и колчаковщины. Нужно добавить, что эти стихи печатались в газетах на злобу дня – яркие, враждебные к советской власти и большевикам, которых в стихах называли “белыми гориллами”. Эти стихи давали нам пищу, а Марков и Мартьянов брали с них пример». (Из показаний Е. Забелина.)

«Материалы для составленного Сергеем Марковым “Альманаха мертвецов” были собраны мною как материал для статьи, которую я готовил

для опубликования в журнале “Сибирские огни” и которая должна была явиться ответом на тезис Зазубрина, что Георгий Маслов и другие колчаковские поэты воспевали Колчака как спасителя Отечества. Смысл моего ответа заключался в отрицании этого тезиса Зазубрина и в утверждении того, что они оплакивали свою гибель и гибель колчаковщины, которую они предвидели. Ознакомившись с собранными мною материалами, Марков оформил их в сборник, названный им “Альманахом мертвецов”». (Из показаний Л. Мартынова.)

В этот альманах были собраны стихи Георгия Маслова, Игоря Словнина, Юрия Сопова, Григория Вяткина, печатавшиеся в газетах колчаковской Директории. В этом же духе романтизации колчаковщины как одного из последних оплотов сопротивления установившемуся режиму и ощущения его неминуемого трагического конца писали стихи, посвященные памяти адмирала, Евгений Забелин, Сергей Марков. Таковы и ранние редакции стихотворения Леонида Мартынова “Воздушные фрегаты” и его поэмы “Адмиральский час”.

«Любая идеализация потомками какой-либо страницы прошлого не несет с собой ничего путного. Прежде наводили глянец на “красных”, сейчас идет “отмывание” Белого движения, которое, право же, ни в каком “отмывании” не нуждается.

Бессмысленно задаваться вопросом: кто пролил больше невинной крови – командарм Тухачевский или атаман Анненков, чьи зверства перевешивают – командарма Буденного или генерала Мамонтова? Гражданская война тем и ужасна, что порождает чудовищное озверение обеих сторон, независимо от их окраски.

Александр Васильевич Колчак – не исключение из этого правила» [96, с. 7].

Ниже в стихах Евгения Забелина звучит трагическая эпитафия гибнущей культуре:

Знакомых и друзей, случайно
Явившихся издалека,
Чтоб вместе оставаться в чайной –
Степной столицы Колчака.
Не пить и не забавы ради
Иные люди шли сюда,
Где проходила по эстраде
Поэтов сонных череда.
Когда перед приходом красных
Сгустилась мгла метельных дней,
Туда пришел Георгий Маслов
Сказать о гибели своей.
Он говорил – зараза липнет,
На всем кровавая печать.
Он говорил – культура гибнет,
И надо дальше убегать...

Евгений Забелин
АДМИРАЛ КОЛЧАК

Сначала путь непройденных земель,
Потом обрыв израненного спуска,
И голубая изморозь Иркутска,
И проруби разинутая щель.
Полковники не слушали твой зов,
Бокальный всплеск укачивал их сонно,
Созвездия отгнившего погона
Им заменяли звезды коньяков.
Свои слова осколками рассыпь
Меж тупиков сереющих пустынно
Плюгавое похмелье кокаина
И сифилиса ситцевая сыпь.
Кашмирский полк, поющий нараспев,
Кашмирский полк, породистый британец,
Обмотки на ногах, у плеч – тигровый ранец,
На пуговицах – королевский лев.
Приблизилась военная гроза,
Рождались дни, как скорченные дети.
От них, больных, в витринах на портрете
Старели адмиральские глаза.
Что ж из того, упрямо перейду
Былую грань. Истерикой растаяв,
Дрожа слезой, сутулый Пепеляев
Покаялся советскому суду.
Перехлестнул, стянул, перехлестнул
Чеканный круп неконченного рейса.
Жизнь сволочнулась ртом красногвардейца,
Вся в грохоте неотвратимых дул
Душа не вынесла. В душе озноб и жар,
Налево – марш к могильному откосу.
Ты, говорят, опеплив папиросу,
Красногвардейцу отдал портсигар.
Дал одному солдату из семи.
Сказал: “Один средь провонявшей швали
На память об убитом адмирале
Послушай, ты, размызганный, возьми!”

1925

Сергей Марков
ПОЛЯРНЫЙ АДМИРАЛ КОЛЧАК

Там, где волны дикий камень мылят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный на вылет,
Поправляя сгнивший эполет.

В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо неожиданным снам,
Гордое величье адмирала
Подари заплыванным волнам.

Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.

Ведь пришли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги.

Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек.

Что ж считать загубленные души,
Замутить прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверно, было суждено.

Думал я, что грозная победа
Поведет тупые корабли...
Жизнь моя, как черная торпеда,
С грохотом взорвалась на мели.

Чья вина, что в злой горячке торга
Я не слышал голоса огня?
Полководцы короля Георга
Продали и предали меня.

Я бы открывал архипелаги,
Слышал в море альбатросов крик,
Но бессильны проданные шпаги
В жирных пальцах мировых владык.

И тоскую по морскому валу,
И с лицом скоробленным, как жечь,
Я прошу: "Отдайте адмиралу
Перед смертью боевую честь..."

И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.

* * *

Леонид Мартынов

Померк багровый свет заката¹,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над этим городом прошли.
Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
– Друзья, откуда вы приплыли?
Какая буря привела?
И через рупор отвечали
Таинственные моряки:
– О потонувшем адмирале
Не зря вещали старики.
Я помню рейд республиканца,
Колчак сдавал оружие нам,
Но адмирал спешил на шканцы
Оружие подарить волнам.
И море страшно голубое,
Жить, умереть – не все ль одно?
Лети, оружие, золотое,
Лети, блестящее, на дно!

.....

Колчак сказал: “Здесь скот, руда,
Экономическая база.
Здесь Атлантида. И сюда
Сначала надо водолаза”.

.....

И нет Европ, и нет Америк.
Есть только узкий волчий след,
Ведущий на полярный берег.

.....

Здесь сохранилась от восстаний
Единственная из корон –
Корона северных сияний.

Примечание. Члены “Сибирской бригады” 17 апреля 1989 г. были реабилитированы во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г., в котором идет речь о дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв массовых репрессий, имевших место в период 30-х, 40-х и начала 50-х годов.

¹ Эти отрывки из ранней редакции поэмы “Адмиральский час” также фигурировали в “деле” в качестве материала для обвинительного заключения по делу Леонида Мартынова.

Литература

Библиография сочинений А.В. Колчака – научные труды, отчеты, рукописи и докладные записки, посвященные вопросам океанологии, исследованию Арктики и ледокольному судостроению

Опубликованные работы

- Мичман Колчак А.В.* Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 г. // Зап. по гидрографии. 1899. Вып. XX. С. 95–113.
- Колчак А.В.* Отчет о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. Прил. 3 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. С. 361–364.
- Колчак А.В.* Отчет по гидрологическим работам, произведенным в течение первой зимовки и навигации 1901 г. Прил. 4 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 221–223.
- Колчак А.В.* Отчет по съёмочным работам на месте первой зимовки. Прил. 5 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 224–225.
- Колчак А.В.* Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю (VII) // Там же. 1904. Т. XX, № 5. С. 149–157.
- Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1906. Т. 42, вып. 2/3. С. 487–519.
- Колчак А.В. (перевод).* Таблица точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена // Зап. по гидрографии. СПб., 1907. Вып. XXVIII. С. 25–29.
- Колчак А.В.* Плавание до Берингова пролива (9 февр. 1907, статья в газете) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 24. Хранится в архиве.
- Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1909. Т. 26, № 1. С. I–V, 1–169, 11 табл., 60 рис., 24 фот.
- Колчак А.В.* Карта. Таймырский пролив. С частью берега лейтенанта Харитона Лаптева. По карте северо-восточной части Карского моря, составленной лейтенантом Колчаком в 1908 г. // Там же. 1909. Т. 26, № 1. Прил.: карта.
- Kolchak A.* The Arctic pack and the polynya / Ed. W.L.G. Joerg. N.Y., 1982. P. 125–141. (Amer. Geogr. Soc. Spec. Publ.; N 7).
- Колчак А.В.* Карта № 679. Планы якорных стоянок на северо-западном (NW) берегу Таймырского полуострова: 1 лист в масштабе $\frac{1}{61.404}$ и $\frac{1}{35.540}$. Залив Миддендорфа, Коломейцева, рейда “Заря” и южная часть Таймырского залива составлены лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.
- Колчак А.В.* Карта № 681. Карта северо-восточной (NO) части Карского моря от острова Вилькицкого до мыса Михайлова: 1 лист в масштабе 5 миль в дюйме или $\frac{1}{365.400}$. Составлена лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.
- Колчак А.В.* Карта № 687. План губы Нерпичьей и лагуны Нерпалах на западном (W) берегу острова Котельного: 1 лист в масштабе $\frac{1}{36.540}$. Съёмка и промер выполнены лейтенантом Колчаком в 1901–1902 гг. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.
- Колчак А.В.* Карта № 712. Карта северо-восточной (NO) части Карского моря от мыса Михайлова до устья реки Таймыры (Берег Харитона Лаптева, архипелаг Норденшёльда и Таймырский залив): 1 лист в масштабе 5 миль в дюйме или $\frac{1}{365.400}$. Составлена лейтенантом Колчаком при участии подпоручика Прокофьева. Издана

Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1908 г. СПб., 1908.

Колчак А.В. Какой нужен России флот¹ // Мор. сб. 1908. Т. 346, № 6. С. 31–47; 1908. Т. 347, № 7. С. 1–25.

Неопубликованные работы

Колчак А.В. Лекция: О современном положении Русской полярной экспедиции (чтение в Иркутском географическом обществе 21.II.1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 3–4, 3 об.–4 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Письмо – отчет Председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту (от 14 марта 1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА. РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 6–8, 5 об.–7 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Дневник о работе в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. // РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–16, 1 об.–16 об. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Памятная записка (от 25.IX.1906): О плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья р. Енисей до Берингова пролива. (Записку поручил подготовить председатель Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана член Адмиралтейств-Совета адмирал В.П. Верховский для начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. А.И. Вилькицкого 23.VIII.1906 г.). Автограф в Приложении // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 3–8 и 3. об.–8 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России (11 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 43–45. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Материалы к вопросу об исследовании берегов Сибири (15 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 45–93. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Об экспедиции в Карское и Сибирское моря (9 апреля 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 104–111. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Докладная записка от 26 сентября 1907 г. в Главное гидрографическое управление и в Главный морской штаб: (Анализ проектов ледоколов для исследования СЛО, соавтор Ф.А. Матисен) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 243–245 и 243 об.–244 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Замерзание Балтийского моря и заливов (1909) // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 127. Л. 103–104, 103 об., 104 об. Хранится в архиве, рукопись. Над маш.п. текстом рукой Колчака сделана надпись: “Составил капитан 2 ранга Колчак в 1909 г. для Комиссии по (1 – слово нераз.) Командующих флотами и Комендантов крепостей².”

Литература, используемая в тексте

1. Бутиков Г.П. 180 лет со дня рождения Императора Александра II // Музеи России: Науч.-попул. иллюстр. журн. СПб., 1998. Вып. 6. С. 3–11.
2. Колчак Р.А. Адмирал Колчак: Его род и семья (из семейной хроники) // Воен.-ист. вестн. Париж, 1959. № 13, 14; 1960. № 16. Здесь цит. по приложению к кн.: Максимов В.Е. Избранное. М.: “Терра – Terra”, 1994. С. 177–198.
3. Колчак В.И. На Малаховом кургане // Мор. сб. 1899. № 9/11. С. 1–63. Отд. отт.
4. Колчак В.И. // Воен. энциклопедия. СПб., 1913. Т. 13. С. 48.

¹ Настоящая статья представляет собой содержание докладов, сделанных автором в С.-Петербургском Военно-морском кружке, в Клубе общественных деятелей, в кронштадтском Обществе офицеров флота и Обществе ревнителей военных знаний.

² Статью обнаружила в архиве ст. науч. сотр. Музея Мирового океана (г. Калининград) С.В. Долгова и любезно предоставила автору книги необходимый материал.

- 4а. *Дуров В.А.* Ордена России. М.: Воскресенье, 1993. 160 с.
5. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н-Д: Феникс, 1998. 310 с.
6. Допрос Колчака / Центр. арх. Л.: Госиздат, 1925. Здесь цит. по сб.: Арестант пятой камеры. М.: Политиздат, 1990. С. 233–479.
7. *Колчак В.И.* О сталелитейном производстве // Мор. сб. 1864. № 5. С. 1–26. Отд. отт.
8. *Колчак В.И.* Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном государстве. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1898. 80 с.
9. *Колчак В.И.* История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903.
10. *Колчак В.И.* Война и плен 1853–1855 гг.: Из воспоминаний о давно пережитом. СПб.: Товарищество Р. Голикс и А. Вильборг, 1904. 178 с.
11. *Смирнов М.И.* Адмирал Колчак. Париж: Изд. Воен.-мор. союза, 1930. 60 с.
12. *Ауслендер С.* Адмирал Колчак // Сиб. стрелки: Газета: Изд. штаба 1-го Ср.-Сиб. арм. корпуса, Б.г. С. 1–7.
13. *Дроков С.В.* Александр Васильевич Колчак: Исторические портреты // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 50–67.
14. *Синюков В.В.* Монография А.В. Колчака “Лед Карского и Сибирского морей”: К 90-летию постановления Императорской Академии наук о публикации // Океанология. 1996. Т. 36, № 1. С. 138–143.
15. *Синюков В.В.* Полярные исследования Александра Колчака в 1900–1903 гг. // География: Ежегод. прил. к газ. “Первое сентября” 1996. № 20, май. С. 14–15.
16. *Дроков С.В.* Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 20 с. См.: То же: Дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН. М., 1998. 275, 58 с. (приложение).
17. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1979. 479 с.
18. *Колчак А.В. (мичман Колчак).* Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 г. // Зап. по гидрографии. СПб., 1899. Вып. XX. С. 95–113.
19. *Мадлен дю Шатоне* (праправнучка брата маркиза де Траверсе). Доклад, борт НИС “Академик Борис Петров”, 27 января 1998. 5 с. Спец. сообщ. чл.-кор. РАН Г.Н. Удинцева заслушано на заседании Президиума РАН. Протокол № 240 от 23 июня 1998 г.
20. *Синюков В.В.* Развитие морских гидрохимических исследований: Черное, Азовское и арктические моря. М.: Наука, 1993. 225 с. См. раздел: Русская полярная экспедиция Э.В. Толля. Золотая медаль – А.В. Колчаку за исследования в Арктике. С. 54–56. См. также: *Синюков В.В.* Структура одноатомных жидкостей, воды и водных растворов электролитов. М.: Наука, 1976. 256 с.
21. *Соколов А.П.* Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова 1765–1766 годов // Зап. по гидрографии. 1847. Ч. V. С. 240–251.
22. *Толль Э.В.* Очерк геологии Новосибирских островов и важнейшие задачи исследования полярных стран // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1899. Т. IX, № 1. С. I–IV, 1–20.
23. *Геденшторм М.М.* Русский биографический словарь. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 304–306.
24. *Макаров С.О.* Океанографические работы. М.: Географгиз, 1952. С. 95–252.
25. *Цывинский Г.Ф.* 50 лет в Императорском флоте. Рига: Ориент, Б.г. 375 с.
26. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости / Пер. с нем. Н.М. Губского. СПб., 1910. 232 с. Здесь цит. по репр.: М.: Сов. писатель, 1990. 232 с.
27. *Богданов К.А.* Адмирал Колчак: Биографическая повесть–хроника. СПб.: Судостроение, 1993. 300 с.
28. *Менделеев Д.И.* Научный архив: Освоение Крайнего Севера. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1969. Т. 1. С. 71–115.
29. *Добротин Р.Б., Карпило Н.Г., Керова Л.С., Трифонов Д.Н.* Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева. Л.: Наука, 1984. 540 с.
30. *Макаров С.О.* “Ермак” во льдах: Описание постройки и плавание ледокола “Ермак” и свод научных материалов, собранных в плавании: В 2 ч. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1901. 507 с.
31. *Врангель Ф.Ф.* Русская полярная экспедиция // Зап. по гидрографии. СПб., 1900. Вып. XXII. С. 95–122.

32. *Без авт.* Статья // *Нива*. 1899. № 51. С. 998–999.
33. *Без авт.* Статья // Там же. № 42. С. 816.
34. *Без авт.* Статья // Там же. № 47. С. 914.
35. *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 247 с.
36. *Синюков В.В.* Д.И. Менделеев и его программа исследования Северного Ледовитого океана // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии: История и достижения отечественной химии: Тез. докл. М.: ВИНТИ, 1998. Т. 1. С. 441–442.
37. *Синюков В.В.* Полярная одиссея Александра Колчака // *Наука и жизнь*. 1995. № 11. С. 44–55. См. также: *Синюков В.В.* Вода известная и неизвестная. М.: Знание, 1987. 176 с. См. также: *Siniukow W.* Woda – substancja zagadkowa. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994. 204 s.
38. *Нансен Ф.* Выступление в Имп. Русском географическом обществе // Изв. Имп. РГО. 1898. Т. 34, вып. 4. С. 780–794.
- 38а. Торжественное собрание Имп. РГО 15 апреля 1898 г. / Выступление П.П. Семенова // Там же. С. 777–779.
39. *Толль Э.В.* Проект экспедиции на Санникову Землю // Там же. Вып. 3. С. 382–386.
40. *Штаковский Ю.* Русская полярная экспедиция // *Нива*. 1900. № 21. С. 414–418.
41. *Дроков С.В.* Полярный исследователь Александр Колчак // *Северные просторы*. 1989. № 6. С. 32–35.
42. *Синюков В.В.* Сквозь льды за призраком Земли Санникова: Жертвоприношение Арктике // *Терра инкогнита*. 1998. № 6. С. 34–39.
- 42а. *Коломейцев Н.Н.* Русская полярная экспедиция под начальством барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1902. Т. 38, вып. 3. С. 342–369.
43. *Толль Э.В.* Плавание на яхте “Заря”. М.: Географгиз, 1959. 340 с.
- 43а. *Коломейцев Н.Н.* Приложение 5. Отчет о плавании яхты “Заря” с июня по сентябрь 1900 г. // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. С. 370–385.
44. *Колчак А.В.* Отчет о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. Прил. 3 // Там же. С. 361–364.
45. *Алекин О.А.* Основы гидрохимии. Л.: Гидрометеоздат, 1970. 444 с. См. также: *Синюков В.В.* Гидрохимическая оценка загрязнения шельфа арктических морей и устьевых областей сибирских рек // Тез. докл. Междунар. конф. “История отечественной океанографии: к 300-летию Российского флота”. Калининград: Музей Мирового океана, 1996. С. 97–98.
46. *Толль Э.В.* III. Донесение начальника экспедиции барона Э.В. Толля Президенту Имп. Академии наук Великому князю Константину Константиновичу за период времени с января по октябрь 1901 г. // Изв. имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. С. 195–206. См. также: *Толль Э.В.* I. Донесение начальника экспедиции барона Э.В. Толля Президенту Имп. АН Великому князю Константину Константиновичу // Там же. Т. XV, № 4. С. 335–352.
47. *Колчак А.В.* Отчет по съемочным работам на месте первой зимовки. Прил. 5 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 224–225.
48. *Громов К., Боголепов С.* Примечания к ст. А.В. Книпер “Фрагменты воспоминаний” // *Минувшее: Ист. альманах*. 1990. М.: “Прогресс”–“Феникс”, 1990. Т. 1. С. 152–190.
49. *Колчак А.В.* Отчет по гидрологическим работам, произведенным в течение первой зимовки и навигации 1901 г. Прил. 4 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. С. 221–223.
50. *Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей // *Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII*. 1909. Т. 26, № 1. С. I–V, 1–169, 11 табл., 60 рис., 24 фот.
51. *Без авт.* Театр на яхте “Заря”. Прил. 8 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. С. 391.
52. *Бялыницкий-Бируля А.А.* Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // *Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII*. 1907. Т. XVIII, № 2. Т. I–XXXVI, 1–157, 8 табл., 23 фот. См. также: *Бялыницкий-Бируля А.А.* V. Отчет о пребывании и научных работах на острове Новая Сибирь летом 1902 г. // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1903. Т. XVIII, № 3. С. 91–94, 12 фот., 1 карта.
53. *Волосович К.А.* Отчет начальнику Русской полярной экспедиции о личном составе вспомогательной санной партии и о ее работах по устройству спасательных депо. Прил. 10 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 244–247.

54. *Толль Э.В.* Позднейшие телеграммы начальника экспедиции на имя Августейшего президента Имп. Академии наук, Председателя комиссии для снаряжения экспедиции и др. лицам // Там же. С. 248–251.
55. *Синюков В.В.* Океанологические исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессированная книга “Лед Карского и Сибирского морей” // Тез. докл. Междунар. конф. “История отечественной океанологии: К 300-летию Российского флота”. Калининград: Музей Мирового океана, 1996. С. 20–21.
56. *Синюков В.В.* Арктические экспедиции Эдуарда Толля и Александра Колчака: Шхуна “Заря” – первое научно-исследовательское судно России // География: Ежегод. прил. к газ. “Первое сентября” 1997. № 7, февраль. С. 1, 4, 13 и 16.
57. *Толль Э.В.* Телеграмма Председателю комиссии для снаряжения РПЭ академику Шмидту // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1902. Т. XVI, № 5. С. 249; *Толль Э.В.* Телеграммы Великому князю Константину Константиновичу // Там же. С. 50–51.
58. *Синюков В.В.* Гидрохимические исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессированная книга “Лед Карского и Сибирского морей” (1909) // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии: История и достижения отечественной химии: Тез. докл. М.: ВИНТИ, 1998. Т. 1. С. 442–443. См. также: *Синюков В.В.* Учение о растворах // Всеобщая история химии: История учения о химическом процессе. М.: Наука, 1981. С. 206–267.
59. *Коломейцев Н.Н.* II. Отчет лейтенанта Коломейцева о санных поездках и об устройстве угольного склада на острове Кузькин (Порт Диксон) // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 5. С. 499–517.
60. *Матисен Ф.А.* IV. Отчет лейтенанта Ф.А. Матисена о плавании яхты “Заря” в навигацию 1902 года и о возвращении экипажа ее в Якутск // Там же. 1903. Т. XVIII, № 3. С. 65–88.
61. *Чайковский Ю.А.* Гранит во льдах // Вокруг света. 1991. № 1. С. 35–39; № 2. С. 37–42.
62. *Геденшторм М.М.* Отрывки о Сибири. СПб., 1830.
63. *Матисен Ф.А.* VI. Донесение командира яхты “Заря” лейтенанта Ф.А. Матисена Августейшему президенту Императорской Академии наук // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 2. С. 55–66.
64. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Мир Божий. 1904. № 1. С. 73–104.
65. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Там же. № 2. С. 90–110.
66. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Там же. № 3. С. 124–146.
67. *Катин-Ярцев В.Н.* На Крайний Север: В Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля // Там же. № 4. С. 89–111.
68. *Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1906. Т. 42, вып. 2/3. С. 487–519.
69. *Колчак А.В.* VII. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 5. С. 149–157.
70. *Бруснев М.И.* IX. Отчет начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю // Там же. С. 161–194.
71. *Болотников Н.Я.* Никифор Бегичев. М.: Географгиз, 1954. 264 с. 1 карта.
72. *Синюков В.В.* Забытый адмирал маркиз де Траверсе – морской министр России (1754–1831) // Личный архив автора.
73. *Толль Э.В.* VIII. Краткий отчет барона Э.В. Толля // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1904. Т. XX, № 5. С. 158–160.
74. *Чайковский Ю.В.* Почему погиб Эдуард Толль? // Вопр. истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 3–14.
75. *Дроков С.В.* Порт-Артурский дневник лейтенанта Колчака // Сов. арх. 1990. № 5. С. 63–74.
76. *Шмидт Ф.Б.* Решение Отделения Имп. АН о публикации работы А.В. Колчака “Лед арктических и сибирских морей” (первоначальный вариант названия монографии) // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1906. Т. XXIV, № 3. С. XXVI–XXVIII.
77. *Kolchak A.* The Arctic pack and the polynya / Ed. W.L.G. Joerg. N.Y., 1928. P. 125–141. (Amer. Geogr. Soc. Spec. Publ. N 7).

78. *Синюков В.В.* Репрессированная книга: К 90-летию постановления Императорской Академии наук о публикации монографии А.В. Колчака “Лед Карского и Сибирских морей” // Вестн. РАН. 1966. Т. 66, № 4. С. 352–357.
79. *Синюков В.В.* В.И. Вернадский и С.В. Бруевич – основоположники нового направления биогидрохимии // Химия морей и океанов / Под ред. О.К. Бордовского и А.Г. Розанова. М.: Наука, 1995. С. 16–26.
80. *Айбулатов Н.А.* Экспансия человека в прибрежно-шельфовую зону // Вестн. РАН. 1994. № 4. С. 340–348.
81. *Синюков В.В.* Современные проблемы загрязнения арктических морей нефтепродуктами и тяжелыми металлами // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция–1997. М.: “Янус-К”, 1997. Ч. 2. С. 128–139.
82. *Синюков В.В.* Научные исследования Александра Колчака в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. и его репрессирования книга “Лед Карского и Сибирского морей (1909)” // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция – 1998. М.: “Янус-К”, 2000. Ч. 1.
83. *Колчак А.В. (перевод).* Таблица точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена // Зап. по гидрографии. СПб., 1907. Вып. XXVIII. С. 25–29.
84. *Гореславский А.* Арктическая одиссея Колчака // Моск. комсомолец: Газета. 1998. 10 марта, № 45. С. 6.
85. Милая, обожаемая моя Анна Васильевна // Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М.: “Прогресс” – “Традиция” – “Русский путь”, 1996. 570 с.
86. *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца: Колчаковская эпопея. Л.: Прибой, 1929. 302 с.
87. *Устрялов Н.В.* Белый Омск: Дневник колчаковца // Рус. прошлое: Ист.-документ. альманах. 1991. № 2. С. 283–338.
88. *Перченко Ф.Ф.* О нем, о ней, о них // Милая, обожаемая моя Анна Васильевна / Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М.: “Прогресс – “Традиция” – “Русский путь”, 1996. С. 7–46.
89. Сборник: Разгром Колчака: Воспоминания / Сост и науч. ред. Л.М. Спириин. М.: Воениздат, 1969. 296 с.
90. *Черкашин Н.* Вдова верховного правителя России // Родина. 1999. № 11. С. 68–69.
91. Карта СССР. Острова Де-Лонга. Масштаб 1:500 000 / Генеральный штаб. Б.м., 1959. Л.Т.–55–В,Г, Т.–56–В,Г, Т.–57–В. До 1995 г. стоял гриф “Для служебного пользования”. На этой карте остров Биннетта с мысом Софии в Восточно-Сибирском море.
92. Карта СССР. Острова Сергея Кирова. Масштаб 1:500 000 / Генеральный штаб. Б.м., 1959. Л.Т.–45–В,Г, Т.–46–В,Г. До 1995 г. стоял гриф “Секретно”. На этой карте остров Софии в Карском море.
93. *Черкашин Н.* Вдова верховного правителя России // Родина. 1999. № 3. С. 60–64.
94. Сборник: Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1939. 216 с., 4 вкл., 1 портр.
95. Военные деятели эпохи мировой войны: А.В. Колчак // Энцикл. слов. / Гранат. М., 1926. Т. 46, вып. 1/2. С. 427–428.
96. *Куняев С.* Шпагами последних кондотьеров мы эпохе отдали салют... // День. 1992. 29 марта–4 апр., № 13(41). С. 7.
97. *Корякин В.С.* Полярный исследователь А.В. Колчак // Наука в России. 1996. Март–апр., № 2. С. 79–82.
98. *Синюков В.В.* Первенец академического флота // Вестн. РАН. 2000. Т. 70, № 12. С. 1005–1010.
99. *Доморощенин С.Н.* Наследство // Ист.-краевед. сборник очерков о мезенской жизни в течение ста с лишним лет. Мезень, Изд. Архангельской журналистской организации. 1992. 68 с.
100. *Галимов Э.М., Удинцев Г.Б., Шенке Г.В., Шене Т.* Геодинамические исследования в Западной Антарктике // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 2. С. 111–119.
101. *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. М.–Л.: ГИДЭСморпуть. 1948. 416 с.

Послесловие

Мои школьные друзья В.Е. Миненко и А.Е. Забрянский навещали в Санкт-Петербурге Льва Сахара, с которым мы все также учились в московское школьное лихолетье, и привезли от него важное письмо. Теперь он в свои 68 лет покинул свою родную “заводскую проходную” и сидит без дела дома. А поэтому я в свое время попросил его отыскать дом родителей А.В. Колчака, где в юности жил будущий адмирал, по адресу: Поварской переулок, дом 6, кв. 6. Вот что написал мой приятель из Санкт-Петербурга по этому поводу:

«Я, Валерий, сначала действовал по твоей записке: “Дом около Обуховского завода”. Это Невский район, где я когда-то жил в общежитии. Там теперь метро “Пролетарская”. Вышел из метро и стал спрашивать “Поварской переулок”. Никто ничего не мог мне сказать, а опросил десятки людей. Блуждал около завода “Обуховского”, в 1920-е–1930-е годы его стали называть “Большевик”, а теперь опять “Обуховский”. Все значительно изменилось, даже по сравнению с тем временем, когда я там часто бывал, т.е. в 1956–1966 гг.

Понастроили новые дома, даже снесли и сносят то, что было построено для рабочих в 1930-е годы. Сплошь новые улицы и проезды, а дореволюционного старья нет и в помине.

Спрашивал у прохожих – старых людей, местных жителей: “Где Поварской переулок” – никто не знает. Конечно, спрашивать: “Где жил Колчак?” совсем бесполезно, а хотелось...

Заходил в церковь “Кулич и Пасха”, тамошние старухи и пьяницы – всегдатаи ничего не могли сказать. Я все-таки пошел среди новых домов в надежде встретить какое-нибудь “живое старье”, которое что-нибудь помнит о давнем времени. Опрашивал всех подряд: штатских, военных, верующих, не верующих, красивых и совсем замухрышистых... Увы, безрезультатно! Никто ничего сказать не мог ни в трезвом, ни в пьяном виде. Зашел в местную почту – Поварского переулочка там нигде не значилось. Прямо беда!

Зашел в отдел кадров Обуховского завода. Там о Поварском переулочке, и тем более о Василии Ивановиче Колчаке, никто никогда и не слышал. Некоторые даже смеясь, говорили: “Может Вам лучше к врачу сходить, даст таблетки и все, человек хороший, пройдет...”.

Ой, какой темный у нас народ!

Правда, одна тетка на улице в начале моего розыска пыталась мне сказать, что “Поварской” где-то в другом районе, она якобы слышала. Но этот бред я отмел сразу, так как по документам, которые ты, Валерий, мне показывал, это рядом с Обуховским заводом...

Домой вернулся ни с чем, потратив на розыски целый день. Результат – уставший, злой, но насквозь пронизанный духом борьбы в поисках истины – Поварского переулочка.

Драматическое развитие сюжета резко изменила моя жена Галя. Она взяла справочник “Улицы Ленинграда” и сразу же нашла Поварской переулок.

Если бы мы с тобой, Валерий, были бы поумней, то начали бы именно с этого Справочника.

Оказывается дом № 6 по Поварскому пер. – это в 400 м от Московского вокзала, т.е. совсем рядом.

Был вечер. По карте Ленинграда определил дом, и на следующий день днем отправился туда, учитывая метро, то от меня это близко.

К нашему счастью дом сохранился, 4-этажный. Один парадный подъезд с Поварского пер. Главная и единственная лестница – красивая, широкая, пологая.

Я обратил внимание – двери входные в подъезде современные. Квартира № 6 на 4-м этаже, последний. Звоню – не открывают, я начал звонить в квартиру напротив, т.е. № 5, – открыли.

Выяснил следующее: кв. 5 и 6 – две на площадке, симметричные, видимо, было семь комнат в каждой квартире. Лет 25 назад был капитальный ремонт дома. Каждую квартиру разделили на две. Внутри все было сломано, и теперь все новое. У одной – парадный вход, у другой – бывший черныи. При ремонте люди были выселены в другие дома, а квартиры после ремонта заселили покомнатно новыми жильцами, которые тоже уже многократно менялись.

Сохранились только внешний вид дома и парадная лестница с тех далеких колчаковских времен, когда четырнадцатилетний Саша поступал в Морской кадетский корпус и его папа подполковник Василий Иванович Колчак в заявлении написал адрес и дату: СПб. Поварской переулок, дом 6, кв. 6. 1888 г. 22 марта. По этой лестнице многие годы ходило все семейство Колчаков. Я внимательно ее осмотрел, но колчаковских следов не обнаружил, а жаль!

На этом доме хорошо бы у подъезда установить мемориальную доску и золотыми буквами на граните выбить: “Здесь жил и выросл Александр Васильевич Колчак – человек, познавший Великую Славу и Великое Бесславиe”.

* * *

Валерий Васильевич, надеюсь мои исследования тебе пригодятся, буду рад! Вспомни нашу 407-ю школу г. Москвы, которую мы окончили в 1950 г., тогда всего каких-то 30–40 лет нас отделяли от Колчака, а теперь уже много больше...

Боже мой, как летит время!

06.10.99.

Твой Лев Сахар»

Summary

The book suggested to the readers opens at first the research activities of A.V. Koltchak in the Arctic. The unique documents testifying the participation of lieutenant A.V. Koltchak in Oceanological Polar Expedition of 1900–1903 under command of the well-known Polar geologist E.V. Tolle were discovered in the Archives.

The book is based on the unpublished materials which illuminate the unknown pages of Koltchak's life and his research activities in Russian Polar Expedition of 1900–1903. The book has a big illustrative material including the copies of real documents concerning the early period of Koltchak's work in the Arctic.

The figure of A.V. Koltchak was not an ordinary one. He had an enormous glory and an enormous infamy. He worked as an hydrologist, cartographer, hydrochemist, magnetologist in the Polar Expedition and got a high appraisal of the Empire Academy of Sciences.

The lieutenant A.V. Koltchak was a brave and courageous officer with the sense of high duty and greatest decency. He skillfully solved all the complicated questions, which he had in the stern conditions of the Siberian Arctic. In all cases of his life the interests of Fatherland and closed friends came first. He was ready to sacrifice oneself for them.

Researching the peninsula Taimyr with E.V. Tolle they got into trouble because of lengthy storm and absence of meals. In such extreme conditions A.V. Koltchak turned out to be very worthy.

He fulfilled his all placed work in 1900–1902. In 1903 it was necessary to depart to the Bennett's island to find E.V. Tolle Expedition. A.V. Koltchak was the first who suggested his candidacy to that risky matter when the others had refused. With six comrades he managed to get to the Bennett's island in the small boat and found the documents and Geologist collection left by E.V. Tolle. Many of them were delivered to Peterburg's Academy of Sciences.

Commanding the rescue party A.V. Koltchak showed himself as a striking courageous and brave man. He was rewarded by the Superior Decorate of Empire Geographical Society – the Big Gold medal of Great Konstantin for “unusual and important geographical feat which had been connected with great work and danger”.

All the participants of the rescue party were awarded by the gold medals “For zealotness” and Koltchak was awarded by the order of Saint Vladimir of the 4th grade and was unanimously elected as a member of Emperor's Russian Geographical Society. His colleagues and friends started to call him Koltchak-the Polar.

The unknown monograph on glaciology “The ice of Kara and Siberian seas” by Koltchak is of great interest. The ships “Vaygach” and “Taimyr” were built by Koltchak's initiative. “Vaygach” sailed to Bering strait under his command in 1910. It was the last voyage of this outstanding polar explorer.

The life and death of Koltchak were full of the greatest dramatical events. The author of the book tells us about them [97–101].

V.V. Sinyukov
23.IX.2000

Именной указатель¹

- Авелан Ф.К. 188, 190
Айбулатов Н.А. 12
Александр, император I 32, 39
Александр, император II 14–16, 29, 44
Александра Федоровна, императрица 232
Алексей (каюр-тунгус) 131
Амбруцкий 108
Амосов Ф.И. 51
Амундсен Р. 99
Анжу П.Ф. 40, 41, 180, 271
Анна Иоанновна, императрица 32, 289
Анненков, атаман 300
Анов Н. 298, 299
Аркас 21
Армстронг У.Дж. 35
Аригольд Э.К. 215
Арчер Колин 59, 63
Астахова В.С. 12
- Баклунд О.А.** 63, 69, 71, 261
Барабанский 110
Баранов 22
Барашков Ю.А. 160
Бегичев Н.А. 73, 95, 134, 162, 165, 175–177, 179, 183, 187, 188, 193, 195, 196
Безбородов Н. 73, 96, 134, 144, 145, 188
Безуар 237
Беллинсгаузен Ф.Ф. 5, 39, 40
Бенкендорф 299
Беннетт Гордон 41
Берг Л.С. 290
Березина Н.Е. 12
Беринг Витус И. 289, 290
- Бианки В.П. 155, 161, 183, 186, 190, 194, 260
Бирилев А.А. 9, 202, 203, 205
Богдановская В.И. 245
Боголепов С. 231
Боерхаав Х. 216
Бойко Л.С. 12
Боскс 27
Бредихин О.А. 69
Брейтфус Л.Л. 208, 229
Брокгауз Ф.А. 33, 46
Бруевич С.В. 251
Брусилов Ал.Ал., генерал 214, 254
Брусилов Г.П. 181, 215, 229, 230
Бруснев М.И. 110, 119, 126, 130, 134, 142, 143, 145, 147, 154, 163, 171, 180, 184, 187, 196
Будберг А.П. 11, 215, 240, 254–257
Буденный С.М. 300
Будрин Т.Т. 43
Булахов П.П. 252
Булла К. 55
Бунге А.А. 116, 176, 261
Бунин И.А. 14
Бурсак И.Н. 243
Бутлеров А.М. 129
Бухтеев А.М. 226
Быстрова Н.И. 12, 260, 271, 292
Бялиницкий-Бируля А.А. 61, 69, 71, 72, 83, 88, 97–99, 105, 106, 107, 112, 115, 118, 122, 123, 126, 129, 133, 139, 147, 149, 153, 159, 161, 196, 226, 261
- Валерий, см. Синюков В.В.**
Вальтер Г.Э. 52, 61, 72, 73, 87, 88, 94,

¹ Автор выражает большую благодарность Толмачевой Надежде Викторовне за помощь в составлении «Именного указателя».

- 97, 109, 113, 114, 122, 124, 134, 136, 261
- Варнек А.И. 208
- Василий Чичак, см. Горохов В.
- Васильев М.П. 49, 157
- Васильев Павел, поэт 298, 299
- Вейпрехт К. 218
- Велькицкий Б.А. 207, 229, 231, 297
- Велькицкий А.Ип. 208, 211, 213, 226, 289, 292
- Вержицкий 254
- Верховский В.П. 208, 209, 211, 253, 289
- Веселовский Н.И. 6
- Виггинс 231
- Визгин 290
- Вильсон В. 237, 239
- Вирен Р.Н. 234
- Витте С.Ю. 49, 70
- Виттенбург П.В. 103
- Воеводский 214, 215
- Вознесенский А.В. 164
- Войцеховский С.Н. 243
- Воллосович К.А. 110–112, 116, 119, 120, 122–124, 135, 154, 155, 179, 196, 262
- Волостных Б.В. 12
- Врангель Ф.П. 29, 35, 218, 219
- Врангель Ф.Ф. 53, 63, 69, 176, 261, 267
- Вуич И.Э. 237
- Выгодский М.Я. 177
- Вяткин Г. 300
- Гаврила, каюр 142
- Гайда Р. 242
- Галя, см. Гессен Г.Р.
- Геденшторм М.М. 42, 43, 121
- Гейден А.О. 63, 69
- Гельшерт Н.А. 215
- Гессен Г.Р. 12, 310
- Гёте И.В. 114
- Гленнон 236, 237
- Голицын Б.Б. 63, 69
- Горинович В.Е. 145, 146
- Горохов (Василий Чичак) В. 110, 121, 123, 127, 133–135, 137, 174, 197, 199, 200
- Горький А.М. 249
- Григорович Н.К., министр мор. флота 234
- Грин 238
- Григорян Т.З. 12
- Гришин-Алмазов А.Н. 247
- Гришина-Алмазова М.А. 247
- Громов К. 231
- Громова А.И. 143, 145, 162
- Гулитов Н. 110
- Гучков А.И. 235
- Давыдов Б.А. 213, 215
- Даев А.П. 199
- Дампьер 27
- Де-Лонг Дж. 5, 41, 43, 61, 63, 69, 123, 124, 176, 221, 271
- Демидов 29
- Деникин А.И. 241, 242, 256, 297
- Де Траверсе Ж.Ф. 39, 175
- Джергили, отец 143
- Джергили Степан, сын 143
- Джонсон 260
- Дзержинский Ф.Э. 249
- Добротворский Л.Ф. 71, 261
- Долгова С.В. 305
- Дорофеев А.М. 161, 183, 185, 188, 197, 198
- Дроков С.В. 195
- Дурова Надежда А. 19
- Дэниэлс Дж. 237
- Евстифеев С. 73, 96, 134, 137, 188
- Екатерина II, императрица 32, 39
- Елизавета Петровна, императрица 31
- Ерошин 299
- Ершевский А.Ю. 145
- Ефрон И.А. 33, 46
- Жанен М. 239, 242, 246
- Жданко М.Е. 229
- Железников В. 73, 88, 100, 134, 141,

- 162, 163, 177, 179, 183, 185, 187,
188, 195–197
Желейщиков И.И. 193
- Забелин Е. 298–300
Забрянский А.Е. 310
Зайденберг С.М. 252
Заленский В.В. 63, 69
Зарубин 299
Зееберг Ф.Г. 9, 52, 58, 71, 72, 87, 91,
94, 98, 106, 107, 113, 118, 123, 127,
129, 133, 135–137, 148, 169, 174,
175, 177, 187, 197, 200, 261
Знаменский С. 13
Зубов Н.Н. 225
- Иванов В.Д. 160
Ивлев А. 255
Иглин В. 161
Илиас-паша, см. Колчак-паша
Иньков И.Я. 161, 175, 177, 183, 185,
188, 197, 198
Истомин В.И. 6, 23, 24, 26
Истошин Ю.В. 225
Ихара, генерал 296
- Каминский А.А. 226
Кант Э. 115
Капель В.О. 243
Капустин 226, 227
Карабанькова О.И. 12
Карпинский А.П. 63, 69, 197, 198
Катин-Ярцев В.Н. 127–129, 131–133,
136–138, 140, 141, 144–146
Качаровский 165
Керенский А.Ф. 236
Керн С. 26
Клод-фон-Юргенсбург Г.А. 213, 215
Клочков М.А. 12
Клемансо Ш. 239
Клух И. 73, 134, 187, 188
Клюнин С.А. 12
Книпер А.В., см. Тимирева А.В.
Книпер В.К. 249
Книпович Н.М. 63, 69, 73, 79, 83, 261
Кнудсен М. 225
- Князев 256
Козловский И.С. 252
Коковцев В.Н. 70
Коломейцев Н.Н. 97–99, 105, 106,
109, 114, 134, 137, 157, 202, 205,
208–210, 213, 229, 230, 261
Колчак А.В. 5–18, 20, 21, 23, 30–47,
49, 51, 53, 57–61, 63, 65, 68, 71–74,
77–79, 81–93, 97–107, 109, 112,
114–119, 121, 122, 126, 127, 129,
134, 136–147, 149, 155, 157–171,
174–177, 179–181, 183, 185, 186–
195, 198, 199, 201–207, 209–211,
213–226, 230, эпилог: 231–250,
252–255, 257–261, 268, 271, 272,
289, 292–294, 297–300, 304
Колчак В.И. 18–20, 22–30, 32–34, 78,
149, 159, 192–194, 294
Колчак Е.В. (см. Крыжанов-
ская Е.В.), сестра
Колчак И.Лук. 32
Колчак Лукьян 32
Колчак Любовь В. 18, 31
Колчак Маргарита А. 244
Колчак-паша (Илиас-паша) 31, 32
Колчак-Полярный 207
Колчак (Посохова) О.И. 14, 17, 18
Колчак Ростислав А. (Славушка) 17,
18, 31, 192, 244–246, 310, 311
Колчак (Омирова) С.Ф. 245, 246,
294
Колчак Татьяна А. 244
Колчаки (семейство, род) 31, 32, 311
Кольчицкий Д.В. 237
Кончак, хан 31
Коржинский С.И. 69
Корнилов В.А. 6, 23, 24, 26
Короленко В.Г. 107
Краснов В.Н. 12
Кропоткин П.А. 17
Крылов А.Н. 208
Крыжановская (Колчак) Е.В. 18, 21,
31, 245
Крюгер Паулус 56

- Кудашев, князь 238
Куртах Н. 121
Кушнарев 112
Кусков Н.И. 55
Koltchak A.V. 312
- Лавуазье А. 39
Лагерр 28
Лазарев, лейтенант 27
Лазарев В., контр-адмирал 22
Лазарев М.П., адмирал 5, 26, 39, 40
Ламанский В.И. 6, 207
Лаптев Дмитрий Я. 41, 60
Лаптев Харитон П. 41, 60, 99, 223, 290
Ласинус 60
Ласси 32
Лебединцев А.А. 93, 167, 226
Левицкий 71, 261
Ленин В.И. 241, 243
Лерман И.В. 12
Лесли 26
Лечинский 237
Ливанов Н. 22
Ливен, адмирал 214, 215
Литке Ф.П. 290
Ллойд Джордж Д. 239
Ломан К.В. 215
Ломоносов М.В. 40
Лукин 236
Людмила (Путина) 13
- Макаров В.В. 237
Макаров С.О. 42, 43, 47, 49, 51, 59, 60, 65–69, 78, 156, 157, 158, 193, 234
Маклинский А.А. 215
Малыгин И., матрос 73, 82, 83
Малышев С. 41
Мамонтов К.К. 300
Маннергейм К.Г. 240
Марков С. 243, 298, 299, 300, 301
Марсилья Л.Ф. 216
Мартынов Л.И. 298–300, 302
Маслов Г. 299, 300
Матисен Ф.А. 71, 72, 74, 87, 91, 94, 97, 98, 114, 115, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 129, 133, 134, 135, 136, 138–147, 153–157, 159, 161–165, 190, 202–205, 209–211, 213, 215, 226, 261
- Махмет-бей 32
Меженцев А.М. 237
Менделеев Д.И. 47, 49
Миддендорф А.Ф., академик 43, 133, 201, 218
Миддендорф Э.А. 200
Миддендорфы (семейство) 201
Миллер Е.К. 231
Миненко В.Е. 310
Минин Ф.А. 41, 290
Миних Б.К. 32
Митрохин (Митюхин) Е.И. 19
Михайлов К.И. 63, 69
Молчанов Е.Н. 199
Мольтке 245
Морлей Джон 55, 56
Моусон Д. 216
Муромец Илья 256
- Нансен Фритъоф 10, 58–59, 61, 63, 65–67, 78, 82, 84, 90, 99, 133, 134, 175, 176, 196, 207, 216, 221, 229, 231, 289, 291
Нансен, жена 66
Наполеон Бонапарт 241, 299
Нахимов П.С. 6, 23–26
Неупокоев К.К. 231
Нидермиллер А. 190, 192
Никитин Д.В. 34
Николай II, император 49, 66, 77, 177, 232, 233, 299
Николай (Омук), см. Протодяконов Н.
Николай, охотник-каюр 143
Нилендер В.В. 215
Нобиле У. 216
Нокс А. 238
Нольде Б.А. 215
Норденшельд Н.А.Э. 10, 43, 62, 66, 69, 117, 143, 207, 218, 223, 225, 289, 291
Носов Т. 73, 100, 134, 144, 145, 147, 188

- Овцын Д.Л.** 41
Огрин Э. 73, 95, 134, 162, 187, 188
Оленин П.В. 162, 164–166, 168, 179, 186, 187, 190–193, 196
Олупкин А.М. 161, 162, 183, 185, 188, 197, 198
Омирова С.Ф., см. Колчак С.Ф.
Омук Н., см. Протодьяконов Н.
Орел В.М. 12
Орландо В.Э. 239
Орлов Н.М. 262
Остен-Сакен-фон-дер О.Р. 69
- Павел I, император** 31
Павлуновский И.П. 249
Пелисье 28
Пепеляев А.Н. 254
Пепеляев В.Н. 242, 243, 247
Перченко Ф.Ф. 71
Петелин В. (диакон) 193
Петр I (Петр Великий) 31, 36, 40, 242, 293
Петтерсон Н.О. 225
Пешков А.Н. 12
Пешков А.Н., Георгиевский кавалер 225
Пешкова Е.П. 249
Пилкин А.К. 215
Плеске С.Д. 70
Плеханов Г.В. 235
Плотников И.Ф. 21
Полбин 209
Поляк А.Д. 179
Посохов А.А. 17, 18
Посохов А.И. 17
Посохов С.А. 17, 18
Посохова О.И., см. Колчак О.И.
Посоховы (семья) 31
Потоцкий Иосиф 32
Прончищев В.В. 41, 60, 223, 290
Протодьяконов (Омук) Н. 110, 121, 123, 127, 133, 135–137, 174, 197, 199, 200
Пузырев Г. 73, 95, 134, 188
Путин В.В. 13
- Рабинович В.Л.** 252
Расторгуев С. 73, 81, 83, 94–96, 99, 106, 109, 162, 188, 293
Рауш-фон-Траубенберг П.А. 63, 69, 156
Рейтершёльд 65
Рикорд П.И. 35
Рогачев А.М. 161, 175, 177, 183, 185, 188, 197, 198
Родзянко М.В. 234
Романов К.К. (Великий князь Константин Константинович) 9, 29, 57, 59, 62, 63, 65, 69, 71, 77, 79, 95, 114, 118, 122, 123, 134, 155, 174, 179, 188, 193, 202–204, 294
Романов К.Н. (Великий князь Константин Николаевич) 29
Романов Н.М. (Великий князь Николай Михайлович) 66
Русанов В.А. 181, 229, 230
Рут 236
Рыкачев 6, 63, 68, 156, 157, 167, 207
Рышков В.А. 167, 186, 187
- Сайондзи К.** 239
Саксен-Альтенбургская Е.Г., принцесса 65
Санников И. 112
Санников Я. 5, 42, 43
Сапожников В.В. 297
Сафонов В.И., отец 247, 248
Сафонов Иван В. 248
Сафонов Илья В. 248
Сафонов Илья К. 251
Сафонов С.В. 248
Сафонова А.В., см. Тимирева А.В.
Сафонова Варвара В. 248
Сафонова Варвара И., мать 248
Сафонова Е.В. 248
Сафонова М.В. 248
Сафонова О.В. 248
Сахар Л.А. 12, 310, 311
Свердруп О. 229
Седов Г.Я. 40, 132, 181, 295

- Семенов Г.М., атаман 242, 297
 Семенов-Тянь-Шанский 6, 10, 65–67, 69, 205, 207
 Семен (охотник-каюр) 142
 Семен (юкагир-каюр) 131
 Семьяшкин А. 73, 82
 Сергеев И.С. 110, 112, 208, 213, 215
 Сивкова С.Г. 12
 Сinyюков Валерий В. 6, 7, 219, 310, 311
 Сinyюков Василий В. 12
 Сinyюкова И.В. 12
 Склянский Э.М. 243
 Скобелев М.Ю. 16
 Скрипичин В.Н. 163
 Славушка, см. Колчак Р.А.
 Слепцов П. 110
 Словнин И. 300
 Смирнов И.Н. 243
 Смирнов М.И. 35, 236, 237
 Смолин А.А. 160
 Соколов И.И., протоиерей 193
 Соколова О.А. 12
 Соколовская З.К. 12
 Солженицын А.И. 13
 Сомов М.М. 5
 Соня, см. Колчак С.Ф.
 Сопов Ю. 299, 300
 Сталин И.В. 249
 Старокадомский Л.М. 215
 Старцев А. 255
 Стрижев П. 73, 81, 83, 97, 109, 115, 116, 119, 131, 134, 188
 Стрельман 47
 Станиславский С.К. 23, 25
 Стрюк В.Л. 12
 Стэнтон 56
 Сыроватский 42
 Сыряева (Юленька) Ю.А. 12
 Sinyukov V.V. 312
 Танака 296
 Тимирев В.С. 251
 Тимирев С.Н. 249
 Тимирева (Сафонова, Книпер) А.В. 246–252, 296
 Титов 163
 Тихон Александрович 245
 Толль Эммелина 29, 182, 184, 199
 Толль Э.В. 5, 6, 9, 10, 41, 47, 51–53, 58–61, 63, 65–69, 71–73, 76–79, 83, 87–89, 91, 95–103, 106–111, 113–115, 117–123, 125–127, 129, 132–137, 139, 143, 145, 147–149, 153, 154, 156, 157, 159, 161, 162, 169–171, 174–178, 180, 181, 184, 185, 187, 188, 195–197, 199–202, 205, 207, 213, 216, 229, 230, 261, 271, 289, 291, 293
 Толмачев В.Я. 193
 Толмачев И.П. 208, 292
 Толстов С. 73, 95, 96, 98, 127, 134, 136, 137, 147, 162, 179, 187, 188, 196
 Томасов Петр 19
 Томский А. 179
 Томский К. 110
 Торгерсен И.И. 142, 143, 162
 Тортов П. 188
 Трескин 42
 Трифонов Д.Н. 12
 Тронтгейм 81, 108
 Тухачевский М.Н. 300
 Tolle E.V. 312
 Улита 146
 Устрялов Н.В. 240
 Ушаков Ф.Ф. 6
 Фельдман 249
 Феоктистов Н. 299
 Филиппов Д. 34
 Филлипс 260
 Фома, см. Яскевич Ф.
 Ханжин 254
 Хахалева Н.И. 12
 Хорват Д.Л. 238
 Цингер Н.Я. 6
 Ционглинский О.Ф. 110, 119
 Цывинский Г.Ф. 43

- Чайковский П.И.** 136
Челюскин С.И. 41, 60, 99
Чемберлен Н. 57
Чемберлен Джозеф 53, 56
Черноморцев Л. 298, 299
Чернышев Ф.Н. 6, 10, 63, 69, 71, 110, 153–155, 159, 207, 262
Черчилль Р., отец 57
Черчилль У., сын 56, 57
Чикачев Е. 110, 115, 121
Чилингаров А.Н. 7, 13
Чичагов В.Я. 40
Чичак Василий, см. Горохов В.
Чудновский С.Г. 242, 243
Чуевский В. 252
- Швецов Г.Г.** 12
Швецова К.И. 12
Шептунов А.И. 11
Шептунова З.И. 11
Шервинский Э. 73, 113, 134, 187, 188
Шильдкнехт Е. 214
Ширямов Н.А. 242, 297
- Шмидт Ф.Б.** 6, 9, 51, 69, 114, 120, 149, 156, 160, 163, 164, 167, 186, 190, 195, 197, 207
Шокальский Ю.М. 207, 208, 226
Шопенгауэр А. 44, 45
Штеллинг Э.В. 226
Штубендорф-фон О.Э., 63, 69
Шуберт Ф. 136
- Щербатский Ф.И.** 6, 207
- Эссен Н.О.** 232, 233, 295
- Юленька, см. Сыряева Ю.А.**
Юргенс Н.Д. 10, 207
Юрковский 25
Юрьев 24
- Яскевич (Фома) Ф.** 73, 88, 95, 96, 108, 115, 134, 136, 138, 142, 188

Содержание

Предисловие ответственного редактора.....	5
От автора.....	8
Г л а в а 1. Годы детства. Родители. Род Колчаков. Годы учебы	14
Начало жизненного пути. Эпоха Александра II.....	14
Из семейной хроники	17
Ольга Ильинична Колчак.....	17
Василий Иванович Колчак.....	18
Защита Севастополя (по материалам произведения В.И. Колчака “На Малаховом кургане” [3]).....	23
Генеалогия рода Колчаков.....	31
Александр Колчак и Морской кадетский корпус.....	33
Г л а в а 2. Назначение на крейсер “Рюрик”. Заграничное плавание в Тихом океане. Возвращение в С.-Петербург. Новые планы на многие годы	37
Морское крещение.....	37
Полярные первопроходцы.....	40
А.В. Колчак в поисках философских истин.....	44
“Ермак” уходит в Арктику.....	47
Англо-трансваальская война.....	53
Г л а в а 3. Реконструкция шхуны “Заря”. А. Колчак – в Норвегию, Ф. Нансен – в Россию. Личный состав экспедиции.....	59
Подготовка к экспедиции	59
Ф. Нансен и Императорское русское географическое общество.....	65
Программа экспедиции на Землю Санникова	68
Личный состав экспедиции.....	71
Прощание с Петербургом.....	73
Вот она какая, Арктика!.....	79
От лейтенанта к полярному исследователю	85
Г л а в а 4. Пурга и безопасность полярников. Новый год. Театр на шхуне “Заря”. Матисен – новый командир шхуны. Полярные собаки – верные друзья	94
Работа и отдых	94
Научный состав проявляет озабоченность и беспокойство	97
Труднейшая дорога длиной в 41 день	99
Царство собак – мир больших забот	105
Г л а в а 5. Поиски Земли Санникова продолжаются. Толль пытается использовать о-в Беннетта как трамплин к новым открытиям	110
Вспомогательная геологическая экспедиция К.А. Воллосовича	110
Плавание шхуны “Заря” в навигацию 1901 г.	117
О Сибирской полынне	121

Последние распоряжения Толля перед походом на о-в Беннетта	122
Шхуна “Заря” освободилась от ледового плена	126
Приезд нового врача	128
Толль и его партия уходят на о-в Беннетта	132
Тяжелые льды преодолеть не удалось	137
Возвращение “Зари” в бухту Тикси	143

Глава 6. Возвращение. Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля и организация Спасательной экспедиции. А.В. Колчак возглавил эту экспедицию	149
---	------------

Первые дни в Санкт-Петербурге	149
Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля	151
А.В. Колчак бросает вызов своей полярной судьбе	158
Спасатели убеждены: о-в Беннетта будет достигнут	168
Н.А. Бегичев спасает А.В. Колчака от смерти	175
Прошло два года	180

Глава 7. Переписка А.В. Колчака с Императорской академией наук. Свадьба. Отъезд в Порт-Артур	183
---	------------

А.В. Колчак заботится о вельботной команде	183
Финансовые проблемы. Распоряжения Колчака перед отправкой на фронт	187
Свадьба	192
Поставлена последняя точка в поисках партии Толля	195
Возвращение из японского плена в Петербург	201
Императорское русское географическое общество (ИРГО) награждает А.В. Колчака Большой Константиновской золотой медалью. Работа в Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана (СЛО)	205
Строительство двух ледоколов	210

Глава 8. Монография А.В. Колчака “Лед Карского и Сибирского морей” и другие научные труды	216
--	------------

Книга, написанная в Северном Ледовитом океане	216
Гидрология помогает проникать в тайны морских глубин	225
Обработка картографических материалов осталась незавершенной	228

Эпилог	231
Последние дни жизни А.В. Колчака	242
Софья Федоровна Колчак	244
Анна Васильевна Тимирева	246
Размышления автора книги о крушении Александра Васильевича Колчака	253

Приложения

I. Автограф А.В. Колчака “Письмо в Лондон о заказе на изготовление оборудования для экспедиции”	258
II. Личный состав, смета, список приборов Русской полярной экспедиции	261

III. Автограф А.В. Колчака. Доклад “О современном положении Русской полярной экспедиции”. Чтение в Иркутском географическом обществе 6 марта (21 февраля) 1903 г.	268
IV. Автограф А.В. Колчака “Памятная записка о плавании от устья Енисея до Берингова пролива”	272
Основные даты жизни и деятельности А.В. Колчака	293
Колчак в творчестве сибирских поэтов	298
Литература	304
Библиография сочинений А.В. Колчака	304
Опубликованные работы	304
Неопубликованные работы	305
Литература, используемая в тексте	305
Послесловие	310
Именной указатель	313
Summary	312

Contents

Preface of the responsible editor	5
Aknolegments	8
Chapter 1. Childhood. Parents. Family of Koltchaks. Years of study	14
Beginning of the life. The epoch of Alexander II	14
From family chronicle	17
Olga Ilyinichna Koltchak	17
Vasilii Ivanovich Koltchak	18
Battle for Sevastopol (on the materials of V.I. Koltchak's work "On Malahov barrow" [3])	23
Genealogy of the Koltchak's family	31
Alexandre Koltchak and the Marine Military School.....	33
Chapter 2. Appointment to "Rurik" cruiser. Foreign navigation to the Pacific Ocean. Return to St. Petersburg. New plans for many years	37
Baptism of sea	37
Polar pioneers	40
A.V. Koltchak in search for philosophical truth.....	44
"Ermak" goes to the Arctics	47
English and Transvaal war.....	53
Chapter 3. Yacht "Zaria" reconstruction. A. Koltchak goes to Norway, F. Nansen goes to Russia. Personnel of the expedition.....	59
Preparation for the expedition.....	59
F. Nansen and the Imperial Russian Geographical Society.....	65
Programme of the expedition to the Sannikov Land	68
Personnel to the expedition	71
Farewell to Petersburg.....	73
Here it is, The Arctics!.....	79
From Lieutenant to polar explorer	85
Chapter 4. Snow-storm and polar explorers safety. The New Year. Theatre on the schooner "Zaria". Matisen is a new commander of the schooner. Polar dogs are the true friends.....	94
Work and rest	94
Scientific staff feels preoccupation and anxiety	97
Hardest road of 41 days long	99
Big troubles with polar dogs.....	105
Chapter 5. Search for the Sannikov Land continues. Toll tries to use the Bennett Island as a start to new discoveries.....	110
Auxiliary geological expedition of K.A. Vollosovich.....	110
Navigation of schooner "Zaria" of 1901.....	117
On the Siberian Polynya	121
Toll's last directions before departure to the Bennett Island.....	122
Schooner "Zaria" has liberated from ice captivity	126

New physician's arrival.....	128
Toll and his party goes to the Bennett Island	132
Heavy ices have not been overcome.....	137
“Zaria” return to Tiksi bay.....	143
Chapter 6. Return. Discussion on E.V. Toll's disastrous position at the Imperial Academy of Sciences and organisation of the rescue team. A.V. Koltchak headed the expedition to render assistance to the party of baron E.V. Toll.....	149
First days in St. Petersburg	149
Discussion on E.V. Toll's disastrous position at The Imperial Academy of Sciences.....	151
A.V. Koltchak challenges his polar fate	158
Rescuers are sure: the Bennett Island will be reached.....	168
N.A. Begichev saves A.V. Koltchak's life	175
Two years later.....	180
Chapter 7. Correspondence A.V. Koltchak with the Imperial Academy of Sciences. Marriage. Departure for Port Artour	183
A.V. Koltchak takes care of the boat-team.....	183
Financial problems. Koltchak's orders before departure to the front.....	187
Marriage	192
Last point in the search of Toll's party has been put.....	195
Return to Petersburg from Japanese captivity	201
A.V. Koltchak has been awarded with the Big Constantinovsky Gold medal by the Imperial Russian Geographical Society (IRGO) Work at the Commission on the Arctic Ocean research (AO).....	205
Construction of two ice-breakers	210
Chapter 8. The monograph of Koltchak “Ice of The Kara and Siberian Seas” and other scientific works	216
Book written in the Arctic Ocean	216
Hydrologie helps to penetrate into secrets of sea depths.....	225
Treatment of cartographic materials remains incompletd.....	228
Epilogue	
The Supreme Ruler of Russia	231
Last days of A.V. Koltchak's life	242
Sofia Fedorovna Koltchak.....	244
Anna Vasilievna Timireva	246
Author's reflections on down fall of A.V. Koltchak	253
Appendix	
I. Koltchak's letter to London about the order to make equipment for the expedition (in English).....	258
II. Personnel, estimate, list of instruments of The Russian Polar expedition.....	261
III. Koltchak's report “On present situation of The Russian Polar expedition”. Readings in Irkutsk Imperial Geographical Society on March 6 (February 21) 1903.....	268
IV. Memorandum of A.V. Koltchak on the navigation from the mouth of Enisey to Bering's strait Autograph of A.V. Koltchak.....	272

Main dates of life and activity of A.V. Koltchak	293
Koltchak in the works of siberian poets	298
Literature	304
Bibliography, works by A.V. Koltchak	304
Published works	304
Unpublished works.....	305
Literature used in text	305
Afterwords	310
Index	313
Resume	312

Научно-биографическое издание

Синюков Валерий Васильевич

**Александр Васильевич Колчак
как исследователь Арктики**

Утверждено к печати

Редколлегией серии

“Научно-биографическая литература” РАН

Зав. редакцией А.А. Фролова

Редактор Л.Г. Васютинская

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор В.В. Лебедева

Корректоры Р.В. Молоканова, Т.И. Шепвалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 27.11.2000

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 20,5. Усл.кр.-отг. 20,9. Уч.-изд.л 22,8

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3689

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-002377-9

9 785020 023772

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга–почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75 (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117049 Москва, Ленинский пр-т, 1/2; 238-78-06
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49 (код 3472) 22-48-05

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: АКАДЕМ. КНИГА @ g. 23 gelcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 291-87-68

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117864 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*

В. В. Синюков Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В. В. Синюков

**Александр Васильевич
КОЛЧАК
как исследователь
Арктики**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Е.Е. Милановский

Альфред Вегенер
1880-1930

